

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XI (IV)

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА КУЗИЩИНА
1930-2013

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XI (IV)

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2013**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XI (IV). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. – 194 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России и Украины, прочитанных на заседаниях секции «Древняя и средневековая история Причерноморья» в рамках X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2012 г. и отобранных оргкомитетом для публикации.

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области античной и средневековой истории, а также археологии Причерноморья.

Редакционная коллегия:

Иванов В.А.	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Кузицин В.И.	доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Буйских А.В.	доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
Петрова Э.Б.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ имени В.И. Вернадского.
Усов С.А.	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой российской истории ТНУ имени В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ имени В.И. Вернадского, профессор кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Цимбаев Н.И.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
Бойцова Е.Е.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Мартынкин А.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ставицкий А.В.	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины.
Хапаев В.В.	кандидат исторических наук, зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Научное наследие	
†Кузицин В.И. Региональная экономика Причерноморья в античности	6
†Кузицин В.И. Греко-персидские войны V в. до н.э. как геополитическое противоборство «западной» и «восточной» моделей общественного развития	12
История науки	
Прохорова Т.А. К вопросу об изучении крымских древностей путешественниками первой половины XIX века: экспедиция капитана У Джесса (1839-1840 гг.)	14
Античная история и археология	
Красникова Е.А. Представления о человеке на Боспоре: становление и эволюция	23
Лейбенсон Ю.Т. Эволюция взглядов на посмертную участь в античных государствах Северного Причерноморья (по материалам эпиграфических памятников)	28
Новикова О.В. Советская историография 50-60-х годов XX века о таврах и рабовладельческих отношениях в Херсонесе Таврическом	34
Репина Е.В. Развитие экспорта Боспора в VI в. до н.э. – III в.н.э.	39
Ушаков С.В. Ранневизантийские амфоры Херсонеса: к истории изучения	44
Фомин М.В., Шевцова А.А. О типологии христианских храмов до-константиновской эпохи	60
Средневековая история, археология и нумизматика	
Арутюнян Л.В. Армянский след в происхождении солунских братьев	64
Днепровский Н.В. Дозорно-храмовый комплекс на уступе юго-западного обрыва Эски-Керменского плато	68
Днепровский Н.В. К вопросу о существовании монастыря у южных ворот Эски-Кермена: храмовый комплекс над подъездной дорогой	95
Чореф М.М. К истории Юго-Западной Таврики VI-VII веков: по данным сфрагистики	119
Чореф М.М. Монетное дело византийской Таврики во второй половине VI – начале VII вв., или к атрибуции монет с обозначением номиналов «М», «Н», «К» и «Δ»	126
Якушечкин А.В. Сведения о денежном деле Крымского ханства в работе Н.Э. Клеемана	141
Переводы и публикации	
Хапаев В.В. Византийские воинские трактаты X века об обороне городов: предисловие к переводу	146
Дэнис Ф. Салливан Византийское учебное руководство по защите от осады «De obsidione toleranda». Введение, перевод и комментарии (перевод В.В. Хапаева)	153
Памятка об обороне городов (византийское воинское наставление X века) (перевод В.В. Хапаева)	158
Как выдерживать осаду «De obsidione toleranda» (перевод В.В. Хапаева)	161
Научное творчество студентов	
Суханов Е.В. Влияние этнополитических процессов в Таврике на керамический экспорт в Доно-Донецкую лесостепь VIII-X вв. (к постановке проблемы)	186
Сведения об авторах	193

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый выпуск научного сборника «Причерноморье. История, политика, культура» в серии А «Античность и средневековье», подготовленный по материалам X Международной научной конференции «Лазаревские чтения», выходит в свет в дни, когда научная общественность России и постсоветского пространства переживает тяжелую утрату – уход из жизни классика советской и российской исторической науки, выдающегося ученого и педагога, автора университетских учебников по истории древнего мира, † **Василия Ивановича Кузицина** (01.11.1930–28.02.2013).

В.И. Кузицин сыграл исключительную роль в развитии отечественного антиковедения. В 220 опубликованных им работах отражены самые разнообразные проблемы истории древнего Рима и Греции. Особенно большой вклад В.И. Кузицин внес в изучение земельных отношений в древнеримском государстве. Трудно переоценить вклад В.И. Кузицина и в археологическую науку: на протяжении многих лет он возглавлял экспедицию МГУ на хоре Херсонеса, изучая так называемую «виллу Басилида» и другие памятники. В.И. Кузицин, вместе с В.Д. Блавацким, был одним из пионеров подводной археологии в нашей стране.

Возглавляя на протяжении многих лет кафедру истории древнего мира исторического факультета МГУ, В.И. Кузицин подготовил блестящую плеяду ученых античников, работающих теперь в различных уголках России, постсоветского пространства и дальнего зарубежья. Под его руководством защищено 60 кандидатских и более 10 докторских диссертаций.

Поистине бесценен вклад В.И. Кузицина в развитие исторического образования в городе Севастополе. Он был одним из инициаторов создания кафедры истории в Черноморском филиале МГУ и возглавлял ее с 2000 по 2013 годы. Им был подобран и выпестован блестящий научно-педагогический коллектив, нацеленный на решение самых сложных задач в различных областях исторического знания. С 2008 года, по инициативе В.И. Кузицина, кафедра истории была преобразована в кафедру истории и международных отношений. Изучению международной проблематики В.И. Кузицин уделял в последние годы особенно пристальное внимание и буквально «зажигал» этим интересом своих коллег.

Международная научная конференция «Лазаревские чтения», инициатива проведения которой принадлежит В.И. Кузицину, была одним из его любимых детищ. В ее развитие, позиционирование в научном пространстве, привлечение к участию в ней крупнейших ученых и талантливой молодежи, Василий Иванович вкладывал свои силы без остатка. В предлагаемом вниманию читателя сборнике (в разделе «Научное наследие») публикуются материалы первого (2002 г.) и последнего (2012 г.) докладов, прочитанных В.И. Кузициным на заседаниях конференции.

Все остальные публикации сборника их авторы и редколлегия посвящают светлой памяти нашего Учителя и Друга, удивительно мудрого и светлого человека, **Василия Ивановича Кузицина**.

* * *

В разделе «История науки» публикуется статья **Т.А. Прохоровой** о путешествии капитана У. Джесса по Крыму в 1839–1840 гг. (в основном по побережью полуострова). Заметки У. Джесса привлекают внимание тем, что в них отражены не только интерес английского путешественника к природе Крыма, но к его древностям.

Обширен раздел, посвященный античной истории и археологии Причерноморья. В нем представлены работы как российских, так и украинских ученых. Нетривиальной проблеме посвящена статья **Е.А. Красниковой** – о становлении и эволюции представлений о человеке на материалах разнообразных боспорских памятников, усвоенных как эллинами, так и варварами в античный период. **Ю.Т. Лейбенсон**, рассматривая эволюцию взглядов на посмертную участь в античных государствах Северного Причерноморья на основе эпиграфических источников, пришла к выводу, что наиболее важным их изменением стала героизация умерших, начавшаяся в эллинистическое время и просуществовавшая до широкого распространения христианства в IV–V вв. **О.В. Новикова**

обратилась к теме «Тавры и рабовладельческие отношения в Херсонесе Таврическом», проведя историографический анализ проблемы в советской исторической литературе 50-60-х гг. XX в. **Е.В. Репина**, на основе разнообразного комплекса источников, проанализировала экономическую историю Боспорского государства в контексте его экспортных возможностей, выделив пять этапов этого процесса. Актуальным аспектам истории изучения ранневизантийской амфорной тары IV-VI вв. на примере Херсонеса Таврического посвящена заметка **С.В. Ушакова**. В заключении статьи автор обозначает перспективы исследования этой категории источников. Типология христианских храмов до-Константиновской эпохи (недостаточно исследованному в науке периоду) рассмотрена в статье **М.В. Фомина** и **А.А. Шевцовой**. Авторы пришли к выводу, что в первые века новой эры сформировалось три типа культовых сооружений. К первому можно отнести «могилы мучеников», раннехристианские кладбища, катакомбы. Ко второму – «молитвенные дома», т.е. церкви, перестроенные из помещений в частных домах. К третьему типу – храмы, которые строились как отдельные здания.

Раздел, посвященный средневековой истории, археологии и нумизматике открывает статья **Л.В. Арутюнян** «Армянский след в происхождении солунских братьев». Автор развивает гипотезу А. Арцруни о том, что национально-культурной базой, на которой сформировалась славянская письменность, была армянская христианская культура. Работы **Н.В. Днепровского**, помещенные в сборнике, посвящены изучению ряда памятников Эски-Кермена. В одной из них исследователь подробно рассмотрел особенности дозорно-храмового монастырского комплекса, расположенного на уступе юго-западного обрыва Эски-Керменского плато, до сей поры не введенные в научный оборот. В другой статье автор рассматривает вопрос о существовании монастыря у южных ворот Эски-Кермена. Выводы его определены: «башенный каземат» над подъездной дорогой Эски-Кермена, несомненно, выполняя оборонительные функции (по крайней мере, на определенном этапе своего существования) был также частью культового (предположительно, монастырского) комплекса. **М.М. Чореф** обращается к анализу двух однотипных моливдовулов, найденных в Херсонесе и возле Мангупа и опубликованных Н.А. Алексеенко. Автор статьи доказывает, что эти печати принадлежали епархии Константинополя и этот факт может отражать развитые экономические отношения в VI–VII вв. между столицей империи и Крымом. Еще одна работа М.М. Чорефа, публикуемая в сборнике, посвящена монетному делу Византийской Таврики второй половины VI – начала VII вв. на основе рассмотрения времени эмиссии и периода обращения монет с обозначениями номиналов «М», «Н», «К» и «Д». С точки зрения автора это был легальный выпуск денежных знаков для нужд дуката Херсон. Их с полным основанием можно считать византийской монетой регионального таврического образца. **А.В. Якушечкин** рассмотрел тему, практически отсутствующую в работах нумизматов – сопоставление данных письменных источников с реальным нумизматическим материалом (монетное дело Крымского ханства) на примере труда Н.Э. Клеемана.

В.В. Хапаев в разделе «Переводы и публикации» представляет подготовленные им переводы двух византийских письменных источников X в. – т.н. «Памятки об обороне городов» и трактата «Как выдерживать осаду», а также две вводные статьи – подготовленную им самим и американским публикатором вышеназванных источников Д. Салливаном. Ранее эти источники на русском языке не публиковались, а их анализ в отечественной историографии не проводился.

Раздел «Научное творчество студентов» представлен статьей **Е.В. Суханова** о влиянии этнополитических процессов в Таврике на керамический экспорт в доно-донецкую лесостепь в VIII-X вв. В порядке постановки проблемы автор рассматривает в этом контексте керамический комплекс лесостепного региона.

* * *

Публикуя вышеназванные статьи, мы надеемся на дальнейшее плодотворное научное взаимодействие с их авторами и приглашаем исследователей, как опытных, так и начинающих, к сотрудничеству в рамках «Лазаревских чтений» и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНОСТИ¹

текст доклада, прочитанного на

I Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2002 году

† Кузищин В.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Понятие «региональной экономики» в настоящее время не является достаточно разработанным применительно к античной истории, хотя для современной экономики это понятие используется постоянно. Вот почему следует признать весьма своевременным и плодотворным постановку такой проблемы, как «модель региональной экономики».

По нашему мнению, в современной науке об экономической истории древности наступил такой период, когда включение понятия «региональная экономика», так сказать, «стучится в дверь». Более активное включение этого понятия в исследовательские работы может открыть новые возможности в науке об экономике античного мира в целом.

В данном сообщении объектом анализа является экономика региона Причерноморья, т.е. анатолийского, балканского, кавказского и северного побережья, узкой прибрежной полосы, в которой были основаны, развивались и трансформировались греческие колонии, начиная с VII в. до н. э.

С физико-географической точки зрения черноморское побережье представляет собой особую зону, отделенную от хинтерланда или горными кряжами (южное Причерноморье), или пустынными окраинами степей (северное Причерноморье), разные части которого легкодоступны морским путем. Относительно небольшое (прямой путь с юга на север занимал одни сутки плавания уже в древности), закрытое Черное море выступало с начала регулярного мореплавания как мощный фактор объединения всей береговой зоны. Вместе с тем, впадающие в Черное море многие реки и речки, среди которых такие крупные, как Дунай, Днестр, Южный Буг, Днепр, Дон, Кубань, Риони, Галис и многие другие, обеспечивали удобную связь Причерноморья с огромным внутренним хинтерландом.

Причерноморье было богато ценными природными ресурсами: хороший корабельный и строительный лес (юго-восточное побережье), высококачественные железные руды (халибское, амисское, ягорлыцкое железо), обильные запасы рыбы, благоприятные почвенно-климатические условия для разведения виноградарников позволяли

---

¹ Публикуется по изданию: Кузищин В.И. Исследования в области экономической истории античности. СПб.: Алетейя, 2011. С. 606-612.

не только создать процветающее хозяйство, но и снабжать ценнейшими сырьевыми ресурсами другие районы Средиземноморья. Но материальные ресурсы Причерноморья возрастали во много раз, поскольку расположенные здесь города по многочисленным рекам могли получать продукцию обширного хинтерланда. Такой продукцией были: скот и шкуры, мед и воск, зерно и рабы.

Ход экономического развития Причерноморья в античности представлял собой постепенную реализацию заложенных в природе региона экономических потенциалов.

В становлении и формировании черноморской экономики можно выделить несколько этапов. Хотя греческие мифы (о походе аргонавтов, Ифигении, лестригонах и др.) намекают на эпизодические связи Эгейской Греции с Причерноморьем во II тыс. до н. э., видимо, до Великой греческой колонизации нельзя говорить о создании правильной экономической жизни на пустынном черноморском побережье. В VIII-VII вв. до н.э. понтийское побережье стало зоной самой активной, главным образом, ионийской колонизации (видимо, было основано до сотни городов и поселений). Греческие колонии поддерживали самые тесные (особенно на первых порах) связи со своими метрополиями. И хотя каждая апойкия являлась самостоятельным полисом, фактически без постоянной и разнообразной поддержки метрополии существовать не могла: связка колония—метрополия образовывала неразрывный тандем. Поскольку каждая колония органически тяготела, прежде всего, к своей метрополии, она оказывалась в изоляции по отношению к другой, даже рядом расположенной колонии, основанной другой метрополией, а тем более к окружающему местному варварскому населению (например, положение многих городов по берегам Боспора Киммерийского: Пантикапей, Нимфея, Мирмекия, Фанагория, Гермонасса).

Однако уже в этот первый (изоляционный) период в причерноморской полосе начинается действие интеграционных сил. Их действию способствовало несколько обстоятельств и, прежде всего, тот факт, что большая часть причерноморских колоний была основана ионийцами, главным образом, Милетом. Достаточно напомнить, что основные центры Причерноморья были милетскими колониями: Синопа, Диоскуриада, Пантикапей, Феодосия, Ольвия, Тира, Аполлония. Принимая во внимание теснейшие связи между колониями и метрополией в первые периоды своего существования, можно сделать вывод о том, что Милет в VII-VI вв. до н. э. создал зону своего влияния, в том числе экономического, практически на всех берегах Черного моря.

Другим фактором, способствующим созданию регионального единства, является установление первых связей греческих колонистов с местным племенным миром. При всем этническом и экономическом разнообразии окружающего Причерноморье племенного мира (фракийцы, геты, скифы, тавры, сарматы, синды, иберы, халибы, каппадокийцы и т.д.) постепенно формируется общее направление взаимодействия местных племен и греков: установление мирных экономических отношений с более или менее единым направлением товарных потоков: от греков – вино, масло, ремесленные и ювелирные изделия; от местных племен – руда, строевой и корабельный лес, золото, шкуры, зерно, рыба, рабы.

Однако в VII-VI вв. до н. э. можно говорить лишь об эмбрионах причерноморской региональной экономики. Новые колонии были еще слабыми и малонаселенными, полисная экономическая структура только создавалась, отношения с местным населением только налаживались,

V-IV вв. до н. э. – новый, второй этап в истории причерноморской экономики, которая развивается под действием новых мощных факторов. Прежде всего, следует отметить создание высокопроизводительной товарной экономики рабовладельческого типа в греческом мире как таковом. Функционирование такой экономики требовало интенсивного обмена сырьем, готовой продукцией, рабочей силой.

Одним из последствий такого развития была более активная интеграция окраинных областей греческого мира, в том числе Причерноморья, в глобальную систему Греции как целого. Греческие города Причерноморья в большей части превращаются в развитые экономические центры с процветающим земледелием, ремесленным произ-

водством, торговлей, мало уступающие по своему уровню экономике метрополий. Опираясь на возросший экономический потенциал, большинство понтийских центров превращается в суверенные полисы, распространяющие свое влияние на соседние варварские территории: Гераклея, Синопа, Истрия, Аполлония, Тира, Ольвия, Херсонес, Боспор, Диоскуриада.

Экономическое и политическое развитие этих городов приобретает противоречивый характер. С одной стороны, увеличение экономического потенциала, укрепление суверенитета отрывало причерноморские колонии от метрополий, усиливало автономизацию в причерноморской экономической зоне.

Но, с другой стороны, создавались условия для установления новых типов экономических и политико-культурных связей (взамен архаических: колония – метрополия) между черноморскими городами и эгейскими полисами на новой основе. Ведь новые суверенные полисы с процветающей экономикой не могли жить в изоляции в большом греческом мире V-IV вв. до н. э. Как показывает ход исторического процесса, в V-IV вв. до н.э. причерноморские города постепенно превращаются в необходимый фактор нормального функционирования греческой экономики в целом, поскольку они постоянно подпитывали ее богатыми материальными и людскими ресурсами региона. С другой стороны, они обеспечивали сбыт готовой продукции как среди собственно греческого населения на Понте (например, хорошим вином, оливковым маслом, а в Причерноморье маслина не растет) и в большей степени в огромной варварской периферии.

Наконец, все более набирает силу третий фактор интеграции причерноморской экономики как региональной – это процессы интенсивных трансформаций собственно варварских обществ в V-IV вв. до н. э. Лучше всего это можно проследить на эволюции скифского общества и его отношений с понтийскими центрами. Укрепляющаяся скифская аристократия при всей своей воинственности и стремлении пограбить и даже захватить греческие города была, однако, заинтересована в конечном итоге в их существовании как процветающих посреднических или производящих центров, из которых или через которые они могли получить вино, масло, украшения, парадную посуду, оружие и т.д. в обмен на свои сырьевые ресурсы.

Взаимодействие этих трех факторов развития вело к формированию особой экономической зоны, собственно причерноморской экономики, в структуре которой наблюдается специфическое сочетание экономических потребностей центра (Эгейская Греция), собственно региона (Причерноморье) и варварской периферии.

Противоречивое взаимодействие основных факторов в целом вело к постепенному укреплению интеграционных процессов в Причерноморье, причем следует отметить, что политические и экономические факторы тесно переплетались. Заслуживает внимания политика Перикла в Причерноморье: она была со всей очевидностью направлена на интеграцию некоторых важнейших городов Причерноморья (Синопа, Нимфей, Ольвия) в состав Афинской державы в качестве сырьевого региона. Возможно, Перикл выступал здесь как правопреемник ионийцев и прежде всего Милета – метрополии указанных городов, но эта политика продолжения архаического типа связи (колония – метрополия) уже не соответствовала новым историческим реальностям на Понте. Процветающие черноморские центры: Гераклея, Синопа, Боспор, Феодосия, Ольвия, Истрия и др. не хотели быть сырьевым и политическим придатком даже сильнейших эллинских полисов. Они уже претендовали на роль местных и политических лидеров в Причерноморье. В IV в. до н.э. формируются четыре зоны, в каждой из которых действие интеграционных связей оказывается сильнее, чем в другой, и во главе которой стоит свой лидер:

1. Гераклея — Херсонес — Каллатия;
2. Синопа — юго-восточное побережье Понта;
3. Боспорское царство;
4. Северо-западное Причерноморье — Ольвия — Тира — Истрия.

Как показывает анализ сохранившихся источников разных типов, в IV в. до н.э. поддерживались наиболее интенсивные связи (экономические, политические и куль-

турные) именно в рамках этих зон, хотя каждая из них могла вступать в торговые и политические отношения и с городами другой зоны (например, большое количество синопского импорта в Херсонесе и, наоборот, гераклеийского импорта в Ольвии и Пантикапее).

Бесспорно, укреплению торгово-политических связей между южным и северным Причерноморьем и Понта с Эгеидой послужило освоение в конце V в. до н.э. и интенсивно использовавшегося в IV в. до н.э. прямого пути через Черное море от мыса Карамбис к мысу Бараний лоб (всего одни сутки хода корабля). Показателем интенсивности морских сношений – богатства товарных потоков на Черном море – является активное пиратство в IV в. до н.э. Все эти факторы развития усиливали интеграционные процессы в причерноморской зоне, которые приняли форму двух вариантов: интеграция внутри одной из четырех отмеченных зон, но с другой стороны, интеграция всего Причерноморья как единого экономического региона.

Любопытной попыткой политически закрепить интеграционные процессы на Понте был не столь уж утопический план боспорского царя Евмела в конце IV в. до н.э. создать единую черноморскую державу с центром в Пантикапее. Однако эта попытка не увенчалась и не могла увенчаться успехом. Экономические и политические условия для этого на Понте не созрели. Причерноморье экономически и политически было слишком тесно связано с эллинским миром IV в. до н.э., раздробленным на множество суверенных полисов (и Причерноморье также), настолько органично интегрировано в общую экономическую структуру греческого мира, чтобы образовать действительно региональную единую экономику с известным самодовлением.

Нужно было изменение экономических и политических условий эллинского мира в целом, чтобы региональные интеграционные процессы на Понте завершились достижением нового, более тесного объединения.

Новый, третий этап в историческом развитии Причерноморья, как и всего греческого мира, начался в период эллинизма. Перемещение основных экономических центров из Эгейского моря в Восточное Средиземноморье, захирение ранее ведущих полисов (Афины, Милет, острова), изменение социально-экономической структуры эллинистического мира в целом оказали сильное влияние на экономическую ситуацию на Понте. Превращение Балканской Греции в периферию эллинистического мира способствовало ослаблению связей Причерноморья с Эгеидой и, так сказать, его эмансипации от Эгеиды; усиливается своего рода изоляционизм Причерноморья и его обособления как региона в целом.

Процессы изоляционизма и обособления Причерноморья усиливались и со стороны варварской периферии, которая пришла в движение и стала давить на все без исключения понтийские полисы (мы не будем касаться причин такой активизации – это другой вопрос). Очевидно, давление варварского хинтерланда, с одной стороны, при ослаблении связей с греческой метрополией вели к социально-экономическому и политическому кризису многих причерноморских полисов (Истрия, Ольвия, Херсонес, Боспор и др.) в эллинистическое время. В этих условиях естественным выходом из создавшегося положения было объединение причерноморских полисов между собой перед лицом варварской угрозы и новой ситуации в Эгейской Греции. Причерноморским городам, так сказать, приходилось надеяться только на себя. Только в рамках известного объединения своих сил и ресурсов они могли выстоять перед лицом варварской угрозы и преодолеть тяжелую кризисную ситуацию. В этих условиях интеграционные процессы усиливаются, в частности, активизируются экономические и политические связи между упомянутыми выше экономическими зонами: "черноморским треугольником" (зона Гераклеи) и северо-западным Причерноморьем, зоной Синоп и Боспора. Своего рода экономическим центром Причерноморья становится Синопа, импорт из которой представлен практически во всех центрах Причерноморья. Процессы экономической интеграции, развивающиеся по традиционным направлениям, переплетались с политическими тенденциями в регионе. Перед лицом варварских вторжений рождалось естественное стремление к политическим союзам и коалициям. Гераклея ищет союза с

Пергамом и Каппадокией, Херсонес – с Боспором. Однако уже в конце III в. до н.э. выдвигается новая политическая сила, которая смогла в полной мере использовать далеко зашедшие интеграционные процессы в Причерноморье и дополнить складывающееся региональное экономическое взаимодействие политическим объединением. Такой силой стало Понтийское царство, правители которого в течение всего II в. до н.э. целенаправленно и умело боролись за создание Понтийской державы и в конечном итоге создали ее при Митридате Евпаторе. Не случайно понтийские цари, начиная с Митридата II, стремились овладеть Синопой, Фарнак I овладел этим городом, а Митридат V сделал ее столицей своего царства. Понтийские цари понимали, что их борьба за создание причерноморской державы завершится успехом, если она будет исходить из Синопы как экономической «столицы» Причерноморья.

Итак, захват Синопы в 180 г. до н.э., основание Фарнакии, договоры о дружбе и покровительстве с Одессосом, Херсонесом, Кизиком и Месембрией, союзные отношения с Гераклеей и Боспором уже при Фарнаке определили контуры Понтийской державы. Видимо, с Фарнака и до смерти Митридата VI в 63 г. до н.э. можно говорить о существовании сложившейся причерноморской экономики как региональной экономики, которая дополнялась сначала военно-политическим союзом, а затем единым государственным образованием.

В упомянутой выше триаде – соотношение общеэллинской экономической суперструктуры, региональной экономики и варварской периферии – региональная экономика приобрела известное самодовление, собственную структуру, законченность и определенность. Она получила свое естественное завершение в политическом объединении большинства причерноморских городов и в определенном этническом единстве, опираясь как на грекоязычное население, т.е. собственно эллинов, так и сильно эллинизированное местное население (как, например, на Боспоре или в Ольвии).

Подчеркивая известное самодовление и особую структуру причерноморской экономики как региональной с начала II в. до н.э. и до середины I в. до н.э., нельзя абсолютизировать эти особенности и совершенно отрывать ее от эллинистического большого мира и варварской периферии. Взаимоотношения с Эгейской Грецией и эллинистическими государствами (особенно с Пергамом и Родосом) причерноморских городов были достаточно активными. Несмотря на войны с варварской периферией, утрату части владений (Херсонес), временную потерю независимости (Ольвия), ослабление государственного могущества (Боспор), товарные потоки между греческими городами и варварским миром циркулировали, хотя и с меньшей интенсивностью.

Эти взаимоотношения делали экономику причерноморских городов именно региональной, т.е. частью большой экономической эллинистической суперсистемы, а не особой экономической суперсистемой.

Смерть Митридата в 63 г. до н.э., окончательная победа Рима и захват им западной части эллинистического мира, организация системы римских провинций в Малой Азии привели к радикальному изменению ситуации на Понте, начиная с середины I в. до н.э., и новому, четвертому этапу. Причерноморская держава была уничтожена, все южное Причерноморье стало органической частью римских малоазийских провинций, и было, так сказать, оторвано от Причерноморья и переориентировано в сторону малоазийского хинтерланда. Создание в I в. до н.э. системы римских провинций в Мёзии, Фракии и Дакии привели к отрыву западного Причерноморья и его переориентированию на дунайский хинтерланд. Восточное Причерноморье и, в первую очередь, Колхида ориентирует свои связи внутрь материка. В Северном Причерноморье наиболее крупное политическое образование – Боспор – замыкается в своих границах, сокращая свои связи с другими берегами Причерноморья и Эгеиды. Ольвия влачит после гетского разгрома жалкое существование, и только Херсонес поддерживает активные отношения с другими центрами Причерноморья (Эгеида, Пергам) и Восточным Причерноморьем (стекло из Сирии и Александрии).

Известное политическое единство Причерноморья, сложившаяся региональная экономика разрываются на свои составные и более устойчивые экономические и поли-

тические зоны: южное побережье, ставшее органической частью малоазийской региональной экономики, западное побережье, вошедшее в дунайский экономический регион, к которому тяготеет ослабевшая Ольвия и еще сильный Херсонес, Боспорское царство и колхидское побережье. Конечно, еще существовали традиционные связи между всеми берегами Черного моря, но тенденция экономического развития заключалась в постепенном размывании общепонтийского экономического единства II-I в. до н.э. и его разложении на экономические и политические зоны более низкого уровня: малоазийская, балканская, колхидская, боспорская зоны. Парадокс развития этого региона в I-V вв. до н.э. состоял в том, что, несмотря на объединяющую Причерноморье римскую власть и большое внимание Империи к Причерноморью, средиземноморская экономическая суперсистема сама распадалась на ряд подчиненных систем региональной экономики (Восточное Средиземноморье, Дунайско-Балканский регион и др.), которые растаскивали черноморские берега по своим «ведомствам». Этот процесс продолжается и в более позднее время, в византийский и последующие периоды и, по существу, является таковым и в настоящее время.

**ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ V В. ДО Н.Э.
КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО
«ЗАПАДНОЙ» И «ВОСТОЧНОЙ» МОДЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

**тезисы доклада, прочитанного на пленарном заседании
X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2012 году**

† Кузищин В.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

1. Греко-персидские войны (500-449 гг. до н.э.) – первое зарегистрированное в исторических источниках военно-политическое столкновение большого исторического значения, в основе которого лежали глубокие геополитические и цивилизационные различия, разные модели общественного и культурно-религиозного развития, сложившиеся на Востоке и на Западе.

2. К концу VI в. до н.э. в древнегреческом мире сложились основы цивилизации, с которыми ассоциируют, условно говоря, западную модель исторического развития, предполагающую товарное производство, интенсивную экономику, полисно-гражданское общество, светский характер культуры. Структурной основой греческого общества становится сообщество свободных граждан, юридически резко отделенных от рабской массы, исключенной из общества и составляющей, если не основную, то весьма важную часть производителей.

3. С другой стороны, непосредственным соседом-соперником мира греческих полисов выступала великая персидская держава, к концу VI в. до н.э. объединившая весь Ближний и Средний Восток, унаследовавшая богатейшее культурное наследие Египта и Малой Азии, Восточного Средиземноморья и Вавилонии, Ирана и Центральной Азии.

При всех различиях между культурой и традициями этих основных частей ахеменидской Персии, в целом определилась модель условно называемого восточного развития, предполагающего сильное вмешательство государства в экономику, слабое развитие товарности, большую роль административных отношений, религиозный характер культуры.

Структурной основой древневосточного общества была зависимая от государства и его администрации община как сообщество полусвободных, полузависимых производителей.

4. Греческий мир и Персия в конце VI в. до н.э. вступили в непосредственный контакт. Более того, часть Греции, а именно полисы, расположенные в западной части Малой Азии, оказались в составе персидского царства. Это стало источником конфликта, сыгравшего столь большую роль в мировой истории, началом военно-политической конфронтации Запада и Востока, которая в различных трансформированных обстоятельствах продолжается до сих пор.

5. Чего добивалась Персия, т.е. объединенный под властью Ахеменидов Восток, начиная войну с миром греческих полисов? Дарий, а затем и Ксеркс добивались насильственного включения Балканской Греции в структуру своей восточной империи в качестве сатрапии по примеру Египта, Малой Азии с навязыванием того пути развития, которым Ближний и Средний Восток шли, начиная с III тыс. до н.э. Сложившийся тип греческой цивилизации должен был быть демонтирован и приспособлен к существующим восточным реалиям. Вместе с тем, захват Балкан с геополитической точки зрения превращал Ахеменидов в господ над Восточным Средиземноморьем как компактным историко-культурным регионом, имеющим экономические, культурные отношения еще со времен крито-ахейской Греции.

6. Какие цели преследовали греки в этом противоборстве? Прежде всего, цель была – выжить, а ведь силы, казалось, были неравные – огромная империя с необъятными ресурсами и политически раздробленная маленькая Греция. Но так было лишь на первом, оборонитель-

ном этапе войны. На втором этапе, после провала великого похода Ксеркса (480-479 гг. до н.э.) и перелома в войне, греки явно стали претендовать на распространение своего господства на Кипр, Малую Азию, Финикию и даже Египет. Иначе говоря, стратегической целью греков было создание некоего культурно-исторического пространства в восточной части Средиземноморья уже под гегемонией своей модели исторического развития. Эта стратегия предполагала, в свою очередь, определенный демонтаж сложившейся восточной основы и навязывание греческой модели развития.

7. Конечным итогом греко-персидских войн стало установление известного равновесия сил Запада (Греции) и Востока (Персии). Маленькая Греция отстояла свою свободу, свою модель цивилизации, сложившуюся к VI в. до н.э. на основе своего крито-ахейского и гомеровского культурного наследия. Но она оказалась слабой для того чтобы оторвать часть персидских владений в Малой Азии, Финикии, Египте и навязать им свой путь развития.

Огромная персидская держава, отказавшись от греческих полисов Малой Азии, как чуждого Востоку элемента, продолжала свое существование как политическое объединение древневосточного мира.

Этот конечный результат показал, что насильственное навязывание чуждой модели цивилизационного развития невозможно. Невозможно потому, что каждая из этих моделей покоится на мощных основаниях разных культурных традиций, религиозных и нравственных ценностей, различных экономических и социально-политических институтов.

8. Дальнейшая история показала, что подобные попытки насильственного объединения разных цивилизаций в конечном счете заканчивались неудачей.

Завоевания Александра Македонского и формирование эллинистического общества, создание системы римских провинций на Востоке, византийские владения в Азии, образование государств крестоносцев как попытки навязывания западной модели цивилизации, в конечном счете привели к реваншу арабских завоеваний и созданию Османской империи, которая, в свою очередь, попыталась навязать свою модель развития народам Балканского полуострова в XV-XIX вв.

9. Да и в настоящее время глобальный конфликт между христианским и исламским мирами напоминает нам о том, что нигилизм по отношению к вековым, и даже тысячелетним традициям и культурам, насильственное навязывание чуждой, какой бы передовой она ни была, модели развития, видимо, не имеет положительных перспектив.

II ИСТОРИЯ НАУКИ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КРЫМСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ЭКСПЕДИЦИЯ КАПИТАНА У. ДЖЕССА (1839-1840 ГОДЫ)

ПРОХОРОВА Т.А.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Крымоведение – наука относительно молодая. Свое развитие она получила после присоединения Крымского полуострова к России, хотя основы этого научного направления заложили еще ученые древности и средневековья – Геродот, Страбон, Константин Багрянородный. Творцами, или, по выражению профессора А.А. Непомнящего, «сподвижниками» крымологии становились люди, увлеченные Крымом – его природой, историей, культурой местных народов. Среди них были путешественники – люди различных занятий и профессий, которых по отношению к Крыму объединяло одно: в свое время они приехали на полуостров с определенной целью (естественнонаучной, образовательной, дипломатической или миссионерской) и оставили описания вояжа в виде путевых записок.

Уильям Джесс принадлежит к числу тех авторов, которые навсегда останутся в мировой истории именно благодаря своим трудам. О личности путешественника известно крайне мало, зато мы имеем возможность прикоснуться к его богатейшему наследию: он оставил 28 работ, вышедших в 78 публикациях на двух языках, которые хранятся в 811 библиотеках по всему миру [17]. Общее число его трудов связано с различной деятельностью – литературной, переводческой, издательской, но особое место среди них занимает написание путевых заметок и дневников, учитывая богатый опыт странствий самого автора.

Главным источником сведений об У. Джессе являются тексты его произведений; для нас наиболее ценной и информативной является работа, посвященная поездке автора в Россию и Крым, под названием «Заметки о поисках здоровья на половину жалованья; или Россия, Черкесия и Крым в 1839—1840 гг.» («Notes of a half-pay in search of health: or, Russia, Circassia, and the Crimea in 1839—1840») (London, 1841) [19]. Она была переиздана под тем же названием в 2011 г. [18]. Несколько дополняют картину его жизни и деятельности заметки рецензентов, вышедшие в ряде британских журналов («Музей иностранной литературы, науки и искусств», «Журнал Дублинского университета», «Месячный обзор») после издания «Заметок». Именно по ним постараемся воссоздать основные вехи его биографии.

В заглавии своего труда Уильям Джесс (1809—1871 гг.) называет себя капитаном [19]. Из текста далее следует, что он, как служащий британской армии, шесть лет провел в Индии. Военная служба началась для него в 16 лет (в 1825 г.), и уже в столь юном возрасте он почувствовал «романтику» англо-индийской жизни: встречал холодные рассветы, жил в военных городках в речных низинах, спал в окружении лягушек. В итоге Уильям

дважды болел лихорадкой и холерой. В 22 года (в 1831 г.) Джесс вернулся домой, но здоровье его было существенно подорвано. Следуя советам врачей, он ушел в отставку¹ с сохранением половины жалования, и в 1838 г. отправился в Европу – вверх по Рейну в Швейцарию, Италию, Грецию, и через Константинополь в Крым (1839 г.). Капитана сопровождала супруга (за исключением тура по Крыму, когда она оставалась в Одессе), и это далеко не первый случай, когда путешественник приезжает в Россию в сопровождении дамы: также Дж. Эллиот путешествовал со своей избранницей, а годом позже – Х. Омер де Гелль привез в Россию свою любопытную и деятельную жену. Из Крыма Джесс направился в Одессу, Санкт-Петербург и Москву, а затем – через Гамбург и Швецию – обратно в Англию.

Главное обстоятельство, заинтересовавшее автора во время его путешествия, это – несоответствие между российскими традициями и устоявшейся европейской моралью. Джесс пишет об «аномалиях» российской жизни, а именно: преимущество аристократии перед основной массой народа, достаток немногих и нищета абсолютного большинства, беспросветность положения крестьян, нездоровая и суровая жизнь, ложные представления о справедливости, на которых зиждется вся социальная система, непомерные амбиции императора, слабая и «дефектная» военная система (армия и флот), отсутствие дорог, упадок военной медицины. И это далеко не все, что поразило англичанина [24, р. 137-141; 21].

«Трезвый» взгляд на «российскую цивилизацию» и беспристрастное ее изображение сделали работу Джесса весьма популярной. Он, как отмечали рецензенты, *«извлек все самое ценное из своего путешествия»* [20, р. 817-818]. Положительные отзывы были напечатаны также в лондонском «Афенауме», «Военно-литературной газете», «Глобе»; таким образом, встреченные довольно благосклонно читателем, «Записки» были включены в крупнейшие каталоги и указатели Британии [14, р. 967; 13, р. 287; 30; 16, р. 370]. Неподдельный интерес к работе Джесса возник у издателей «Лондонского квартального обзора» («London quarterly review»), которые тщательно следили за издаваемой в Англии литературой, особенно той, которая касалась свежих и животрепещущих тем, как, например, путешествия по «варварской» России. Джесс, написавший свой труд в особенной манере, совмещающей анекдоты, шутки и каламбуры с серьезными рассуждениями, обещал быть наиболее читаемым автором, хотя выводы, сделанные им относительно России, не были положительными [15].

У. Джесс преследовал особенную цель путешествия: автор отмечает, что кто-то отправляется в путь ради долга, кто-то укрывается от ростовщиков, кто-то хочет вступить в Клуб путешественников, кто-то странствует ради занятий ботаникой или геологией, кто-то так убивает время, кто-то охотится или рыбачит в опасных водах, но наш герой отправился в чужие края ради восстановления здоровья [19, р. 1]. Во время путешествия по Крыму Джесс придерживался Южнобережья. Возможно, именно из-за проблем со здоровьем он избегал степной пыли и не заезжал вглубь полуострова севернее Бахчисарая. В Крыму маршрут его вояжа выстроился следующим образом: Одесса – Ялта – Феодосия – Керчь – Ени-Кале – Ялта – Кореиз – Массандра – Ливадия – Алупка – Мухалатка (Санаторное) – Байдары (Орлиное) – Балаклава – м. Фиолент – Севастополь – Инкерман – Сева-

¹ Сообщение об отставке У. Джесса было помещено в «Объединенном служебном журнале» («United service journal»), где в артикуле за 25 августа 1837 г. отмечалось: капитан Уильям Джесс по состоянию здоровья был уволен со службы в 75-м пехотном полку и заменен Ч.А. Янгом; однако он оставался служить в другом подразделении – в том же году он был уволен с должности лейтенанта 46-й армии и получил звание капитана от инфантерии по найму [23, р. 142]. Не просто извлечь отдельный эпизод из службы Джесса, а составить целую летопись его военных продвижений можно со страниц «Лондонской газеты»; согласно ее сообщениям, 9 апреля 1825 г. он был назначен прапорщиком в 59-ый пехотный полк [25, р. 8], 10 мая 1827 г. – лейтенантом во 2-ой пехотный полк [26, р. 2], 24 июля 1835 г. – переведен лейтенантом в 46-ю армию [27, р. 3], и только 6 апреля 1838 г. было подтверждено его увольнение из 75-ой армии и перевод на половину жалования [28, р. 3]. Уже 5 апреля 1844 г. Джесс был восстановлен в звании капитана вместо Б.Ч. Митфорда в 11-м полку пехотной армии, однако, тем же числом датируется окончательный уход Джесса в отставку (возможно, ему не оставили выбора, назначив служить в действующую армию, после чего капитан окончательно покинул службу) [29, р. 3].

стополь – древний Херсонес – Севастополь – Мангуп – Бахчисарай – Чуфут-Кале – Узен-баш (Счастливое) – Кореиз – Ялта – Одесса.

Содержание семи глав «Заметок» У. Джесса (главы VI–XII) включает в себя описание тура по обозначенному маршруту и красочные зарисовки из жизни провинций юга России¹. Автор неоднократно подчеркивал, что настоящей удачей для него было бы посещение Черкесии и изучение обстановки в столь беспокойном регионе [19, р. 79-81]. До него с этой же миссией в Россию приезжал Э. Спенсер (1836 г.), за которым закрепилась слава английского шпиона. Джесс, приехавший в Крым тремя годами позже, не смог прорваться к черкесским берегам, хотя подробнейшим образом описал основные события русско-кавказской войны, и особенно – засвидетельствованные им события весны 1840 г.

Не последнее место в его рассуждениях отведено описаниям древностей. У. Джесс приехал в Крым, который уже обретал современные черты: Севастополь превращался в мощный российский военный порт на Черном море, Керчь была важным коммерческим центром, соединяющим европейскую и азиатскую стороны России, Южный берег Крыма был усеян частными имениями и летними резиденциями первых лиц империи. На фоне формирующегося «нового» облика Крыма уникальными и особенно удивительными выглядели следы прошлых эпох, еще не разрушенных «варварами нового времени» – руины древних городов, остатки средневековых крепостей, «пещерные города» и монастыри, древние храмы и святилища, гробницы и курганы.

Первое, что увидели в Крыму путешественники, двигаясь на пароходе «Петр Великий» из Одессы по Черному морю, был мыс Херсонес и следом монастырь св. Георгия. Как и многие другие авторы, Джесс соотносит это место с бывшим священным мысом богини Дианы, где древние выстроили ей храм и приносили в жертву чужаков. Один из спутников Уильяма, молодой поляк, вдохновленный увиденным, цитировал Овидия целыми пассажами [19, р. 75]. Многие из современников Джесса уделяли этому сюжету особое внимание: в начале XIX в. миф об Ифигении трогал сердце и жил в воображении каждого образованного человека. Подвиг Пилада и Ореста, а также страдания жрицы в храме Дианы были воспеты в поэме Еврипида и популяризированы И.В. Гете. Как только Крым был присоединен к России, путешественники не прекращали поиски святилища кровавой богини и продолжали строить предположения. В итоге несколько мест претендовало на право называться мысом Девы (т.е. Парфениумом) – это мысы Фиолент, Айя-Бурун, Херсонес, Лермонтова, Виноградный. Большинство исследователей склоняются в пользу мыса Фиолент, поскольку он более остальных соответствует описаниям древних авторов (по сообщению географа Страбона, лежал в 100 стадиях от города и, согласно поэтическому изображению Еврипида, стоял на высоком скальном обрыве) [6, с. 133-135].

Далее на пути вояжеров лежали Ялта, Феодосия, Керчь и, наконец, крепость Ени-Кале, названная ими древним Мирмекиумом [19, р. 82]. В настоящее время руины древнего города и бывшая турецкая крепость, находящиеся в непосредственной близости, входят

¹ Заглавие каждого раздела тезисно передает основное содержание каждой части произведения: глава VI (Отправка в Крым – «Чин» – Русский паспорт – Петр Великий – Мыс Херсонес – Ялта – Долина Роз – Феодосия – Навигация на Черном и Азовском морях – Русская скромность – Генерал Раевский – Курган древнего Босфора – Телега – Улицы курганов – Английское гостеприимство); глава VII (Музей в Керчи – Саркофаг – Золотые украшения – Татарские традиции – Макроцефалы, или длинноголовые в древности); глава VIII (Музей губернатора – Древний мол – Холм Митридата – Награда нагрудный крест – Военная форма одежды – Суворов – Его сокровища – Русские Инда – Хиванская экспедиция – Холодный суп – Ялта – Паллас – Крымские виноградники – Прибытие в Кореиз – Веранда); глава IX (Отправление в Севастополь – Татарская деревня – Княжна С-М – Английский сэндвич – Сложности дипломатии – Алупка – Гостеприимство графа Воронцова – Крымская саранча); глава X (Отъезд из Мухалатки – Вид с высот и лесов Байдар – Обнаженное удовольствие – Средства охоты на перепелов – Монастырь Св. Георгия – Генерал Уптон – Доки Севастополя – Английские инженеры – Русские солдаты на утомительной работе – Долина Инкерман – Большая гавань – Характеристика плана Севастополя – Военная работа – Американец – Святой Владимир – Лагерь); глава XI (Отправка из Севастополя – Восхождение на руины Мангуп-Кале – Бахчисарай – Татарская свадьба – Бани в гареме – Цыгане – Чуфут-Кале – Караимские евреи – Ночь в татарском доме – Украденный взгляд – Индийский парикмахер – Возвращение в Кореиз); глава XII (Праздник у графа Воронцова – Греческий обычай – Молитва за Императора – Необычная сцена – Коллекция вин в Никите – Московское шампанское – Крымские деликатесы – Возвращение в Одессу).

в черту города Керчь. Мирмекий расположен в точности там, где его поместил Страбон – в 20 стадиях от Пантикапея. Как только исследователи выяснили, что следы древней столицы Боспора следует искать в Керчи, решился и вопрос с местоположением прочих городов – современный «адрес» Мирмекия – западная оконечность Карантинного мыса за ул. Московской в Керчи.

Слева от путников остался Царский курган, названный Джессом одним из «наиболее замечательных» сооружений. Описание кургана довольно точное: отмечены его грандиозные размеры (автор говорит о диаметре в 350 футов, т.е. 106 м, хотя современные исследователи оценивают его диаметр в 80 м, или 262 фута); вход в виде галереи длиной в 36 футов (т.е. 11 м, но это заблуждение автора, на самом деле длина дромоса составляет 36 м, т.е. 118 футов) с твердой каменной кладкой из тесаного камня, и его грубое уступчатое покрытие напомнило автору арку Друза¹; справедливо замечено, что камера квадратной формы приподнята над землей и формирует сооружение конусовидной своеобразной формы. Джесс подчеркивает, что столь богатое захоронение было ограблено еще до прихода в Крым русских, возможно, склеп был вскрыт гетуэцами (якобы они проделали лаз от поверхности камеры в середину насыпи – об этом автору подсказал высеченный латинский крест, виденный им на стене). Единственное, что смутило англичанина, – это упоминание его знаменитым предшественником Э.Д. Кларком водорослей и коры деревьев, которые должны были составлять один из слоев насыпи, поскольку ничего похожего в толще кургана Джесс не видел [19, р. 82-83].

Визит в Ени-Кале не был продолжительным, и путешественник отправился обратно в Керчь. Дорога лежала между рядами курганов, как в предместье древнего римского города; этому замечанию автор сам дает объяснение: по его наблюдению, большинство дорог, ведущих из древнейших городов, тянутся вдоль гробниц. Рядом с Поццуоли (Путеоли) на Via Campana имеется несколько гробниц. По пути в Рим, проходя через любые из ворот в восточной части города, можно найти развалины «аналогичных зданий». Via Appia, Aurelia и Flaminia были также с рядами могил, выстроенных каждой стороны. Это следы былого величия – к такому заключению приходит У. Джесс [19, р. 86].

В Керчи главным объектом посещения был музей древностей. Предметы, хранящиеся в нем, были лишь незначительным остатком того, что не попало в частные коллекции или увезено в Императорский Эрмитаж. Вазы элегантных форм, «саркофаг необычайной красоты» из кедрового дерева с золотыми пластинами, украшения, геммы, монеты, архитектурные детали древних строений – вот основное содержание предметной экспозиции. Особое место занимал комплекс предметов из Золотого кургана: стеклянные бутылки, терракоты, амфоры, стрелы, лампы, маленькие человеческие маски. Греческих предметов, как говорит Джесс, было больше, поскольку римское владычество было непродолжительным. Но настоящий восторг вызвал у путешественника череп макроцефала, который был обнаружен на побережье Дона. Этому вопросу автор посвящает длинный пассаж.

Мифологическое население берегов Понта, по мнению Джесса, обладало сказочными физическими особенностями, которыми их наделяли писатели древности. Савроматы, или «ящероглазые», аримаспы (одноглазые), аргиппы (лысые с рождения), басихатоны (заросшие люди), гимны, аонопы (застенчивые люди), фсирофаги (блохоеды) – Джесс вспоминает все народы, упомянутые Геродотом, Страбоном, Плинием, Ливием. О макроцефалах писали также Гиппократ, Помпоний Мела, Валерий Флакк, Аполлоний Родосский [19, р. 95-96]. Каждый из них расселял макроцефалов по берегам Понта по-своему:

¹ Арка в честь римского военачальника Нерона Клавдия Друза Германика (38-9 гг. до н.э.) на Аппиевой дороге в Риме. Писатель и историк Светоний (I-II вв.) сообщает биографию Друза, за которым закрепилось прозвище Старший в отличие от Друза Младшего – сына Тиберия. Согласно свидетельствам римского автора, Друз был народным любимцем, что оправдывалось его военным талантом и успешными войнами с германцами. Погиб он, как и подобает полководцу, – на поле боя (в 9 г. до н.э. упал с лошади и сломал бедро), и уже в следующем году Сенат принял решение увековечить его подвиги возведением триумфальной арки, которая украсила Аппиеву дорогу [12]. Современные исследователи осторожны в своих выводах и считают, что происхождение ворот до сих пор неясно. Большинство из них склоняются к мнению, что никакого отношения к Нерону Клавдию Друзу арка не имеет, и представляет собой строение времен Каракаллы (построена в 211–217 гг., и по ней проходил акведук Аква Марция Антониана).

вышеназванные авторы помещали их между Фазисом и Трапезундом, Ксенофонт – рядом со Скифией, Страбон – ближе к Кавказу (называет их также санны, сигунны и макроны). С ним согласны Гиппократ и Аполлоний Родосский. Другим спорным вопросом для Джесса остается принцип «получения» такой уникальной формы черепов: у Страбона описан метод втягивания подбородка и выпячивания лба, но был и обратный прием – утягивание лба и удлинение подбородка. Джесс, растерявшийся из-за обилия теорий и разноречивых сведений авторов, просто называет эти предположения, никому не отдавая предпочтения. Единственно справедливым и бесспорным он считает тот факт, что макроцефалия в одних культурах считалась признаком благородного происхождения, а в других служила приспособленческим фактором для более продуктивной охоты (в первом случае была врожденной, во втором случае – создавалась искусственно и позволяла увеличить интервал между глазами и диапазон обзора пространства) [19, p. 101-102].

Аналогии этого процесса Джесс искал в Новом Свете. «Искусство макроцефалии» практиковали индейцы Нью-Мексико и Каролины, чинуки и омагуасы (индейцы Перу), причем применяли различные технологии – либо придавали наклонное положение детям в колыбели, опираясь на мешок с песком, либо помещали голову младенца между двумя досками, либо привязывали доску к затылку. В конце главы автор прилагает гравюру с черепом Клатсопа¹ (Clatsop) из «Crania Americana» С.Д. Мортонна, а также изображение черепа грека в естественном состоянии из работы Притчарда «Исследование» [19, p. 105-106].

Отдельный «музей» был в доме губернатора – Джесс говорит о частной коллекции, состоящей всего из двух предметов (рыболовецкой сети и корзинки, обнаруженных среди погребальных предметов). Путешественник, вероятно, называет «губернатором» керченского градоначальника князя З.С. Херхеулидзева (1805?–1856 гг.), поскольку губернатором Таврической губернии на тот момент был действительный статский советник М.М. Муромцев (1837–1843 гг.); находился он в Симферополе. Керченский городской глава, по свидетельству путешественника, имел особое хобби – строил новые объекты по древним образцам. Действительно, Захарий Семенович, бывший адъютант М.С. Воронцова, превратил Керчь в «маленькую Одессу» [9, с. 490-491]. Так была построена лестница на Митридат², о которой Джесс пишет, что она была сильно разрушена к моменту его путешествия из-за сильных ветров. Отдельного внимания заслуживает сама гора Митридат: она, по утверждению Джесса, большей частью была сложена из обломков керамики и в этом схожа с отвалом Тестаццо (Mons Testaceus³) в Риме. Гора Митридат считалась местом, где погиб царь Митридат VI Евпатор, поэтому, в сознании авторов начала XIX в. этот холм почитался как искусственная насыпь, созданная наподобие курганов из земли, камней и обломков керамики, дабы почтить память «властителя Понта». Гора Митридат – естественное возвышение, которое относится к Крымскому горному массиву; но, учитывая тот факт, что на вершине холма располагались руины акрополя города Пантикапея, вполне закономерно, что путешественники находили там огромное количество обломков керамики и каменных строений. Столь богатый подъемный

¹ Клатсопы – небольшое чинуканское племя, которое к моменту знакомства с европейцами состояло примерно из 400 человек, живших в трех деревнях на южном берегу реки Колумбия. Этнически относятся к народу чинук и были родственны нижним чинукам (так же называли вымерший язык, на котором говорили все три племени). Клатсопы вымерли в результате эпидемий, завезенных европейцами.

² Год постройки автор относит к 1834 г., хотя работы продолжались с 1833 по 1840 гг. [2, с. 75-79].

³ Monte Testaccio (Monte Testaceo) – латинское название искусственного холма, расположенного на восточном берегу реки Тибр к югу от Авентина в Риме. Насыпь почти полностью состоит из осколков амфор римского времени, сложенных панцирем, некоторые из которых были помечены *tituli picti* (так называли коммерческие надписи на поверхности определенных предметов, чаще всего амфор). По своей сути, это один из крупнейших отвалов, единственный в своем роде для древнего мира; на данный момент занимает площадь в 20 тыс. кв. м, окружность составляет 0,6 мили, а высота – 35 м (115 футов). Насыпь предположительно была возведена в промежутке между 140 и 251 г. н.э., но, несомненно, курган с захоронением появился еще в эпоху Августа [22]. Название происходит от лат. «mons testaceus», что означает «гора черепков» («testa» — «керамический черепок»). В народе холм называют Monte dei Cocci («черепки» по-итальянски — Cocci). Упоминаний о холме в античных источниках не сохранилось; самая ранняя запись о холме под названием «Mons Testaceus» датируется VIII в., она находится на рельефе портика в церкви Санта-Мария-ин-Космедин в Риме, где перечислено имущество диаконии в местности Тестаццо.

археологический материал в итоге заставил непросвещенного Джесса думать, что вся гора искусственно сложена из этих обломков.

Из Керчи путешественники отправились в Севастополь. По пути они посетили Алупку, Мухалатку, Байдары, Инкерман и, наконец, древний Херсонес. Самому Джессу обозреть древности не пришлось, зато от общения с товарищами он узнал, что в окрестностях лазарета¹ в Севастополе располагалось множество склепов, а церковь рядом с ними была построена князем Владимиром. На карте, которую автор прилагает к своему повествованию, обозначены названные места: лазарет помещен в Карантинной бухте (F), т.е. подразумевается не военный госпиталь Севастополя в Сухарной балке, а госпитальная служба при карантине; церковь, построенная Владимиром, – это церковь Рождества Пресвятой Богородицы на месте будущего Владимирского собора (E).

Пересказывая известную легенду о военном походе великого киевского князя к средневековому городу, Джесс говорит об осаде Феодосии, а не Херсонеса, которая после шести месяцев сдалась на милость победителю. И уже после крещения Владимир, приняв имя Василий, построил выше упомянутую церковь на руинах древнего города Херсонеса [19, p. 150-151].

Сообщение об осаде Владимиром Феодосии связано с легендарной традицией: помимо рассказа Нестора в «Повести временных лет» о взятии Владимиром Великим Корсуня, существует легенда о походе в Феодосию (Кафу) князя Владимира, но не Святославича, а Всеволодовича, более известного как Владимир Мономах. Именно участие князя в походе против генуэзцев и взятие Кафы, где он в поединке победил генуэзского князя, послужило причиной того, что Владимира прозвали Мономахом (Поединщиком, т.е. единоборцем).

«Корсунская» легенда находит также отклик в «Сказании о князьях Владимирских», где литературная традиция связывать все походы на Византию и Херсонес с Владимиром Великим приводит к смешению автором двух вышеупомянутых Владимиров; в итоге польский историк XVI в. Мачей Стрыйковский рассказывает о походах Владимира Мономаха в Таврику и Кафу, а В.Н. Татищев – о борьбе Мономаха с корсунским воеводой (хотя Владимир Всеволодович *«корсунской земли никогда не воевал»*). Владимиру же Великому (Святославичу) приписывали походы русичей против византийцев, которые имели место в 40-х гг. XI в. и были связаны с деятельностью Владимира Ярославича (для них обеих ситуация складывалась схожая – оба сумели договориться с императорами о заключении родового союза и выдаче царственной невесты).

Об этих разночтениях писал в свое время В.Н. Татищев в «Истории Российской»: первое, на что он обратил внимание, был год крещения Владимира. По сообщению автора, М. Стрыйковский сперва называет 988 г., а затем приходит к иной дате – 990 г., хотя доводы

¹ Первым зданием будущего Севастополя называют именно морской лазарет. Проект его строительства вынашивался руководителями Севастопольской эскадры с момента закладки порта, т.е. с 1783 г. Первоочередной задачей считалось строительство *«помещений для зимующих в Ахтиарской бухте команд, помещений для больных, склада для судовых материалов и запасов»*, этим ведал контр-адмирал Ф.Ф. Мекензи. Поначалу эскадра располагалась в бухте на берегу деревушки Ак-Яр, а затем вице-адмирал Ф.А. Клокачев перевел ее в *«наибольшую из бухт, вдающихся в южный берег Ктенуса»*; магазины, небольшие флигеля для офицеров, столовые или *«кухни для судовых экипажей»*, жилые строения (казармы) и, наконец, *«помещения для болящих»* обустраивались на западной стороне Южной бухты [5, с. 76-77]. Уже 12 мая 1783 г. в рапорте контр-адмирала Ф.Ф. Мекензи, адресованном Ф.А. Клокачеву, упоминается о начале деятельности госпиталя в Севастополе. Располагался он в районе современной Сухарной балки на берегу Ахтиарской бухты [10, с. 13]. По сообщению летописца истории Севастополя Головачева, в донесении капитана I ранга «графа» М.И. Войновича отмечалось, что в 1787 г. большое каменное здание под больницу было уже заложено *«на самом возвышении западного берега Южной бухты»* [5, с. 107]. Однако флот на Черном море оставался «малосилен», что было связано и с повальными болезнями; на юге сохранялось карантинное положение в течение всего периода военных действий в 1787-1791 гг. В 1791 г. *«главнейшие строительные работы»* состояли в *«доделке госпитального здания»* на восточной, или корабельной стороне Южной бухты, а освобожденные госпитальные помещения в Сухарной балке были отданы под казармы [5, с. 173]; после второй русско-турецкой войны (Потемкинской) *«каменная двухэтажная госпиталь на 300 человек содержалась в наилучшем порядке»* [5, с. 191]. Хроника создания госпиталя в Севастополе подтверждается описанием, приложенным к плану Севастополя, который был доставлен в «Комитет образования флота» в 1826 г., где значилось: *«Морской госпиталь поначалу был помещен в конец бухты на место древнего Ахтиара на возвышенном и самом удобном для больных месте; в 1820 г. построен новый флигель, а на площади госпитального двора построена церковь Петра и Павла, дом для аптечной лаборатории и госпитальная кухня»* [5, с. 234].

подтверждают первую: якобы в 989 г. Владимир послал в Грецию за мастерами для построения церкви, а поскольку этому должно было предшествовать принятие веры, то следует, что крещение его состоялось в 988 г. Второй вопрос – идентификация Корсуня. Корсунь отождествляется В.Н. Татищевым с Кинбурном; древние писатели помещают его (Карсун, или Корсун) у Черного моря; Птолемей – в «междомории»; Нестор – над «*Лиманом, который залив Черного моря, где, кроме Кинбурна, нет*». Главными причинами, по которым В.Н. Татищев считает «кинбурнскую» теорию справедливой, является то, что «*в Кинбурн и ныне вода трубами приведена; другое, если бы внутри Крыма оный был, то надобно было прежде Перекопь взять, которая задолго укреплена была, как выше сказано*». В Хронографе, по уверению В.Н. Татищева, Корсунь, или Кафа, есть один город [11, с. 620-621].

Немаловажно, что смешение в литературе могло возникнуть не только в отношении князей, но и в отношении городов. к примеру, Павел Алеппский, побывавший в Новгороде в 1653-1656 гг., пишет, что новгородский князь «*ходил в Кафу, которую они называют на своем языке Карсуна, т.е. Херсон как ее имя по-гречески, взял и разрушил ее и вывез ту дверь и другие вещи вместе с благолепными иконами греческими, кои целы и поныне*» (имеются в виду корсунские предметы, перевезенные в новгородскую Софию) [1, с. 58-59]. Другого рода связь между Херсонесом (Севастополем) и Кафой (Феодосией) прослеживается в следующем. Феодосией часто называли Инкерман. Так, исследователь Крыма и Кавказа в 1803 г. Н.А. Львов говорит об Инкермане, «*древле Теодосии*», что, вероятно, было связано с прошлым Каламиты. Крепость, принадлежавшая мангупскому князю Алексею, часто называли, как и всю страну, Феодоро, либо Феодосией [8, с. 713-714].

Отголоски этой традиции, которую продолжает Джесс, прослеживаются в работе итальянского автора А. Гваньини: в его работе «Хронология Европейской Сарматии» рассказывается вымышленная история о поединке князя Владимира Великого с генуэзским консулом Кафы в X в. В.Н. Татищев пересказывает летописную легенду об этом событии и тут же отмечает – в этом прослеживается историческое несоответствие, поскольку генуэзское присутствие в Крыму известно со II половины XIII в., когда после соглашения со ставленником Золотой Орды Мангу-ханом генуэзцы заняли Кафу и превратили ее в центр своих колоний [7].

В десяти верстах от Севастополя путешественники миновали водохранилище и, проследовав через несколько долин, выехали к Мангуп-Кале, который, по замечанию автора, принадлежал грекам, генуэзцам, а затем караимским евреям. У подножия Мангупа путники видели фонтан, устроенный «в качестве акта благотворительности некоторыми доброжелательными татарами». После крепости Джесс со спутниками вышли на караимское кладбище со множеством древних надгробий, а за ними следовала внешняя стена крепости с корончатыми башнями. В толще Мангупского мыса путешественники видели множество высеченных камер, используемых в качестве мест для заточения [19, р. 154-155].

Историческая справка, которую Джесс дает относительно Мангупа, в целом коррелируется с теми фактами, которыми располагают современные исследователи. Согласно исторической реконструкции А.Г. Герцена, основные этапы истории Мангупа сводятся к следующему: существование неукрепленного поселения на плато в верховьях ущелий Гамам-дере и Капу-дере (III – I-я половина VI в.); строительство мощной византийской крепости для федератов, готов и аланов (2-я половина VI – конец VIII в.); хазарское завоевание конец VIII - первая половина IX в.; фемный период (середина IX - X вв.), возвращение крепости под власть Византии; упадок городской общины вследствие природного или военного катаклизма (XI – XIII вв.); формирование христианского княжества Феодоро (XIV – 3-я четверть XV вв.); захват крепости турками, сокращение христианского населения, появление иудейской общины в середине XV в. с последующим преобладанием караимов в среде местного населения (2-я пол. XVII в.), которое покидает Мангуп только в 1791–1792 гг.

На сегодняшний момент известно, что освоение плато началось еще в IV – III тыс. до н.э., но до середины III в. н.э. археологические находки скудны и случайны, а видимых памятников не сохранилось. Во II пол. III в. в Таврику попадают германцы (в том числе готы), вместе с которыми с территории Северного Кавказа пришли аланы. Разгромив государство поздних скифов, они обосновались в предгорьях, а через сто лет под угрозой

гуннского завоевания сблизилась с византийским Херсоном. Император Юстиниан I (527–565 гг.) возвел приморские укрепления в Алустоне и Гурзувитах, построил «длинные стены», и таким образом перекрыл горные проходы к Херсону, начал строить мощные опорные крепости для укрытия населения в случае опасности. Вероятно, во всей укрепленной территории Готии (или, по определению Прокопия Кесарийского, Дори) головной крепостью был Дорос, который связывают с Мангутом. Население крепости состояло из христианизированных готов и аланов, в центре города была построена христианская базилика, а уже в конце VIII в. они отличились в выступлении против хазарского владычества во главе с епископом Иоанном Готским, и уже через полвека Византия восстановила свое влияние. В середине XIII в. был создан Крымский улус Золотой Орды с наместничеством в городе Солхат (совр. Старый Крым), а в 60-х гг. появляются генуэзцы, сделавшие Кафу столицей своих колоний. Население юго-западного Крыма под влиянием Византии было частью средневекового греческого христианского мира. Таким образом, утверждение Джесса о греческом корне мангутского населения вполне справедливо.

Присутствие в мангутской истории генуэзцев можно объяснить тем, что предприимчивые итальянцы стремились держать под контролем все прибрежные порты; именно поэтому Каламита, которая строилась «*господином и владыкой Феодоро и Поморья*» для защиты входа в порт (1427 г.), стала причиной вооруженного столкновения между ними. В 1433 г. Алексей отправил свои войска к Чембало, которая была во владении генуэзской Кафы, и овладел крепостью при поддержке местных рыбаков. В 1434 г. генуэзцы отвоевали Чембало, а Каламиту сожгли. Так элемент генуэзской истории появился на страницах сочинения Джесса.

Наконец, караимы Мангупа, о которых не забыл упомянуть Джесс, это – довольно многочисленная иудейская община, которая составляла основное население Мангупа с середины XVII в. Памятники иудейской общины локализованы преимущественно в западной части городища (ущелье Табана-дере и основания мысов Чуфут-Чеарган-бурун и Чамну-бурун; интересно, что тюркское название первого мыса переводится как «Мыс вызова иудеев»), к ним относится иудейский некрополь на нижних склонах уступов мысов. Вырытые камеры по Джессу это – пещерный монастырь XIV в. [4].

В завершение вояжа путники отправились в Бахчисарай, а оттуда – на Южный берег Крыма, в Алупку, Никиту, после чего последовало возвращение в Одессу.

Так завершилось путешествие У. Джесса в Крым, которое относится к третьей категории вояжей; научные экспедиции и познавательные поездки организовывались все реже, теперь на первое место выходят личный интерес и цели путешественника, в случае с У. Джессом это был оздоровительный туризм. В Крыму автор осмотрел восточные регионы и Южнобережье, уделив большое внимание историческим древностям. Города Боспора, народы древности, сокровища правителей, места их погребений и курганы – вот то, что нашло отражение на страницах его записок. Выводы автора осторожны и некатегоричны, калькой ложатся на представления о ходе крымской истории, которые были уже известны на тот период. Если П.С. Палласа отличала полнота и научная точность, П.И. Сумарокова – подробность и красочный стиль изложения, то для Джесса характерны остроумие в отдельных замечаниях и легкость. В то же время сведения, предоставляемые им читателю, обладают огромной ценностью как неизученная ранее часть крымской истории. Нарботки английского автора впервые вводятся в научный оборот и должны послужить катализатором изучения «скрытой» истории Крыма в записках малоизученных авторов, писавших о полуострове.

Источники и литература.

1. Брюсова В.Г. Русско-византийские отношения середины XI века // Вопросы истории. 1972. №3. С. 51-62.
2. Воронов А. А. Боспор Киммерийский. М., 1983. 182 с.
3. Герцен А.Г. Археологический аспект истории иудейской общины Мангупа // Материалы VIII Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике: тезисы докладов. М., 2000. С. 58-61.
4. Герцен А.И. У истоков иудейской общины Мангупа // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 69-79.

5. Головачов В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872. 260 с.
6. Днепровский Н.В. К вопросу о локализации пещерного убежища святого Василия, епископа Херсонесского // МАИАСК. Вып. I. Симферополь, 2008. С. 131–145.
7. Еманов А.Г. Образование городской коммуны Кафы (до сер. XV в.) : Автореф. дисс. ... доктора историч. наук. Тюмень, 1996. 665 с.
8. Коплан Б.И. К истории жизни и творчества А. Н. Львова // Известия Академии наук СССР. Серия VI. 1927. Т. 21. Вып. 5. С. 699-734.
9. Лорер Н.И. Записки моего времени Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988. Гл. XX. С. 331-545.
10. Основание Севастополя и его развитие в конце XVIII – XIX в.: Методические указания для подготовки к семинарским занятиям, написанию контрольных работ и рефератов по дисциплине «История Украины» для студентов всех специальностей и форм обучения. Севастополь, 2008. 56 с.
11. Татищев В.Н. История Российская: В 3 т. Т. 2. М., 2003. 732 с.
12. Федорова Е.В. Друз Старший // Императорский Рим в лицах. Ростов-на-Дону, 1998. С. 167-169.
13. A Catalogue of upwards of fifty thousand volumes of ancient and modern books, English and foreign, in all classes of literature and the fine arts. London, 1862. 630 p.
14. Allibone S. A. A Critical dictionary of English literature, and British and American authors, living and deceased from the earliest accounts to the middle of the 19-th century. Vol. I. Philadelphia-London, 1859. 1016 p.
15. Article IV: Jesse–Kohl–and Sterling on Russia // The London quarterly review : Vol. LXIX : December 1841–March 1842. New-York, 1842. No. CXXXVIII : March, 1841 : London, 1841. P. 205-226.
16. Crestadoro A. Catalogue of the books in the Manchester free library. London, 1864. 975 p.
17. Jesse William, 1809—1871 // WorldCat Identities : [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.worldcat.org/identities/lccn-no2002-25953>. Дата обращения: 18.09.2012.
18. [Jesse W.] Notes of a half-pay in search of health: or, Russia, Circassia, and the Crimea in 1839-1840: In 2 vol. 2011.
19. Jesse W. Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839-1840 : In 2 vol. Vol. I. London, 1841. 335 p.
20. J. Madden and Co's list of recent publications // The Dublin University magazine: A Literary and Politic journal. Vol. XIX. Dublin, 1842. P. 815-822.
21. «Notes of a half-pay in search of health; or Russia, Circassia and the Crimea in 1839-40» in 2 vols by Captain Jesse // The Museum of foreign literature, science and art. Vol. XVII. Philadelphia, 1842. P. 609-613.
22. Platner S. B. Testaceus Mons // Platner S. B. A topographical dictionary of ancient Rome. London, 1929. P. 512-513.
23. Promotions and appointments // The united service journal and naval and military magazine. London, 1837. Part III. P. 140-143.
24. Jesse W. «Rambles in Ceylon» by Lieut. De Butts and «Notes of a half-pay in search of health; or Russia, Circassia and the Crimea in 1839-40» : In 2 vol. // The monthly review from January to April inclusive, 1842: Vol. I. London, 1842. No. 1. Art. XIV. P. 133-141.
25. The London Gazette. № 18127. April 16, 1825. 32 p.
26. The London Gazette. № 18367. June 5, 1827. 24 p.
27. The London Gazette. № 19291. July 24, 1835. 22 p.
28. The London Gazette. № 19605. April 6, 1838. 22 p.
29. The London Gazette. № 20332. April 5, 1844. 44 p.
30. [Рец. на кн.] : The critical notes: Notes of a Half Pay in Search of Health or Russia Circassia and the Crimea in 1839-40 by Captain Jesse in 2 vol. (London, 1841) // The Asiatic journal and monthly register for British and foreign India, China and Australia. Vol. XXXVII. London : Wm. H. Allen and Co, 1842. P. 59.

III

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ НА БОСПОРЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

КРАСНИКОВА Е.А.

Национальный исследовательский университет
«Белгородский государственный университет»

Страны Северного Причерноморья в античную эпоху послужили ареной, на которой происходили сложные исторические процессы. Самой характерной особенностью этих процессов были контакты «варварского» мира с античными полисами, растянувшимися прерывистой цепью вдоль северного берега Понта. Эти два мира: местных племен (скифов, тавров, меотов, сарматов и иных), с одной стороны, и греков с другой, особенно в первые века их соуществования, резко отличались один от другого экономической, социальной и политической структурой общества, бытовым укладом, а также культурой и мировоззрением [1, с. 13].

Если основатели ионийских факторий Северо-востока ощущали тесную связь со своей метрополией, несколько чуждались окружающего их на новых местах поселения многолюдного «варварского мира», то иным, вероятно, стало отношение к этому вопросу их потомков. Видимо, у них не только усилился интерес к ним, но само Боспорское государство его обитатели стали рассматривать как часть своего мира [2, с. 271].

Отношение греков к соседним народам, которых со временем они стали называть варварскими, выражалось в двух основных аспектах: это сознание своей исключительности со всеми соответствующими проявлениями и последствиями и, в то же время, открытость и несомненная готовность к позитивным контактам (в частности, брачные связи) и к заимствованиям чужих достижений в культуре, науке и технике [6, с. 5]. Греки сами были убеждены в том, что эллинская раса очень красива, и все чужеземные народы вполне признавали за ними право гордиться своей физической красотой. Но, стоит лишь обратиться к произведениям греческих комических поэтов, чтобы встретить там указания на крючковатые или придавленные носы, на рты до ушей, согнутые плечи, выдающиеся животы, тонкие или кривые ноги. Так и боспорские произведения искусства, памятники частным лицам, могильные колонны и изображения на вазах и рельефах часто представляют лица, далеко не соответствующие правильным классическим формам.

На характере производства художественных изделий Боспора неизбежно должен был отразиться неоднородный состав населения этой области с двумя основными группами – греками-колонистами и местными скифо-сарматскими племенами. Поэтому именно предметы искусства

выбраны нами для изучения становления и эволюции представлений о человеке на Боспоре, как проявления его внешнего образа, так и внутреннего содержания. На формирование личности человека всегда оказывает влияние общество и культура. В античности эта тенденция проявлялась наиболее ярко. Это и позволяет нам изучать человека через призму искусства.

Местное художественное творчество – греческое по своему основному характеру, но не лишенное некоторых черт, которые следует толковать как воздействие туземных элементов. Это явление находится в связи с тем, что в раннее чисто греческое гражданство городов Причерноморья постепенно проникают представители местных племен.

Очень большое различие имело место в мировоззрении местных племен и основной массы эллинов. Грекам было свойственно антропоморфное восприятие природы, и изображение человека стало раз и навсегда основной темой их изобразительного искусства. Напротив, меотам и скифам VII-V вв. до н.э. были гораздо ближе зооморфные изображения, что, видимо, отвечало их мировоззрению и художественным вкусам.

Первые известные нам антропоморфные изображения божеств местных причерноморских племен относятся к IV-III вв. до н.э. и связаны с культурой синдо-меотских племен Прикубанья. Эти памятники являются показателем важного этапа в процессе антропоморфизации религиозных представлений местных племен и имеют огромное значение для истории искусства Северного Причерноморья [4, с. 227]. А, соответственно, этапы формирования художественного стиля являются для нас источником формирования и мировоззрения боспорян.

Хотя в скифском искусстве чрезвычайно значительную роль играл звериный стиль, но им одним не исчерпывается характеристика скифского искусства. Образ человека также получил свое отражение в искусстве скифов. Не следует забывать, что у скифов была монументальная скульптура. Б.Н. Граков убедительно показал, что с конца VI в. образ человека начинает играть все большую роль в искусстве скифов. В частности, он обратил внимание на широкое распространение в торевтике Северного Причерноморья IV-III вв. до н.э. изображения героя, борющегося с чудовищем. Таким образом, нет оснований думать, что антропоморфное представление о божестве было принесено в Северное Причерноморье греками, тем более что в древнейший период истории греческой религии и греческого искусства в них тоже были достаточно анионические элементы [4, с. 229]. А изделия греческих и восточных мастеров на скифские «звериные» сюжеты, таким образом, были порождены отнюдь не увлечением этих мастеров скифской экзотикой. Они целиком ориентировались на чуждые им самим вкусы, так как только при таком условии они могли рассчитывать на обеспеченный сбыт своей продукции.

Образ человека не оставался чуждым местному искусству, и оно само, независимо от греческого влияния, делало первые шаги на пути антропоморфизации. Греческое влияние значительно ускорило процесс антропоморфизации местного искусства: вполне естественно, что в этом отношении большую роль должно было сыграть знакомство местного населения как с самим греческим искусством, так и с его «почвой и арсеналом» – греческой мифологией, – с яркими образами греческих богов, их биографиями, их чисто человеческими качествами. Все это играло прогрессивную, стимулирующую роль в развитии местного искусства и значительно обогатило его [4, с. 233].

Все известные нам местные догреческие и доскифские памятники скульптуры крайне схематизированно представляют нам фигуру человека. Сюжеты, воспроизводящие реальные сцены из жизни боспорцев, переданы чаще всего схематично, фигуры на них плоские и непропорциональные, нередко размещены среди лепестков и листочков разных цветов.

Все эти памятники дают общий абстрактный образ умершего (может быть, обоженного предка), далекий от всяких попыток индивидуальной характеристики [3, с. 245].

Характерны случаи, когда у подобных фигур более тщательно выполнено изображение предметов вооружения – акинака, горита, что возможно, свидетельствует о первенствующем восприятии боспорянина-воина, а не боспорянина-человека. Важно также подчеркнуть, что подобная схематизация будет существовать и позднее, когда уже появятся более совершенные изделия, то есть, подобное изображение свидетельствует скорее о малозначимости изображения индивидуальных особенностей человека.

Вопрос о том, были ли предметы искусства с подобными чертами лишь социальным заказом варварской части общества или они отражали этнический тип современного боспорянина, остается пока не решенным нами, и эта работа еще предстоит.

Антропоморфные изваяния героизированных покойных или их стражей во время возникновения греческих поселений Северного Причерноморья представляли собой беспомощные примитивные фигуры, едва передающие облик скифского воина, сильно уступая по художественному достоинству произведениям меото-скифской торевтики [1, с. 22].

Все антропоморфные надгробия – вариант одного и того же типа: схематическое изображение головы человека на прямоугольной основе. Пропорции головы и туловища, их формы различны. Однако в этом разнообразии прослеживается определенная закономерность: более удлиненная форма туловища по сравнению с головой (в примерном соотношении 2:1) характерна для ранних надгробий эллинистического времени. Есть у ранних надгробий и другая особенность: довольно тщательная отделка камня с обеих сторон, аккуратная проработка боковых граней, четкие геометрические очертания. Форма головы круглая или овальная. Надписи, если таковые имеются, расположены в верхней части туловища.

Л.Г. Колесникова выделила в Херсонесе бесспорно женскую группу таких памятников и пришла к выводу о возможности отнесения всех антропоморфных надгробий Херсонеса к женским. Она выдвинула гипотезу, что такие памятники изображали не умерших, а являлись символами женских хтонических божеств Деметры, Керы и были безликими. Но наличие на некоторых боспорских надгробиях (известно девять) врезанных или рельефных черт лица и деталей одежды говорит о том, что поверхность лица не была гладкой, являя обобщенный образ божества, а изображала конкретную личность умершего с попытками передать индивидуальные черты, как это делалось на рельефных, скульптурных и живописных надгробиях Боспора. Абсолютно бесспорным является и то, что боспорские антропоморфные надгробия уснащивались не только над женскими могилами [8, с. 122].

В IV в. до н.э. греки начинают интересоваться преимущественно жизнью человека, его переживаниями, наделяя человеческими чувствами и изображаемых богов.

Определяющей чертой общественного климата эпохи эллинизма были растущий индивидуализм и уход в частную жизнь. Четкая фиксированность образа поведения хорошего гражданина в V в. до н.э. стесняла свободу развития личности, стирала разницу между индивидами, приводила к монотонности общественной жизни [10, с. 215].

Особенностью частных погребений, особенно в эллинистическо-римский период, была героизация умерших – не только выдающихся личностей, но и простых смертных. Героизация умерших была не только ритуалом, в известной мере традиционным, она становится способом преодолеть скорбь, сохранить память внутри семьи в течение нескольких поколений [10, с. 104].

Отдельно мы решили обратиться к детской теме, которая освещается в историографии лишь вскользь. В сборнике материалов конференции «Боспорское царство как историко-культурный феномен» за 1998 г. опубликована статья И.А. Тульпе «Некрополи для детей (по материалам раскопок некрополей Илурата и Китея в 1968-1998 гг.)». Но данная работа достаточно узка по тематике и ограничена источниковой базой. В нашем исследовании мы дополнительно привлекли эпитафии и изобразительные источники и попытались осветить более полную картину. Эпитафии раскрывают в полной мере любовь жителей Боспора к своим детям, а в искусстве эллинистического периода много внимания уделялось изображению детей, но об этом чуть позже.

Антропоморфные изваяния и детские погребения – это китейский сюжет. Подавляющее большинство антропоморфных изваяний в Китее были сопряжены с детскими погребениями, преимущественно младенческими. Особый поворот детская тема приобретает в связи с захоронениями лошадей, сопровождающими детские погребения, сюжет, который присутствует в равной степени на обоих некрополях. Погребальный инвентарь присутствовал в большей части неповрежденных захоронений [9, с. 47-49].

Полифункциональность останков детей на некрополе может быть подтверждена обнаружением их не только в детских могилах в качестве объекта обряда. Так, на северном участке некрополя Илурата была открыта грунтовая, частично облицованная известняковыми плитами могила Н-77. В ней была погребена нерожавшая женщина 50-60 лет. Костяк, особенно в области таза, был посыпан семенами и зернами. В могиле была также краснолаковая чашечка с фрагментом детской бедренной кости. У склепа Н-1 была раскрыта грунтовая могила Н-90 со скоплением костей мужчины до 20 лет, женщины или подростка, мужчины 40-50 лет, женщины,

а также фрагментом челюсти новорожденного и старческой челюстью. Конечно, наличие останков детей в этих погребениях может быть случайным и нехарактерным. Однако, в пределах сакрального пространства некрополя в непогребенных могилах случайности маловероятны.

Рассмотренный археологический материал дает основание выделить особое отношение к ребенку как объекту обряда, и одновременно как к средству. Ребенок синонимичен зерну или яйцу, это вариант зерна, плодородного жизненного начала. Младенец – это потенциальная жизнь. Смерть ребенка преждевременна, и это опасно для социума, как всякое нарушение миропорядка. Поэтому представляется, что младенческие погребения обставлялись особым образом. Семья, не успевшее прорасти и дать плод, не исполнило своей функции в одном (живом) качестве, но должно исполнять ее в другом. Может быть, поэтому сопроводительный инвентарь младенца, новорожденного содержал так много хтонически-плодородного, эротического: то ли чтобы избытком жизни вытеснить избыток смерти, нарушивший порядок; то ли недавний выходец из лона, из другого мира и уже опять готовый в обратный путь, к переходу, был мостиком, медиатором миров [9, с. 52-53].

В искусстве эллинистического периода много внимания уделялось изображению детей. Мастера достигли значительных успехов в создании реалистического образа ребенка со всеми внешними особенностями его возраста.

В позднеэллинистическую эпоху II-I вв. до н.э. появляются фигурные изображения, которые сосредотачиваются, главным образом, на люнетах. Изображаются мифологические сюжеты или покойник и его домочадцы. В эпоху позднего эллинизма исполняются рельефные надгробия. Как сюжеты, так и стиль имеют своим истоком греческую надгробную скульптуру из Малой Азии, северо-восточной части Балканского полуострова и прилежащих центров.

Еще сильнее веяния новой туземной культуры сказываются в передаче тела: узкие плечи и впалая грудь резко отличается от более коренастых торсов атлетических фигур греческой классики. Скорее всего, это портрет Неокла – сына Геродота, правителя Горгиипии; статуя была поставлена в 187 г. Стиль статуи близок восточно-греческой скульптуре II века. Чувствуется продолжение эллинистической традиции со свойственным ей этнографическим интересом к изображению иноземцев – в данном случае, по всей вероятности, представителя греко-синдской знати.

В первые века н.э. пропорции памятников несколько меняются: туловище значительно укорачивается. Форма головы круглая или несколько уплощенная в верхней части [7, с. 366-367]. В римскую эпоху значение туземцев в городах Боспора возросло настолько, что они теперь стали явно доминировать. Они накладывают печать на религиозные представления, одежду, вооружение и бытовой уклад.

Антропоморфная форма надгробия, получившая широкое распространение на Боспоре в эллинистический период, в первые века н.э. потеряла свое первоначальное значение в связи с расцветом сюжетного надгробного рельефа, и пережила новое возрождение в конце II – III веках., когда изготовление сюжетных надгробных рельефов прекратилось или, во всяком случае, сильно сократилось [3, с. 253].

С III в. мы все более чувствуем появление и рост специфического местного искусства причерноморских городов, в создании которого играют роль и греки, и представители местного населения.

Несмотря на то, что эти стелы становятся порой схематичными и простыми, при внимательном рассмотрении они раскрывают многие детали жизни боспорян: не только отношение к загробному миру и вере в бессмертие членами семьи, их повседневные занятия и увлечения, но и этнические типы, характерные черты их лиц и фигур, костюмы, украшения, вооружение, мебель и т.д. По этим рельефам можно изучать мировоззрение боспорян, мастерство их художников, быт, социальное положение и настроение действующих лиц.

Художественный замысел в искусстве Боспора давался мастерами при помощи тех средств выразительности, которые отвечали эстетическим запросам местного заказчика – варваризованного боспорского грека или эллинизированного варвара, интеллектуальный и художественный потенциал которого вмещал всю полноту греческой и негреческой генетической памяти.

Местная знать охотно принимала внешнюю культуру греков, а некоторые ее представители переселялись в боспорские города, где эти «огречившиеся» выходцы из местных племен становились затем полноправными боспорскими гражданами.

И уже в римскую эпоху, когда широкие слои местного населения слились с живущими в городах греками, и когда на базе этого слияния возникла и окрепла местная смешанная культура, окончательно образуется и своеобразный местный художественный стиль как выразитель идеологии создавшего его этнически неоднородного общества. Взятое в целом, это явление находит себе аналогии всюду, где античный мир близко сталкивался с миром «варваров», например, в Галлии, Германии, на переднем Востоке и т.д., и где местные элементы в искусстве, оплодотворенные античными влияниями, окрепли, и в результате социально-экономического и культурного роста соответствующих общественных объединений, в свою очередь, начали оказывать обратное воздействие на уже утерявшие к этому времени былую силу и свежесть нормы античного искусства [5, с. 300].

Только в самой общей форме можно установить, что в скульптуре, так же, как и в живописи и в различных отраслях художественного ремесла, на почве Северного Причерноморья путем слияния античных и туземных традиций сложился и утвердился в первые века н.э. определенный изобразительный канон.

Таким образом, главная тенденция, которая просматривается в эволюции искусства Боспора, это – частое сочетание выразительности и экспрессивности с упрощенностью и небрежным исполнением деталей. Это может служить свидетельством постепенного обращения именно к внутреннему миру человека, когда его внешний образ и правильность пропорций отходит на второй план, а главный упор делается на передачу эмоций с помощью изображения лица.

Принеся с собой новый «запас» античных традиций в области культуры и производства и, возможно, сумев сохранить свои семейные узы, вынужденные переселенцы как бы вдохнули новую жизнь в увядающее Боспорское государство, продлив его существование как греко-варварского образования, еще почти на три столетия. И уже с III в. в мировоззрении боспорян, как и ранних христиан вообще, мирно уживались не только новые христианские религиозные представления, но и традиции древних языческих верований, что было характерной чертой религиозной жизни в позднеантичный период всего древнего мира, и особенно восточных районов Римской империи.

Источники и литература.

1. Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII-V вв. до н.э.) // Советская археология. 1964. № 2. С. 13-26.
2. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. 300 с.
3. Иванова А.П. Боспорские антропоморфные надгробия // Советская археология. Т. XIII. М.-Л. 1950. С. 239-254.
4. Иванова А.П. Образы местной мифологии в искусстве Боспора // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 20. Л., 1954. С. 224-263.
5. Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.М. Максимова. М.-Л., 1955. С. 300.
6. Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 5-29.
7. Молева Н.В. К вопросу об этнической принадлежности и происхождении боспорских антропоморфных надгробий // Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «ЭЙРЕНЕ»). Вып. II. Ереван, 1979. С. 366-367.
8. Молева Н.В. Новые антропологические надгробия в коллекции Керченского музея // Античный мир и археология. Вып. 5. Саратов. 1983. С. 115-122.
9. Тульпе И.А. Некрополи для детей (по материалам раскопок некрополей Илурата и Китея в 1968-1998 гг.) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции. Декабрь 1998. СПб., 1998. С. 47-49.
10. Устинова Ю.Б. Частные культовые сообщества у греков (Атика VI-IV вв. до н.э.) // Быт и история в античности. М., 1988. С. 192-218.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОСМЕРТНУЮ УЧАСТЬ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

ЛЕЙБЕНСОН Ю.Т.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Из многочисленных «вечных вопросов», которыми человечество будет задаваться независимо от исторической эпохи, вопрос о смерти является, безусловно, важным. В отличие от многих других проблем философского порядка (как, например, вопрос о первопричине мира), он не может интересовать только небольшую группу философов и ученых. Вопрос о смерти касается непосредственно каждого человека. Но если человек задает себе этот вопрос независимо от общества и эпохи, то ответ все же будет зависеть от культурно-исторического контекста, в частности, от мифологических, религиозных или философских представлений того или иного периода. В отношении к смерти как к феномену, во взгляде на посмертную участь, словом, во всех тех представлениях, которые принято называть малой эсхатологией, зачастую отражаются и многие другие представления: и о смысле и цели человеческой жизни, и об индивидуальной ценности ее, и об устройстве мира. Отношение к смерти и посмертию, таким образом, выступает в качестве квинтэссенции философской и религиозной мысли эпохи. Именно поэтому представляется важным обращение к данному вопросу в ходе изучения духовной жизни античных государств Северного Причерноморья. Здесь, прежде всего, интересна взаимосвязь с идеями метрополий и других античных центров, а также отражение представлений о смерти в известных нам памятниках.

К проблеме эволюции взглядов на посмертную участь в античности обращались многие исследователи. Прекрасно описаны изменения в общегреческой религии и философии [7; 8], освящен ряд вопросов, относящихся непосредственно к Северному Причерноморью [4; 18; 19]. Данная работа имеет целью выяснить, как эта эволюция отражалась в конкретной группе памятников – надгробных эпитафиях, известных во всех крупных центрах Северного Причерноморья; как содержание эпитафий соотносится с другими надгробными памятниками и с античной культурной традицией в целом.

Отношение эллинов к смерти и посмертному существованию менялось на протяжении всей античной истории. Известно, что в эпоху архаики посмертие представлялось как существование в сумеречном царстве Аида. Греческая мифология знает и достаточно подробную топографию царства мертвых, и множество правил, связанных с «правильным» вхождением в Аид (как, например, традиционный «обол Харона»). В «Одиссее» говорится, что души умерших лишены памяти, и тень Ахиллеса, вызванная Одиссеем, говорит, что лучше быть последним поденщиком на земле, чем властвовать над мертвыми в Аиде [12]. Подобное отношение к смерти не оставляло человеку надежды на достойное посмертное существование, зато заставляло его реализовывать себя в краткий период земной жизни, занимаясь, в первую очередь, общественными делами. В классический период такое неутешительное отношение к смерти оставалось господствующим, но уже намечались пути иного разрешения проблемы.

Пифагор учил, что вечная душа переселяется с небес в брненное тело человека или животного и претерпевает ряд переселений, пока не заслужит права вернуться обратно на небеса, в некое божественное состояние [6, с. 37]. Платон также говорил о возможном метемпсихозе, который ожидает неочистившиеся души. Только душа истинного философа может «перейти в род богов» [16, с. 316]. Подобные идеи развивали относительно немногочисленные последователи этих философов и, хотя их вклад в развитие античной философии трудно переоценить, мысль о приобщении к богам не была широко распространена. В классический период появляется тенденция к героизации отдельных умерших. Это выражается в определенном типе памятников, которые устанавливались, прежде всего, на могилах аристократов.

Ситуация меняется в эллинистический период. Кризис полиса, распространение монархической формы управления заставляют общество искать новые формы и идеи, как в политической, так и в культурной, и в психологической сферах. Теперь, когда общественная жизнь и степень влияния на политическую ситуацию рядового гражданина античного полиса ограничена или сводится к нулю, вполне естественно, что сфера основных интересов человека перемещается к вопросам частной жизни. Это выражается в самых разных формах, в частности, в повышенном интересе к посмертной участи человека. Теперь религиозное сознание эллина не может смириться с безрадостной перспективой бродить бесплотной тенью в Аиде. И если раньше в Элизиуме или в сонме богов на Островах Блаженных обитали только отдельные лица: полубоги, великие воины или отцы полиса, то в эллинистический период героями, достойными такой загробной жизни, становятся все умершие. Конечно, теперь почитание героизированных умерших не выходит за рамки отдельной семьи, но оно имеет важное значение. Почивший родственник в представлении домочадцев не только удостоивается блаженной участи, но и может оказать влияние на судьбу потомков. Именно поэтому массовыми становятся такие формы надгробий, как герооны, эдикулы, наиски. Как божество обитает в своем храме, так и душа героя – в своей гробнице. Героизация умерших пережила эллинизм. *«В римское время слово «герой» стало практически синонимом слова «покойник»»* [4, с. 6].

Интересна также формула, часто встречающаяся в римских эпитафиях: «Богам Мамнам» – так обращались к душам мертвых, от которых живые родственники ждали покровительства в житейских делах [20, с. 44]. Вместе с тем, получают развитие и другие представления, также возникшие в эллинистический период: например, представление о предопределении, связанное с астрологией (длительность человеческой жизни определялась положением светил при его рождении) [21, с. 216]. Подобные взгляды оставались господствующими до конца античности и сменились христианским учением о посмертном существовании души.

Эволюцию взглядов на посмертное бытие в Северном Причерноморье отражают различные группы памятников: надгробия, антропоморфные скульптуры, саркофаги, росписи склепов. Нас же будет в первую очередь интересовать содержание эпитафий. Надгробные эпитафии хорошо известны в северопричерноморских полисах, они присутствуют в разное время на значительной территории, а потому, могут считаться массовым материалом. Особенность эпитафий не только в том, что они отражают верования, традиции и культурные связи, но и в том, что их содержание зачастую зависит от взглядов и убеждений сочинителя. Принимая эту особенность во внимание, заметим, что она не является препятствием для исследования, поскольку убеждения автора эпитафии, так или иначе, формируются в контексте той или иной культурно-исторической парадигмы.

Прежде всего, следует обратиться к эпитафиям, происходящим из Ольвии. Расцвет культуры этого полиса приходится на классический период. Ольвия находилась в окружении варварских племен, но, тем не менее, сохраняла тесные связи с греческими центрами. Все это сближает полис не с периферийной культурой, а с теми чертами, которые наблюдаются в развитии Аттики, следовательно, в целом надгробные памятники должны отражать соответствующие представления о загробной жизни. Что касается ольвийских эпитафий V – начала IV вв. до н.э., они, в основном, лаконичны и содержат либо исключительно имя и отчество усопшего [13], либо прощание с умершим. Исключением выглядит надпись на мраморной стеле, относящейся к V в. до н.э.: *«Памятник доблести, я говорю, что вдали, за отчизну / Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс»* [15, с. 131]. Исключение это не случайно, так как отражает процесс героизации наиболее выдающихся граждан. Рельеф, сохранившийся на стеле, также об этом свидетельствует: на одной стороне памятника высечен стоящий юноша с копьем, а на другой – фигура, стоящая в профиль в восточной одежде с горитом у левого бедра и со стрелой в руках. В пользу героизации отдельных граждан (прежде всего, аристократов) говорят и находки надгробных мраморных скульптур, саркофагов и стел, схематически изображающих храм в миниатюре (в Ольвии они известны с архаики до римского времени). Тем не менее, процесс героизации во всех типах надгробных памятников отражают не надписи, а изобразительные средства.

Это справедливо и для эллинизма, с IV в. до н.э. по II в. н.э., когда «в Ольвии процветает апофеоз смерти – героизация умерших». Надгробные скульптуры и стелы, в которых широко представлен сюжет загробной трапезы, дополняются наисками и циппи, которые также связывают с героизацией умерших. Но надписи прямо об этом не говорят, хотя и приобретают иной характер. Эпитафии становятся лиричнее, они отражают больший интерес к человеку, нежели надписи предыдущих периодов. «О, Эпикрат, Исократ дитя! / Над могилою стела / Памятник это / Хотя рано в могилу тебе» [15, с. 143]. Как и в большинстве регионов ойкумены, эти традиции получают развитие в римское время. Обращает на себя внимание надпись, относящаяся ко II в. н.э. Эпитафия посвящена Мойродору и сохранилась на постаменте статуи, к сожалению, не сохранившейся. Она гласит: «Эта могила, о странник, заключает в себе покойника, дошедшего до обычного всем предела жизни. Его родиной был скифский город Ольвия, а имя у смертных – сложное из слов судьба и дар. Это был маститый старец, который, уходя в назначенный роком дом Аида, оставил в живых двоих детей. Его, одинаково желанного людям и бессмертным, пошли в жилище благочестивых» [15, с. 131]. Эта замечательная во многих отношениях надпись важна для нас, в первую очередь, как отражение представлений о необратимой судьбе, назначенном каждому «пределе жизни» и об особенной посмертной участи достойных людей: несмотря на то, что человек отправляется в «дом Аида», он заслуживает того, чтобы присоединиться к благочестивым (С.Э. Андреева дает перевод «блаженным»). Также распространена формула посвящения надгробия «Богам Манам», которую использовали римские солдаты, находившиеся в Ольвии [15, с. 139]. Все это традиции, находящие аналогии во многих других регионах античного мира.

Особенное внимание обращают на себя боспорские эпитафии. Абсолютное большинство стихотворных эпитафий происходит именно из городов Боспора. Они отличаются особенной лиричностью и поэтичностью: неоднократно в литературе отмечался тот факт, что в стихотворных надписях присутствуют разнообразные литературные приемы, свойственные лучшим образцам античной поэзии. Вместе с тем, боспорские эпитафии отражают и индивидуальный характер составителя, поэтому, служат прекрасным источником для изучения духовной и общественной жизни боспорских полисов. Нас же, в первую очередь, интересует отражение в этих надписях представления боспорских граждан о смерти.

Из эпитафий классического времени известны краткие надписи, либо указывающие только имя и отчество погребенного, либо содержащие дополнительные сведения: происхождение, возраст или обстоятельства смерти: «Под этим памятником лежит муж, для многих желанный, родом тавр. Имя же его Тихон» [11: 114].

В эллинистическое время на Боспоре повсеместной становится героизация умерших (об этом свидетельствуют разнообразные формы памятников: саркофаги, курганы, стелы с рельефными изображениями сцен прощания, ритуальной трапезы и героизированного всадника) [4, с. 59-60]. Надписи же, прежде всего, отражают скорбь близких об ушедшем, в них мотив героизации звучит редко. Вместе с тем, эпитафии становятся подчеркнута лиричными, пространственными, в них отражается глубокий интерес не только к обстоятельствам смерти, но и личности самого умершего.

Вопрос о том, что случится с человеком после смерти, непосредственно затрагивается только в некоторых надписях, которые являются уникальными по ряду причин. Одна из надписей прямо говорит о том, что умерший отправляется в Аид: «Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея, дышащего вином, вдали от милой родины. Душу его принял Ахеронт, а тело – могила» [11: 117]. Образцом литературного творчества на Боспоре по праву считается эпитафия Феофилы: «Феофила, дочь Гекатея, прощай. Ко мне, Феофиле, дочери Гекатея, недолговечной деве, сватались юноши. Но их предупредил похитивший меня Аид, узрев во мне Персефону – прекраснее Персефоны. И оплакивает вырезанная на могольном камне надпись девушку Феофилу, синопянку, свадебные факелы которой отец ее Гекатей приготовил не для брака, а для Аида. Не брачные узы владеют тобой, дева Феофила, а то место, откуда не бывает возврата: ты уже не невеста Менофила, а соучастница Коры по ложу. А у твоего отца Гекатея осталось одно лишь имя погибшей, образ

твой он видит в камне, несбыточные же его надежды нечестивая похоронила Мойра. Тебя, Феофилу, на долю которой выпала завидная среди людей красота, тебя, десятую музу Хариту, созревшую к браку, образец стыдливости, не руками темными обнял Аид, а Плутон лампадой зажгет для тебя брачные свечи, приняв тебя в свадебный свой чертог возлюбленной супругой. Прекратите, родители, плач, остановите свои стенания: Феофила получила в удел ложе бессмертного» [11: 141]. Наряду с традиционным для всей Эллады выражением скорби из-за того, что девушка умерла до брака, автор высказывает мысль о завидной участи умершей – стать *«Персефоной лучше Персефоны»*, то есть, достигнуть бессмертия среди героев и богов [5, с. 20]. Эпитафия Феофилы – это, пожалуй, самое яркое, не столько в мифологическом, сколько в художественном отношении, свидетельство о героизации умерших в надписях Северного Причерноморья. Мотив героизации отражается и в других надписях. Описывая кончину Менодора, сына Аполлония, выходца из Синопы, погибшего в Боспорской земле, *«изрубив много кровавых вражеских доспехов»*, автор эпитафии желает покойному *«жить в священном доме благочестивых»*, что, безусловно, является хорошей посмертной участью [11: 131]. Другая надпись воспроизводит мотив героизации в том смысле, что умершие могут повлиять на судьбу своих родных, устанавливавших им памятники и должным образом заботящихся о них (это, по видимому, и служило одной из причин героизации умерших): *«Если что-либо значат молитвы родителей из Аида, то получишь ты, Антипатр, такую же благодарность от детей»* [11: 132].

Нельзя обойти вниманием и эпитафию Гекатея: *«Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, сам познав священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий»* [11: 121]. Необычность надписи привлекла исследователей вскоре после ее издания. Ю.Ю. Марти считал, что надпись свидетельствует о совершении Гекатеем самоубийства [14, с. 31]. Можно прийти к выводу, что эпитафия представляет взгляды орфиков, согласно которым душа вынуждена следовать по кругу перерождений. И поскольку Гекатей был посвященным в таинства орфиков, он из этого мучительного круга вырвался. Тем не менее, Д.В. Панченко прекрасно показывает неосновательность такого предположения: «круг страданий» это не обязательно круг перерождений, уже во времена Аристотеля вошло в поговорку выражение *«дела людские называют круговоротом»*, а формула *«сам познав священные решения»* указывает на философа-самоучку, а не на посвященного [14, с. 29]. Таким образом, в Гекатее можно видеть философа, достигшего истинной мудрости, для которой смерть кажется освобождением. О том же, что ждет Гекатея после смерти, автор надгробной надписи не говорит.

В эпитафиях римского времени наиболее часто отражается мотив беседы умершего с прохожим, указание имен тех, кто поставил памятник. О героизации умерших свидетельствует стела, найденная на Тамани: *«Тимофей, сын Дасея, прощай. Тимофей, праведный муж своей отчизны, сын Дасея, ты умер, завершив три десятка лет. О несчастный, я скорблю над тобой у твоей многооплаканной могилы; теперь, скончавшись, да пребываешь ты вместе с героями»* [11: 1057].

Специфическими для всего Северного Причерноморья являются памятники Херсонеса. Этот полис был основан позднее Ольвии и крупных городов Боспора, кроме того, он является единственным дорийским полисом в данном регионе. Колонисты с самого начала взаимодействовали с окружающими варварами совершенно иначе, чем жители соседних греческих центров. Все эти факторы накладывали определенный отпечаток на традиции Херсонеса, в том числе, и погребальные. В то время, когда на Боспоре и в Ольвии обычным становится изображать на надгробиях героизированного умершего и свидетельствовать в эпитафии о глубокой скорби его родных, в Херсонесе распространяется несколько типов надгробных стел, на которых нельзя встретить подобных мотивов. Эллинистические памятники Херсонеса содержат скупые надписи, указывающие только имя и отчество погребенного, и изображения, на которых перед нами предстает не образ почившего, а его половозрастные атрибуты: на женском надгробии рельефно или только красками изображались тэния и алабастр, на памятнике, поставленном человеку, погибшему в юности,

– стригиль и арибалл; стела, воздвигнутая зрелому мужчине, украшалась изображением меча и портупей, а если погребенный умер в преклонных годах – сучковатого посоха. Герой не взирает на нас со своего надгробия и не жалуется на безвременную кончину в стихах эпитафии.

При этом остальные черты погребального обряда указывают на героизацию умерших: это и оформление стел в виде миниатюрных копий храма, и распространение саркофагов, наисков, антропоморфных надгробий. Но портрет самого человека на его надгробии в IV- III вв. до н. э. не представляется херсонесским мастерам необходимым. Видимо, более важными являлись его общественные функции – материнство, защита родины (или подготовка к ней, или неспособность быть воином в силу возраста). Эта функция и указывалась на памятнике. Скорее всего, такая яркая черта херсонесских надгробий связана с дорийским характером полиса. В условиях постоянной военной угрозы личность гражданина в глазах современников, вероятно, была менее значима, чем его социальная роль. Такое предположение подтверждается сведениями об отношениях херсонеситов со скифами, бывшими постоянными врагами полиса [23, с. 9-15]. И если учесть, что херсонесские памятники, с одной стороны, свидетельствуют о героизации умерших, а с другой стороны, не содержат указаний на индивидуальные черты умершего, то можно предположить, что внутри семьи складывалась традиция почитания героизированных родственников, но, поскольку памятник ставился над захоронением и для всеобщего обозрения, на нем изображались только атрибуты умершего и писалось только его имя.

Если семья потеряла близкого человека, то полис потерял, в первую очередь, воина, мать будущих воинов, мудрого старца и т.д. Эту догадку подтверждает и тот факт, что единственным исключением для херсонесских надгробий эллинистического является надпись на стеле иностранца: *«Сыну воздвиг своему, усопшему Лисханориду / Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес»*, — гласит стихотворная эпитафия. На этой стеле изображение также нетипичное – представлена сцена прощания отца и сына [9, с. 59]. О том, какая судьба ждет человека за порогом смерти, ни в одном случае не сказано. Можно только предположительно говорить о том, что, устанавливая богатые памятники, напоминающие храмы, херсонеситы надеялись, что почившие удостоятся пребывания вместе с богами и героями.

Так же, как и обычай заменять портрет умершего изображением его атрибутов, традиция лаконичных надписей на погребениях бытовала только до римского времени. Позднее херсонесские стелы украшают стихотворные эпитафии, не менее эмоциональные, чем боспорские. Например, широко известная эпитафия на стеле Ксанфа, датируемая первыми веками нашей эры:

*«Ксанф, сын Лагорина, прощай!
Странник, скрываю собою я Ксанфа, который
Был утешеньем отца,
Родины юной красой,
Сведушим в таинстве Муз, безупречным среди сонма сограждан,
Чтимый среди юношей всех, светлой звездой красоты.
В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем,
Сирым родителям слез горький оставивши дар.
О, если больше Плутону, чем вам достаются на радость
Дети, зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?»* [22, с. 26].

В херсонесских эпитафиях римского времени обращают на себя внимание следующие черты: мотив разговора умершего с прохожим, жалоба на несвоевременность и трагические обстоятельства смерти, распространяющаяся римская формула «Богам Манам». Все это представляет совершенно разное отношение к смерти и посмертию: от молчания о загробном мире, до уверенности в том, что духи умерших могут помогать или вредить живым. Э.И. Соломоник отметила, что некоторые надгробия римского времени свидетельствуют об увлечении херсонеситов астрологией, в частности, учением о том, что звезды определяют срок жизни, а душа человека после смерти обитает на Луне и других светилах. На распространение подобных взглядов указывает выражение *«исполнив срок жиз-*

ни», встречающееся в отдельных надписях, а также изображение трех звезд на надгробии Парфенокла [21, с. 91].

Таким образом, мы видим, что эпитафии отражали изменение взглядов на посмертную участь в античном обществе, в том числе и в городах Северного Причерноморья. И наиболее важным изменением стала героизация умерших, существовавшая с эллинистического времени вплоть до широкого распространения христианства в IV-V вв. Именно героизация умерших способствовала иному восприятию посмертия, предполагая для души умершего достойную и даже желанную участь.

Источники и литература.

1. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: изд. Акад. наук СССР, 1949. 624 с.
2. Гомер. Одиссея. М., 1984. 320 с.
3. Даниленко В.Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. IV. С. 29-44.
4. Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. 136 с.
5. Доватур А.И. Проводы Феофилы (CIRB 130) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.: Глаголь, 1992. С. 11-27.
6. Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л.: Наука, 1990. 187 с.
7. Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая религия. Пг., 1918. 360 с.
8. Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Пг., 1922. 44 с.
9. Картер Дж. Надгробия Херсонеса: Исследования и консервация. Севастополь, 2006. 91 с.
10. Колесникова Л.Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА. 1977. № 2. С. 87-99.
11. Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 950 с.
12. Мордовцева Т.В. Идея смерти в культурно-философской ретроспективе. Таганрог: 2001. 120 с.
13. Надписи Ольвии. Л.: Наука, 1968. 133 с.
14. Панченко Д.В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121): Конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.: Глаголь, 1992. С. 28-42.
15. Папанова В.А. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. К.: Знання України, 2006. 278 с.
16. Платон. Собрание сочинений. М: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
17. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев: ИД «Стилос», 2005. 559 с.
18. Русяева А.С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1. С. 87-104.
19. Свенцицкая И.С. "Памяти ради": Эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время // ВДИ. 2003. № 4 С. 101-110.
20. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.: Наука, 1983. 93 с.
21. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К.: Наукова думка, 1973. 282 с.
22. Соломоник Э.И. "Ксанф, сын Лагорина, прощай!": Поэзия античного Крыма / Крымский альбом: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия – Коктебель, 1996. Вып. 1. С. 25-31.
23. Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 1969. IV. С. 7-29.
24. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2004. 729 с.

Сокращения.

ВДИ –	Вестник древней истории
КБН –	Корпус боспорских надписей
СА –	Советская археология
СХМ –	Сообщения Херсонесского музея

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 50-60-Х ГОДОВ XX ВЕКА О ТАВРАХ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Новикова О.В.

Южноукраинский национальный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского

Одно из важнейших направлений современных исторических исследований – осмысление пройденного пути, связанного с формированием, развитием, борьбой и судьбой научных идей и концепций. В этом смысле важно еще раз оценить эпоху 50-60-х гг. прошлого века, в данном случае, на конкретном примере из истории Херсонеса Таврического.

Проблема классовых отношений, социального неравенства всегда была в центре внимания советских исследователей. Вместо декларированной в 30-е гг. А.И. Тюменевым и И.С. Ковалевым социологической, марксистской концепции античного рабства, в связи с появлением новых источников в конце 40-х – 50-е гг. XX в. в отечественной историографии произошел постепенный пересмотр общей концепции истории античного рабства. Исследование рабства в античных государствах Северного Причерноморья затруднялось отсутствием конкретных источников по этой проблеме. Специальных исследований в тот период не было, в основном, этот вопрос авторы обходили, ограничиваясь лишь констатацией факта существования рабовладельческого строя и наличием непреодолимых затруднений при изучении данной проблемы. Все рассматривалось через призму греко-варварских взаимоотношений.

Каким образом марксистские представления влияли на работу археологов и интерпретацию материалов, можно увидеть, проследив результаты изучения херсонесского некрополя на северном берегу, открытого в 1936 г. Г.Д. Беловым. Значительное количество скорченных погребений указывало исследователям на возможность существования на месте Херсонеса догреческого поселения. Почти 40 % от общего количества погребений составляли скорченные захоронения, которые, как считало большинство ученых, вероятно, принадлежали местному населению – таврам. В соответствии с марксистскими представлениями, древнее общество было рабовладельческим. Контингент местного населения в городах Северного Причерноморья состоял, по мнению большинства ученых, из рабов и зависимых [9, с. 20-21]. Необычное положение вышеупомянутых костяков привело к многолетней дискуссии, продолжающейся до сих пор.

Выход статьи И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) незамедлительно отразился на работе археологов. Решения печально известной Объединенной научной сессии Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, состоявшейся в феврале 1951 г. в г. Симферополе, посвященной итогам археологических исследований в Крыму к 1950 г. [15, с. 229] *«надолго предопределили подходы к «местному элементу» в истории Крыма и в античных государствах Северного Причерноморья»* [10, с. 114].

Как заметил В.И. Кадеев, *«на основании присутствия в херсонесском некрополе скорченных погребений, исследователи не только делали выводы об этнической принадлежности, но и ставили вопрос о правовом положении той части населения города, которой принадлежали эти погребения, а также о взаимоотношениях с греческим населением, поскольку скорченные погребения греческими не признавались»* [11, с. 267].

Большинство исследователей безоговорочно считали, что обнаруженные в этом некрополе скорченные останки погребенных принадлежат негреческому (туземному) населению, и разногласия были только по поводу того, какому именно. Первооткрыватель древнейшего некрополя Херсонеса, Г.Д. Белов, рассматривал эти погребения как таврские [1, с. 142-143; 3, с. 14]. На таврскую принадлежность скорченных погребений указывали

А.И. Тюменев, Н.В. Пятыева, П.Н. Шульц и другие исследователи. Что касается С.Ф. Стржелецкого, то он относил к таврским не только скорченные погребения, но и рассматривал как таврский весь древнейший некрополь Херсонеса. По его мнению, «пришлые» греки присоединились к населению таврского поселка и вместе с таврами строили город, укрепляли его стенами для защиты от врагов [16, с. 14].

Противоположной точки зрения придерживалась С.И. Капошина, которая считала: *«исходя из того, что ничего специфически таврского в херсонесских погребениях нет, а одиночность скорченных захоронений больше соответствует скифскому обряду»*. Исследовательница предположила, что в составе древнейшего населения Херсонеса были представлены туземцы, более близкие скифским племенам, чем таврским, и что им-то и принадлежат херсонесские скорченные погребения [12, с. 172].

Таким образом, несмотря на расхождения при определении этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя, все исследователи считали их принадлежащими туземному населению – таврам или скифам. Сторонники таврской принадлежности скорченных погребений некрополя IV-III вв. до н.э. относили их к представителям догреческого населения, которые обладали и гражданскими правами. В связи с тем, что в Херсонесе существовали элементы туземного населения, некоторые исследователи поставили вопрос о характере взаимоотношений греков с туземцами, а именно находились ли последние в зависимости от греков и в какой степени, или они были независимым населением, и пользовались ли они в таком случае какими-то либо правами в Херсонесе. Еще до Великой отечественной войны Г.Д. Беловым было высказано предположение, что элементы туземного населения, жившие в городе, были независимыми, но вряд ли имели гражданские права [2, с. 195]. Чуть позже он приходит к выводу об их равноправном положении *«в начальную пору жизни города»* [4, с. 33].

В.Ф. Гайдукевич и В.Д. Блаватский подвергли критике предположение Г.Д. Белова о том, что совместное захоронение в одном некрополе варваров и греков говорит о равноправии тех и других [7, с. 142; 5, с. 145]. По мнению В.Ф. Гайдукевича, здесь необходимо внести существенное ограничение, *«поскольку в рабовладельческих античных городах Северного Причерноморья происходил процесс слияния греков только с верхним социальным слоем варваров, а не со всей массой местного населения»* [7, с. 142].

Результаты раскопок некрополя позволили С.Ф. Стржелецкому в 1945 г. исключить предположение о зависимом, а тем более рабском, положении тавров и полностью отказаться от выводов Г.Д. Белова [19, с. 93-94]. Наличие коллективных захоронений, общая основа погребального обряда, яркие аналогии в погребениях каменных ящиков горного Крыма, казалось бы, подтверждали выводы ученого о принадлежности их к таврскому населению. Им было выдвинуто положение, что они являлись равноправными гражданами Херсонеса [19, с. 95].

В.Ф. Гайдукевич и С.И. Капошина, на основании изучения материалов раннего херсонесского некрополя 1936 г., рассматривали вопрос о социальном положении негреческого контингента в Херсонесе. Характер погребального инвентаря во многих захоронения местного типа, явное преобладание керамики греческих типов, как привозной, так и местного изготовления (лепная посуда, свойственная таврскому и скифскому населению) позволили поставить под сомнение рабское положение местного населения [8, с. 168-175].

Свои коррективы в интерпретацию результатов раскопок некрополя внес В.Д. Блаватский, который предпринял попытку перенести проблему в социальную плоскость. По его мнению, наличие в составе населения Херсонеса IV – III вв. до н.э. многочисленных представителей туземных этносов еще не давало основания заключить, что тавры участвовали в создании Херсонесского полиса и имели там гражданские права. Исследователь предполагает, что возникновение Херсонесского государства было в известной мере схоже с основанием его метрополии – Гераклеи Понтийской. Там мегарские колонисты покорили коренных обитателей – мариандинов, широко используя их подневольный труд в хозяйстве Гераклеи. Таким образом, в представлении автора была следующая картина: гераклейские переселенцы, основавшие херсонесский полис в конце V в. до н.э., оказались в иных условиях. Соседившие с ними тавры, если и были при этом по-

корены херсонесцами, то лишь в той небольшой части, которая обитала в ближайших окрестностях Херсонеса. Уровень хозяйственного развития тавров был значительно ниже, чем у мариандинов. Это исключало возможность таких взаимоотношений между покоренными таврами и херсонесцами, какие сложились между мариандинами и гераклеотами. Захваченных в плен тавров превращали в рабов (типа рабов покупных или военнопленных). К тому же в сельском хозяйстве херсонесцев очень видное, может быть, даже первенствующее место занимало не хлебопашество, как на Боспоре, а виноградарство, т.е. не местная культура, а привнесенная самими херсонесцами. Этим обусловлен чисто античный характер сельского хозяйства Херсонеса. Из всех городов Северного Причерноморья он меньше других был связан с местным населением, и в нем местные элементы играли незначительную роль. В отличие от греко-меотского Боспора, Херсонес оставался греческим полисом, не вступавшим в сколько-нибудь тесное общение с таврами [6, с. 165].

История рабства в античном мире оставалась одной из важных проблем изучения древней истории в 60-х гг. XX в. Появление новых точек зрения на эту проблему было связано с началом нового этапа археологического изучения Херсонеса и его округа с конца 50-х гг. XX в.

С.Ф. Стржелецкий продолжал развивать концепцию господства в сельскохозяйственном производстве на Гераклейском полуострове труда рабов. Используя методику, предложенную ранее В.Д. Блаватским [6, с. 165-166], исследователь предпринял попытку на пяти обследованных им «клерах», подсчитать примерное количество населения Херсонеса III – II вв. до н.э., связанного с земледелием [18, с. 161]. Пытаясь хотя бы теоретически обосновать источники поступления рабов в хозяйства Гераклейского полуострова, упоминания о которых отсутствуют в источниках и развивая точку зрения В.Д. Блаватского о таврской прослойке рабов, С.Ф. Стржелецкий видел подтверждение своей теории «в постоянно встречающихся обломках лепных сосудов, в особенности орнаментированных, весьма близких по последнему признаку к сосудам из таврских поселений VI—V вв. до н. э.» [18, с. 161]. Исследователь приходит к заключению, что «тип усадеб, сложенных по правилам строительной техники тавров, наряду с усадьбами, построенными в великолепной древнегреческой строительной манере, свидетельствует не о зависимости хозяев от строительных навыков их рабов — тавров, а о привычках, вкусах, традициях самих хозяев» [16, с. 162]. Ведь «таврская прослойка все больше и больше начинает прослеживаться и среди свободного населения Херсонеса» [18, с. 161]. Таким образом, в свете истории местного населения Гераклейского полуострова и его округа, он считал, что вся территория полуострова была плотно заселена таврами-земледельцами, начиная с первой половины первого тысячелетия до н.э. (количество таврских памятников в результате новых разведок указанного района увеличилось). С ними и оказались в тесных политических и экономических связях первые переселенцы из Гераклеи Понтийской. Последнее четко прослеживается на некрополе Херсонеса IV в. до н.э. на северном берегу городища, на котором выявлены якобы бесспорные таврские погребения, принадлежавшие жителям города [17, л. 13-14 В].

Напротив, И.Т. Кругликова, проведя аналогию с положением крестьян в римской Галлии во II в. до н.э., считала, что «маловероятно, чтобы свободное крестьянство отсутствовало в Херсонесе, удаленном от центра рабовладельческого мира, окруженном свободными таврскими и скифскими племенами». Считая, что со временем будут добыты материалы, подтверждающие это предположение, и на Гераклейском полуострове или по соседству с ним, кроме «клеров», будут открыты сельские поселения, в которых жили свободные крестьяне из числа местных жителей [13, с. 179].

Заключительным этапом движения по пути полного переосмысления всего спектра взглядов на проблему контактов греков с аборигенами стало для этого времени монографическое исследование В.В. Лапина «Греческая колонизация северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации)» (1966). Автор пришел к выводу, что колонизация носила земледельческий характер. Он отрицает теорию Иессена о двусторонности колонизационного процесса и отмечает ненаселенность Северного Причерноморья в эпоху основания ранних колоний [14, с. 235-236]. Решающее значение в опре-

делении этнической принадлежности скорченных погребений играл для исследователя сравнительно-исторический метод. Таким образом, в соответствии с новой, «аграрной», теорией колонизации, он рассматривал скорченные погребения некрополя как греческие [14, с. 230-231]. Его выводы дали толчок продолжению дискуссии о правовом положении местного населения в ранний период Херсонеса в 70-е гг. XX в.

Иное мнение относительно принадлежности найденных скорченных погребений высказывал и А.С. Щеглов: «*Некрополь на северном участке херсонесского городища, где обнаружены скорченные погребения, ни в коей мере не говорит о том, что жившие в городе тавры (даже если погребения действительно принадлежат таврам) имели гражданский статус наравне с греческими общинниками*» [21, с. 335].

Таким образом, влияние марксистских представлений о мировом историческом процессе четко прослеживается на интерпретации результатов исследования Херсонесского некрополя в работах 50-60-х гг. XX в. Общие духовные сдвиги привели к пересмотру всей картины античной истории. В этой связи переоценки коснулись представления о решающем значении классовой борьбы в античности: борьбы рабов с рабовладельцами. Марксистские представления об основополагающем значении рабства для классической древности не имело обязательной силы. Показательным в этом плане был отход от гипотезы С.А. Жебелёва о восстании рабов на Боспоре в конце II в. до н.э. Рабский статус Савмака был поставлен под сомнение.

По мере появления новых археологических источников, предположительно свидетельствующих о существовании на месте Херсонеса дополисного эмпория, вопрос об этническом составе населения вновь был поставлен исследователями, в том числе, появились новые гипотезы о наличии варваров среди горожан. Дискуссия о правовом положении этой группы населения в ранний период истории Херсонеса продолжилась.

Источники и литература.

1. Белов Г.Д. Херсонес Таврический (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 15 января 1944 г.) // КСИИМК. 1946. №. XIII. С. 142-143.
2. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935 – 1936 гг. Симферополь., 1938. 349 с.
3. Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) // МИА: Археологические памятники Юго-Западного Крыма. 1953. № 34. С. 11-31.
4. Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Л., 1948. 147 с.
5. Блаватский В.Д., Г.Д. Белов, Херсонес Таврический, Гос. Эрмитаж, Л., 1948, 147 стр., 23 таблицы // ВДИ. 1949. № 3 (29). С. 145-148.
6. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Причерноморье в античную эпоху. 1953. вып. 5. 206 с.
7. Гайдукевич В.Ф. Рец.: Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л.: Гос. Эрмитаж., 1948, 147 стр., 23 таблицы // ВДИ. 1949. № 3 (29). С. 140 – 144.
8. Гайдукевич В.Ф., Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов северного Причерноморья // СА. 1951.Т. XV. С. 162-187.
9. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. 463 с.
10. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса – Херсона и его округа (1914 – 2005 гг.). Симферополь., 2009. 496 с.
11. Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков, 2002. 392 с.
12. Капошина С.И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. 1941. №. VII. С. 161-173.
13. Кругликова И.Т. Рец.: С.Ф. Стржелецкий, Клery Херсонеса Таврического (К истории древнего земледелия в Крыму), «Херсонесский сборник», вып. IV, Симферополь, 1961, 247 стр., 148 рис., тираж 1000, цена 1р. // ВДИ. 1963. № 4. С. 176-179.
14. Лапин В.В. Греческая колонизация северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). К., 1966. 240 с.
15. Соломоник Э.И. Сессия по итогам археологических исследований в Крыму // ВДИ. 1951. №. 4. С. 227-234.
16. Стржелецкий С.Ф. Херсонес-Корсунь. Путеводитель по раскопкам. Симферополь., 1950. 87 с.
17. Стржелецкий С.Ф. Государственные формообразования и местное население Крыма в Античную эпоху // НА НЗХТ. 1963. Д. № 824. Л. 1В-15 В.
18. Стржелецкий С.Ф. Клery Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Хсб. 1961. вып. 6. 168 с.
19. Стржелецкий С.Ф. Раскопки 1939 года у Карантина, вблизи Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. IV: Материалы по археологии Херсонеса Таврического. 1948. Вып. IV. С. 51-63.

20. Щеглов А.Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху. // ВДИ. 1966. № 4 (98). С. 146-157.
21. Щеглов А.Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 332-343.

Сокращения.

ВДИ -	Вестник древней истории
КСИИМК -	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МИА -	Материалы по истории и археологии СССР
НА НЗХТ -	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
СА -	Советская археология
Хсб. -	Херсонесский сборник

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТА БОСПОРА В VI В. ДО Н.Э. – III В.Н.Э.

РЕПИНА Е.В.

**Национальный исследовательский университет
«Белгородский государственный университет»**

Актуальность настоящего исследования заключается в обращении к проблемам социально-экономической истории Боспора, некогда популярным в советской историографии, но отодвинутых современной отечественной наукой на второй план, что на наш взгляд, не совсем верно. Появилось большое количество новых источников, исследуя которые с применением новейших методик, можно получить уникальную информацию об экономическом развитии Боспора.

Анализируя письменные свидетельства античных авторов (Herod. VII. 147; Thuc. III. 2. 2; Dem. adv. Lept. 32; Din. adv. Dem. 43; Isocr. XVII. 57; Strab. VII. 4. 6), мы можем получить следующую информацию общего характера о хлебном экспорте Боспора в ранний период. Во-первых, боспорское зерно в Афины начало поступать относительно регулярно с последней трети V в. до н.э., хотя встречаются упоминания хлеба из Понта, относящиеся приблизительно к 480 г. до н.э. (Herod. VII. 147). Во-вторых, боспорский хлеб поставлялся не только в Афины, которые являлись основным его потребителем. В-третьих, в отношении Афин существовала практика разовых хлебных подарков (Dem., XX, 40) и т.д. Информации немного, но ее достаточно, чтобы сделать вывод важности и масштабы хлебного экспорта Боспора. Вопрос об объемах поставок и их регулярности остается дискуссионным и по сей день.

Скорее всего, Боспор не обладал безграничными возможностями в производстве зерна. Более того, он был подвержен, как и другие регионы, опасности неурожая из-за природных катаклизмов или военно-политической нестабильности. Из-за большего, по сравнению с другими средиземноморскими регионами, плодородия почвы, Боспор имел возможность выращивать достаточное для собственного потребления и для экспорта количество зерна [8]. Политическая система Боспорского государства, позволившая сосредоточить власть и огромные материальные ресурсы в руках правящей династии, определяла возможность объемной хлебной торговли. Именно правитель был настоящим хозяином зерна, которое продавалось в портах Боспора и приносило ему огромные прибыли.

Изучив источники и литературу по экспорту хлеба, необходимо отметить, что активный боспорский хлебный экспорт имел фиксированные хронологические рамки и приходился на время расцвета правления династии Спартокидов. Первые упоминания о боспорском хлебе (480 г. до н.э.) совпадает с приходом к власти Археанактидов. Значит, с этого времени можно говорить о начале экспорта хлеба с Боспора.

Скорее всего, Археанактиды менее успешно вели хлебную торговлю, чем Спартокиды, как видно, из-за кратковременности их правления (42 года). Спартокиды достаточно гибко проводили внутреннюю и внешнюю политику, соответствовавшую интересам класса рабовладельцев. Сами Спартокиды были крупными землевладельцами и поставщиками хлеба. При царях этой династии были установлены договорные торговые взаимоотношения с Афинами, завоёвана Феодосия, присоединены синды и другие племена Прикубанья.

Таким образом, в IV в. до н.э. боспорский хлеб в увеличившихся количествах поступает в разные государства. Основными районами – производителями хлеба являлись Таманский полуостров и земли между Феодосией и Пантикапеем. Покорение плодородных таманских и феодосийских земель вывело боспорских правителей на роль одних из крупнейших производителей и экспортеров хлеба. Особенно широкий размах имела торговля Боспора с Афинами.

При этом есть основания полагать, что хлеб с Боспора поступал в Средиземноморье не регулярно. После денежного кризиса первой трети III в. до н.э. объемы зернового экспорта уменьшаются.

Кроме того, зерновые не были единственным товаром, вывозившимся с Боспора в VI – I-й трети III в. до н.э. на внешний рынок: в письменных источниках упоминаются и другие, например, рыба. Первое письменное свидетельство о торговле соленой рыбой, относящееся к Раннему Боспору (IV в. до н.э.), мы встречаем у Демосфена (Dem. XXXV. 32, 34). Страбон свидетельствует о ловле пелагиды, размножающейся в Азовском море и уходящей затем в Черное, и отмечает (VII, 3, 18) крупные размеры осетров в Керченском проливе, почти равных дельфинам. Он же (VII, 6, 2) сообщает о ловле рыбы для соления (XI, 2, 4), которая, скорее всего, предназначалась на экспорт. Страбон (VII, 4,6) и Полибий (IV, 38, 4) пишут о вывозе соленой рыбы из Меотиды. Письменные источники дополняются археологическими. Они свидетельствуют, что основными промысловыми видами в рассматриваемый период были крупные виды рыб, обитавших в пресной или слабосоленой воде (осетры, севрюга, стерлядь, сазан, судак, сом, лещ, тарань и др.) [11, с. 205, 208, 213]. В меньшей степени добывались типично морские виды, например, камбала-калкан [15, с. 130]. Так, в находках из Пантикапея, изученных В.Д. Лебедевым и Ю.Е. Лапиным, севрюга занимает 12,8%, русский осетр – 10,2%, стерлядь – 7,7%. В находках из Фанагории: севрюга – 30,8%, русский осетр – 22,2%. В древности количество осетровых было больше, чем в настоящее время [16, р. 123]. В районе Китея найдены в изобилии глиняные грузила, костяные иглы для вязания сетей и множество рыбьих остатков, указывающих, что здесь ловилась красная рыба, калкан и судак [13, с. 130]. Так археологические источники еще раз подтверждают богатство Боспорского государства рыбными ресурсами, а следовательно возможность экспорта рыбы в изучаемый нами период.

Об этом же свидетельствуют и рыбозасолочные ванны I – III вв. н.э., обнаруженные в Тиритаке и Мирмекии. Ряд авторов (В.Ю. Марти [12, с. 98-105], В.Ф. Гайдукевич [3, с. 110], М. Трейстер [15, с. 79] и другие) считают, что именно с первых веков новой эры рыбный промысел Боспорского царства приобретает большие масштабы, по сравнению с более ранними периодами. Следовательно, и соленая рыба вывозилась в большом количестве за пределы Боспора на внешние рынки.

Структура боспорского экспорта в V – II вв. до н.э. не требовала широкого изготовления амфор. Скорее всего, в качестве экспортной тары эпизодически использовались привозные винные амфоры различных центров. Например, в Акре была найдена синопская винная амфора, наполненная соленой рыбой. Есть группа амфор синопского производства, которые предназначались для перевозки рыбы. По своей морфологии они имеют те же параметры, что и винные амфоры, но главной отличительной их чертой является широкое приземистое горло. Анализ массового керамического материала из раскопок Пантикапея, Тиритакки, Мирмекия конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. показывает, что на Боспоре появляется собственное производство амфорной тары. Рассмотрев морфологические особенности боспорских амфор, можно предположить, что они предназначались не для укупорки продукции местного виноделия или зерноводства, а служили тарой для транспортировки рыбных товаров [9, с. 271-273].

В изучении хлебного и рыбного экспорта раннего Боспора особого упоминания заслуживают нумизматические материалы. Отдельные типы монет могут быть связаны с местными ресурсами для обеспечения конкретного города или региона и их поставок на внешний рынок [5, с. 56-71]. Особый интерес представляют серебряные монеты Пантикапея конца V в. до н.э. [1] и бронзовые монеты конца IV в. до н.э. [1] с изображением осетра и колоса зерна.

Д.Б. Шелов, изучавший все виды боспорских монет, писал, что эти изображения, несомненно, указывают на богатство Боспора рыбой и зерном. На найденных монетах, помимо рыб, также изображены голова лошади, голова быка, грифон, колос зерна. Многие ученые предлагают рассматривать все компоненты взаимосвязанно, чтобы определить, почему именно это изображение появлялось на монетах. Д.Б. Шелов пишет, что и лев, и грифон изображаются на монетах, чтобы выполнять защитную функцию, а зерно и рыба были основными предметами торговли. Изображение рыбы, скорее всего, имеет двойное

значение. Указывая не только на источник процветания экономики Пантикапея, но также и на богатство региона рыбой, которое, по-видимому, нашло отражение и в названии столицы Боспора Киммерийского. Пантикапей в переводе с древнеиранского означает «рыбный путь» [16, p. 123].

На Боспоре существовали все условия для организации экспорта рыбы: большое количество и разнообразие ихтиофауны, наличие соленых озер и, следовательно, соли, которая необходима для засолки рыбы и ее перевозки, существовали торговые связи с Грецией. Возможно, рыбный экспорт только начинает развиваться в IV в. до н.э., так как он не мог конкурировать со значительным объемом экспорта зерна. В I в. до н.э. – I в. н.э. экспорт рыбы приобретает большие масштабы, по сравнению с предыдущими периодами.

На наш взгляд, одним из основных товаров экспорта Боспора были рабы. К началу VI в. до н.э. в обществе греческих метрополий процесс внутреннего закабаления снизился, что должно было усилить потребность в рабах извне. Войны между племенами Северного Причерноморья – борьба киммерийцев со скифами (Strab. XI), войны между скифами и «потомками рабов» (Herod. IV, 1-4), походы скифов в Синдику (Herod., IV, 28) и наличие других источников пополнения пленников (Diod., II, 43, 7; XX, 23, 25; Demosth., adv. Lacr., 31; Athen., XII, 27; Polib., IV, 38, 4-5; Lysistr., 184, 451-455, Ctes. Pers., 16) – не оставляют сомнений, что Северное Причерноморье могло снабжать рабами греческих купцов в рассматриваемую эпоху.

Важная информация об экспорте Раннего Боспора представлена и в эпиграфических источниках. В первую очередь, к ним относятся проксении, которые датируются IV в. до н.э. Из них мы можем получить следующую информацию: была создана система наибольшего благоприятствования вывоза зерна основным потребителям (беспошлинный вывоз, очередь в отгрузке зерна (КБН. № 1-5). Это же могло распространяться и на другие товары, например, рыбу и рабов. К эпиграфическим материалам о работорговле Раннего Боспора относятся манумиссии с именами скифских рабов, также надписи, в которых упоминаются прозвища или клички рабов – выходцев из Северного Причерноморья. Об этом свидетельствуют сведения о рабах с Понта VI в. до н.э., известных нам по надписям на вазах имен Колх и Скиф.

Что касается экспорта рабов в изучаемое нами время, то, скорее всего, он не имел широких масштабов. Также он не мог конкурировать с объемами экспорта зерна и рыбы.

Рабство и работорговля на Боспоре VI – 1-й трети III в. до н.э. существовали, но рабство носило патриархальный характер, т.е. раб в рассматриваемый период не являлся основным производителем. Оформление классического рабства в регионе сдерживалось рядом факторов: отсутствием мощной социальной прослойки держателей наделов средней величины, в хозяйствах которых мог использоваться с наибольшей эффективностью рабский труд (Cato., XI), отсутствием крупных ремесленных комплексов, а также сложностями в охране рабов, связанными с близостью огромных пространств, не контролируемых боспорянами. Близость варваров, оформление державы Спартокидов и военные успехи, сопутствующие данному процессу, а также транзитный характер торговли, позволили Боспору выделиться в крупного поставщика рабов на внешний рынок. После кризиса 1-й трети III в. до н.э., экспорт рабов с Боспора существенно увеличивается.

Помимо хлеба, рыбы и рабов Боспор вывозил в Грецию скот, кожи и меха. Об этом говорят свидетельства Полибия (Pol. III. 38.4), которые относятся к 1-й половине II в. до н.э. и Страбона (Strabo. VII. 4.6), датируемое I в. до н.э. – I в. н.э. Хотя они относятся к более позднему периоду, можно предположить, что экспорт перечисленных ими товаров существовал и в более ранний период (VI – 1-ая треть III в. до н.э.). Известно, что разведение скота было широко распространено во всем Северном Причерноморье. Крупный рогатый скот применялся в хозяйстве как тягловая сила, мясо и молочные продукты играли важную роль в питании, кожа шла на изготовление обуви и военных доспехов, мелкий рогатый скот давал шерсть для одежды. Таким образом, животноводство, наряду с земледелием, было одной из основных отраслей сельского хозяйства Боспора. О его развитии свидетельствует большое количество костных остатков, находимых при раскопках городов и поселений, предметы домашнего инвентаря, предназначенные для приготовления сыра и молочных продуктов, и специальные загоны и помещения для содержания скота.

М.Ю. Лаптева [10], А.-Дш. Грэхэм [4], В.Ф. Гайдукевич [3] и другие исследователи лишь упоминают о вывозе этих товаров с Боспора. Они пишут, что из Северного Причерноморья экспортировались, главным образом, зерно, соленая рыба, продукты животноводства (кожи, шерсть) и рабы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что экспорт скота, кожи, меха существовал в рассматриваемое нами время, так как у Боспорского государства имелись все возможности для этого: развитое животноводство, ресурсный потенциал, торговые связи. Но скорее всего, как и рабы, эти товары не вывозились в большом количестве в рассматриваемое нами время.

После 1-й трети III в. до н.э. масштабы экспорта вышеперечисленных товаров существенно сокращаются. В литературе этот период часто называют кризисом конца IV - начала III вв. до н.э. Как считают исследователи, кризис был масштабным и затронул политическую и экономическую составляющую государства. Только после преодоления кризиса на первый план выдвигаются товары, перечисленные Полибием (IV, 38) и Страбоном (XI, 2) (скот и продукты скотоводческого хозяйства, рыба, рабы), хотя Северное Причерноморье продолжало оставаться важным зерновым районом античного мира. После присоединения Боспора к Понту начали активно развиваться торговые отношения с городами этого государства, в первую очередь, с Синопой. По словам Страбона, ежегодно с Боспора в Понт поставлялось 180000 медимнов (7200 тонн) зерна и 200 талантов (4000 килограмм) серебра.

После попадания Боспора под влияние Рима начинается новый экономический подъем, продолжавшийся на протяжении I и II веков нашей эры. С боспорских товаров римские власти не взимали обычной обязательной пошлины в размере 1/2 части всего товара. Боспорские купцы торговали с Александрией Египетской и даже италийскими городами.

Таким образом, развитие экспорта Боспора проходило в пять этапов:

Первый этап (2-я четв. VI – 1-я четв. V в. до н.э.) – период освоения древними греками берегов Керченского пролива, независимое и автономное существование апоийкий региона. Этот этап характеризуется адаптацией греков к местным условиям, поэтому, наличие систематического экспорта в этот период маловероятно. Эпизодический экспорт был политоварным. Основными торговыми партнерами выступали метрополия (Милет), Хиос, Аттика [14, с. 67-68].

Второй этап (2-я четв. V – 1-я четв. IV в. до н.э.) – период правления Археанактидов и первых Спартокидов, начало проявления объединительных тенденций на Боспоре, и оформление надполисного государства. Это – время бурных внутри- и внешнеполитических событий в начале этапа и во второй его половине. В этот период увеличивается объем экспортных поставок с Боспора, которые из-за нестабильности политической ситуации, в систему так и не сложились. Направления и наименование товаров экспорта остаются идентичными первому этапу, а именно: зерновые (преимущественно пшеница), рыба, шерсть, рабы, лес и др.

Третий этап (2-я четв. IV – 1-я треть III в. до н.э.) – период правления Спартокидов, расцвет Боспорского царства. Доминирование зерновых в экспортных поставках. Экспорт зерновых – основной фактор развития государства и укрепления династии. Исходя из сведений письменных источников, зерновые поступали на внешний рынок в большом количестве.

Четвертый этап (2-я треть III в. – I вв. до н.э.) - после кризиса 1-й трети III в. до н.э. масштабы экспорта рассматриваемых нами товаров существенно сокращаются. Конкуренция в организации поставок зерновых со стороны Птолемеевского Египта также нанесла урон экономике Боспора в это время. Масштабы экспорта зерна и экспорта в целом резко сокращаются, т.к. не произошло товарного замещения. В 108 г. до н. э. последний из Спартокидов — Перисад V – передал власть правителю Понтийского царства Митридату VI Евпатору. При Митридате создается новая система экспорта, которая продолжает существовать и в римское время.

После преодоления кризиса на первый план выдвигаются товары, перечисленные Полибием (IV, 38) и Страбоном (XI, 2) (скот и продукты скотоводческого хозяйства, рыба, рабы), но Северное Причерноморье продолжало оставаться важным зерновым районом античного мира.

Пятый этап (I в. до н.э. – III в. н.э.) – в I в. до н.э. Боспор был передан под протекторат Рима. Данный этап характеризуется новым расцветом и дальнейшим развитием торговли Боспорского царства: вывозятся продукты земледелия и скотоводства, рыба, и рабы в большем количестве, чем в более ранние периоды. Основные торговые партнеры – Родос, Кос, Пергам, Синопа, Египет.

Таким образом, на Боспоре присутствовали все условия для экспорта рассматриваемых нами товаров: сформировавшийся внутренний рынок и устойчивые внешнеэкономические связи; наличие спроса на конкретную продукцию за пределами Боспора; обладание в необходимом количестве сырьевыми и производственными ресурсами; политическая стабильность, как внешнеполитическая, так и внутривнутриполитическая.

Источники и литература.

1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. К., 1986. 223 с., табл.
2. Блаватский В.Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // Советская археология. 1954. № 20. С. 31-56.
3. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. 622 с.
4. Грэхэм А. Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира VIII – VI вв. до н.э. М., 2007. С. 103-195.
5. Зограф А.Н. Античные монеты. М.-Л., 1951. 308 с.
6. Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. Симферополь-Керчь, 2006. 239 с.
7. Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1965. 951 с. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. – СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. 432 с.
8. Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: Хлебная торговля. // Российская археология. 2000. № 1. С. 107-121.
9. Куликов А.В., Федосеев Н.Ф. Керамическая тара для рыбных промыслов Боспора. // Боспорские чтения. Вып. XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь. 2010. С. 271.
10. Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI-VI вв. до н.э.. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия». 2009. 512 с.
11. Лебедев В.Д., Лапин Ю.Е. о рыболовстве в Боспорском царстве // МИА, № 33, М., 1954. С. 205, 208, 213.
12. Марти Ю.Ю. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. // Советская археология. Вып. VII. М.-Л., 1941. С. 94 -106.
13. Марти Ю.Ю. Раскопки городища Китея в 1928 г. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III (60). С. 116-130.
14. Прокопенко С.Н. Торговый баланс Раннего Боспора // Кондаковские чтения III. Белгород, 2010. С. 63-68.
15. Трейстер М. Рыболовство античной эпохи. // Рыбное хозяйство Украины. 2002. № 3-4. С. 78 -79.
16. Stolba V.F. Fish and Money: Numismatic Evidence for Black Sea Fishing // Black Sea Studies. Vol.2. Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Aarhus, 2005. P. 115-132.

Сокращения.

МИА -	Материалы по истории и археологии СССР.
Herod -	Геродот
Thuc -	Фукидид
Isocr -	Исократ
Strab -	Страбон

РАНЕВИЗАНТИЙСКИЕ АМФОРЫ ХЕРСОНЕСА: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ¹

УШАКОВ С.В.

Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Филиал МГУ в городе Севастополе

Изучение древностей, по крайней мере, античной эпохи, да и средневековья – это изучение, прежде всего, керамики. А что находят при раскопках (в первую очередь, городищ), да и на что в первую очередь обращают внимание исследователи? Ответ очевиден: амфоры, амфоры и еще раз амфоры и почти всегда во фрагментах. Ну, может быть, еще что-либо красивое, например, расписную посуду, оригинальные вещи – светильники, грузила, статуэтки, особенно раритеты. Действительно, амфор находят больше всего (не считая заурядных калиптеров, соленов, плинфы). Недаром амфорная тара в той или иной форме является символом археологии.

И это не случайно. Во-первых, амфоры действительно оригинальны и красивы – две вертикально поставленные ручки, форма, напоминающая крутобокую женскую фигуру. И для их производства нужны особые экономические условия, в том числе развитое керамическое производство и масштабное виноградарство. Во-вторых, морфология сосудов разнообразна не только в пространстве (у разных центров производства), но и достаточно быстро менялась со временем. Что, таким образом, является превосходным материалом для суждений о месте и времени их производства. Или, как говорят специалисты, являются индикатором... Чего? Да почти всего. В-третьих, это – тара, тара для перевозки продуктов, и это мы тоже можем изучать, что показал в своих исследованиях И.Б. Брашинский [3].

Посмотрим, насколько с этой точки зрения изучены находки амфор в Херсонесе, но не «классического» античного времени (это, несомненно, тоже тема особого исследования), а в «переходную» эпоху от античности к средневековью (IV – VI вв.).

Практически первым, кто обратился к этому материалу, был самый известный впоследствии советский специалист по византийской археологии Причерноморья А.Л. Якобсон, который в 1951 году в журнале «Советская археология» опубликовал статью «Средневековые амфоры Северного Причерноморья» с характерным подзаголовком «Опыт хронологической классификации». Автор отмечает слабую изученность этих амфор и, по его словам, «Особенно неблагоприятно обстоит дело с раннесредневековыми амфорами, бытовавшими с V по VII–VIII вв.» [25, с. 325]. Он выделяет 7 основных типов амфор этого времени, опираясь, прежде всего, на находки из Херсонеса (рис. 1), кратко описывая их. В статье появляются рисунки этих сосудов, «кочующие» затем из публикации в публикацию.

Через много лет, уже в 1979 г., появляется монография А.Л. Якобсона [26], посвященная крымской средневековой керамике и ее производству. Классификация ранне-средневековых амфор в ней претерпела некоторую модернизацию. Число типов увеличивается до 10. К старым рисункам сосудов добавляются немногие новые. Автор кратко сопоставляет выделенные типы с опубликованными к тому времени амфорами из «цистерны 1966 г.» Портовой части Херсонесского городища (рис. 2) [2], точнее, с систематикой этих тарных сосудов, представленных в публикации. В целом же изменения типологии и характеристики амфорных типов не были существенными.

Небезынтересны выводы А.Л. Якобсона по сделанному обзору амфор. Они следующие:

1. Широкий ассортимент и разнообразие форм.

¹ Редколлегия считает целесообразным размещение данной статьи в разделе античной (а не средневековой) истории и археологии, т.к. большая часть избранной автором хронологии (IV–VI вв.) относится к античному периоду. Кроме того, по мнению ряда исследователей, в Византии средневековое общество начало складываться лишь с VII в. (ред.).

2. Разнообразие глин и характера обжига.
3. Отсутствие локальных (херсонесских) форм.
4. Сравнительная немногочисленность форм.
5. Хронологическая последовательность керамических печей в Таврике обрывается в IV в., возобновляясь только в VIII столетии [26, с. 17].

Описанные в вышедшей в 1971 г. коллективной статье И.А. Антоновой, В.Н. Даниленко, Л.П. Ивашуты и др. типы амфор стали на долгие годы «реперными», выполняя роль не только классификатора, но и определителя находок в ходе раскопок многочисленных тогда экспедиций, работавших в Херсонесе. Действительно, к ним «привязывались» все находки, значительно чаще даже, чем к систематике амфорной тары, отраженной в статье и книге А.Л. Якобсона. Впрочем, перечень амфор в этих публикациях в значительной степени совпадает, что видно и по иллюстрации амфор из цистерны в Портовом районе, помещенной как в коллективной статье, так и в книге А.Л. Якобсона. Доверие херсонесских исследователей к классификации авторитетного коллектива авторов было исключительно велико. Она казалась созданной «на века». Считалось, что в тексте и иллюстрациях к Отчетам о раскопках достаточно поместить изображение амфоры, соотнести с типом сосуда по статье 1971 г., а в тексте лишь указать, сколько их было найдено. По крайней мере, так утверждала сама И.А. Антонова, глядя на иллюстрации к нашим раскопкам в Северо-восточном районе Херсонеса за 1990-1991 г. «А зачем все рисовать?», - был риторический вопрос к автору настоящей статьи.

Перечислю основные типы амфор по публикации 1971 г.¹:

- I) с перехватом [2, рис. 1, 2] (рис. 3, 1, 2);
- II) остродонные амфоры с коническим корпусом [2, 1971, рис. 3] (рис. 3, 3);
- III-IV) амфоры-корчаги [2, рис. 4, 5] (рис. 3, 4, 5);
- V) желобчатые круглодонные [2, рис. 6, 6а] (рис. 4, 6, 6а);
- VI) с яйцевидным корпусом [2, рис. 7] (рис. 4, 7);
- VII) грушевидные со сложнопрофилированными ручками [2, рис. 8] (рис. 4, 8);
- VIII) светлоглиняные с широким горлом и укороченным корпусом [2, 1971, рис. 9] (рис. 4, 9);
- IX) светлоглиняные с острым ребром на горле и кручеными ручками [2, 1971, рис. 10] (рис. 5, 10);
- X) с редкими глубокими бороздками [2, рис. 11] (рис. 5, 11);
- XI) с мелким рифлением [2, 1971, рис. 12] (рис. 5, 12);
- XII) с густым рифлением [2, 1971, рис. 13] (рис. 5, 13);
- XIII) большие с крупным зональным рифлением [2, 1971, рис. 14] (рис. 5, 14);
- XIV) яйцевидные с зональным рифлением [2, 1971, рис. 15].

В обоих перечнях амфор (у А.Л. Якобсона и в статье 1971 г.) не оказалось красно- (коричнево-) глиняных тонкостенных сосудов со слюдой в тесте, считавшихся тогда самосскими [25, с. 330] и известных еще как «типа инкерманской» (по находке в Инкерманском могильнике С.Ф. Стржелецким). В известной классификации боспорских амфор, составленной И.Б. Зеест, они были выделены как тип 95 [6, табл. XXXVIII, 95].

Новый этап в изучении амфорной тары «переходного периода», начался в Херсонесе, пожалуй, в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Более широким стал доступ к западной (наряду с доступной ранее болгарской и румынской) исследовательской литературе, масштабы раскопок были по-прежнему значительны, увеличилось число публикаций. Московский археолог А.В. Сазанов, ссылаясь теперь в значительно большей степени, чем ранее, на западные публикации, стал пересматривать хронологию северопричерноморских (в основном, боспорских) комплексов позднеантичного времени [13; 19]. Отдельным типам амфор («самосским» типа 95 по И.Б. Зеест, с «набегающей волной» и др.) он посвятил и специальные публикации [14; 15; 16]. Этот же автор опубликовал и многие археологические комплексы (в том числе и из Херсонеса), содержащие ранне-средневековые амфоры [17; 18].

¹ Признавая эту классификацию достаточно удачной (особенно для того времени), считаю необходимым еще раз ее проиллюстрировать теми рисунками, о которых идет речь в тексте.

В 1995 году А.В. Сазанов, совместно с А.И. Романчук и Л.В. Седиковой, публикуют новую сводную работу, посвященную средневековым амфорам Херсонеса. Амфорная тара, при описании там, была разделена не на типы и варианты (что привычно для отечественного читателя научной литературы), а на классы. Раннесредневековых амфор (до VII в. включительно) там 23 класса. В тексте работы эта новая классификация не нашла своего объяснения, поэтому, может быть, и не прижилась, но теперь новые находки можно было «привязывать» и к этой систематике. Основные классы раннесредневековых амфор по этой сводке следующие:

- 1) амфоры с сужением корпуса («с перехватом») [12, с. 16-19, табл. 2-4] (рис. 6, 7, 8-18)¹;
- 2) светлоглиняные с вытянутым корпусом (и ссылка идет еще на старый рисунок из статьи и книги А.Л. Якобсона!) [12, табл. 4] (рис. 7, 19);
- 3) красноглиняные, соответствующие типу 100 по Зеест («Делакеу») [12, с. 20, табл. 2-4] (рис. 7, 20-21);
- 4) с цилиндрическим туловом типа «Газа» [12, с. 21-22, табл. 5-7] (рис. 8, 22-27);
- 5) круглодонные с расширяющимся (овальным) туловом (Палестина) [12, с. 22-24, табл. 5-7] (рис. 8, 29-31);
- 6) круглодонные желобчатые из желтовато-коричневой глины (с «набегающей волной») [12, с. 24-25, табл. 7-8] (рис. 9, 32-34);
- 7) круглодонные широкогорлые с гладким корпусом [12, с. 25, табл. 9] (рис. 9, 35);
- 8) круглодонные амфоры с реберчатыми ручками [12, с. 25-26, табл. 8, 10] (рис. 10, 36-37);
- 9) красноглиняные круглодонные с отогнутым наружу венчиком [12, 1995, с. 26-27, табл. 5, 11] (рис. 9, 38-39);
- 10) красноглиняные широкогорлые с венчиком подтреугольного сечения [12, с. 27-28, табл. 12, 13, № 40-43];
- 11) круглодонные желобчатые с широким горлом и валикообразным венчиком [12, с. 28-29, табл. 12, 13, № 44-51];
- 12) красноглиняные с рифлением корпуса типа «набегающая волна» [12, 1995, с. 29-33, табл. 10, 12, 14-16] (рис. 10, 56);
- 13) круглодонные с рифлением на корпусе [12, 1995, с. 29-33, табл. 10, 12] (рис. 10, 56). Далее описываются более редкие для Херсонеса амфоры классов 14-22 [12, 1995, с. 34-45].

Эти же «классы» сосудов с абсолютно теми же рисунками повторяются в книге А.И. Романчук «Очерки истории и археологии Византийского Херсона» [11, рис. 68-71].

На этом перечень обобщающих работ, пожалуй, и заканчивается. После были лишь работы специальные или публикационного характера. Так, А.В. Сазанов посвятил ряд своих статей и докладов, как было сказано выше, нескольким типам амфор, предлагая иногда серьезную коррекцию их хронологии² и зачастую оригинальную типологию [34]. При этом он первоначально дает типологию профильных частей (венцов, ручек, доньев), а потом их соотношение в рамках амфорных типов, проверить которое, правда, весьма затруднительно (вся процедура не прописана и она, на мой взгляд, требует большей прозрачности) [напр.: 15; 16]. Да и хронология одних и тех же сосудов из публикации в публикацию меняется (без объяснения причин). Можно отметить, что амфорами широкого хронологического диапазона, в том числе и херсонесскими, занимался и румынский исследователь А. Опайт [30]. Ряд комплексов с амфорами опубликовала Л.А. Голофаст [4; 5, с. 78-80]. Амфоры типа Делакеу изучали О.В. Шаров [24, с. 99-191], А.В. Смокотина [20], Б.В. Магомедов [8; 9, с. 367-372]. Уделял амфорам IV-VI вв. некоторое внимание и автор настоящей статьи [22; 23]. Активное изучение средиземно-

¹ Также считаю необходимым проиллюстрировать перечень, тем более, что в работе 1995 г. рисунки не всегда скомпонованы строго последовательно. Делаю это еще и для удобства последующих ссылок на рисунки.

² Обобщенная хронология средневековых амфор Херсонеса была представлена этим автором и в сводной работе, посвященной крымским и кавказским древностям эпохи Средневековья [7, табл. 23]; хронология раннесредневековых амфор – рис. 11.

морской и причерноморской амфорной тары, в том числе и тех типов, что бытовали в Херсонесе, ведется европейскими исследователями [напр.: 27; 28; 29; 31; 32; 33]¹.

Резюмируя сказанное выше, можно заключить следующее.

1. Амфорная тара из Херсонеса-Херсона IV-VI вв. в целом изучена совершенно недостаточно. Сказанное относится и к отдельным типам сосудов этого хронологического диапазона.

2. Выделенные типы и варианты амфор отечественных классификаций не всегда соотносятся с западными системами, при этом, нужно отметить, что отдельные типы сосудов там изучены несравненно лучше.

3. Существует настоятельная необходимость в создании новой сводной работы по амфорному комплексу Херсонеса «переходной» эпохи.

4. Сделать это можно только опираясь на совокупность комплексов Северного Причерноморья и Восточного Средиземноморья.

5. Нужно продолжить публикацию амфорных (шире – керамических) комплексов Херсонеса на современном научном уровне.

6. В связи со сказанным, остро стоит вопрос необходимости проведения детального анализа морфологии и хронологии каждого отдельного амфорного типа.

7. Методологически правильным представляется, что «новая» или откорректированная «старая» типология амфорной тары из Херсонеса должна создаваться на основе находок морфологически целых сосудов, с уточненной хронологией; следующим этапом работы будет типология профильных частей.

8. Необходимо учесть отечественный и зарубежный опыт изучения как античных и средневековых амфор в целом, так сосудов IV-VI вв. в частности.

9. Еще одна настоятельная задача – создание определителя амфор. Те же книги, которые существуют с таким названием (правда, только для античных амфор), С.Ю. Монахова [10], Абрамова, [1] Е.Я. Туровского с соавторами [21], таковыми не являются. По первой из них можно «определять» амфоры, если ты их хорошо знаешь, вторая не учитывает уже сложившуюся в науке амфорную типологию, третья дает слишком общую их характеристику в самом первом приближении.

Все это задачи сложные, но не невыполнимые и вполне посильные, если решать их по частям, как говорится, «по мере поступления»...

Источники и литература:

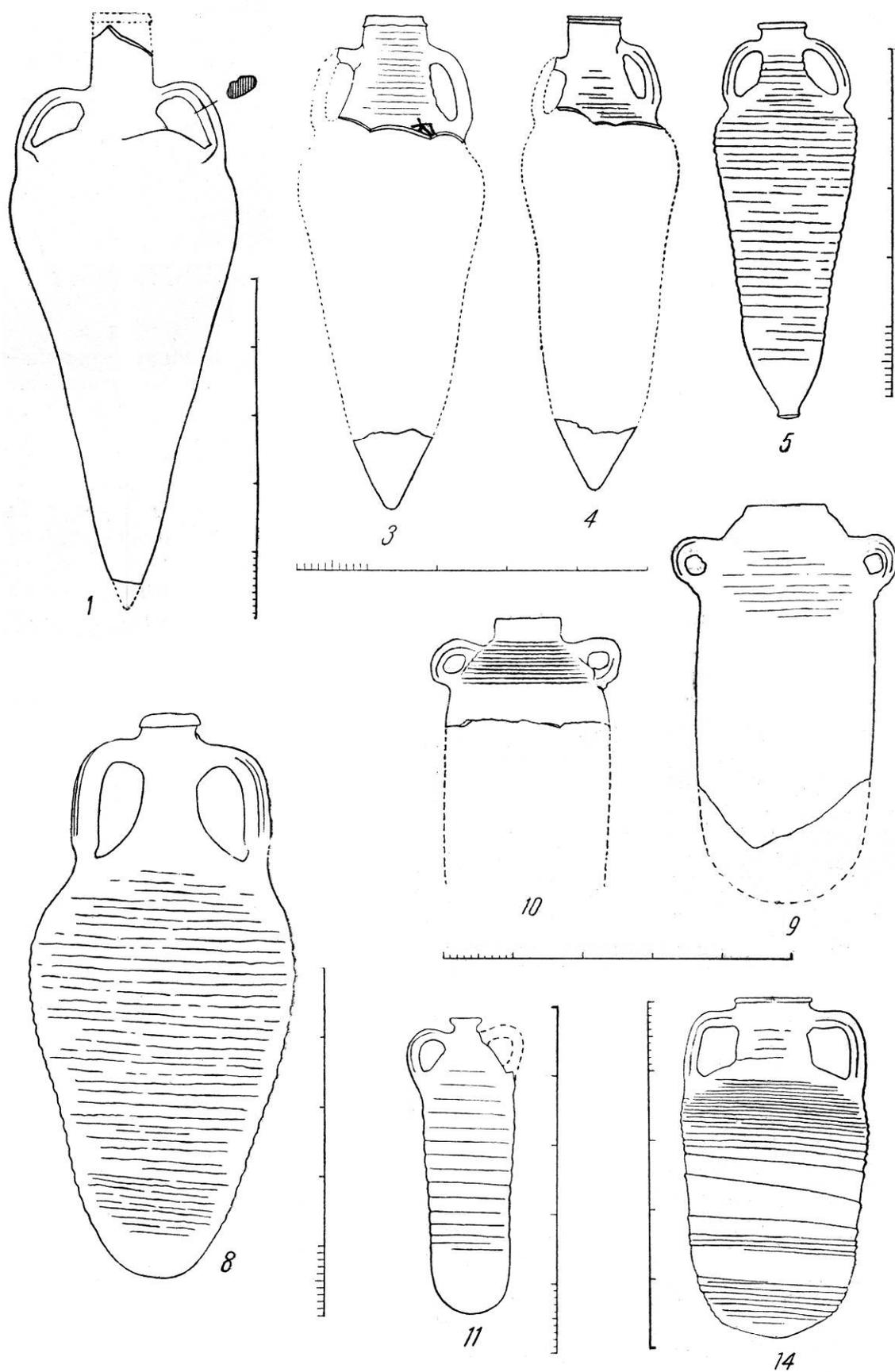
1. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. №3.
2. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
3. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л. 1984.
4. Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
5. Голофаст Л.А., Рьжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в Северном районе Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск. 2000. Вып. IX.
6. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
7. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII вв. // Археология. М. 2003.
8. Магомедов Б.В. Римские амфоры в Черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006.
9. Магомедов Б.В. Об амфорах типа Делакеу // Петербургский Апокриф. Послание от Марка. Stratum plus. 2012.
10. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003.
11. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург. 2000.
12. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург. 1995.
13. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
14. Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. 1992. № 2.

¹ Эта тема, конечно, требует специального изучения.

15. Сазанов А.В. Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV-VII ст.н. е.) // Археологія. 1992. № 1.
16. Сазанов А.В. Амфори «Carottes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // Боспорский сборник. Вып. 6. 1995.
17. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV-V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск. 1999. Вып. VII.
18. Сазанов А.В. О хронологии амфор IV-V вв. из Северного Причерноморья // Археологія. 2002. № 4.
19. Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989.
20. Смокотина А.В. О хронологии амфор типа С SNP I («Делакеу») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. XII Боспорские чтения, посвященные 185-летию Керченского музея. Керчь, 2011.
21. Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В. Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель. К. 2001.
22. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В. Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. 2006. Вып. XV.
23. Ушаков С.В., Макаев И.И., Струкова Е.В. Амфоры из засыпи колодца ранневизантийского времени в Северо-Восточном районе Херсонеса: методы изучения, типы и хронология // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. Сер.: История, археология. Ялта. 2009.
24. Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб. 2007.
25. Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА. XV. 1951.
26. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л. 1979.
27. Kassab Tezghr. Types amphoriques a Demirci pres de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. 1999.
28. Kassab Tezghur D. Typologie des amphores sinopiennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci gris de Sinope. Paris. 2010a.
29. Kassab Tezghur D. Etude du materiel amphorique de la zone A et de la zone B // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci gris de Sinope. Paris. 2010b.
30. Oraiu A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4 th – 6 th centuries AD) // BAR IS 1274. Oxford, 2004.
31. Keay S.J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean /A typology and economic study: the Catalan evidence/ Part (ii). Oxford: BAR International Series 196 (ii). 1984.
32. Peacock D. P. S., Williams D.F. Amphorae and the Roman Economy. An introductory guide. London and New York. 1991.
33. Riley J. Coarse pottery // Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). Tripoli. 1979. Vol. 2.
34. Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la region de la mer Noir // Production et commerce des amphores en mer Noire. 1999.

Источники и литература.

АДСВ -	Античная древность и средние века
МАИЭТ -	Материалы по археологии, истории и этнографии античного и средневекового Крыма
МИА -	Материалы по истории и археологии СССР
СА -	Советская археология
ХСб. -	Херсонесский сборник

Рис. 1. Амфоры из Херсонеса (по А.Л. Якобсону, 1951).
1, 14 – участок раскопок 1947 г., пом. 6; 3, 4, 8 – пом. 16, раск. 1948 г.;
5, 9, 11 – без паспорта; 10 – 2616/11

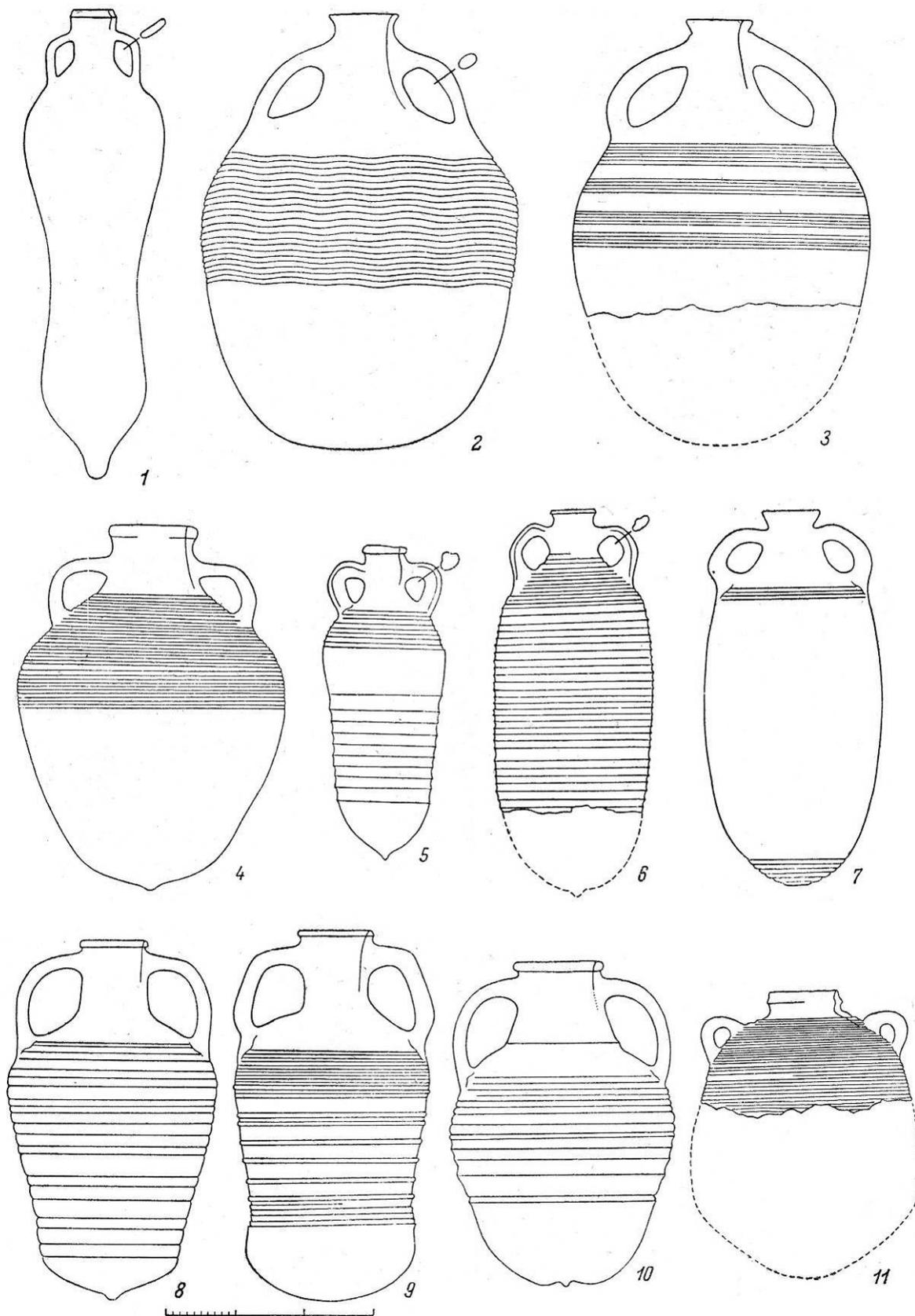

Рис. 2. Керамический комплекс V – VII вв. из засыпи цистерны в портовом районе Херсона (раскопки 1966 г.) (по АДСВ, сб. 7) (А.Л. Якобсон, 1979, рис. 3)

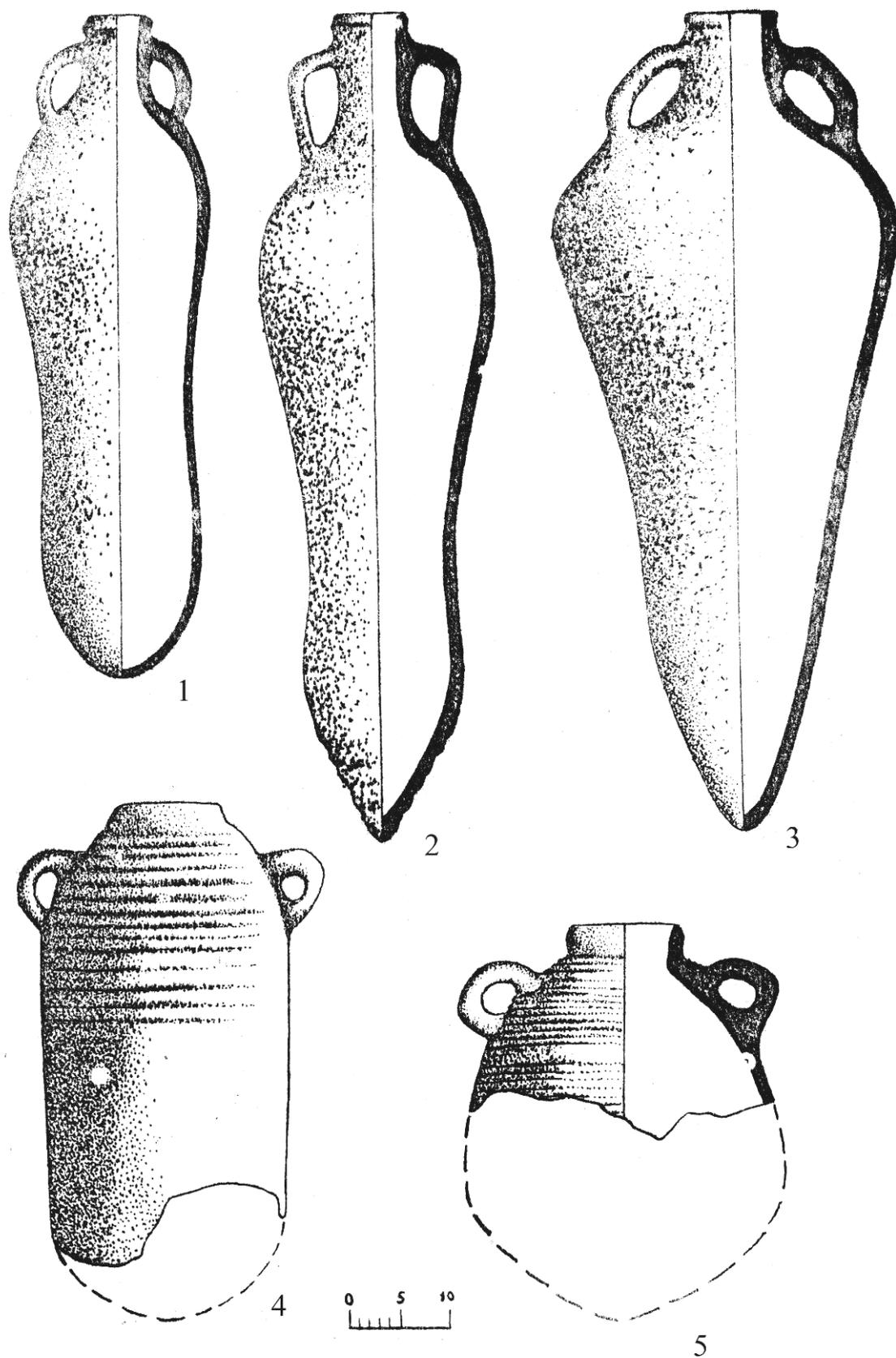

Рис. 3. Амфоры из засыпи цистерны в Портовом районе и городских слоев (по И.А. Антоновой и др., 1971, рис. 1-5)

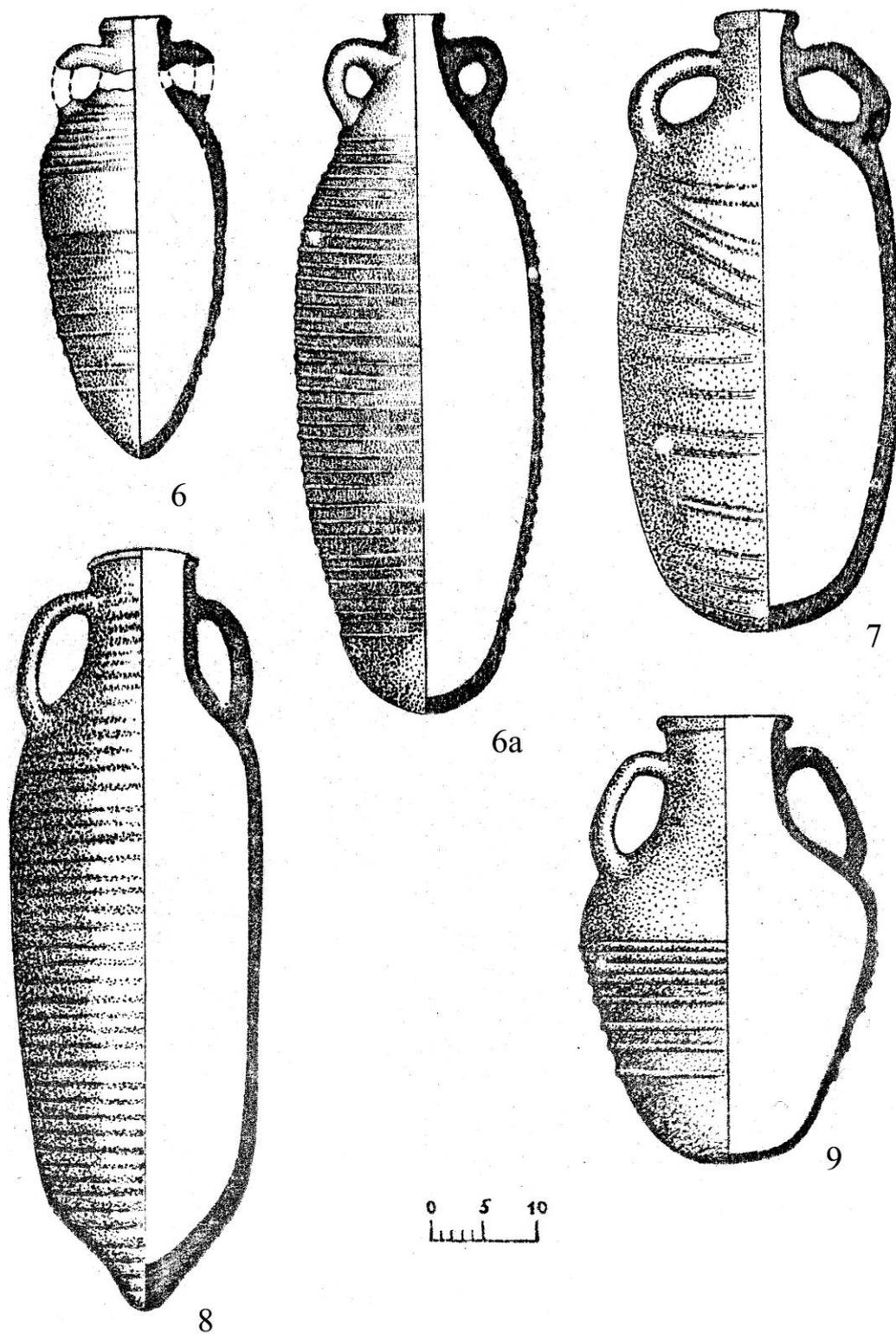

Рис. 4. Амфоры из раскопок Портового района
(по И.А. Антоновой и др., 1971, рис. 6-9)

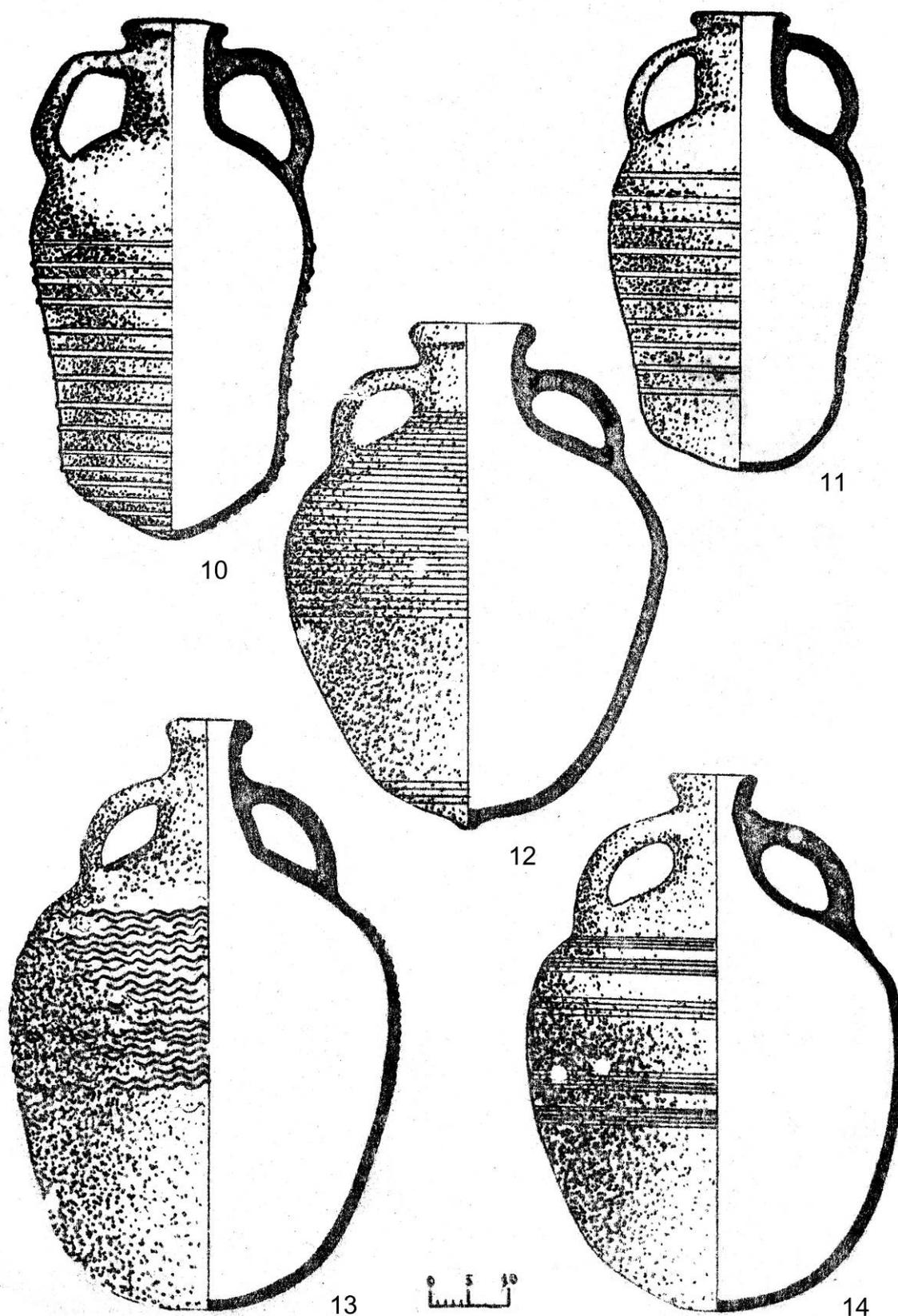
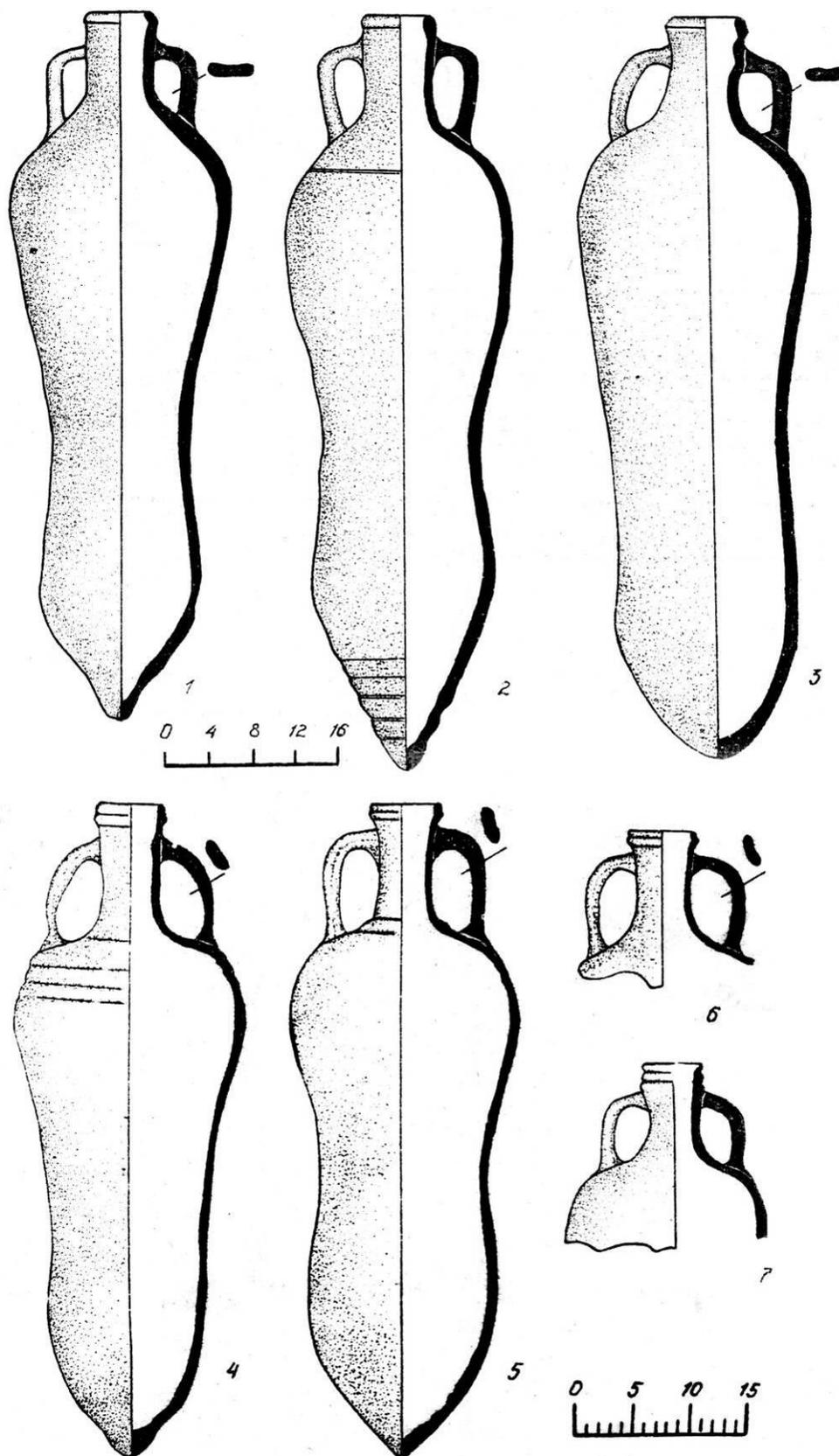
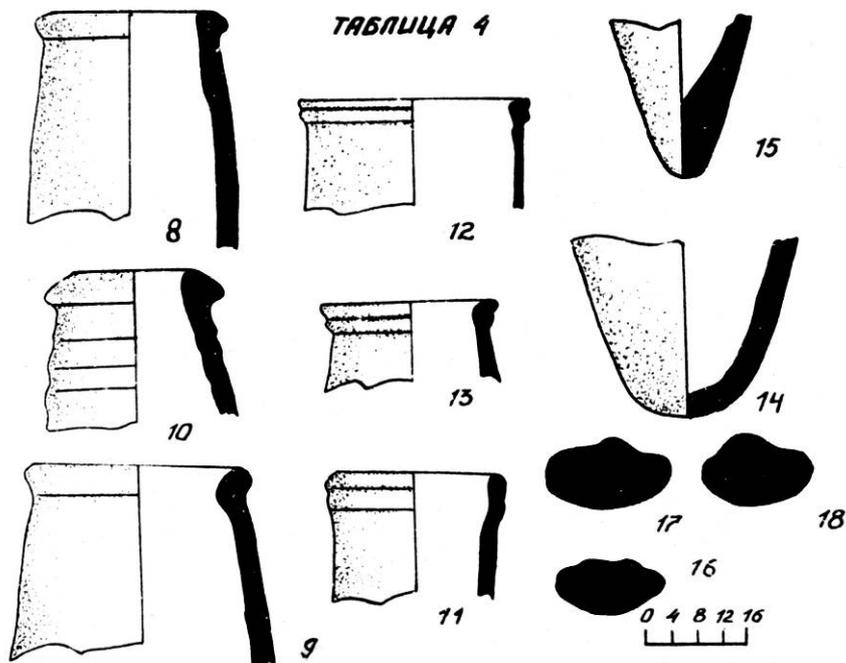

Рис. 5. Амфоры из засыпи цистерны в Портовом районе
(по И.А. Антоновой и др., 1971, рис. 10-14)

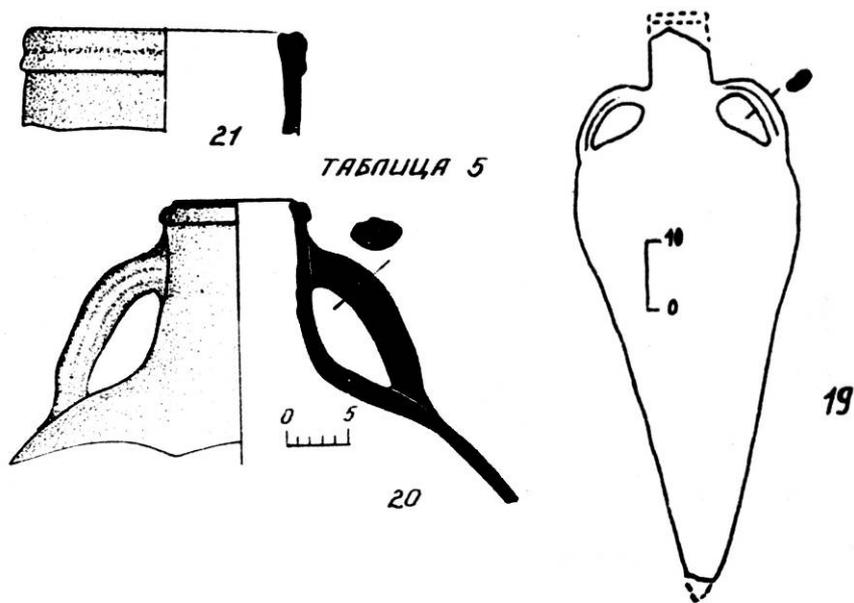

Класс 1 - амфоры с сужением корпуса (V-VII вв. до 650/670 гг.)
Тип 1 - с подтреугольным венчиком (вторая четверть VI-650/670
Тип 2 - с двучастным венчиком.

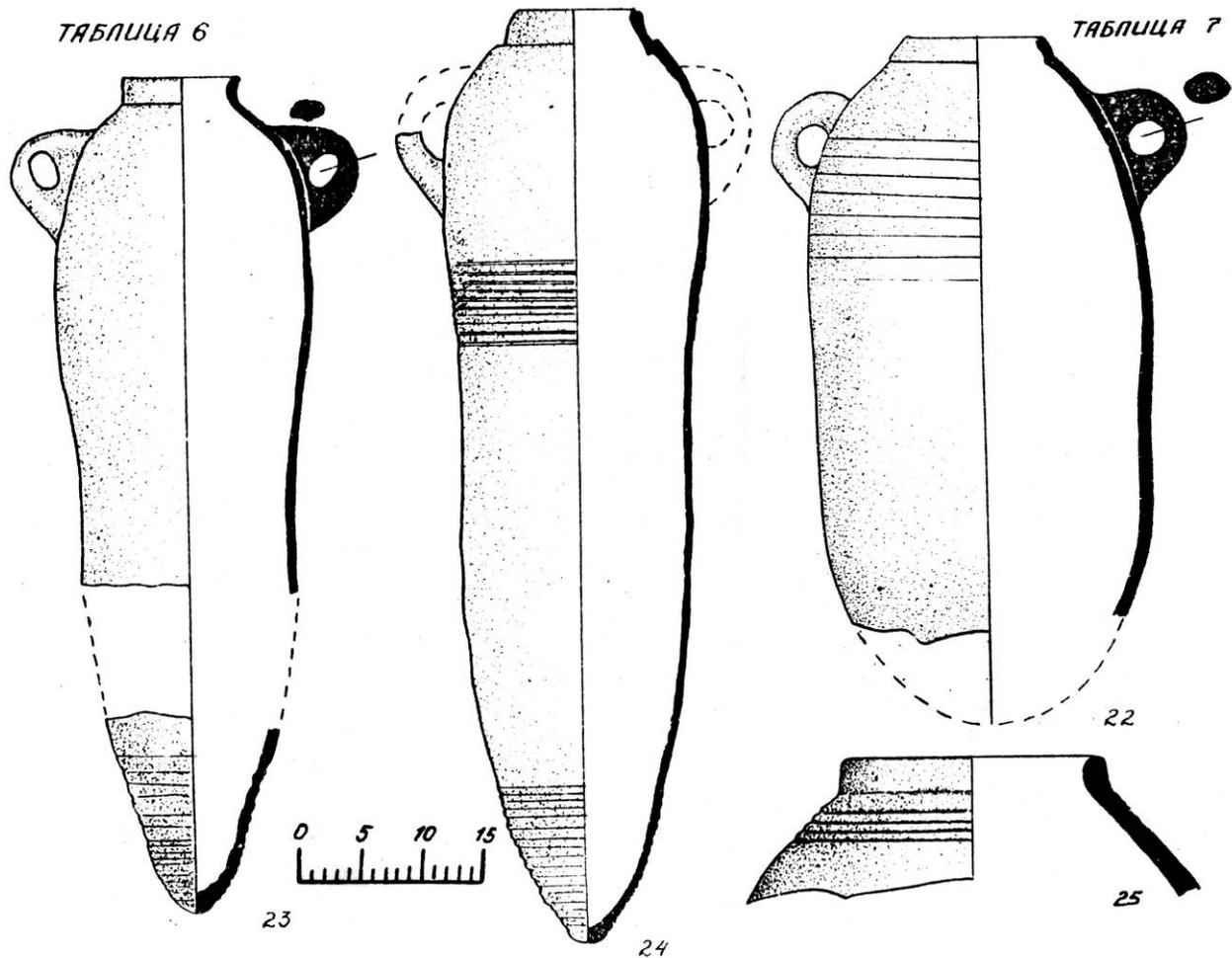
Рис. 6. Амфоры из Херсонеса. Класс 1
(по А.И. Романчук, Л.В. Седиковой, А.В. Сазанову, 1995, табл. 2, 3)

- Класс 1 - амфоры с сужением корпуса, тип 2 (№ 8-18)
 Класс 2 - светлоглиняные амфоры с вытянутым корпусом
 (VI - первая половина VII вв.) (№ 19).
 Класс 3 - красноглиняные, соотв. типу 100 Зеест (№ 20, 21).

Рис. 7. Амфоры из Херсонеса. Класс 1, 2, 3
 (по А.И. Романчук, Л.В. Седиковой, А.В. Сазанову, 1995, табл. 4, 5)

Класс 4 - с цилиндрическим туловом типа „Газа“ (кон. IV - первая пол. VII вв.) (№ 22-27)
 Класс 5 - круглодонные с расширяющимся (овальным) туловом - амфоры Палестины. Тип 1 - с округлым или овальным корпусом (третья четверть VI - середина VII вв.) (№ 29). Тип 2 - с вытянутым корпусом (№ 30, 31).

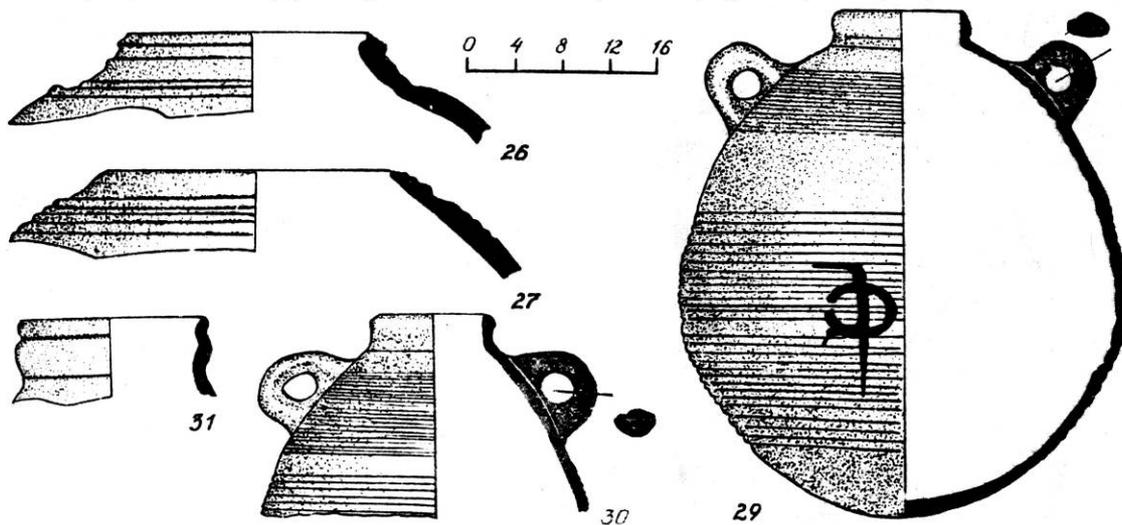
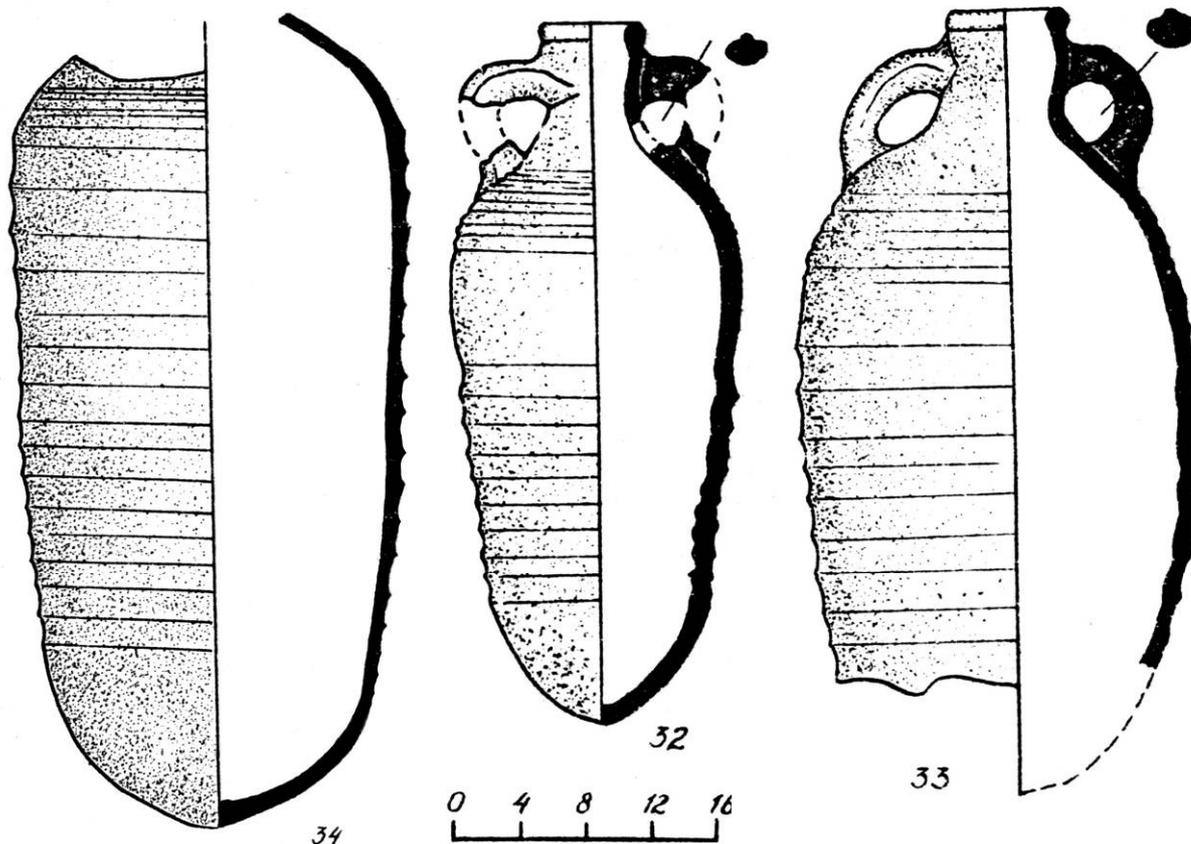
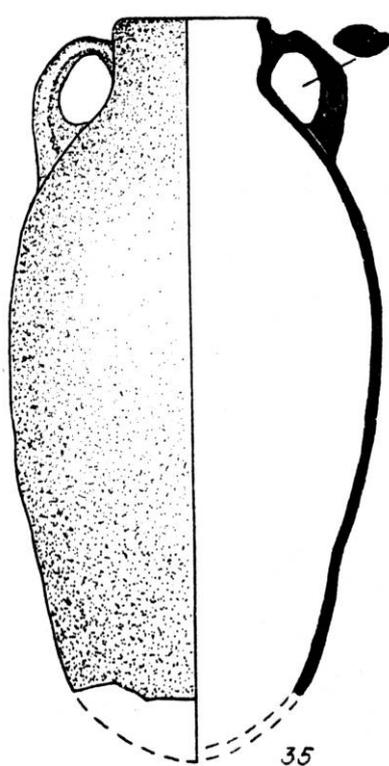

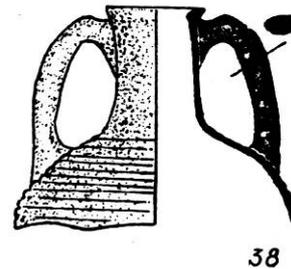
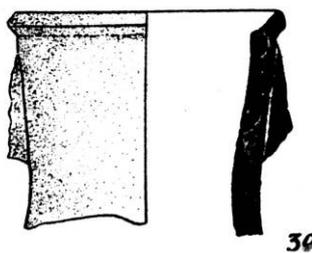
Рис. 8. Амфоры из Херсонеса. Класс 4, 5
 (по А.И. Романчук, Л.В. Седиковой, А.В. Сазанову, 1995, табл. 5, 6, 7)

Класс 6 - круглодонные желобчатые амфоры из желтовато-коричневой глины (вторая четверть VI-VII вв.) (№ 32-34).

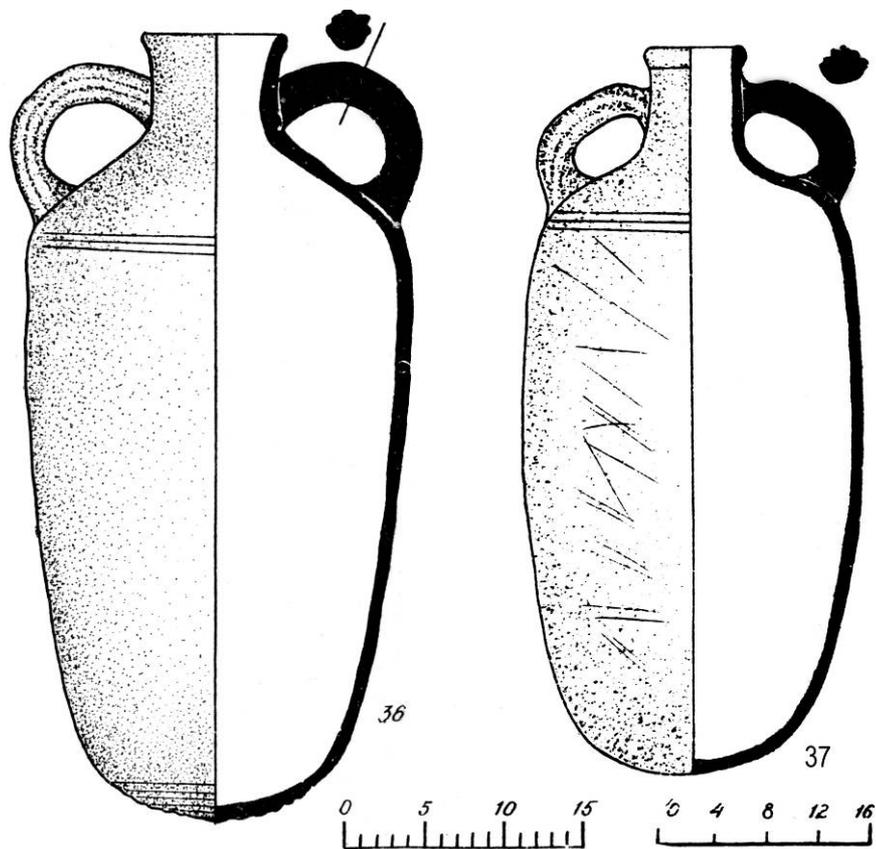

Класс 7 - круглодонные, широкогорлые амфоры с гладким туловом (Порт.кв, 1, 1970, у куртины 17, слой разрушения 650-670 гг.)

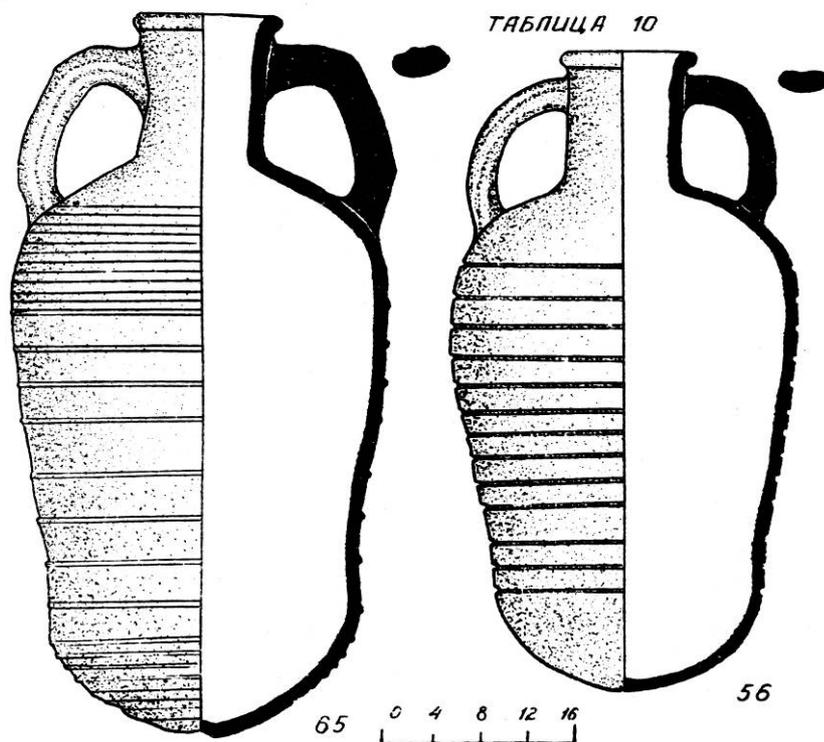

Класс 9 - красноглиняные круглодонные с отогнутым наружу венчиком. (Баранов 2) (вторая четверть VI - середина-вторая половина VI вв.)

Рис. 9. Амфоры из Херсонеса. Класс 6, 7, 9 (по А.И. Романчук, Л.В. Седиковой, А.В. Сазанову, 1995, табл. 7, 8, 11)

Класс 8 - круглодонные амфоры с реберчатыми ручками с жидким белым ангобом (вторая четверть VI - первая четверть VII вв.).

Класс 12 - светлоглиняные амфоры с рифлением корпуса типа "набегающая волна" (№ 56).

Класс 13 - круглодонные амфоры с рифлением на корпусе (№ 65)

Рис. 10. Амфоры из Херсонеса. Класс 8, 12, 13
(по А.И. Романчук, Л.В. Седиковой, А.В. Сазанову, 1995, табл. 8, 10)

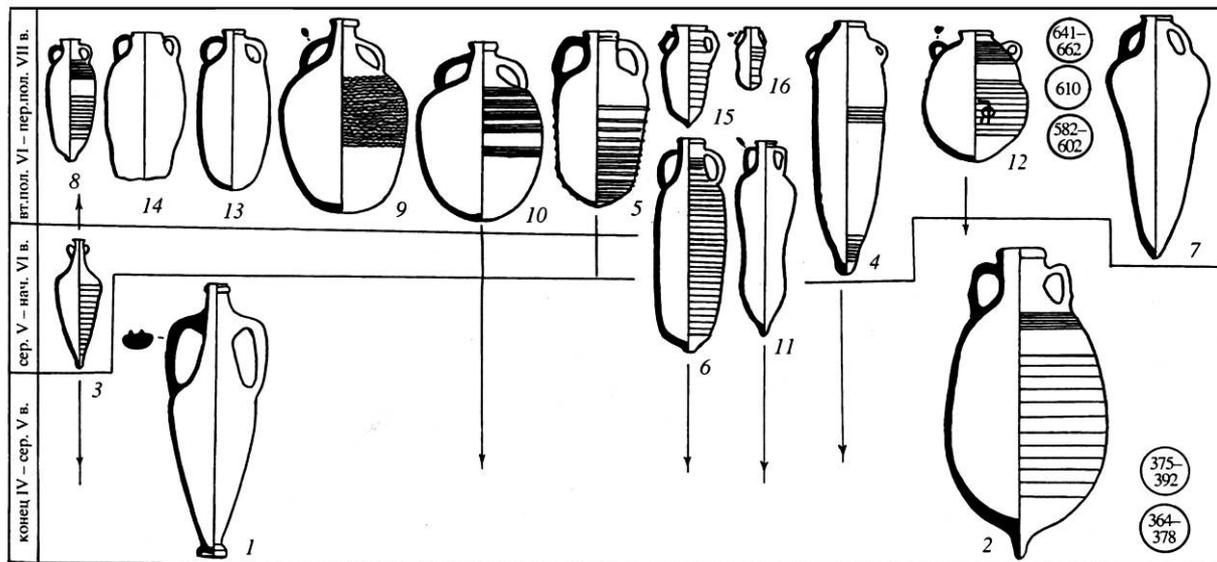

Рис. 11. Хронология раннесредневековых амфор Херсонеса (по А.В. Сазанову, 2003)

О ТИПОЛОГИИ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ ДО-КОНСТАНТИНОВСКОЙ ЭПОХИ

Фомин М.В., Шевцова А.А.

Харьковский торгово-экономический институт
Киевского национального торгово-экономического университета,
Харьковская школа искусств

Вопрос о ранних христианских культовых сооружениях крайне сложен. К сожалению, регионы, в которых христианство было широко распространено в первые века новой эры, за редким исключением, не были территорией, подверженной планомерному, системному археологическому изучению. Это объясняет тот факт, что в литературе почти отсутствуют упоминания о культовых сооружениях до-Константиновской эпохи. Таких памятников настолько мало, и информация о них столь слабо распространена, что многие исследователи склонны утверждать, что в первые века христиане храмов не возводили [6, с. 26]. Анализ сохранившихся единичных памятников христианства до-Константиновской эпохи, совместно с имеющимися письменными источниками, позволяет сделать ряд интересных выводов о местах отправления христианского культа в первые века и попытаться сформулировать их типологию.

Катакомбы, «могилы мучеников». Традиционно первыми местами собрания и богослужений христиан считаются «могилы мучеников». Именно они становились алтарями, в память о которых и сегодня в церкви должны обязательно присутствовать мощи святого. Уже в 269 г. на римском Западе было постановлено, что Божественная литургия должна совершаться над мощами святых [11, с. 559].

Исследователь катакомб Пауль Штайгер утверждал, что первые христианские кладбища появляются во II в. [23, р. 49-54]. В окрестностях Рима обнаружено более 60 подземных христианских кладбищ – кимитириев, известных как Римские катакомбы. Они существовали в Италии и Греции, Центральной Азии, Африке, на Кипре, в Сирии, Фригии, Палестине, Египте и многих других местах [10, с. 23; 21; 22; 18]. Наиболее часто встречаются в литературе упоминания о римских катакомбах Каллиста и Севастиана на Аппиевой дороге, св. Агнии и Острианские на *via Nomentana*, Прискилы на *via Salaria* *pova*, катакомбы Домитилы, катакомбы Каллиста [10, с. 26; 2, с. 71-111].

Согласно римским законам, место погребений считалось неприкосновенным. Допускалось свободное существование погребальных ассоциаций, какого бы вероисповедания они не придерживались. Такие объединения пользовались правом собраний в местах погребения своих сочленов и даже могли иметь свои алтари для отправления культов. Пользуясь этим, христиане собирались в местах погребений своих товарищей [8, с. 37-38].

Помещения в катакомбах принято разделять на малые (кубикулы), средние (крипты), большие (капеллы). Кубикулы были своеобразными семейными склепами. По стенам в несколько рядов располагались локулы – ниши, в которые укладывались тела погребаемых. Передняя сторона кубикулы могла иметь форму полукруглой ниши, подобно алтарной апсиде, где иногда располагалась могила мученика. Крипты представляли собой небольшие подземные церкви. Передняя часть была предназначена для духовенства. Капеллы или церкви отличались размерами и отделкой. В них могло быть несколько помещений, размер которых бывал довольно внушительным [10, с. 28].

Принято считать, что алтаря в современном понимании в христианских храмах тогда не было: его заменяла небольшая, полукруглая апсида или ниша, отделенная низкой преградой, следы которой сохранились в некоторых катакомбах до сегодняшнего дня [10, с. 28]. Здесь устанавливалась гробница мученика, которая и могла служить престолом для совершения Евхаристии.

«Дом собрания», «*domus ecclesia*», церкви в частных домах. Местами для совершения богослужения нередко выступали и частные дома. Об этом упоминается в Посланиях и Деяниях святых апостолов («Приветствуйте Прискилу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе ... и домашнюю их церковь» (Римл. 16, 3-4; ср.: Колос. 4, 15; Филим. 1, 2 и др.)). Автор «Филопатриса» (сатирического произведения первых веков, осмеивающего христиан) описывал домашнюю церковь: «...Случай завел меня в незнакомый дом, поднявшись по лестнице, я очутился в комнате с вызолоченными карнизами, которая напоминала собой палаты Менелая. Здесь я нашел, впрочем, не прекрасную Елену, а коленопреклоненных людей ...» [3, с. 65]. Св. Иоанн Златоуст (сер. IV в.) рассказывает о том, как владелец дома в городе Амазии (Понтийская область Малой Азии, первая столица Понтийского царства), некто Хрисафий, желая обратить часть своего дома в церковь, призвал художника и приказал ему снять бывшие там мозаики, изображающие Афродиту и заменить их новыми, на христианские темы [9, с. 675-689].

Вероятно, в молельню перестраивали «домашние базилики», «триклинии», место, где в античном доме сходились для пиршеств и бесед члены семьи, родственники и друзья [3, с. 71-72; 12]. В «воспоминаниях св. Климента» рассказывается, что один из знатных христиан Антиохии, по имени Феофил, «освятил под именем церкви огромную базилику своего дома» и передал ее в распоряжение своих единоверцев [3, с. 71-72].

Что касается внутреннего устройства, то можно лишь предполагать, что в помещении находилось приспособление (стол) для совершения евхаристии, возвышение для чтеца, место для священнодействующих и молящихся, и отдельный стол или помещение, куда складывали приношения верующих.

Но по мере роста числа христиан, все больше возникала опасность уклонений, ересей. В связи с этим вставал вопрос о контроле со стороны церковноначалия. Следствием этого можно считать ряд дисциплинарных ограничений, направленных на домашние собрания для богослужений. Так, Гангрский собор (между 362-370 гг. (А. С. Павлов) [15]) фактически запрещает собрания «не имея с собой пресвитера, по воле епископа» (прав. 6). Лаодикийский собор (сер. IV в.) запрещает совершать евхаристию в домах (прав. 58) [3, с. 70].

Самый ранний из известных подобных храмов – молитвенный дом в Дура-Европос (не ранее 232-233 гг.). Его открытие скорее напоминает приключенческий роман [2, с. 96; 20; 19]. В 1920 г. на подмандатной англичанам территории Месопотамии вспыхнуло восстание арабов. Солдаты заняли стратегически важную высоту Салихийе и начали рыть окопы. Один из них и наткнулся на стену с фресками. Капитан М.С. Мэрфи сделал первые цветные зарисовки и отправил их с донесением в штаб [2, с. 97]. Первым исследователем стал представитель Чикагского университета Дж. Г. Брестед [16; 2, с. 97]. После того, как территория Сирии перешла под контроль Франции, раскопки продолжил Ф. Кюмон. В последующем раскопками долгое время заведовал М.И. Ростовцев [20]. На незначительном расстоянии друг от друга были открыты остатки христианского комплекса, синагоги, языческих культовых сооружений. Изучение этих памятников позволило пролить свет на многие вопросы, в том числе и не связанные с христианским искусством.

Центром христианского комплекса был небольшой дворик с выходящими в него помещениями. На южной стороне находилась главная комната (5x13 м) с возвышением в восточной части, возможно, для алтаря. Она могла вмещать до 70 человек. Комната в северо-западном углу использовалась как баптистерий. Над прямоугольной купелью находилась арочная сень. Ее фасад был расписан растительными орнаментами, над купелью изображен небесный свод со звездами. Стены содержали также росписи на темы Ветхого и Нового Заветов.

В результате многолетних планомерных раскопок было выделено три строительных периода. Около 256 г. здание было частично разобрано и на его остатках возведена насыпь, призванная дополнительно укрепить стены города.

На стенах сохранилось значительное количество граффити (18 текстов). Они, в частности содержат призывы помянуть Павла и Петра, его сына; смиренного Сисеона; Прокла и Дорофея. Одна из надписей имела дату (232 или 233 г.) и была написана по штукатурке до последней окраски [2, с. 108].

В Риме близкой по конструкции к храму в Дура-Европос была церковь III в. близ современной Сан Мартино аи Монти. Остатки ранних церквей, перестроенных из частных домов, найдены под поздними церквями Св. Климента, Св. Анастасии [9, с. 675-689].

Церкви. Что касается непосредственного строительства церквей как отдельных сооружений, то можно лишь констатировать, что в III в. они уже существовали. Св. Григорий Нисский (ок. 335 – после 394 гг.) в «Слове о жизни св. Григория Чудотворца» рассказывал, что прибыв в Неокесарию (совр. Никсар, Турция) св. Григорий Чудотворец (ок. 213 – ок. 270-275 гг.) *«тотчас приступил к построению храма... Этот храм есть тот самый, строению которого он положил начало, а достойно украсил его один из его преемников. Храм сей видим донныне...»* [13, с. 126 - 197]. Евсевий Кесарийский писал: *«Кто и как опишет эти многочисленные обращения ко Христу, это множество собраний во всяком городе и эти замечательные стечения в молитвенных домах... не довольствуясь старыми зданиями, христиане по всем городам начали строить обширные церкви»* [5]. Но ситуация во многом меняется с приходом к власти Диоклетиана, издавшего эдикт *«повсюду разрушать церкви до основания»*. *«Мы собственными глазами видели, разрушение молитвенных домов ... до самых оснований, и сожжение божественных и священных книг среди площадей»*, – пишет Евсевий [5]. Луций Целий Фирмиан Лактанций упоминает о разрушении храма в Никомидии, резиденции Диоклетиана *«... с рассветом пришли к церкви нашей военные и полицейские чиновники со значительным отрядом стражи и, разломав двери, стали искать изображения Божества, жечь священные книги, все грабить и разрушать. Одни расхищали всякого рода вещи...»*. Из опасения пожара, который мог угрожать соседним постройкам, решено было разломать его. *«Тогда подступили к нему вооруженные топорами и другими орудиями преторианцы и, хотя храм был весьма высок, но в короткое время разрушен до основания»*. Можно судить, что церковь в Никомидии представляла собой довольно больших размеров здание [7].

В конце XIX в. в районе города Салоны (Хорватия, Адриатическое побережье, некогда столица провинции Далмация) был открыт ряд комплексов, восходящих к до-Константиновской эпохе, и включавших как церкви, так и некрополи [2, с. 94-96; 17; 4; 14]. Наиболее известны комплексы Марусинак и Монастырина. Оба центра сформировались вокруг мемориальных комплексов: Марусинак – вокруг маририя св. Анастасия из Аквилеи (после 304 г.); Монастырина имела центром могилу мученика, вероятно, это св. епископ Домний казненный вместе с Анастасием при императоре Диоклетиане. Интересно, что Домний происходил из семьи христиан, бежавших из Сирии [2, с. 94-96].

Раскопки памятников Салона позволили проследить не только процесс развития архитектурной традиции, но и некоторые особенности погребального обряда и поминания усопших. Могилы мучеников почитались единоверцами, над ними начинают возводить специальные сооружения для поминальных служб и трапез - агап. Нередко центром таких служений выступала надгробная плита или крышка саркофага святого. Над ними могли ставиться и специальные столики (алтари) с дополнительной столешницей – мензой. Крышки, как правило, имели специальные углубления (теселлы), в которые ставили специальные блюда, чашки, кубки. Помимо этого хотя бы одно углубление имело сквозное отверстие, через которое в могилу возливали вино и елей.

Фактически все это позволяет утверждать, что уже к середине III в. христиане начинают возводить и первые храмы как отдельные, сугубо культовые сооружения. Апостольские Постановления сохранили описание устройства церкви: *«Да будет здание продолговато, обращено на восток, с пастофориями по обеим сторонам к востоку, подобно кораблю. В середине да будет поставлен престол епископа, по обеим же сторонам его пусть сидят пресвитеры, а диаконы пусть стоят около одетые в полное облачение... По их распоряжению в другой части здания пусть сядут миряне с полным безмолвием и благочинием, а женщины отдельно, и они пусть сидят, соблюдая молчание. В середине же чтец, став на некотором возвышении, пусть читает книги Моисеевы... А привратники пусть стоят при входах мужчин, охраняя их, диакониссы же при входах женщин...»*. В восьмой книге того же памятника с еще большей ясностью обрисовывается перед нами первая часть храма (βήμα) или алтарь с жертвенником (θυσιαστήριον), возле которого располагалось духовенство во главе с епископом, совершавшим евхаристию [1].

Таким образом, можно констатировать, что в первые века сформировалось три типа культовых сооружений. К первому можно отнести «могилы мучеников», раннехристианские кладбища, катакомбы. Ко второму типу – «молитвенные дома» – церкви, перестроенные из помещений в частных домах. К третьему типу – храмы, которые строились как отдельные здания.

Источники и литература.

1. Апостольские Постановления (через Климента, епископа и гражданина Римского) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://krotov.info/acts/04/2/constit_apost.htm
2. Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. СПб., 2001.
3. Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 2006.
4. Диль Ш. По берегам Средиземного моря. М., 1915.
5. Евсевий Кесарийский Церковная история в 10 книгах [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.vehi.net/istoriya/cerkov/pamfil/cerkovist/history.html>.
6. Колпакова Г.С. Византийское искусство. Ранний и средний период. СПб., 2004.
7. Лактанций. О смертях гонителей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://students.gf.nsu.ru/latin/lactanz.html>.
8. Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в Греко - Римском мире при Константине Великом. СПб., 2006.
9. Михайлов Б.П. Раннехристианская архитектура // Общая история архитектуры в 12-ти томах. М., 1973.
10. Покровский Н. В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1990.
11. Православие. Словарь — справочник. М., 2007.
12. Римский дом. Триклиний (triclinium) [Электронный ресурс] // Сайт «Помпеи». Режим доступа: <http://pompeii.ru/casa/triclinium.htm>.
13. Творения св. Григория Нисского // ТСОРП. 1872. Т. 45. Ч. 8.
14. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1977.
15. Цыпин В.А., прот. Церковное право [Электронный ресурс] // Сайт «Греческие источники церковного права». Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/432356.html>.
16. Breasted J. Oriental Forerunners of Byzantine Painting. Chicago, 1924.
17. Dyggve E. History of Salonitan Christianity. Oslo, 1951.
18. Henze A. Kunstführer Rom. Stuttgart: Reclam, 1994.
19. Hopkins C. The Discovery of Dura – Evropos. New-Haven – London, 1979.
20. Rostovtzeff M.I. Dura – Europos and its Art. Oxford, 1938.
21. Stützer H.A. Die Kunst der römischen Katakomben. Köln, 1983.
22. Stützer H.A. Frühchristliche Kunst in Rom. Köln, 1996.
23. Styger P. Die Romanischen Katakomben / P. Styger. Berlin, 1933. P. 49 – 54.

Сокращения.

ТСОРП - Творения святых отцов в русском переводе

IV

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И НУМИЗМАТИКА

АРМЯНСКИЙ СЛЕД В ПРОИСХОЖДЕНИИ СОЛУНСКИХ БРАТЬЕВ¹

АРУТЮНЯН Л.В.

Севастопольский филиал

Саратовского государственного социально-экономического университета

Среди современных славяноведов нет единодушия в вопросе о происхождении создателей славянской письменности братьев Кирилла и Мефодия. Определенно доказано лишь их неславянское происхождение. Другие выдвигаемые версии, в частности, о болгарском происхождении братьев, также не выглядят убедительными.

Целью статьи является на основе анализа фактов биографии Кирилла и Мефодия проследить армянский след в их происхождении.

Роль письменности в истории человечества в целом, и отдельных народов, в частности, не нуждается в обсуждении. Создатели письменности – клинописи, иероглифов, алфавитов – внесли огромный вклад в сохранение культуры и истории народов, чем и обессмертили свое имя. Для древнейших систем письма имя это собирательное: египтяне, шумеры, финикийцы, персы, китайцы, евреи, греки, римляне, индийцы и т.д. И только у отдельных систем письма (письменностей) известно имя их авторов. У славян это – братья Кирилл и Мефодий, у армян – Месроп Маштоц. У Солунских братьев много общего с Месропом Маштоцом. Они создали алфавит, дав возможность своим народам читать Свя-

---

¹ Настоящая статья представлена постоянным участником «Лазаревских чтений» и автором нашего сборника (в серии Б), кандидатом философских наук доцентом Л.В. Арутюнян. Лариса Владимировна давно и глубоко изучает роль выдающихся представителей армянского народа в истории Причерноморья. Ее предыдущие публикации касались биографии видных деятелей науки, культуры, религии и политиков, живших в новое время. Обращение автора к византийским историческим персонажам – дебютное. Несмотря на то, что тезисы, высказанные в предлагаемой статье, являются весьма спорными, и опираются на недостаточную, на наш взгляд, источниковую базу, мы публикуем данную статью, т.к. вопрос о национальной принадлежности свв. Кирилла и Мефодия уже несколько столетий будоражит умы ученых разных стран. Видимо, будоражит гораздо сильнее, нежели уделяли этому внимания сами солунские братья, ибо были подданными и высокопоставленными чиновниками империи, в которой национальная принадлежность человека была его частным делом, а государство интересовалось лишь его вероисповеданием и политической лояльностью. Поэтому, любой верноподданный византиец был для власти ромеем, а не представителем какой-либо национальности. Попытки «разложить» ромеев по национальным «полочкам», предпринимаемые исследователями разных стран, служат скорее современным политическим задачам, нежели способствуют подлинному познанию византийского мира. Однако каждый имеет право на собственное видение данного вопроса (ред.).

тое Писание на родном языке, были причислены к лику Святых, почитаемы, долгие годы проповедовали христианство.

И имена эти, как это ни покажется парадоксальным, несмотря на разделяющие их почти пятьсот лет, теснейшим образом связаны. В современном славяноведении считается доказанным неславянское национальное происхождение создателей азбуки и, при этом, отрицается их греческое происхождение [6, с. 105-106].

Одной из распространенных является версия болгарского происхождения солунских братьев – Кирилла и Мефодия.

Однако болгарский этнос, как известно, формировался путем слияния тюркского и славянского элементов. Протоболгары появились на Балканах в VII в.н.э., когда часть тюркских племен, кочевавших в низовьях Волги и Дона, двинулась на Балканы, а часть поднялась к верховьям Волги, где основала т.н. Волжскую Булгарию. Процесс славянизации болгар проходил сложно и длительно, и продолжался не менее десятка веков. Поэтому маловероятно, что уже через 100 лет, в начале IX века, кто-то из болгар был христианином и стремится к просветительству, созданию письменности и крещению славян. И зачем была тюркам славянская азбука, когда не было еще тюркской?

Таким образом, версия болгарского происхождения солунских братьев не выдерживает критики. Но главное, что сами Кирилл и Мефодий нигде об этом не упоминали: они не помнят, они не знают, они не говорят о своем болгарском происхождении, но они помнят, знают и говорят о своих дедах и прадедах, близких к византийским императорам и о своем византизме. Так кто же они?

В научных кругах существует также гипотеза об армянском происхождении создателей славянской письменности – солунских братьев Кирилла и Мефодия. Автором данной версии является академик Арташес Андреевич Арцруни [1; 2; 3].

А.А. Арцруни – крупный российский ученый, металлург, аналитик, изобретатель, почти сорок лет проработавший в российской оборонной промышленности. Он известен как создатель российской алюминиевой танковой брони. Однако круг научных и жизненных интересов А. Арцруни не ограничивается рамками профессиональной деятельности, а включает языковедение, культуру и историю. Арташес Арцруни – автор ряда книг по сравнительной лингвистике и армянской культуре. Труды его полны свежих взглядов и идей, во многом ломают устоявшиеся взгляды и представления, но остаются при этом серьезными, научными, хорошо аргументированными работами. А. Арцруни представляет новый взгляд на византийские истоки славянской азбуки и этническую принадлежность ее создателей Кирилла и Мефодия. Используемый им подход, основанный на определяющем влиянии христианизации и христианской символики в построении постхристианских систем письма, позволил А. Арцруни [3] вскрыть существо строения и принципы создания первого в мире христианского – армянского алфавита, азбуки Месропа Маштоца, и показать принципиальное единство строения армянской и славянской (глаголической) азбук. Он показал роль армянского письма в составе нынешней формы славянского письма – кириллицы.

Братья Кирилл и Мефодий родились в семье византийского провинциального военачальника среднего уровня – друнгария (сотника) по имени Лев и его жены Марии. Отец скончался не ранее 841 года.

Мефодий (815 – 885 гг.) – старший сын. Вероятное имя, данное ему при рождении – Михаил. Он поступил на военную службу и около 835 г. был назначен воеводой одной из славянских областей (фемы Стримон), где прослужил около 10 лет. Затем оставил мирскую жизнь, постригся в монахи, удалился в монастырь, и к концу жизни был удостоен сана епископа.

Младший из семи детей этой семьи – Константин (827 - 869 гг.), монашескую схиму и имя Кирилл принял после тяжелой болезни в ожидании кончины, за пятьдесят дней до смерти. С детства отличался начитанностью и способностью к языкам. После смерти отца в судьбе подростка принял участие начальник императорской канцелярии логофет Феоктист, ставший по кончине императора регентом малолетнего наследника Михаила III. В соученики к наследнику престола и был приглашен Константин. Учеба малолетнего императора и его старшего соученика проходила в императорской высшей философской

школе Магнавра. Для Константина ориентиром служил его прадед. А. Арцруни цитирует: «Хочу накопить знание, искать чести и богатства своего прадеда» [1, с. 37]. Довольно скоро Константин получил должность хартофилакса – патриаршего библиотекаря в главном соборе Византии – Софии Константинопольской, а затем и преподавателя в школе Магнавра. Известность получил как крупнейший философ-полемист, филолог и теолог. Довольно быстро получил устойчивое прозвище – «Константин философ».

В качестве доводов в пользу армянского происхождения солунских братьев рассматривается нижеследующая информация. Первая – о школе Магнавра и ее первом ректоре Льве Математике; вторая – об императорской семье и императрице Феодоре.

Высшая школа Магнавра была открыта в Константинополе благодаря усилиям священника Ованеса Керакана (Иоанна) Грамматика, прозванного так за высокую ученость. Имя его впервые встречается в царствование византийского императора Льва Арцруни или Льва V Армянина (813 - 820 гг.), в связи с иконоборчеством. В 814 году, по заданию императора, тогда еще малоизвестный армянин Ованес подготовил научно-догматическое обоснование иконоборчества и успешно выступил с ним. Наибольшую известность Иоанн Грамматик получил как Константинопольский Патриарх Иоанн VII в период 837-843 гг., что соответствует времени появления в Константинополе младшего из братьев - Константина. В Магнавре учился, а затем преподавал Кирилл (Константин), будущий создатель славянской письменности. Славянский алфавит он, по свидетельству черноризца Храбра, создал в Магнавре. В его азбуке вначале было 36 букв, как и в армянском айбубене [7].

Р.В. Тер-Газарян доказывает, что Лев (Левон) Математик, профессор философии, племянник Иоанна Грамматика – митрополит Фессалоники в период 840 - 842 годы (очевидно, отсюда и его знакомство, если не родство, с солунскими братьями) [5, с. 145-146]. Лев Математик по праву может быть назван великим ученым своего времени. Для императора Феофила (829 - 842 гг.), представителя аморийской (фригийской) династии, кстати, ученика Иоанна Грамматика, Лев сконструировал и установил в новом императорском дворце статуи механических рычащих львов, павлинов, машущих крыльями, золотое платановое дерево с птицами, поющими на его ветвях. Он установил подъемный императорский трон, который при нажатии кнопки возносил императора к потолку дворца. Наконец, именно он изобрел световой телеграф, посредством цепи маяков, передававший информацию с одного края империи в другой за считанные часы. Кроме того, он ввел в византийское письмо способ записи числовых величин буквами, т.е. проявил себя как знакошифровщик, потенциальный знаковосистематик, азбучник и знаток армянского письма.

После кончины императора Феофила формально императорский трон наследует его сын Михаил III, но был еще ребенком. Назначаются регенты: мать императора Феодора и ее фаворит логофет Феоктист. Феодора происходила из древнего армянского княжеского рода Мамиконянов. Именно Феоктист, узнав, вероятно, от Льва Математика, об одаренном мальчике из Фессалоники, приглашает Константина в столицу, чтобы он, будучи старше императора на четыре года, учился вместе с ним. Таким образом, в армянскую императорскую семью, по рекомендации армянского наставника, бывшего митрополита Фессалоники Льва, под контролем армянина, Константинопольского Патриарха Иоанна VII Грамматика, в условиях обостренной внутриконфессиональной борьбы с между иконоборцами и иконопочитателями, приглашается старший соученик, наставник. Кто он? Ответ очевиден! В узкий круг господствующей элиты вряд ли мог быть введен посторонний юноша, не имеющий каких-либо родственных связей.

В «Житии Константина Философа» (глава IX), где на вопрос хазар-иудеев, к которым Константин прибыл с целями христианского просветительства, о том, кто он, какого рода-племени и как его принимать, Константин отвечает: «Был у меня дед великий и славный, что стоял близ цесаря, и славу, ему данную, по воле отверг, и изгнан был и, в землю чужую придя, обнищал, и здесь меня породил. Я же, дедовской древней чести ища, не сумел иной обрести, ибо внук я – Адама» [4].

Из этого ответа, по мнению А. Арцруни [3, с. 320] можно сделать нижеследующие выводы:

1. Константин не грек. Греция для рода Константина является чужбиной.

2. Константин не иудей и не хазар, так как, во-первых, он христианин, а, во-вторых, если бы он был иудеем или хазаром, он бы не преминул об этом заявить своим единоплеменникам.

3. Указание на происхождение от Адама представляется парадоксальным, ибо от него происходят все человеческие роды, и потому может быть трактовано как указание на место рождения рода Константина, аналогичное месту рождения Адама – Армянское нагорье!

И, наконец, сопоставляя указания Константина на «великого и славного деда», факт родства Льва Математика с Иоанном Грамматиком (Ованес дядя Левона) и служение Льва в Фессалониках, а также достаточно очевидное армянское происхождение солунских братьев, можно поставить вопрос об идентификации личности отца братьев Льва с именем Льва Математика и, соответственно имя их деда с именем Иоанна Грамматика.

К сожалению, в официальных документах византийского двора, государственных бумагах и других византийских источниках IX-X вв., которые сохранились неплохо, отсутствуют сведения о солунских братьях. По мнению того же Арцруни, это связано с последующей историей Фессалоники.

В этом городе в 1666 году была основана антихристианская секта иудеев, перешедших в ислам, т.н. «дёнме». И в Салониках же в 1889 году был организован штаб младотурецкой партии. В подобных условиях о сохранности каких-либо армяно-христианских архивов не может быть и речи.

Такова в общих чертах версия об армянском происхождении создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия.

Суть вопроса не в национальной принадлежности первосвятителей славянства, а в существовании той национально-культурной базы, на которой сформировалась славянская письменность в обеих известных ее формах: начальной – глаголице, и последующей – кириллице! И эта база – армянская христианская культура [2, с. 76]. Вот такой «свежий» взгляд на одну из загадок славистики представляет А. Арцруни. Он ломает устоявшиеся взгляды и представления, оставаясь серьезным, научным.

И хочется лишь добавить строки из стихотворения К.С. Хартавакян [7]:

*Признав родство глаголицы и айбубена,
Восславим всех создателей, что незабвенны,
И воздадим учителям их мудрым честь.
Славянский алфавит рожден в тиши Магнавра,
Как в хайском, буквы можно в нем по звукам счесть.
По вере братьям, их творцам – венцы из лавра!*

Источники и литература.

1. Арцруни А. Армянское нагорье и цивилизация. М.: Менеджер, 1999. 240 с.
2. Арцруни А.А. Славянская письменно-христианская культура и армянское просветительство. М.: Издательская группа URSS, 2004. Изд.3. 128 с.
3. Арцруни А. И был один язык.. М.: «Менеджер», 2010 // Менеджер. 420 с.
4. Жития Константина Философа (Кирилла) и Мефодия. Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, комментарии Б. Н. Флори [Электронный ресурс] // Сайт Жития Константина Философа (Кирилла) и Мефодия. Режим доступа : <http://www.etnograf.ru/node/227>.
5. Тер-Газарян Р.В. Армяне на византийском престоле. М., 1999. С. 145-146.
6. Флоря Б.Н. Сказание о начале славянской письменности, М.: «Наука», 1961. С. 105-106.
7. Хартавакян К.С. К творцам славянской азбуки. Из цикла сонетов книги «Армянские святые письмена. Стихи и переводы», Ростов-на-Дону [Электронный ресурс] // «Дон», 2005. Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2011/05/24/5199>.

ДОЗОРНО-ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС НА УСТУПЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ОБРЫВА ЭСКИ-КЕРМЕНСКОГО ПЛАТО

ДНЕПРОВСКИЙ Н.В.

Издательство «Невская Лавра» (г. Санкт-Петербург)

Мы уже писали о необходимости переосмысления роли храмов в архитектурном контексте оборонительных сооружений Эски-Кермена [6, с. 148-149]. Поскольку церковная археология в советское время была ликвидирована, исследователи предпочитали заниматься, главным образом, начальным этапом существования городища – до предполагаемого сноса городских стен, а по сути – до начала массового строительства храмов. При этом последние рассматривались обычно как нечто вторичное и, скорее, как досадная помеха на пути реконструкции «подлинной» системы обороны города. Однако человек, как существо социальное, живёт не только в мире вещей, но и в мире смыслов. В византийском обществе смысловая наполненность человеческого существования в значительной степени определялась именно религиозной доминантой. Без учета этого факта интерпретация сохранившихся на городище сооружений и их комплексов (в том числе и оборонительных) будет в значительной степени произвольной.

Один из комплексов подобного рода, до сих пор не введенный в должной мере в научный оборот, располагается в границах скального останца, уступом примыкающего к западному обрыву Эски-Керменского плато приблизительно в середине западной линии обороны расположенного на этом плато городища (рис.1-3).

Обследовавшие Эски-Кермен в 20-е годы XX столетия сотрудники Севастопольского музея краеведения (далее – СМК) зафиксировали в скальных обрывах этого останца два искусственных пещерных сооружения (рис. 4-6), а на его верхней площадке – затёкшую землёй вырубку в скале, которая первоначально была ими идентифицирована как тарапан. *«Над пещерой на «чемодане»¹ вырубленный в скале фундамент (очень хорошей выработки) – основа тарапана»,* – писал Е.В. Веймарн, принимавший участие в этих работах [2, л. 38]. Однако впоследствии это мнение пришлось изменить, и тот же исследователь, с присущей ему скрупулёзностью, не меняя саму процитированную нами запись, сделал к ней приписку следующего содержания: *«но это не тарапан, как оказалось после раскопок 1929 г., а основание башни, а затем часовни»* [2, л. 38].

Материалы, на основании которых был сделан этот вывод, представлены в литературе всего тремя абзацами из работ руководителя экспедиции Н.И. Репникова, опубликованных в «Готском сборнике». Прочитываем их и заодно, для большей наглядности, проиллюстрируем фотографиями, сохранившимися в другом источнике – архиве Е.В. Веймарна, ныне хранящемся в КРУ БИКЗ.

«Кроме описанного сложного типа башен имеется иной, в виде малой башни, выведенной за линию ограды. Таковая зачищена работами 1929 г. впереди западных стен. Здесь находится изолированный мысок, обрывающийся в долину недоступными обрывами. От края плато к нему идёт скалистая перемычка. На площадке мыса раскопки обнаружили квадратную выемку в скале (рис.7 – Н.Д.). По краю её проходили «постели» боевой кладки. Поверхность их сохранила след раствора извести (с толченой черепицей), на которой сложена была стена. Со стороны города вырубку «постелей» перерезывает основание дверного проема (рис.8, верхнее фото – Н.Д.). Приходится усматривать здесь основание квадратной башни, кладка которой в какой-то период разрушена до основания. В позднейшую эпоху основание башни, вырубленное в скале, использовали под часовню с

¹ «Чемоданами» в СМК шуточно называли скальные останцы, вплотную примыкавшие к Эски-Керменскому плато.

усыпальницею (рис. 8, нижнее фото – Н.Д.). Этот тип башни не единичен. На том же западном склоне имеются две подобные же башенные площадки, командующие над долиной и подступами к боевой стене» [14, с. 187].

«Северный конец раскопанного участка, лишенный остатков кладок, имеет одни лишь вырубки – „постели“ их. Он заканчивается возвышенною площадкою с примыкавшим к ней скалистым мысом, недоступным из долины... Вершина и бока этого мыса зачищены. В южном обресе небольшая квадратная пещерка (рис. 7; на самом деле, пещерка выходит на восток – Н.Д.). В западном – значительная пещера, к которой вдоль северного обрыва скалы нарублена дорожка, имевшая в древности деревянные перила (гнезда). Вершина мыса имела квадратную выемку, по краям которой идут «постели» новой кладки, снесённой до основания. В позднейшее время основание башни... использовали для часовни с усыпальницею. Северную стену вырубки раздробили абсидою с престолом, отделив все это деревянною переборкою иконостаса (пазы) (рис.9, верхний рисунок – Н.Д.). В южной же стене толщю камня выбрали усыпальницею с лежанкою (рис.9, нижний рисунок – Н.Д.). Стены часовни были сложены из некрупных камней на плохом растворе. Ни зы их рухнули внутрь. Перекрытие постройки было деревянное (стропила) с черепичной крышей (многочисленные фрагменты). Поверхность обрыва скалы под северным концом раскопанной линии боевой стены обнаруживает следы древней ломки. Здесь выламывались кадры для построек города» [13, с. 131].

В ходе раскопок были составлены план комплекса (рис. 10) и его разрезы (рис. 15, 19, 23), по сей день неопубликованные и хранящиеся в архиве ИИМК. Там же хранится и отчёт Н.И. Репникова (тоже неопубликованный), в котором интересующий нас памятник описан гораздо более подробно: «Северный конец раскопанного участка обороны западного склона заканчивается небольшим скалистым мыском, находящимся на одном уровне края этой части плато. С плато мыса к югу под вырубками “постелей” боевой стены идет целевидный под”ем на верх. На поверхности каменистых стен его сохранились следы вырубков лесенки, возникшей, по-видимому, после гибели древней крепостной стены. На самой площадке мыса возвышается небольшой холмик строительного мусора, скрывающий в себе остатки основания какого-то здания, стены которого были сложены на извести.

Впереди описанного мыска внизу в пол склона к долине имеется скалистая площадка, заканчивающаяся в сторону обрыва в долину недоступным снизу пиком скалы. Вершина пика имела квадратную засыпанную землей вырубку. В боках его имелись две пещеры. Место это было расчищено полностью, с целью выяснения его характера и отношения к линиям обороны города. Зачистка поверхности скалистой площадки под мысом плато, соединяющей его с отдельным пиком, обнаружила поверхность скалы с ясными следами добывания здесь в древности блоков для зданий города. Ломка происходила путем обсекания борозд в массиве известняка, нужного размера. Средний размер камней: длина 1 м., ширина 0,8 м. Блоки заклинивались снизу и отрывались от известнякового массива (рис.11 – Н.Д.)... Перемычка скалы между местом древней ломки и восходом на вершину пика на поверхности скалы имела также следы выработки. Здесь разработка была не закончена и намечены лишь борозды. По-видимому, камень оказался непригодным и разработка была оставлена. В южной стороне пика в сторону обрыва к городищу зачищена небольшая пещера. Она вырублена в толще скалы частыми кирочными ударами. В пещеру ведет широкий дверной проем, на стенах которого признаков дверной коробки незаметно. Сама пещера квадратной формы с скругленными углами. Потолок прямой, слегка выветрившийся. Пол неровный бугорчатой поверхности. В общем, внутренность пещерки прекрасно сохранилась.

В сторону долины пик имеет еще одну пещеру, к которой вдоль едва доступного края обрыва ведет нарубленная лесенка. В обрыве скалы при начале лесенки две вырубки для опоры ног. По линии самой лесенки вдоль обрыва на поверхности скалы идут сплошные круглые гнезда балюстрады-перил, ее ограждавших. Лесенка приводит на небольшую площадку перед входом в пещеру. Вдоль края площадки идут вырубленные в камне сплошные гнезда – перил, ограждавших ее в древности. Сама пещера вырублена в толще скалы частыми кирочными ударами. В нее ведет неширокий дверной проем, в глубине которого

имеются вырубki для установки деревянных косяков двери, отпирившейся внутрь. Сама пещера неправильной овальной в плане формы с глубокой и широкой квадратной нишей в задней стенке. Потолок прямой слегка бугорчатой поверхности. Пол, сравнительно хорошо выработанный, имеет врубной желобок для стока дождевых вод, которые по природной трещине скалы могли проникать в пещеру. В полу три круглых углубления. Как уже отмечалось, вершина пика имела засыпанную землю вырубку в скале. Раскопка обнаружила большую квадратную вырубку в скале. По краю ее проходили “постели” для боевой кладки. Самый квадрат выбран, суживаясь по дну в толще скалы частыми кирочными ударами; он неровной бугорчатой поверхности.

С большой долей вероятности приходится видеть в квадратной вырубке основание башни. “Постели” определяют ее квадратное очертание. На поверхности “постелей” в северо-западном углу сохранились следы раствора с толчеными черепицами, на котором лежала кладка древней башни. В восточной стороне вырубка “постелей” кладки древней башни перерезана основанием дверного проема имеющего гнезда для деревянных косяков. Кладка древней башни разрушена до основания. В позднейшую эпоху использовали основание вырубki в скале для церковки с усыпальницей. Северную стену основания башни в толще камня разработали абсидою, пол которой слегка углубили. По середине абсиды сохранился квадратный каменный престол из целого камня на месте, верх обломлен. Впереди полукрутые (так в тексте; видимо, следует читать «полукружия» – Н.Д.) абсиды в боковых стенах на уровне пола две симметричные вырезки для установки деревянных брусков алтарной преграды. В толще южной стены устроили усыпальницу № 84. В нее изнутри храма на уровне пола ведет продолговатое отверстие входа, с закрайком – полочкою по краю для установки плиты заклада, который отсутствовал. Сама усыпальница сильно углублена в полу, слегка расширяясь ко дну, прямоугольной, вытянутой в плане формы. Потолок покатым в задней стене. Вдоль этой стены во всю ее длину лежанка, с невысоким закрайком вдоль края. Над лежанкой потолок усыпальницы обрушился. Она разграблена и заключала в себе отдельные перерытые кости, среди которых найдена медная пуговка полая внутри с продольным прорезом... Характер вырубki абсиды и усыпальницы одинаков и отличается от рубки остальной части основания древней башни. В земле, заполнявшей храм, найдены: немногочисленные поливные черепки, низкая тонкостенная глиняная чашечка, облицованная изнутри и снаружи желтовато-зеленой поливой, по краю и дну процарапанный узор дает под глазурью темно-коричневый тон... и два железных гвоздя. Стенки храма с усыпальницей были сложены на плохом растворе из некрупных камней. Покрыта она была по деревянным стропилам черепицею, много обломков которой нашлось в засыпи... Погиб храм, видимо, от пожара / угли найдены при раскопках заполнявшей его земли /.

Идентичность характера рубки абсиды усыпальниц и двух описанных уже пещер под храмом с усыпальницею позволяют высказать предположение, что весь этот комплекс возник одновременно, когда-то, после гибели боевой башни» [12, л. 52-55; сохранён стиль оригинала].

По сути, эти же выводы кратко резюмирует и Е.В. Веймарн в своей позднейшей работе, посвящённой реконструкции оборонительных сооружений Эски-Кермена:

«Мыс скалы X, сильно выступающий в долину (до 40 м), высотой до 40-45 м, очищен от земли в 1929 г. На верхней части этого мыса стояла квадратная башня, кладка которой не сохранилась, но «постели» её видны очень ясно. Размеры внутреннего помещения башни – 4X4 м. Толщина стен – более 1 м. С востока в башню вела дверь. После разрушения обороны на вырубленном в скале основании башни была построена небольшая часовня.

По северному краю скалы вырублена лестница, ведущая вниз с площадки (которая соединяет башню с плато) на небольшую террасу (шириной до 3 м) на западной стороне мыска, находящуюся примерно на 12 м ниже его вершины. По краям террасы виден ряд круглых углублений для стояков, на которых, возможно, крепился деревянный паранет, образывавший нижний ярус обороны этого комплекса.

Поверхность площадки, соединяющей вершину мыска, где была расположена башня, с основным массивом скалы, выровнена ломкой камня, видимо, употребленного тут же на строительство башни и ближайших боевых стен» [3, с. 41].

Как мы видим, предшествующих исследователей интересовала, главным образом, боевая башня, которая якобы располагалась на скальном останце и, соответственно, рассматривалась в общем контексте оборонительных сооружений городища. Причём, если Н.И. Репникову «приходилось (?) усматривать» основание башни всё же «с большой долей вероятности», то Е.В. Веймарн утверждает её существование уже как достоверный факт.

Действительно, скальный выступ, на котором было расположено интересующее нас сооружение, со стороны долины выглядит весьма впечатляюще.

Но, к сожалению, по-видимому, последним исследователем «пещерных городов», имевшим серьёзную инженерную подготовку, был А.Л. Бертье-Делагард, во времена которого данный объект исследован ещё не был. Это, по нашему мнению, и привело (вместе с господствовавшей в годы Советской власти парадигмой «истории материальной культуры») к приписыванию данному сооружению, главным образом, утилитарных (в данном случае, оборонительных) функций. Между тем, выгода подобного расположения на господствующем над долиной мысу, да ещё на недоступном для штурма обрыве, представляется очевидной лишь на первый взгляд. Если же попытаться проанализировать целесообразность боевого применения подобной «башни» именно с инженерной точки зрения, то сразу же возникает целый ряд вопросов.

1. «Башня» соединяется с основной частью плато узким перешейком (рис.3), на котором не сохранилось ни малейшего следа «постелей» оборонительных стен, которые могли бы защищать коммуникацию «башни» с укреплением на плато. Таким образом, совершенно непонятно, каким образом обеспечивалась под обстрелом неприятеля данная коммуникация. Равным образом непонятно, почему вход в «башню» расположен не по центру стены и, соответственно, скального гребня, а с угла, где вероятность поражения стрелой, пущенной из долины, увеличивается.

2. «Башня», далеко выступающая в долину, расположена существенно ниже основной части плато (рис.2), причём в расщелинах как слева, так и справа от неё склон горы хотя и крут, но вполне проходим, поэтому неприятель, подошедший вплотную к крепостной стене на плато, занял бы высоту, полностью господствующую на «башней», а узкий и ничем незащищённый перешеек незамедлительно был бы перерезан, полностью изолировав «башню» и обрекая её гарнизон на полное уничтожение. Впрочем, не сохранилось в этом месте на плато и остатков боевой стены – вместо неё на его краю расположены упомянутые Н.И. Репниковым остатки здания, сложенного на извести, видимые и поныне.

3. В случае захвата «башни» она могла именно наступающим дать возможность накопления сил для последующего штурма. При таком невыгодном положении и с учётом высокой вероятности захвата неприятелем, единственной сколько-нибудь разумной конструкцией данного сооружения была бы, в действительности, полубашня, открытая со стороны плато – в случае её захвата нападающие безнаказанно уничтожались бы огнём с плато. Однако ничего подобного мы не наблюдаем: «постели» кладки расположены со всех сторон сооружения.

4. На фотографиях отлично видно, что постели стенной кладки были весьма неглубокими и достаточно далеко отстояли от края обрыва (рис. 12). Это совершенно не соответствует характеру кладки оборонительной стены, сохранявшейся на момент раскопок *in situ*. Кладка в них подходила вплотную к бровке обрыва для уменьшения «мёртвой зоны» и, по необходимости, глубоко врезалась в покатость скалы при помощи постелей. «Башня» на скальном уступе этим требованиям совершенно не соответствует. Внутренняя вырубка «башни» отстоит от края обрыва на целых 5,5 м., а внешний контур постелей – на 4,5 м., что противоречит элементарной логике обороны. Более того. С напольной стороны под «башней» имеется довольно широкая площадка с пещерой, которая дополнительно увеличивает и без того большое «мёртвое пространство» – непростреливаемое и непроглядываемое с башни – а также полностью исключает возможность скатывания с «башни» камней для поражения подступающего неприятеля (рис. 2, 13, 17, 18). Использование самой площадки (как полагал Е.В. Веймарн) в качестве «нижнего яруса обороны комплекса» было бы также проблематично, поскольку она связана с «башней» только узкой и ничем не защищённой лестницей, вырубленной по северному обрыву скального выступа.

Перемещаться по такой лестнице под обстрелом противника невозможно. При этом Н.И. Репников, как мы видели, вообще полагал, что пещерный комплекс на нижней площадке возник только после уничтожения самой башни, т.е. после упразднения системы обороны города.

Таким образом, боевая ценность подобного **изолированного** оборонительного сооружения представляется в высшей степени сомнительной, а по сути, близка к нулевой. Во всяком случае, «командовать долиной» оно не могло в принципе.

Опыт фортификации, в том числе и применённый в других «пещерных городах», таких, как Мангуп и Чуфут-Кале, подсказывает в данном случае наиболее рациональное решение: перекрыть крепостными стенами сравнительно узкие, но не очень крутые расщелины по бокам от скального выступа, который очень облегчил бы подобную работу, а после её завершения, действительно, мог бы успешно выполнять основную функцию крепостной башни – ведение флангового огня. Не исключено, что именно это и было сделано. Достаточно посмотреть сверху на «балкон» скального выступа (рис.13), чтобы увидеть, что с правой (северной) стороны по его краю идёт отчётливый выступ, к сожалению, так и не расчищенный от земли и растительности. Не исключено, что это ни что иное, как «постели» боевого парапета, возможно, продолжавшегося перегораживающей расщелину стеной: на рис. 2 ясно видна заросшая растительностью диагональная борозда, наискось идущая от скального «балкона» к склону. Однако раскопки под скалой также не проводились. Более того. Предполагаемые нами «постели» на балконе даже никак не отражены на плане, составленном Эски-Керменской экспедицией. По-видимому, концепция «башни, контролирующей долину и склон» настолько овладела умами членов экспедиции, что вопрос о стене, перегораживающей расщелину, даже не рассматривался. Между тем, именно под защитой такой стены перемещение по лестнице на «балкон» скального уступа могло производиться совершенно безопасно, а сам «балкон» прекрасно мог выполнять функции боевой площадки. Ведь высота обрыва под ним составляла 12,75 м., а дальше шёл чрезвычайно крутой, около 56° (перепад высот в 30 м. на расстоянии в 20 м.), склон. Взять такую твердыню штурмом было достаточно сложно. К тому же на этом «балконе» зачем-то же была вырублена значительная по размерам пещера (рис. 5, 14, 15, 16), использование которой вне связи с оборонительными целями просто непонятно. Помимо кратких сведений об этой пещере, содержащихся в приведённом выше отрывке отчёта Н.И. Репникова, её описание по материалам СМК сохранилось также в архиве Е.В. Веймарна: *«Пещера № 38 (западный край городища). Угловая, ординарная пещера внутри «чемодана» со входом с запада. Вход – дверная коробка с выемкой для деревяшки и с парой углублений четырёхугольной формы и углов наверху (рис.6 – Н.Д.). На стенах следы работы металлическим инструментом очень ясны. Каменных колец нет. Отличается красотой выделки и гладкостью стен и потолка. Пол засыпан землёй. Перед входом балкон с выбитыми по краю скалы дырочками для закрепления ограды. По северному обрыву «чемодана» наверх идёт дорожка или лестница»* [2, л. 39].

Таким образом, под хлев эта пещера не использовалась, да и не могла использоваться из-за узкой лесенки, которая туда ведёт. По этой же причине её затруднительно было использовать и как складское помещение. При этом размеры пещеры велики: по результатам наших измерений максимальная длина её составляет 5,97 м., максимальная ширина без учёта ниши в восточной стене – 4,08 м., максимальная высота – 1,75 м. Размеры этой ниши: максимальная ширина – 2,12 м., максимальная глубина – 1,83 м. Таким образом, общая площадь помещения составляла примерно 26 м². Казалось бы, в нём вполне мог разместиться небольшой гарнизон вместе с запасом метательных снарядов. Но и здесь мы сталкиваемся с одним странным обстоятельством. Как мы помним, по мысли Н.И. Репникова, «ряд круглых углублений для стояков» по периметру «балкона», хорошо заметных на плане, предназначался для крепления ограждавших площадку перил, а, по мнению Е.В. Веймарна, – боевого парапета. Но все известные нам боевые площадки на Эски-Кермене прекрасно горизонтированы. Однако в нашем случае достаточно взглянуть на разрез (рис. 16) и фотографии (рис. 17, 18), чтобы увидеть, насколько круто и покато к парапету спускается терраса. За таким парапетом (или возле таких перил) пришлось бы стоять буквально

но на цыпочках, а о быстром перемещении к пещере и обратно (особенно в дождливую погоду) не могло быть и речи. Зачем же ограждение было устроено на такой крутизне? По нашему мнению, ответ на этот вопрос даёт ещё один, не столь ярко выраженный и гораздо более редкий ряд гнёзд, расположенный по другую сторону площадки – вдоль основания скальной стенки, в которой вырублена пещера № 38. Мы полагаем, что между этими рядами гнёзд поверх всей покатой площадки крепился деревянный настил. Однако такое сооружение существенно отличается от традиционной боевой площадки: вывести его из строя намного легче.

Итак, хотя Н.И. Репников пишет, что *«с большой долей вероятности приходится видеть в квадратной вырубке основание башни»* и приписывает всему комплексу чисто оборонительную функцию, однако именно с вероятностной точки зрения эта оценка малоубедительна. А противоречия в представлениях Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна о роли площадки, расположенной ниже «башни», лишний раз говорят о чисто умозрительном характере реконструкции данного «участка обороны».

Но если на скальном выступе располагалась не башня, то, спрашивается, что именно?

Вспомним, что о храме, который, по мнению Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна, был устроен *на месте* этой башни, упоминается в их работах как о чём-то малозначительном и второстепенном. Но насколько это соответствует действительности?

У нас нет оснований сомневаться в том, что Эски-Керменская экспедиция действительно обнаружила здесь остатки *поздней «часовни», «сложенной на плохом растворе»*, поскольку этот факт подтверждается обнаруженным при раскопках подъёмным материалом. Однако следы *первоначального* сооружения, расположенного на этом месте, с нашей точки зрения, не были должным образом проанализированы.

Прежде всего, Н.И. Репников указывает на обнаруженные здесь остатки известково-го раствора с толчёной черепицей, т.е. на тот тип раствора, который принято называть цемянкой. Между тем, применение цемянки именно в сохранившихся *оборонительных* сооружениях Эски-Кермена, насколько нам известно, более нигде не описывалось. Напротив, Е.В. Веймарн отмечал, что *«стена (крепостная – Н.Д.) крепилась не столько связующими средствами (известь в панцирной кладке, известь с песком или глина в буге), сколько тяжестью верхнего камня, лежавшего на панцирях кладки... Подобного конструктивного приёма мы не отмечаем ни в Херсонесе, ни в самой Византии, ни в других раннесредневековых крепостях, связанных с Византией. Поэтому мы возражаем против положения А.Л. Якобсона о том, что крепость Эски-Кермен построена византийцами»* [3, с. 27-28]. Отметим, что Е.В. Веймарн лично принимал участие в раскопках у западной боевой стены и знал её устройство не понаслышке.

В свою очередь, Н.И. Репников именно для западного участка крепостной стены уточняет, что *«внутри шла забутовка, залитая известковым раствором без примеси песка»* [13, с. 129]. Равным образом, и в противоположной, юго-восточной, части городища *«забутка слабо залита раствором извести без песку»* [13, с. 115]. Имеется и третье упоминание о том, что *«внутренность стены составляет твёрдая масса забутовки из отёсков и отдельных камней, обильно залитая раствором извести без песку»* [14, с. 184]. Все эти указания достаточно ясно и недвусмысленно свидетельствуют о том, что применение цемянки в кладке сооружения на западном уступе было явлением, совершенно нетипичным для оборонительных сооружений Эски-Кермена.

В то же время применение цемянки *при строительстве храмов* было явлением столь распространённым, что не нуждается в дополнительных доказательствах.

Кроме того, совершенно непонятно, почему при столь мелких «постелях» кладки *средняя* часть сооружения была врублена в скалу, судя по чертежам Эски-Керменской экспедиции (рис. 19) почти на полметра (а в действительности, как мы увидим, и того более). Между тем, как мы видели, именно эту вырубку Н.И. Репников считал первичной по отношению к расположенным по её краям «постелям», которые он относил уже к новой кладке. При этом заметим, что Н.И. Репников, который считает вторичным и сохранившийся дверной проём, перерезающий «постели» кладки, здесь, вопреки собственному предыдущему утверждению, называет их *«постелями»* *«кладки древней башни»*. Кроме того, при этом естественным обра-

зом возникает вопрос и о том, где же, в таком случае, находился первоначальный вход в башню. Однако ответа на это вопрос Н.И. Репников не даёт.

Таким образом, описание, данное Н.И.Репниковым, порождает больше вопросов, чем ответов. И возможно, основным из них является вопрос о том, почему вместо увеличения *высоты* башни её как бы *заглубляли* в скалу. Насколько нам известно, на других участках обороны ничего подобного не наблюдалось.

Зато в Крыму, как известно, была широко развита традиция строительства *храмов с основанием, вырубленным в скале*.

Да и деревянные балконы, подобные тому, что был создан на расположенном ниже скальном уступе, в большей степени были характерны для монастырских построек, нежели для боевых площадок.

Всё это даёт нам основание с *действительно высокой степенью вероятности* предполагать, что на скальном уступе первоначально *располагалась не боевая башня, а добротно выстроенный на цементном растворе храм* из хорошо отёсанных камней, уже после разрушения которого на этом же месте из вторичного материала и на плохом растворе была возведена новая постройка, выполнявшая, однако, ту же роль. Тот факт, что тёска абсиды храма и усыпальницы отличается от тёски наоса, вполне закономерен: даже чисто технически замах рубящим инструментом в узких пространствах абсиды и усыпальницы не мог быть таким же, как в просторном наосе. Прибавим к этому то, что места в храме, отношение к которым было наиболее благоговейным, и отделялись более тщательно. Подобные различия в качестве отделки алтарной части и наоса встречаются достаточно часто. Вполне естественным является в этом случае и расположение входа в храм.

В связи с этим предположением мы повторно обследовали остатки сооружения на западном выступе и произвели его обмеры.

Наос храма имеет трапециевидную форму (рис. 20). Восточная стена ориентирована точно по линии «север-юг», а северная – точно по линии «запад-восток». Таким образом, на плане Эски-Керменской экспедиции допущена неточность, северо-восточный угол наоса должен быть прямым. Западная стена отклоняется от направления «север-юг» на 10° к западу. Точную ориентацию южной стены установить затруднительно, поскольку от неё остался лишь небольшой западный фрагмент длиной в 0,66 м. Размеры вырубке наоса сильно отличаются от указанного Е.В. Веймарном квадрата в 4х4 м., который, скорее, характеризует внешний периметр сооружения. Длина помещения вдоль оси «север-юг» составляет у западной стены 2,85 м по верхней части остатка стены и 2,7 м по полу, а у восточной – 2,62 м по полу. Ширина помещения по линии «запад-восток» составляет в самом широком месте (по подрубкам алтарной преграды) 3,35 м, а у южной стены – 2,77 м. Ширина дверного проёма необычайно мала и равна лишь 0,5 м. Длина сохранившегося основания восточной стены – 2,10 м. по верхней части и 2,04 м. по полу. Ширина «постелей» наоса составляет 0,3 м. и лишь в области алтарной абсиды они расширяются до 0,4 м. Скальные основания стен возвышаются над дном вырубке на 0,5-0,65 м., что и определяет её глубину. К моменту начала расчистки храма он был заполнен землёй, по-видимому, на 0,2 м., т.к. в предшествующих расчистке записях СМК было указано, что «*высота бортов площадки до 0,40 м.*» [2, л. 38].

Усыпальница, вырубленная в южной стене, имеет длину по оси «север-юг» 1,73 м., ширину 1,8 м. и глубину относительно пола наоса 0,85 м. К южной стене примыкает скамья-лежанка шириною 0,7 м. и высотой в 0,4 м. Скальное перекрытие-потолок усыпальницы, частью ещё существовавшее на момент работ Эски-Керменской экспедиции и представленное на рис. 9, в настоящее время рухнуло.

Абсида храма (рис. 21) вырублена в середине северной стены и имеет не совсем обычную форму ярко выраженной трапеции, большее основание которой (ширина по северной стене) равно 1,45 м., а высота – 0,75 м. Меньшее основание имеет ширину 1,3 м. и служит хордой дуги алтарного закругления, радиус которого составляет около 1,2 м. Сопряжение этой дуги с базовой трапецией выполнено радиусами около 0,2 м. Скальная северная стена абсиды (алтарное полукружие) сохранилась на высоту в 0,24 м. над уровнем пола наоса. Основание престола, в своё время зафиксированное Эски-Керменской экспе-

дицией, в настоящее время утрачено. Достоин упоминания, что пол абсиды расположен не выше, а ниже пола наоса и заполнен затёкшей землёй. Заметим, что этот факт никак не зафиксирован на разрезе, выполненном ЭКЭ и представленном на рис. 19. Подобная особенность имеется в Крыму ещё, как минимум, в одном храме. Понижение пола абсиды (на 0,08 м.) относительно пола наоса мы встречаем в остатках храма с вырубным основанием на Тепе-кермене (на верхней площадке над пещерным «храмом с баптистерием») [16, с. 370] Предположительно, это же имело место и в надвратном храме южных ворот Эски-Кермена [6, с. 153]. Заметим, что и для древнерусских церквей «сопоставление зафиксированных в ряде памятников *уровней пола в алтаре и наосе* показало, что солея не только не была обязательным условием при устройстве пола в древнерусских домонгольских храмах, но и являлась скорее исключением, чем правилом» (*курсив* Т.А. Чуковой – Н.Д.) [15, с. 120]. Однако в данном случае речь идёт уже о **понижении** уровня пола абсиды относительно наоса, которое представляется всё же явлением не совсем обычным и достойно отдельного исследования.

И в этой связи возникает ещё один, гораздо более серьёзный вопрос.

Как известно, ориентация пещерных церквей юго-западного Крыма носила достаточно приблизительный характер. Тем не менее, эски-керменские храмы, как правило, старались ориентировать алтарём примерно на восток или северо-восток (в этом смысле особенно показателен пример храма «Успения»). Не является исключением и очень похожий на рассматриваемую церковь храм, находящийся на верхней площадке пещерного каземата, контролировавшего подъездную дорогу, сориентированный на 60° к востоку.

Между тем в нашем случае абсида храма совершенно точно ориентирована на чистый север (поскольку наос имеет трапецеидальную форму, за его ось принималась линия, проведённая через середины двух наиболее значимых в сакральном плане элементов церкви – абсиды и усыпальницы у западной стены). Отклонение не превышает 1-2°. Учитывая, что что Н.И. Репников полагал нынешний дверной проём позднейшим, а примыкающая к наосу гробница имеет достаточно большую ширину (1,7 м.), на этом месте вполне можно было вырубить в скале «правильный» проход к храму, а саму церковь, как и положено, развернуть абсидой на чистый восток. Места на скале и для храма, и для усыпальницы при этом было бы вполне достаточно: как уже говорилось, от вырубки до края обрыва в этом направлении остаётся целых 5,5 м. А вот разворот абсиды именно к северу создал для устроителей храма значительные неудобства как в чисто строительном, так и в литургическом плане: на рис. 21 хорошо видно, что «постели» алтарного закругления расположены по самому краю покатого склона. В результате сама алтарная часть храма оказалась не повышенной, а пониженной относительно наоса.

Что же заставило строителей этой столь добротной построенной церкви отклониться от канона и создать себе такие существенные проблемы?

Вспомним, что в Горном Крыму известны, по крайней мере, два храма с северной ориентацией алтаря. Это «церковь с баптистерием» на Тепе-Кермене и пещерный храм (ныне рухнувший) на Бакле. Оба они, предположительно, выполняли, наряду с литургической, ещё и дозорную функцию.

В нашем случае достаточно одного взгляда вдоль оси храма, чтобы увидеть, что его алтарь сориентирован максимально возможным, с литургической точки зрения, образом на укрепление Кыз-Куле (рис. 22), с которого, в свою очередь, просматриваются долины вплоть до Бахчисарая. Азимут башни этого укрепления при наблюдении из алтаря составляет 15° к западу, азимут восточного края плато Топшан – 8,5° к западу. Однако развернуть алтарь для ещё более точной ориентации уже даже не к северу, а непосредственно к западу, видимо, представлялось недопустимым в богослужебном плане.

Как уже неоднократно говорилось, лучших стражей, чем монахи с их длительными богослужениями, придумать было трудно [5, с. 31; 6, с. 163]. Поэтому наиболее правдоподобно, что **на выступавшем в долину мысу находился небольшой монастырский комплекс, выполнявший дозорную функцию** и, возможно, принадлежавший более крупной обители, расположенной где-то на плато. Оборонительных задач перед насельни-

ками этого небольшого скита не ставилось, и после обнаружения реальной угрозы и оповещения о ней у них всегда было время укрыться за городскими стенами.

Этот монастырский комплекс включал в себя келью привратника – со стороны городища, храм – на уступе и пещеру для братии – на скальной террасе. Мы уже отмечали, что большие размеры последнего помещения резко контрастируют с узкой лесенкой, которая ведёт на террасу перед пещерой. Поэтому предполагать у этой пещеры чисто хозяйственное назначение сложно: её нельзя было использовать ни как хлев, ни как складское помещение. Зато она вполне могла вместить в себя трапезную и место для отдыха «дежурной смены» монахов, несущих послушание при «дозорном» храме. Расположение пещеры со стороны долины, противоположной от города, и узкая лесенка вдоль скалы надёжно обеспечивали уединение братии, но при этом гарантировали обзор долины и северной расщелины. Расположенный поверх террасы огороженный деревянный балкон, совершенно тождественный балконам других горных монастырей, также мог служить наблюдательной площадкой. Однако из этой пещеры совершенно невозможно было контролировать ни происходящее в храме, ни тех, кто приближался к нему со стороны города. С этой целью и была высечена «пещера № 37» (по номенклатуре СМК), которая была обращена в сторону плато (рис. 23, 24) и которая, несмотря на своё расположение ниже уровня площадки с храмом, обеспечивала полный контроль как над перешейком, так и над южной расщелиной. Сохранилось её описание, составленное сотрудниками СМК: «*Пещера №37* (рис.4 – Н.Д.). *Западный край городища (в выступе скалы «Барыня»). Ординарная, четырёхугольная в плане, находится в «чемодане» (чемоданами, напомним, в СМК называли примыкающие к плато скалы-останцы – Н.Д.). Вход к востоку – ординарная дверная коробка – во всю высоту пещеры. На стенах (стены и потолок очень ровные) следы работы металлическим инструментом» [2, л. 38]. Отметим, что на плане ЭКЭ эта пещера по непонятным причинам «приобрела» ярко выраженную трапециевидальную форму. Это не соответствует действительности. В плане она подпрямоугольная с сильно скруглёнными углами (рис. 25), в точности как на плане, составленном СМК и приведенном на указанном рисунке: её диагонали равны 2,05 м. (СЗ-ЮВ) и 2,12 м. (СВ-ЮЗ) соответственно. Размеры её по нашим измерениям: ширина – 2,02 м., глубина – 1,3 м., высота – 1,77 м. Ширина дверного проёма составляет 1,05 м., толщина стены у левого косяка – 0,98 м., у правого – 0,85 м. Форма этой пещеры и её размеры достаточно близки к таковым же у пещерного помещения в преддверии «Большого пещерного храма» на подъездной дороге, одной из функций которого, по нашему мнению, также было наблюдение за подступами к храму и городу.*

В связи со сделанным нами предположением уместно вспомнить полемику Н.И. Репникова с Н.Л. Эрнстом о способах обороны Эски-Кермена. «*Н.Л. Эрнст, – пишет Н.И. Репников, – в системе обороны выдвигает многочисленные сторожевые пещерки... Систему «сторожевых» пещерок многого не достичь в защите от врага, и напрасно автор придаёт им большое значение... Заявление об «остатках оборонительных сооружений» в ущелье Кыз-куле и системы «сторожевых пещерок» является неудачным домыслом» [13, с. 145-146]. И для того, чтобы окончательно «добить» своего оппонента, добавляет: «*Читая все это об обороне Эски-Кермена, невольно вспоминаешь слова старого описателя этих мест генерала Ф. А. Козена, посетившего их лет сто назад. «Дорога, идущая к сему месту, неровна и излучена на большом пространстве, и по обеим сторонам имеет большие горы по мере приближения к сему месту. Попадают в разных расстояниях по сторонам дороги большие камни отдельные с отверстиями. Можно справедливо заключить, что камни сии служили им ведеями, которые наблюдали за безопасностью жителей, поселившихся в некотором расстоянии оттуда на высоких горах» (т. е. на плато Эски-Кермена). Тем удивительнее невнимание Н. Л. Эрнста к боевым условиям местности, как и к материалам 1928 г., предостерегавшим его от поспешных выводов» [13, с. 146]. По видимому, именно генерал Ф.А. Козен олицетворял для Н.И. Репникова «не отличающегося ни глубиной мысли, ни запасом научных сведений... типичного для того времени разъезжающего» [10, с. 15]. Действительно, этот автор «прославился» своими экстравагантными гипотезами о происхождении пещерных городов (например, об умении «троглодитов» размягчать камень). Однако, не имея достаточных познаний в области археоло-**

гии, он, тем не менее, был профессиональным военным, дослужившимся до генерала, и как раз в военном деле и фортификации его познания должны были быть существенно выше, чем у Н.И. Репникова. Поэтому сарказм последнего в данном случае был явно неуместен: никакие укрепления неспособны защитить гарнизон без хорошо поставленной системы оповещения. Генерал Ф.А. Козен, как военный человек, отлично понимал это и пытался найти признаки этой системы. Более того, сам же Н.И. Репников, в том же «Готском сборнике», описывая северную оконечность Эски-Кермена, указывает, что там был *«фиксирован подъём-лестница, прорубленная в толще скалы. Она приводит на вершину изолированной северной оконечности, роль которой чисто сторожевая»* [14, с. 188]. Другими словами, призывая не придавать слишком большого значения системе дозорных пещер, он фактически признал её существование.

В этой связи нужно отметить, что на вырубание так называемого «северного дозорного комплекса» ушло намного больше усилий, чем на создание дозорно-оборонительного комплекса на западном выступе, а эффективность его всё равно оставалась ограниченной: плато к северу покато понижается, и сам по себе северный комплекс из города был не виден, что должно было затруднять связь с ним. Кроме того, дорога на Бахчисарай с северного комплекса полностью не просматривается – её перекрывает проходящая справа скальная гряда. Условия наблюдения за этим участком несравненно лучше с башни Кыз-куле (рис. 26), что, кстати, прекрасно объясняет и название укрепления: Кёз-куле, т.е. «дозорная башня». Следовательно, данное укрепление было не просто временно и наскоро построенным опорным пунктом (как известно, такое мнение бытует в литературе в связи с так называемой «Запиской готского топарха»¹) и даже не просто хорошо подготовленным убежищем (хотя оно, несомненно, выполняло эти функции), а элементом интегрированной системы раннего оповещения о приближении противника, важным звеном которой был также храм на западном уступе городища Эски-Кермен. Впрочем, не исключено и наличие в древности наблюдательных пунктов, расположенных ещё дальше за Кыз-куле. В частности, для этой цели идеально подходит скальный выступ, расположенный над комплексом храма «Донаторов», что, возможно, приведёт в дальнейшем к необходимости переосмысления функций и для этого пещерного комплекса.

Много лет назад, в связи с описанием эски-керменской церкви «Успения», О.И. Домбровский сформулировал идею храмов, «вросших в систему обороны» [7, с. 44]. В этом с ним не соглашался Е.В. Веймарн, полагавший, что таким храмом (и то с натяжкой) можно считать лишь «гарнизонную» церковь на Мангупе [4, вкладные лл.14-15 к основному л. 87]. На сегодняшний день контуры этого «врастания» определились более отчётливо. Примеры пещерных и наземных храмов на Тепе-Кермене, Бакле и Эски-Кермене показывают, что, **не будучи в полном смысле оборонительными сооружениями**, они были интегрированы в **дозорно-сторожевую систему раннего оповещения**, выполняя роль воистину «недреманного ока» в системе обороны поселений Горного Крыма.

Источники и литература.

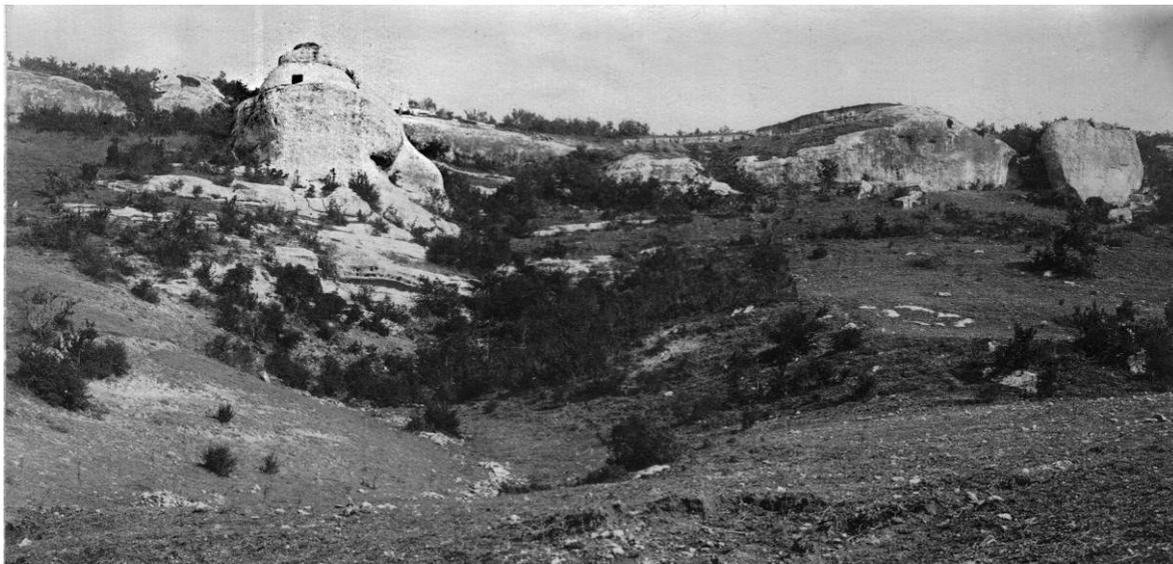
1. Веймарн Е.В.. Городище Эски-Кермен. Западный фронт обороны // Архив КРУБИКЗ, ф.10а, д. 3.
2. Веймарн Е.В.. Средневековое городище Эски-Кермен. Пещеры западного края // Архив КРУБИКЗ, ф.10а, д. 9.
3. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
4. Веймарн Е.В., Чорев М.Я.. «Пещерные города» Крыма (рукопись) // Архив КРУБИКЗ, ф.10а, д. 80/4.
5. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е. Тропа над пропастью: Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. Киев – Судак, 2004. С. 13-35.
6. Днепровский Н.В. Культурный комплекс у южных ворот Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь – Тюмень, 2011. Вып. III. С.148-184 [Электронный ресурс] // Сайт Филиала МГУ в городе Севастополе. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK3.pdf>.
7. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.

¹ Обсуждение вопросов подлинности этого документа и действительной топографической привязки описанного в нём укрепления не входит в задачу настоящей статьи.

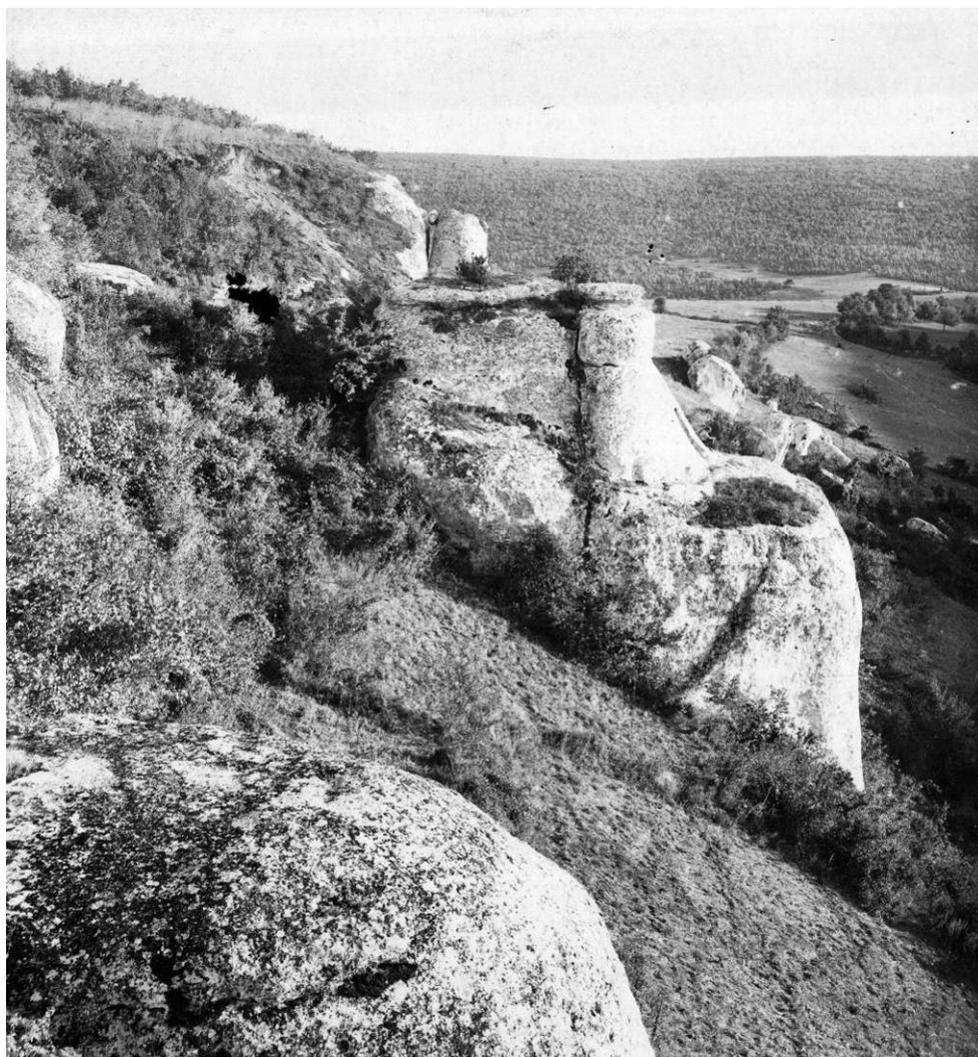
8. План городской стены на западном склоне. Архив ИИМК, ф. Р-1, № 121, л. 17.
9. Полевые чертежи. Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1929 г., № 259.
10. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8. С. 5-106.
11. Разрезы городской стены на западном склоне. Архив ИИМК, ф. Р-1, №121, л.16.
12. Репников Н.И. Отчёт о раскопках на Эски-Кермене. Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1929г., №214.
13. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8. С.107-152.
14. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8. С.181-212.
15. Чукова Т.А. Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. СПб, 2004.
16. Юрочкин В.Ю., Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е. и др. Христианские древности «пещерных городов» Крыма // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. К., 2004.

Сокращения.

ИИМК –	Институт истории материальной культуры
КРУБИКЗ –	Крымское республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»
СМК –	Севастопольский музей краеведения
ЭКЭ –	Эски-Керменская экспедиция Государственной Академии материальной культуры

Рис. 1. «Выступ скалы на котором стояла башня (каземат) X. Зона расчищенного участка западной оборонительной стены. Вид с запада» [1, л. 54]

Рис. 2. «Выступ скалы, где была башня (каземат) X. Зона расчищенного участка западной оборонительной стены. Вид с запада» [1, л. 55]

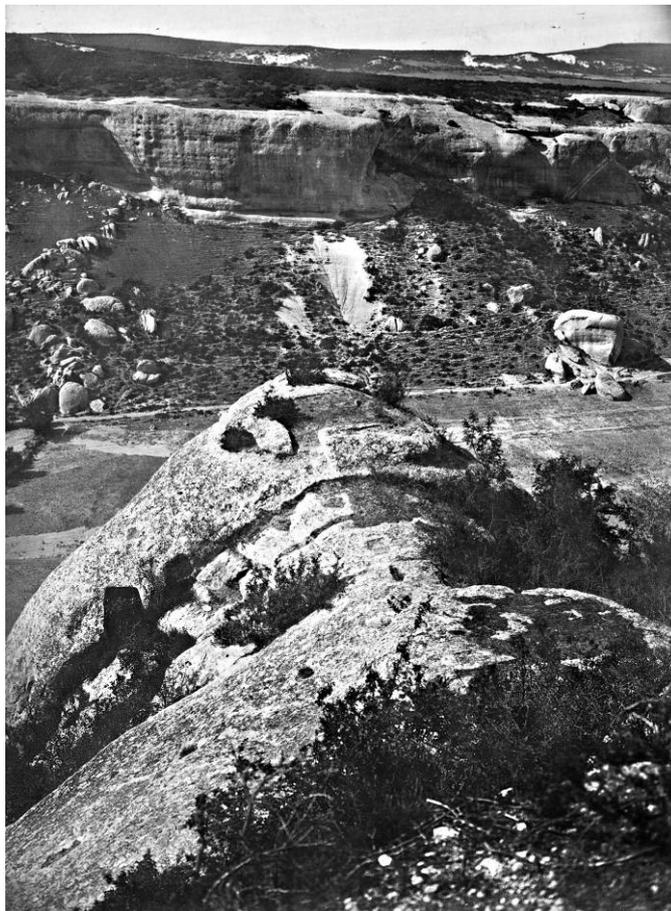

Рис. 3. «Выступ скалы, где была башня (каземат) X.
Виден след вырубленного в скале основания башни. Фото до зачисток» [1, л. 56]

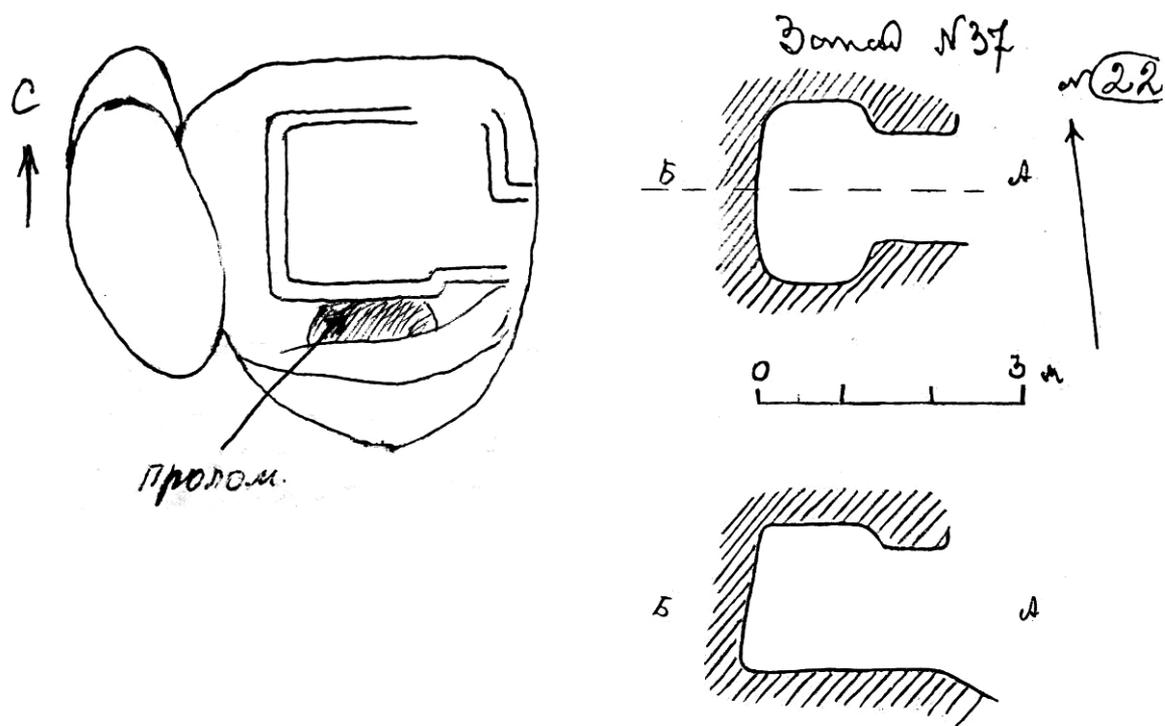

Рис. 4. План и разрез пещеры № 37 (справа)
и расположенная над пещерой вырубка в скале (слева) [2, л. 38]

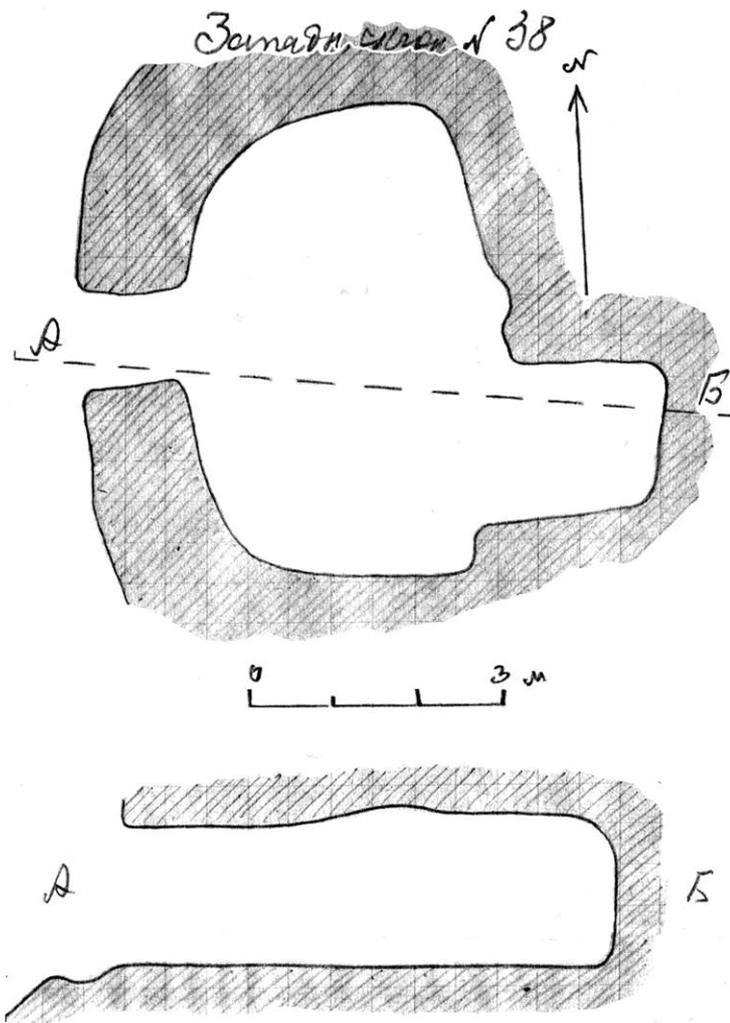

Рис. 5. Пещера № 38. План и разрезы [2, л. 39]

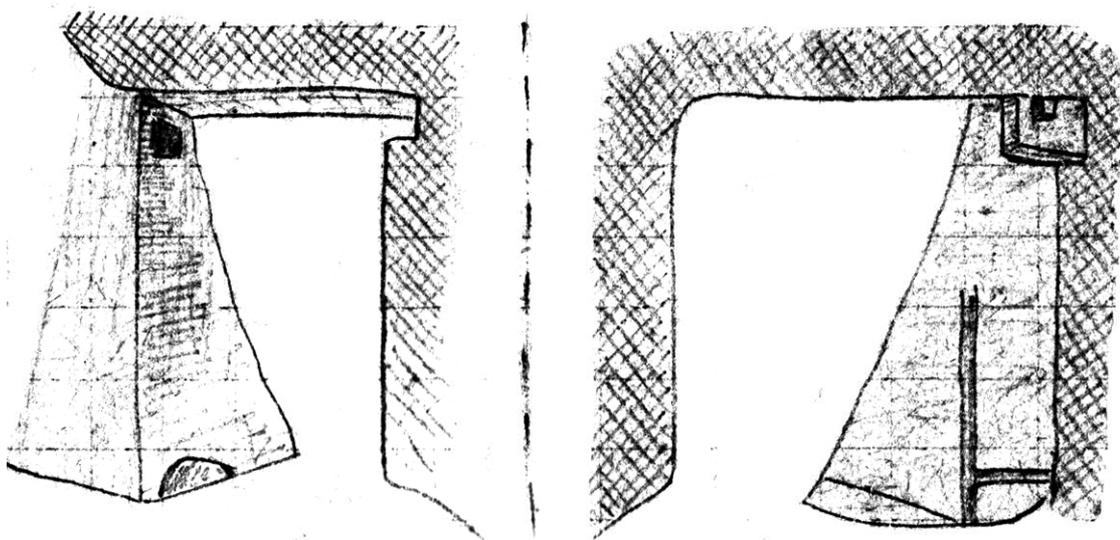
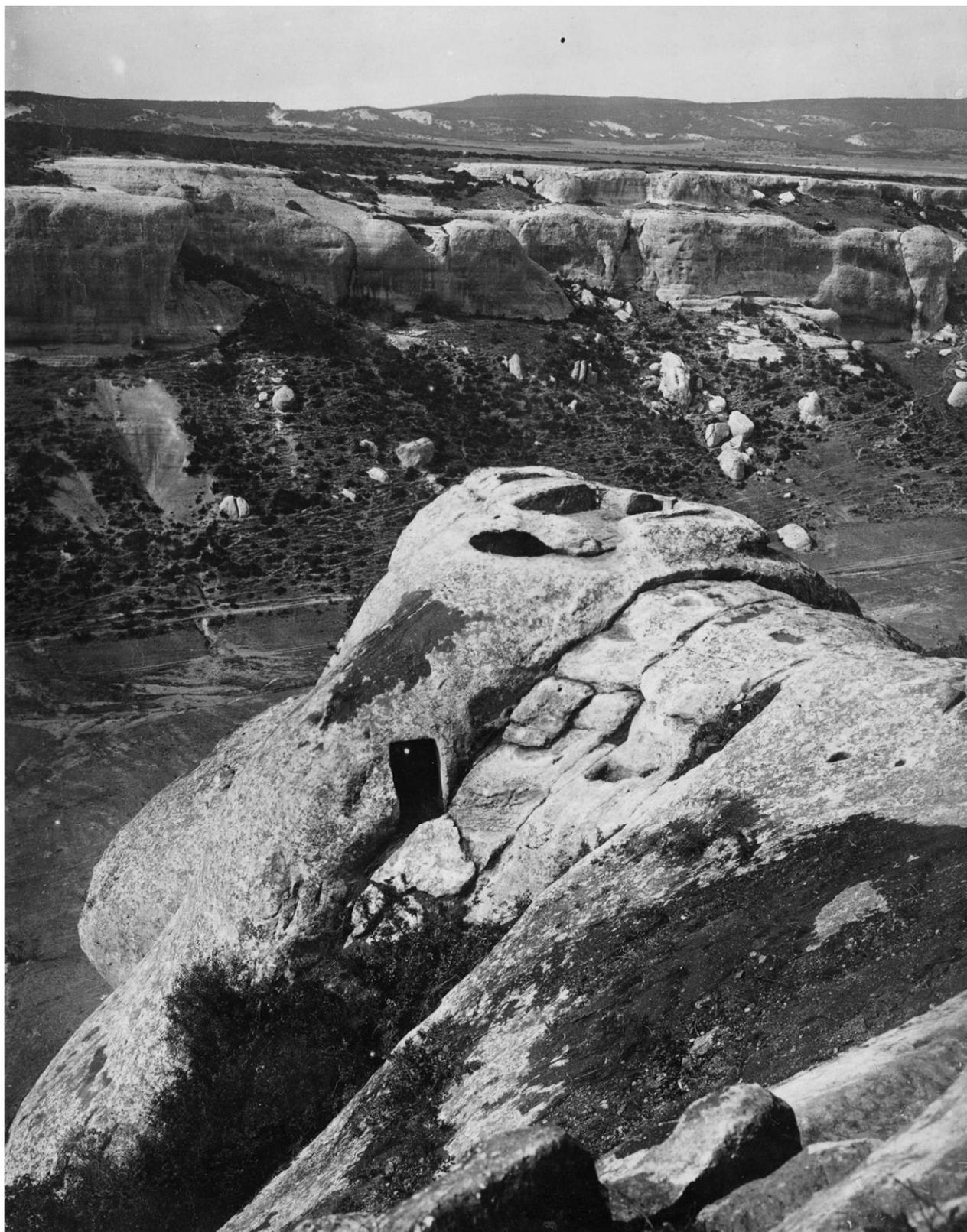

Рис. 6. Вход в пещеру № 38 [2, л. 39]

Рис. 7. «Выступ скалы, где была башня (каземат) X, а затем устроена часовня.
Вид с юго-востока, после зачисток» [1, л. 57]

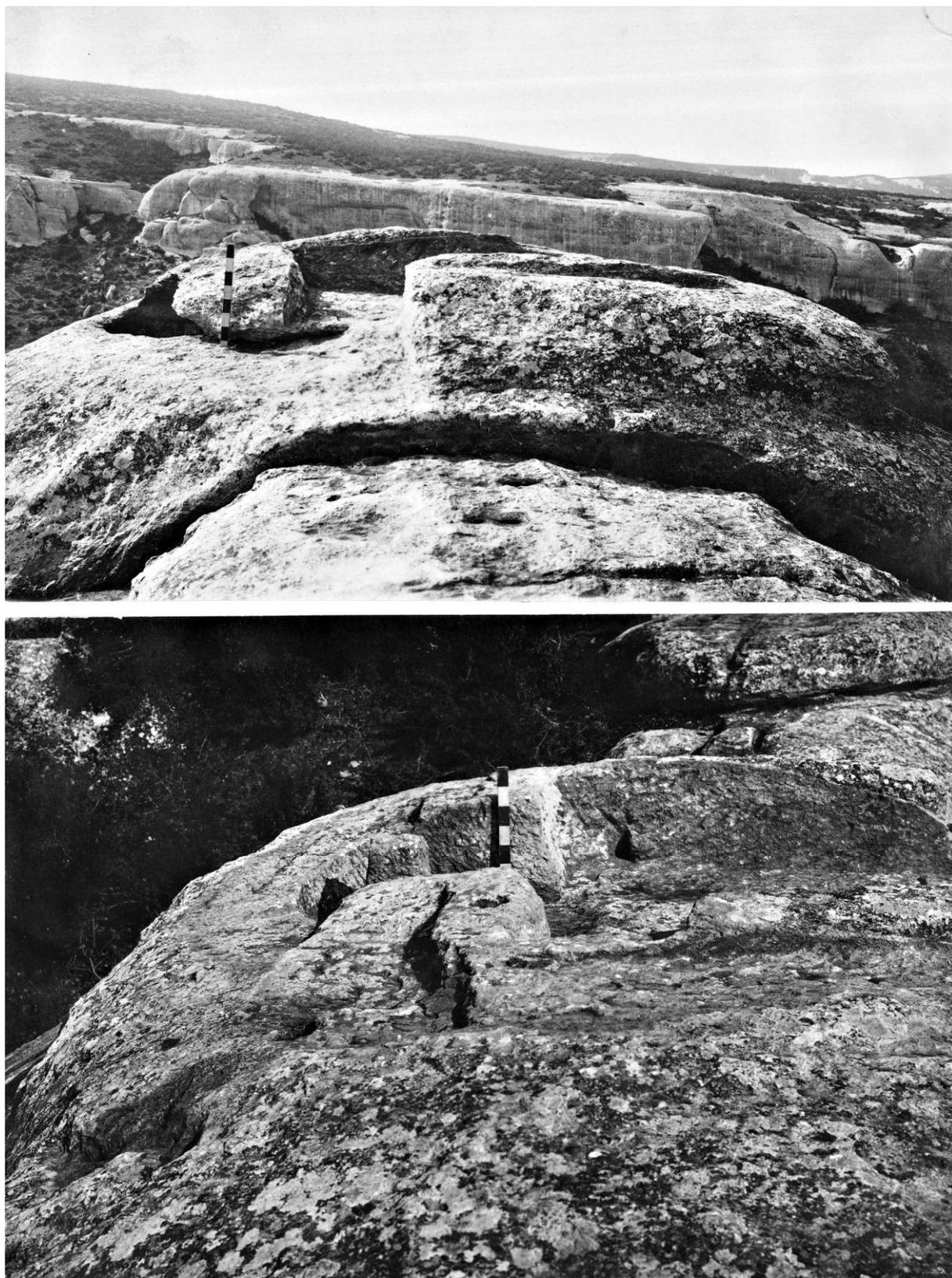

Рис. 8. «Остатки часовни на месте башни X. Вид с востока и запада» [1, л. 59]

**Рис. 9. «Остатки часовни на месте башни X.
Вид с юга на алтарную часть и с севера на усыпальницу» [1, л. 60]**

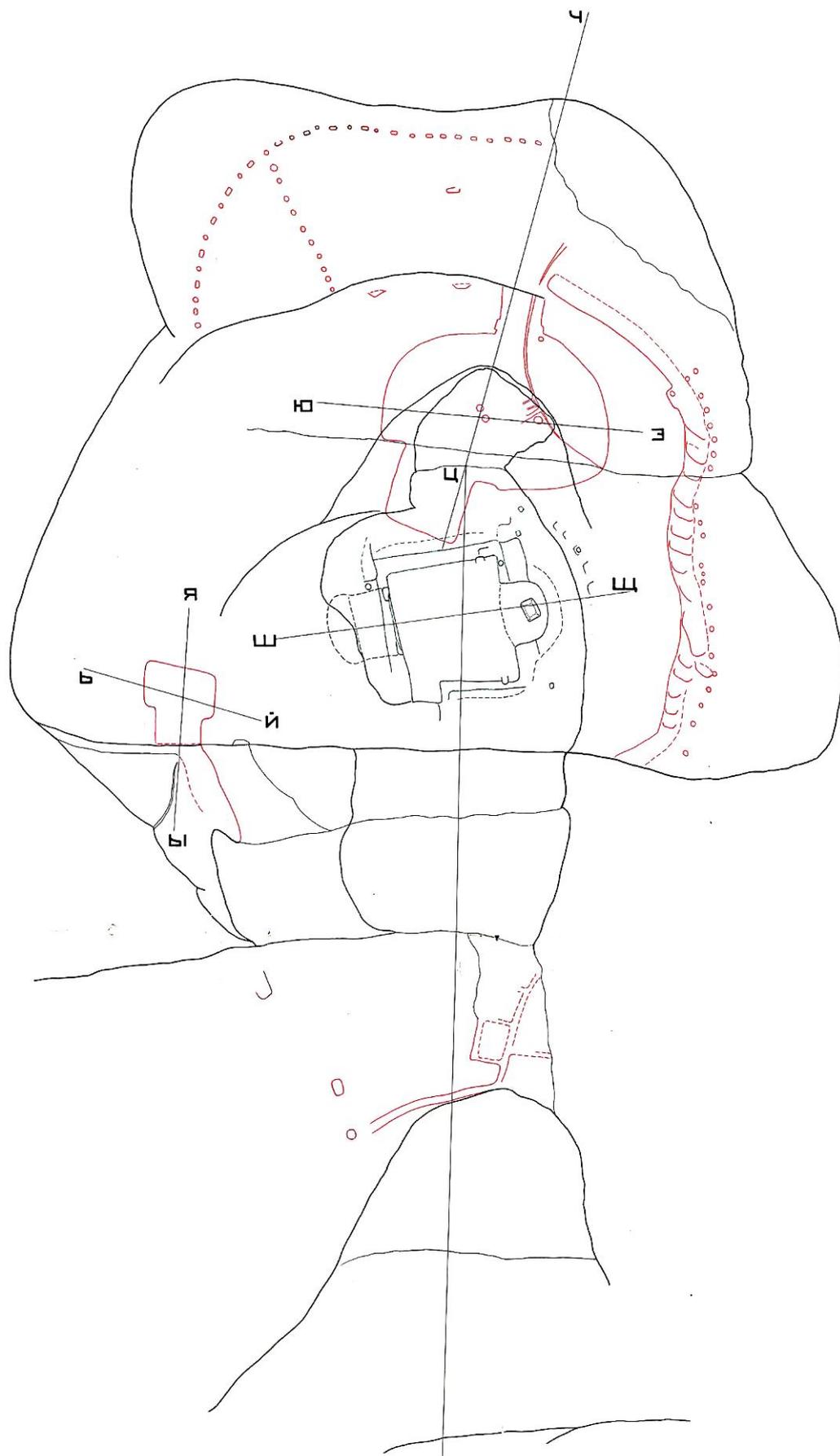

Рис. 10. Комплекс сооружений на западном уступе [8, л. 17, фрагмент]

Рис. 11. Следы ломки камня на перешейке [1, л. 58]

Рис. 12. Вид на вырубку в скале со стороны обрыва (фото автора)

**Рис. 13. Скальный «балкон». Вид сверху (фото автора).
Видны ряды гнёзд под опорные столбы и подрубка (?) по правому краю уступа**

Рис. 14. Пещера № 38. Интерьер (фото автора)

РАЗРЕЗ ПО ЛИНИИ Э - Ю

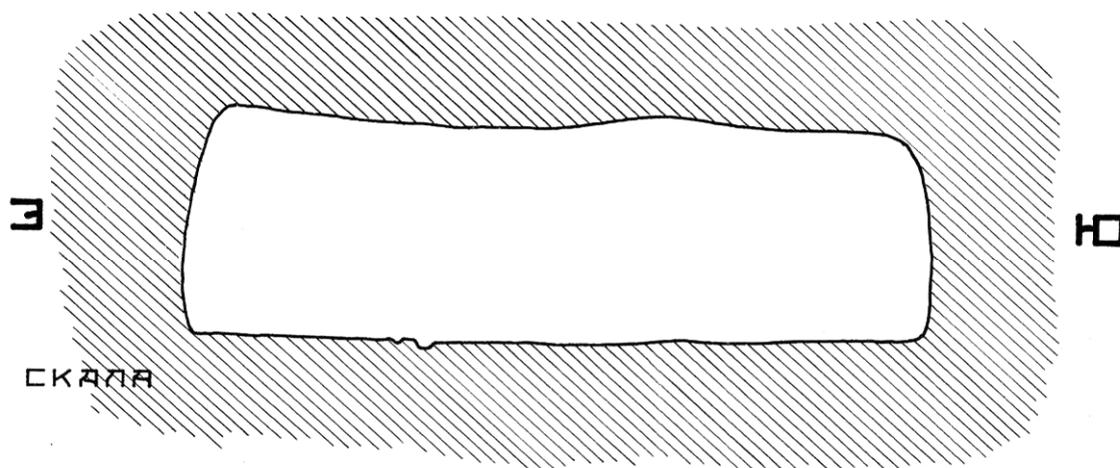

Рис. 15. Пещера № 38. Разрез [11, л. 16, фрагмент]

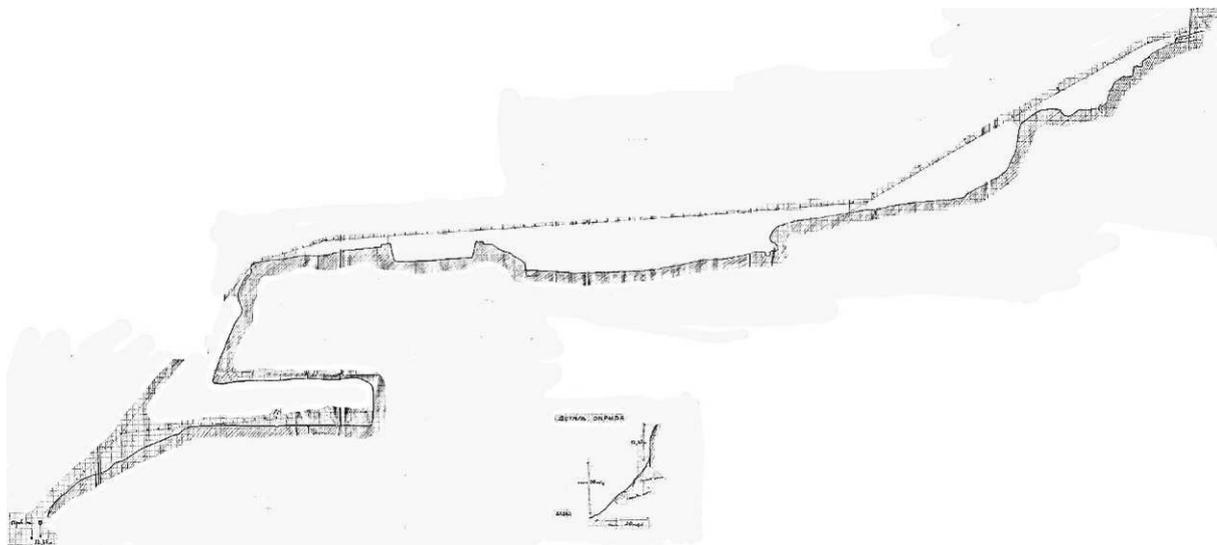

Рис. 16. Профиль склона у западного уступа [9, л. 44]

Рис. 17. Скальный «балкон» и вход в пещеру № 38 (фото автора)

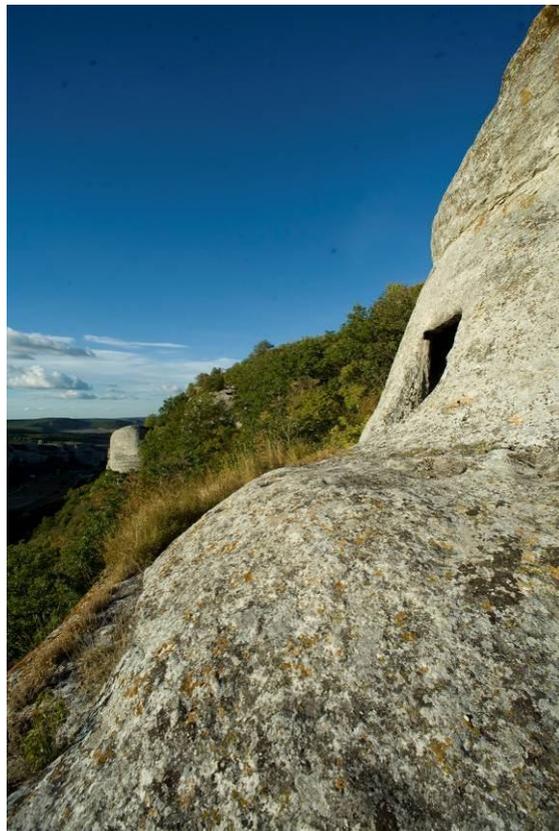

Рис. 18. Скальный «балкон» (фото автора)

РАЗРЕЗ ПО ЛИНИИ Ш - Щ

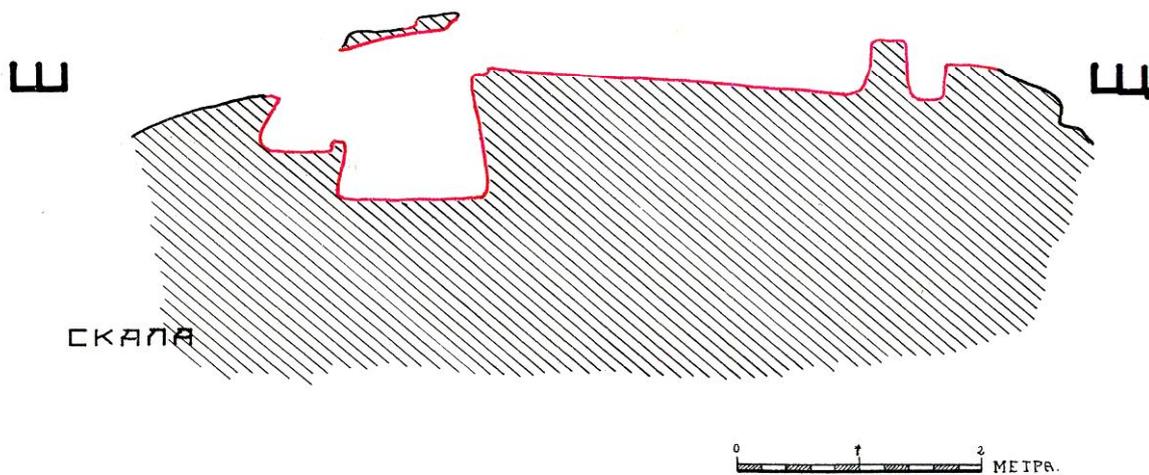

Рис. 19. Храм на западном уступе. Разрез [11, л. 16, фрагмент]

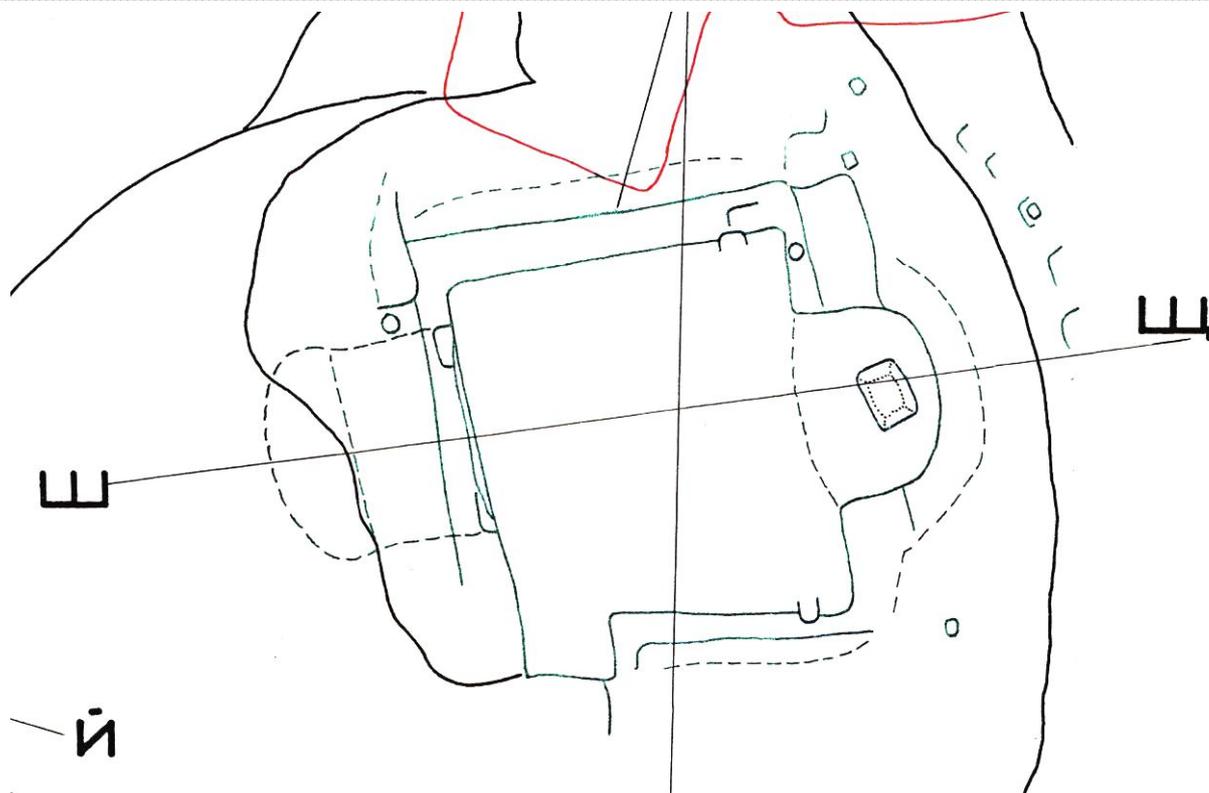

Рис. 20. Храм на западном уступе. [8, л. 17, фрагмент]. В плане неточность: северо-восточный угол наоса (правый нижний) должен быть прямым

Рис. 21. Абсида храма на западном уступе (фото автора)

Рис. 22. Ориентация абсиды вырубного храма.
Впереди – башня укрепления Кыз-Куле (фото автора)

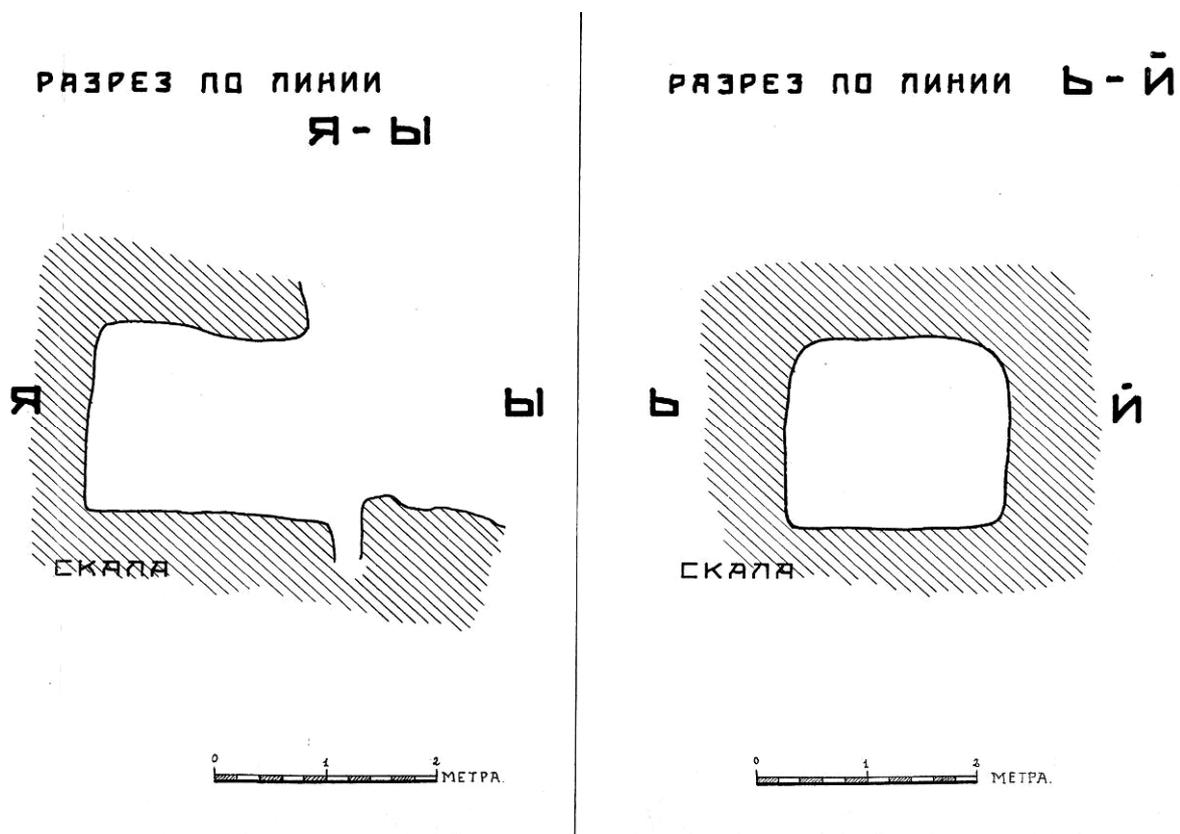

Рис. 23. Пещера № 37. Разрезы [11, л. 16, фрагмент]

Рис. 24. Спуск к пещере № 37 (фото автора)

Рис. 25. Пещера № 37 (фото автора)

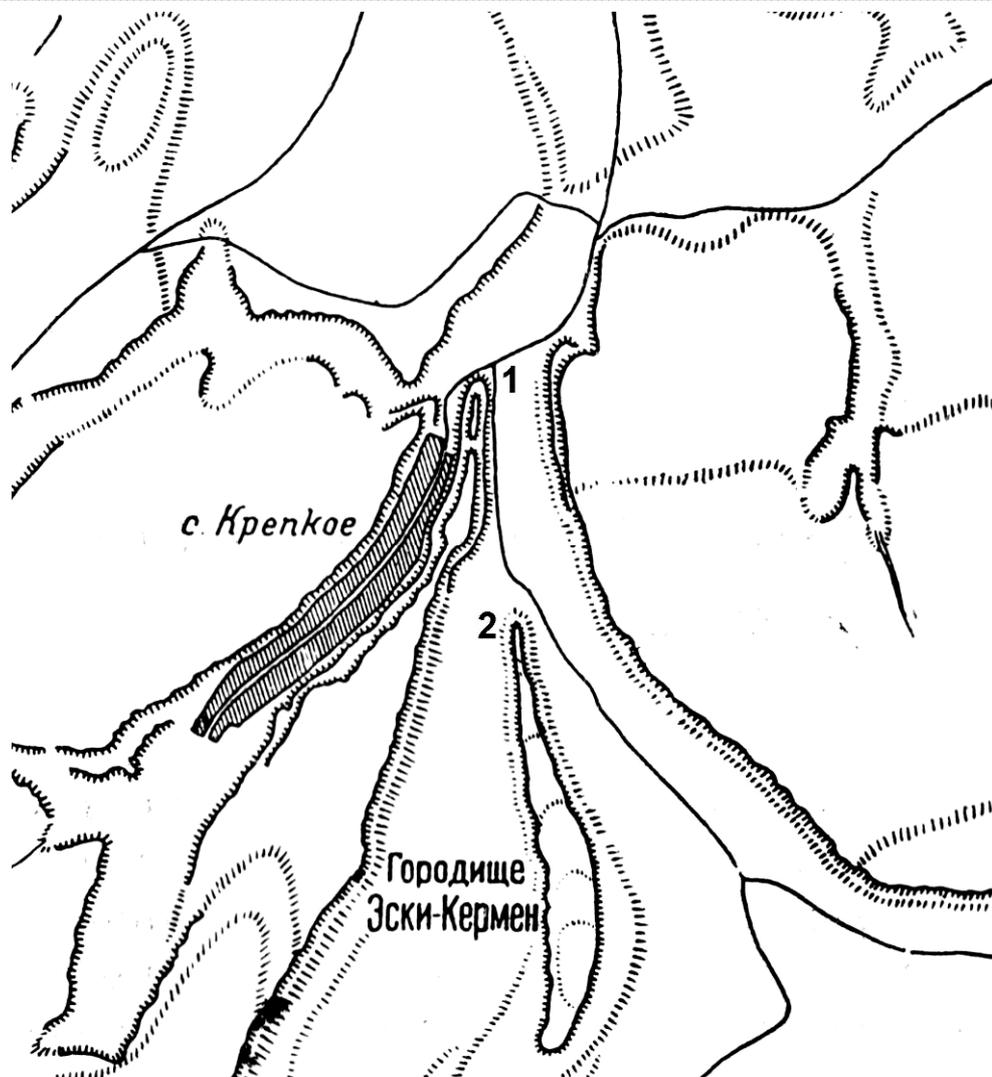

Рис. 26. Сектор обзора с укрепления Кыз-куле (1) и с «северного дозорного комплекса» (2) на Эски-Кермене [3, с. 8]

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ МОНАСТЫРЯ У ЮЖНЫХ ВОРОТ ЭСКИ-КЕРМЕНА: ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС НАД ПОДЪЕЗДНОЙ ДОРОГОЙ

ДНЕПРОВСКИЙ Н.В.

Издательство «Невская Лавра» (г. Санкт-Петербург)

Ранее мы уже писали [11, с. 148-149], что участок подъездной дороги и южных ворот Эски-Кермена (рис. 1), будучи одним из археологически наиболее изученных, в то же время представлен в литературе достаточно тенденциозно. Из расположенных на этой территории церквей в полной мере введены в научный оборот лишь пещерные храмы на подъездной дороге («Большой», «Малый» и две погребальные «часовни» с вырубными основаниями у первого поворота подъездной дороги), а также «Судилище» с парэкклиси-ем. Храмы над городскими воротами если и упоминались, то лишь в контексте попыток реконструкции оборонительных сооружений городища. При этом они рассматривались исследователями, скорее, как досадная помеха на этом поприще. Между тем, в районе подъездной дороги и городских ворот существовало, как минимум, девять храмов. Ещё один храм был расположен чуть подальше от города, на седловине, ведущей из долины (рис. 2). Мы также отмечали, что храмы на подъездной дороге расположены не хаотично, а фланкируют её повороты или расположены близ городских ворот, сакрализируя, таким образом, физическое пространство [11, с. 162].

Один из этих храмов, в отличие от остальных церквей, непосредственно с дороги недоступен и формально располагается уже в пределах западной линии обороны городища. Поэтому в упомянутой нами публикации мы коснулись его лишь вскользь. Данная статья восполняет этот пробел.

Над первым поворотом дороги нависает вырубленный в скале так называемый «башенный каземат», издали похожий на голову огромной черепахи (рис. 3). Е.В. Веймарн подробно рассмотрел его с точки зрения боевых возможностей, но ни словом не упомянул о том, что его верхняя площадка была увенчана храмом (рис. 4, 5). Храм этот, между прочим, был не так уж мал: по нашим измерениям, длина его наоса достигала 4,8 м., а ширина – 2,6 м.; ширина алтарной абсиды – 1,7 м. при длине её в 1,46 м. Кроме того, в нём сохранился *in situ* подпрестольный столб. Однако Н.И. Репников в отчёте ЭКЭ о раскопках этого участка посвятил «башенному каземату» всего один абзац [12, л. 88]:

«3. Башенный комплекс над под”емом дороги в городище.

В толще верха скалы зачищена большая вырубленная пещера. Потолок её поддерживает массивный опорный столб. С площадки скалы в неё ведет лесенка, с нижней ступеньки которой через расселину перебрасывались в древности деревянные мостки. Это нижнее помещение башни представляет большую пещеру с двумя боковыми отделениями. В главной пещере 6 бойниц двух типов. Один из них на уровне пола, в виде окна с заплечиками. Другой в виде круглых окон на половинной высоте стены. Три бойницы смотрят на запад, обслуживая подступ к дороге из долины. Остальные, глядя на юг, командуют дорогой на всём её протяжении. На скалистой площадке над пещерой-башней зачищены из-под тонкого слоя надувной земли вырубки “постели” стены, которая стёрта без остатка. После гибели её здесь построили часовню. Незначительные остатки этой поздней постройки вскрыты при зачистке. В самой пещере башни находок не встречено. Что же касается фундамента часовни, то здесь встретились фрагменты черепиц и немногочисленные обломки поздней керамики / см. детальное описание предметов экспедиции ГАИМК в Эски-Кермен в 1930г. /».

Этот же текст, практически без изменения, он включил и в свою статью в «Готском сборнике», с той лишь разницей, что при этом уделил храму ещё меньше внимания, ограничившись одним предложением: «На скалистой площадке башни зачищены вырубки «по-

стели» стены, снесённой без остатка. После гибели её здесь построили часовню. Фундамент этой поздней постройки вскрыли раскопки» [13, с. 187].

У человека, побывавшего на местности, чтение этого отчёта вызывает недоумение.

Прежде всего, «командовать дорогой» на всём её протяжении ни одна из бойниц «башенного комплекса» не могла в принципе. Из плана (рис. 2) и фото (рис. 6) ясно видно, что от самого главного участка подъездной дороги, на котором располагались первые двое городских ворот и передовая стена-протейхизма, «пещеру-башню» заслоняет расположенный перед нею скальный выступ. Отсюда с неизбежностью следует и обратное – что этот же выступ заслонял дорогу от гарнизона пещеры. Этот гарнизон мог оборонять, в лучшем случае, часть первого марша подъездной дороги. Главной же его задачей, как явствует из взаимного расположения «пещеры-башни» и подъездной дороги, была защита поворота этой дороги. И даже с вершины площадки дорога видна лишь частично (рис. 8). А из этого следует и второе обстоятельство: что касается стен, то в соответствии с логикой обороны, их нужно было размещать не столько на площадке «башенного каземата», сколько на вершине упомянутого нами выступа скалы, выступавшего перед «пещерой-башней», и далее по бровке скалы вдоль последнего марша подъездной дороги. Достаточно одного взгляда, чтобы убедиться, что эски-керменские фортификаторы именно так и действовали: как на скальном уступе, так и на бровке обрыва «постели» кладки боевой стены сохранились в полной мере (рис. 7, 8).

Концепцию боевого применения «пещеры-башни», предложенную Н.И. Репниковым, подверг обоснованной критике Е.В. Веймарн. Он пришёл к выводу, что «фланкирующее значение пещерного каземата в системе всей обороны участка городских ворот очень невелико. Каземат в основном оборонял только щели, лежавшие по обе его стороны; стрельба из лука или самострела не составляла основной задачи его защитников, как это полагал Н. И. Репников. Роль пещерного каземата напоминает нам роль машикулей. Пещерный каземат составлял нижний горизонт боя; отсюда мог производиться обстрел итурмующего неприятеля в тех «мёртвых пространствах», которые были недоступны для обстрела защитникам, находившимся на стенах» [9, с. 23]. Вместе с тем, он всё же был согласен с тем, что «фланговый обстрел подступов к воротам А, безусловно, осуществлялся с этой стороны», с той лишь оговоркой, что «он вёлся не из каземата, а с боевых стен, расположенных над пещерным казематом» [9, с. 23]. Однако если это положение Е.В. Веймарна верно, то над пещерным казематом должны, как и полагал Н.И. Репников, оставаться ясно видимые следы «постелей» этих самых боевых стен. К сожалению, именно этого мы и не наблюдаем. Подрубки, которые послужили основанием храма и которые Н.И. Репников описывал как «вырубки «постели» стены, снесённой без остатка», существенно отличаются от реальных «постелей» боевой стены как своей малой глубиной, так и расположением практически посередине площадки, а не на краю обрыва, где зона поражения была бы максимальной (рис. 9). В частности, снимок на рис. 8 сделан именно с самого края обрыва. Изнутри контура «постелей» стен «башенного каземата» стрелять по третьему маршу подъездной дороги пришлось бы уже через головы воинов, стоящих на переднем выступе. Но и на краю обрыва эти стены были бы малоэффективны: стена «пещеры-башни», или «башенного каземата», по терминологии Е.В. Веймарна, над поворотом дороги имеет отрицательный уклон. Поражение противника на этом участке, как и писал Е.В. Веймарн, возможно только через бойницы-машикули: «Из амбразур, конечно, можно было стрелять из лука, став на колено, но ясно, что основное их назначение было другое: через них скатывали камни на неприятеля, пытавшегося проникнуть на плато по щели. Камни эти могли поражать и тех неприятельских воинов, которые находились у нижнего поворота первого марша дороги» [9, с.22-23]. Таким образом, возведение оборонительной стены или башни на этом участке было бы напрасной тратой времени, сил и материала. И, во всяком случае, возводить её надо было на самом краю скалы.

Однако этими аргументами дело не исчерпывается. В архиве ИИМК среди неопубликованных материалов ЭКЭ имеется как план сооружений на верхней площадке «башенного каземата» (рис. 10), так и план самой выдолбленной в скале пещеры (рис. 11).

Мы попытались наложить друг на друга эти два чертежа. На комбинированном чертеже (рис. 12) ясно видно, что храм располагается практически посередине потолка расположенного ниже пещерного каземата. Как мы знаем, средняя часть этого потолка в какой-то момент обрушилась, судя по всему, даже под собственной тяжестью (или, возможно, именно под ударом рухнувшей стены «часовни»). Могла ли эта каменная скорлупа выдержать вес «полноценной» боевой башни? Нам это представляется маловероятным. Значит, либо в момент строительства башни под ней ещё не было пещерного каземата, либо сооружение над пещерным казематом не было башней в обычном смысле этого слова. Между тем, если принять вслед за Н.И. Репниковым и Е.В. Веймарном концепцию «башенного каземата», то для обеспечения всей необходимой зоны поражения пещерный каземат следовало вырубить в полном объёме с самого начала. Следовательно, неудачное с оборонительной точки зрения расположение постройки, размещённой над пещерным казематом, вкупе с ограничениями по его весу, связанное с несущей способностью свода этого каземата, дают веские основания усомниться в том, что эта постройка была боевой башней.

Но, в таком случае, какие функции она могла выполнять и что это была за постройка?

Мы видели, что, по мнению Н.И. Репникова, раскопанный ЭКЭ на верхней площадке храм был постройкой вторичной. В археологическом смысле эти выводы не вызывают сомнений. Однако в более широком контексте хронологическая вторичность воспринималась тогда советскими исследователями и как вторичность в *ценностном* отношении. Иначе и не могло быть в обществе, где господствовала парадигма первичности материального начала. Применительно к Эски-Кермену это породило распространённое до сих пор представление о том, что большинство известных нам храмов городища были построены уже после ликвидации системы обороны. Археологи из ЭКЭ, расчищавшие церковь над казематом, судя по всему, уже изначально исходили из презумпции её вторичности и потому, к великому сожалению, не довели обследование до конца. Из рис. 13 видно, что состав камней кладки храма был явно неоднороден (особенно это касается северной стены) – среди них просматриваются крупные, хорошо отёсанные камни, которые мало корреспондируют с мелким бутом, из которого выложена основная часть этой кладки. Ещё несколько подобных камней отмечены на чертеже рис. 10 северо-восточнее алтарной абсиды храма, причём они также намного крупнее материала стены самой этой абсиды. Однако мы не знаем, сохранились ли на момент раскопок эти камни *in situ* от первоначальной постройки (а вторичная «часовня» была достроена на остатках этой кладки) или просто были использованы как строительный материал при создании позднего храма. В настоящее время эти камни полностью утрачены, а в полевой документации ЭКЭ никаких предположений по этому поводу не делалось.

Однако нам представляется логичным предположение о том, что оборонительная роль комплекса «черепашьей головы» была двойной: вырубленный в скале пещерный каземат осуществлял функции физической защиты, в то время как расположенный на его верхней площадке храм – несомненная архитектурная доминанта на этом участке – был твердыней «метафизической», подобно другим известным храмам и часовням, расположенным на башнях средневековых городов. У нас есть косвенное доказательство того, что храм не был случайной постройкой, воздвигнутой на «свободном месте». Этим доказательством, на наш взгляд, является организация пространства самого «пещерного каземата» (рис. 11, 14).

Если ознакомиться с данным сооружением только лишь на основе описания, выполненного Н.И. Репниковым, то может сложиться впечатление, что оно предназначалось исключительно для обороны. Однако это не так. Не вызывает сомнения то, что в каземате имеются элементы интерьера, явно выполнявшие хозяйственную функцию. К ним, в первую очередь, относятся традиционная для Эски-Кермена вырубленная в скале четырёхугольная яма-подполье с гнёздами для установки пифосов, а также округлой формы пещерное помещение с расположенными по его периметру гнёздами в полу, предназначенными для установки более мелких сосудов. Отметим при этом, что первая из них расположена практически прямо под престолом расположенного выше храма. Е.В. Веймарн,

посвятив свою известную работу вопросам реконструкции обороны Эски-Кермена, по необходимости вынужден был коснуться этого вопроса только вскользь: «Боковые, вспомогательные помещения пещерного каземата представляли собой: правое (восточное) – кладовую, в полу которой вдоль стен сохранилось до полутора десятков небольших круглых углублений для установки круглодонных сосудов; левое (западное) – небольшую «казарму», где на скамьях, вырубленных в скале вдоль ее стен, могли отдыхать защитники каземата» [9, с. 23]. Однако не вызывает сомнения, что с устройством каземата он был знаком детально. Об этом свидетельствует хранящееся в его архиве описание «башенного каземата», выполненное сотрудниками Севастопольского музея краеведения. В отличие от более позднего описания ЭКЭ, составленного в контексте решения общей задачи выявления и описания системы оборонительных сооружений города, этот документ можно считать гораздо менее политизированным и тенденциозным. Его составители не делили обнаруженные ими элементы интерьера на «первичные» и «вторичные», которые, следовательно, можно было отбросить как «несущественные», и потому отметили множество интересных деталей. Нам представляется актуальным полноценное введение в научный оборот этого, доселе неопубликованного, документа:

«Пещера № 86. Западный край городища.

Находится в отдельном выступе скалы (каземат I). Тройная. Первое отделение – неправильной в плане формы. К нему с «чемодана» с пещерой № 85 вела лестница, сейчас отделённая от пещеры расселиной («чемоданами») сотрудники СМК шутливо именовали скальные останцы, примыкавшие к плато – Н.Д.).

Вход с запада во всю почти ширину пещеры – пролом. Место прежней двери не видно. В юго-западной стене с северной стороны глубокая ниша (длина 150, ширина – 64, высота – 131 см). Может быть, это были ясли, только выветрившиеся. По бокам – два каменных кольца, небольших, вертикальных. В юго-западной стене три небольших пролома к обрыву и вертикальная узкая борозда.

На юго-восточной стене, от южного угла, до поворота две вертикальные борозды (2 см. на 2), а между ними выветрившийся колумбарий около 75 см длиной. За поворотом юго-восточной стены пролом от пола до середины высоты пещеры. Над проломом два вертикальных кольца, одно массивное. Метр отступя от пролома – остатки двери или окна. Сохранился угол коробки и дыра для петли или засова. Высота этого пролома сейчас 1,50 м.

В северной стене около северо-восточного угла вход в третье отделение. Вход имел форму дверной коробки, сейчас сильно выветрен, но есть следы, позволяющие наметить высоту входа – 170 см.

От северо-западного угла по этой стене, один за другим, 2 входа во второе отделение. Один – шириной 86 см, высотой 155 см; другой – шириной 102 см, высотой 152 см. Между ними колонна в 36 см толщиной. Оба входа имели пазы для вставки деревянной дверной коробки – эти следы очень ясны. Второй вход имел даже двойную дверную коробку. В колонне – каменное кольцо на 1 м от пола.

Между входами во второе и третье отделения ниша (ближе ко входу во второе отделение) – длиной 136 см, шириной 41 см, высотой от пола 96 см, высотой 80 см – и каменное кольцо (ближе ко входу в третье отделение) на 1,50 м от пола.

Пол имеет ряд углублений и ступенек. Около северной стены четырёхугольный бассейн. Около пролома у северо-восточного угла – желобок в 5 см шириной выходит к обрыву.

Около пролома – двери; в восточной стене углубление четырёхугольное, выходящее к обрыву. Следующее такое же углубление находится восточнее на 40 см и выходит к обрыву через отверстие в стене. Около следующего (южного) пролома в восточной стене четырёхугольное углубление (длиной 65, шириной 57 и глубиной 30 см). Затем к югу пол образует одну за другой две ступеньки. Посередине пещеры овальная колонна 45 см по меньшему диаметру. Пол около колонны завален обвалом потолка. Потолок сильно выветрившийся, в центральной части провалился. Около пролома – двери, в восточной пещере след колонны (спускается часть барабана с потолка).

Второе отделение.

По южной стене, кроме двух входов из главного отделения есть ещё третий, напоминающий дверную коробку и выходящий от юго-западного угла к расселине. Ширина входа – 1 м. По восточной стене идёт ниша (может быть, ясли), сильно выветренная (ширина 64 см, высота – 145 см, от пола – 20 см). Северо-восточный угол занят яслями с уничтоженным бортиком (ширина – 45, высота от пола – 45, высота – 65 см). Между этими яслями и углом стены (северной) – ниша (остатки) длиной 65, шириной 20, высотой – 32 см. У юго-западного угла бассейн над полом – длиной 90, шириной 60, глубиной 20 см – и над ним овальное окно всего лишь на 20 см от пола, вероятно, образованное проломом (длина – 55, ширина – 35 см). В бортике бассейна каменное кольцо.

Пол сильно засыпан щебнем. Потолок значительно выветрился и в северо-западной части обвалился. Первое и второе отделения чрезвычайно сильно выветрены, так что множество деталей испорчены.

Отделение третье.

Круглое в плане. Вход в южной стене. Стены постепенно переходят в потолок. На стенах и потолке следы работы металлическим инструментом.

Под потолком идут косые полочки. На южной стене – одна, на западной – три, на северной – две (одна под другой), расположенные в беспорядке.

У входа справа (при входе) в особом повышении круглое углубление диаметром в 36 см. От этого выступа вдоль всех стен в полу идут круглые углубления, диаметром от 36 до 21 см. Всех углублений – 15 штук. Глубина их около 20 см. Остальная часть пола относительно ровная» [8, л.73-75].

Как видим, интерьер пещерного «каземата» был насыщен хозяйственными приспособлениями – яслями, каменными кольцами, гнездами для установки сосудов, ямой-подпольем для установки пифосов и пр.

То же самое мы имеем и в соседней пещере (№ 85 по номенклатуре СМК):

«Пещера № 85. Западный край городища.

Пещера находится на выступе скалы под обрывом. Сверху выступа ко входу идёт лестница в 5 ступеней. Вход был в форме широкой дверной коробки, сейчас уничтоженной падением большей части западной стены.

Пещера ординарная, в плане неправильной формы. Западная стена обвалилась. В южной стене – пролом к обрыву (посреди стены у пола) 75х50 см и два каменных кольца, вертикальных, на высоте 40-50 см от пола. В восточной стене, от юго-восточного угла ниша (длина – 170, ширина – 27 и высота от пола – 48 см). От северо-восточного угла скамья идёт у северной стены и значительно расширяется до 120 см.

На сохранившейся (до входа) части западной стены от северо-западного угла идёт широкая в 10 см горизонтальная борозда на 70 см от пола. Ниша восточной стены сильно выветрилась.

Пол, не очень ровный, имеет два углубления: 1) около пролома в южной стене – круглое, в 23 см диаметром и 2) северо-восточное прямоугольное 15х8 см. Глубина первого более 30 см, второе сильно засыпано.

Потолок довольно ровный, с четырьмя круглыми воронкообразными, как в пещере № 78, отверстиями (верхняя часть бывшей зерновой ямы – Е.В.). Одно отверстие над центром пещеры; одно над расширением скамьи в северо-восточном углу; одно в северо-западном углу и одно между первым и вторым на одной линии. Диаметр этих отверстий внизу сохранившейся части – 100, наверху – 50 см.

Около пещеры № 85 есть ещё одна пещера, почти полностью засыпанная, с двумя отверстиями сверху» [8, л. 72].

До недавнего времени отечественные исследователи обычно считали, что хозяйственные помещения в культовых пещерных комплексах возникали лишь после упразднения последних. Недавние раскопки А.И. Айбабина, выявившего на восточном краю Эски-Керменского плато храмово-погребальный комплекс, устроенный на месте винодавильни, опровергают это утверждение [1, с. 216; 2, с. 422]. В этой связи возникает традиционный для Эски-Кермена вопрос: был ли храм на верхней площадке башенного каземата перви-

чен, вторичен или одновременен по отношению к расположенному в каземате хозяйственному комплексу.

По нашему мнению, наиболее обоснованным является последнее предположение. Дело в том, что сочетание культовых и хозяйственных функций было характерно для монастырей. Поэтому при решении вопроса о возможности существования монастырей на Эски-Кермене данный памятник является в известном смысле эталонным. Это предположение косвенно подтверждается сразу тремя обстоятельствами.

Первое из них заключается в том, что храмово-хозяйственный комплекс «башенного каземата» не единичен по своей структуре. В частности, наличие пещеры-кельи с углублениями под установку небольших сосудов, прямоугольной вырубки в полу с гнездами для больших пифосов, храма с вырубным основанием – всё это в полном объёме наблюдается и в комплексе у «келейки» на западном краю Эски-Керменского плато (рис. 15), в комплексе храма «Успения» (рис. 16, с той лишь разницей, что храм там пещерный), а также в недавно обследованном нами комплексе над восточной калиткой Эски-Кермена. Существование четырёх однородных комплексов позволяет поставить под сомнение правомерность отрицания факта существования на Эски-Кермене монастырей.

Заметим также, что интерьером пещерного каземата хозяйственная составляющая этого комплекса, возможно, не ограничивается: в нескольких десятках метров к северу от «башенного комплекса» имеется большая пещера, несомненно (судя по наличию яслей) использовавшаяся в качестве хлева (рис. 17, 18). Однако на её южной стене вырублен крест, верхняя часть которого «накрыта» полуокружностью (рис. 19). Очень похожее изображение креста было найдено на архитектурном фрагменте, обнаруженном в ходе раскопок «ритуального комплекса» (термин Е.В. Веймарна) у так называемой «келейки» (рис. 19, б). А этот комплекс, как уже говорилось, предположительно, являлся монастырским. В то же время подобные кресты в других «пещерных городах» нам неизвестны. Не опубликованное до сего дня описание этой пещеры также было выполнено сотрудниками СМК и сохранилось в архиве Е.В. Веймарна: *«Пещера № 82. Западный край городища. Находится в ступени скалы, отступая от обрыва. Ординарная, в плане неправильная. Вход с запада – пролом почти во всю ширину пещеры (более 2 м. шириной). Потолок и стены местами сильно выветрились. В юго-западном углу круглый пролом наружу (сантиметров 75 в диаметре). В южной стене, в остатках ниши – пролом в пещеру № 83. Ещё дальше на восток, ближе к середине стены граффити – крест на высоте 1 м. от пола. Под крестом горизонтальное каменное кольцо. На восток, за серединой стены, под потолком (до него 20 см.) четырехугольный колумбарий (длина – 29, ширина – 18, высота – 33 сантиметра). У юго-восточного угла ниша с двумя каменными кольцами, из которых одно очень тонкое. Ниже, у самого пола – горизонтальное каменное кольцо (длина ниши – 1,30, ширина – 0,21 м. От пола – 0,75 м, высота ниши – 0,95 м).*

В восточной стене от юго-восточного угла до выступа, образуемого стеной, идут ясли с бортиком в 12 см высотой. Ясли вделаны в стену. По бокам ясель по вертикальному каменному кольцу.

В северной стене два каменных кольца: одно наклонное и выпуклое, на высоте 1 м., другое горизонтальное почти у пола. Следы работы металлическим инструментом на северной и восточной стенах. Потолок не прямой. От северного угла ясель идут два ряда углублений ко входу по потолку. Пол сильно засыпан землёй. В яслях в бортике одно каменное кольцо» [8, л. 69].

Второе обстоятельство связано с тем, что комплекс башенного каземата почти наверняка существовал не сам по себе, а входил в состав более крупного культового комплекса, расположенного у южных ворот Эски-Кермена и занимал в сакральной топографии этого участка вполне определённое место. В своё время мы попытались обосновать это [11, с. 162]. Одновременно мы попытались показать, что упомянутый культовый комплекс у южных ворот был не чем иным, как крупным общежительным монастырём, подчинявшемся Студийскому уставу и возникшим, предположительно, на рубеже IX-X вв. [11, с. 162].

Наконец, третье обстоятельство заключается в том, что мы имеем архитектурную аналогию интерьера пещерного каземата над подъездной дорогой (рис. 20) в пещерном помещении, находящемся совсем в другом месте – на северном склоне Тепе-Кермена, в непосредственном соседстве с «храмом с ризницей» (рис. 21). А культовый комплекс на северном склоне, предположительно, имеет монастырское происхождение [10, с. 13-35], и его масштабы вполне соизмеримы с комплексом у южных ворот Эски-Кермена. Пространственная организация тепе-керменской пещеры (рис. 22) позволила А.Ю. Виноградову и Н.Е. Гайдукову высказать предположение о том, что она являлась монастырской трапезной [10, с. 17-18; 26-28]. Более того, наличие восточного компартимента, отделённого от основного объёма скальной перегородкой с дверным проёмом и «окошком» дало основание Т.А. Бобровскому увидеть в тепе-керменском помещении остатки пещерного храма (рис. 23) [6, с. 264]. Заметим, что с нашей точки зрения данные высказывания не являются взаимоисключающими. Наше знакомство с устройством трапезных пещерных монастырей Грузии (в первую очередь, Давид-Гареджи) показывает, что в трапезных этих обителей весьма распространены элементы церковного интерьера – абсидоподобные ниши. Однако все те же соображения в полной мере применимы и к эски-керменскому каземату над подъездной дорогой. Здесь также имеется сочетание хозяйственной вырубки в полу с восточным компартиментом, отгороженным скальной стенкой с двумя проёмами. Более того. На плане (рис. 11) хорошо видно, что восточная стена этого компартимента завершается полукруглым углублением наподобие алтарной абсиды. Однако говорить о действительном предназначении как тепе-керменской «трапезной», так и эски-керменского каземата без дополнительного археологического исследования нам представляется преждевременным. Тем не менее, если комплекс в «башенном каземате» действительно имел монастырский характер, то сразу возникает следующий вопрос: возник ли данный комплекс на месте комплекса оборонительного или же существовал одновременно с ним. В последнем случае встаёт вопрос и о «разделении функций», т.е. о том, осуществляли ли монахи только духовное окормление защитников каземата или же сами выполняли оборону данного участка. Последнее не исключено. Так, в Амиде при Юстиниане монахам поручили охрану одной из башен, где и была расположена их обитель [10, с. 28].

Как бы то ни было, всё перечисленное позволяет с достаточным основанием ставить вопрос о том, что «башенный каземат» над подъездной дорогой Эски-Кермена, несомненно, выполняя оборонительные функции (по крайней мере, на определённом этапе своего существования) был также частью культового (предположительно, монастырского) комплекса. Этот комплекс включал храм на верхней площадке и хозяйственные помещения, а, возможно, ещё и пещерную трапезную или даже ещё один – пещерный храм. Выяснить, играл ли этот монастырский комплекс, в свою очередь, какую-либо роль в обороне города, и если да, то какую именно и на каком этапе, можно только в ходе последующих комплексных исследований.

Источники и литература.

1. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму. // МАИЭТ, т. XVI, Симферополь, 2010. С.214-239.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен. // МАИЭТ, т. XVI, Симферополь – Керчь, 2011. С.422-457.
3. Архив ИИМК, ф.Р-I, №119а.
4. Архив ИИМК, ф.Р-I, №125.
5. Архив ИИМК, ф. Р-1 №349.
6. Бобровский Т.А.. Заметки о культовой скальной архитектуре Юго-Западного Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып.2. Симферополь, 2001. С.256-278.
7. Веймарн Е.В.. Работы по зачистке усыпальницы в районе Западной оборонительной стены. Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1933г., №290.
8. Веймарн Е.В.. Средневековое городище Эски-Кермен. Пещеры западного края // Архив КРУБИКЗ, ф.10а, д.9.
9. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С.7-54.
10. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е. Тропа над пропастью: Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. Киев – Судак, 2004. С.13-35.

11. Днепровский Н.В.. Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь – Тюмень, 2011. Вып. III. С.148-184 [Электронный ресурс] //Сайт Черноморского филиала МГУ. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK3.pdf>. С.148-186.
12. Репников Н.И. Отчёт о раскопках на Эски-Кермене. Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1929г., №214.
13. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8. С.181-212.

Сокращения.

ИИМК –	Институт истории материальной культуры
ИГАИМК	Известия государственной академии материальной культуры
КРУБИКЗ –	Крымское республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
СМК –	Севастопольский музей краеведения
ЭКЭ –	Эски-Керменская экспедиция Государственной Академии материальной культуры

Рис. 1. Подъездная дорога и южные ворота Эски-Кермена (фото автора)

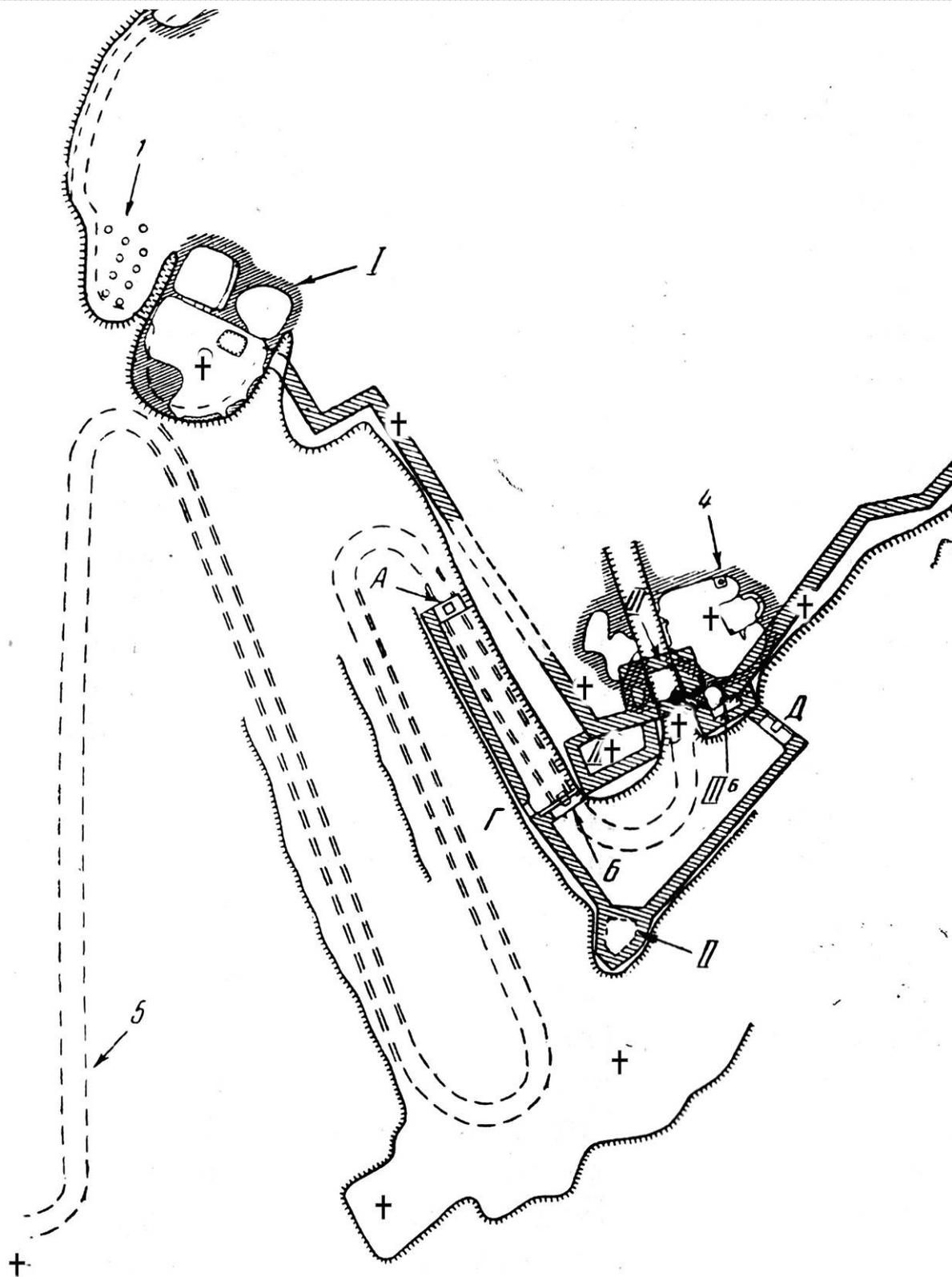
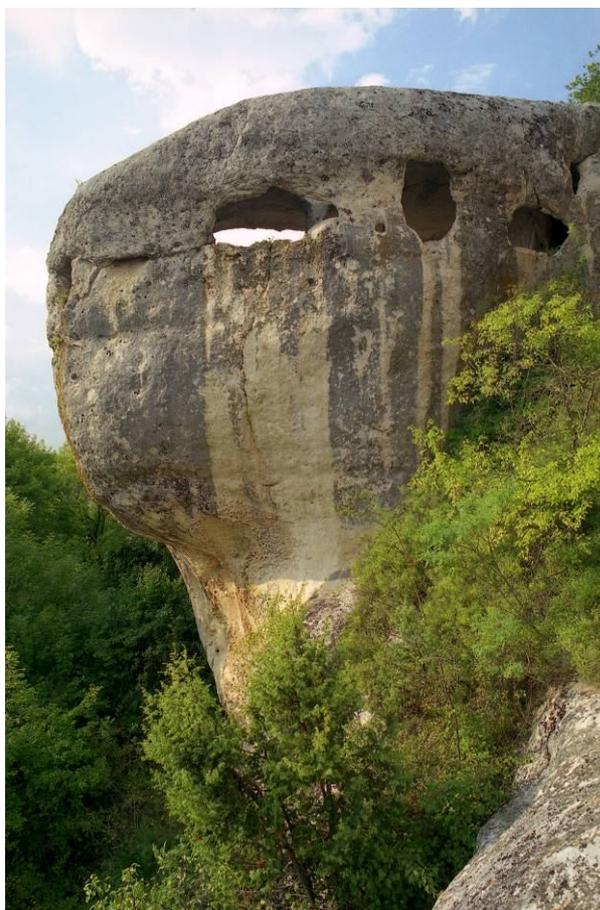

Рис.2. Расположение храмов на подъездной дороге Эски-Кермена
(за основу взят план из работы [5], с. 16,рис. 6).

Храмы обозначены крестами. Римской цифрой I обозначен «башенный каземат»

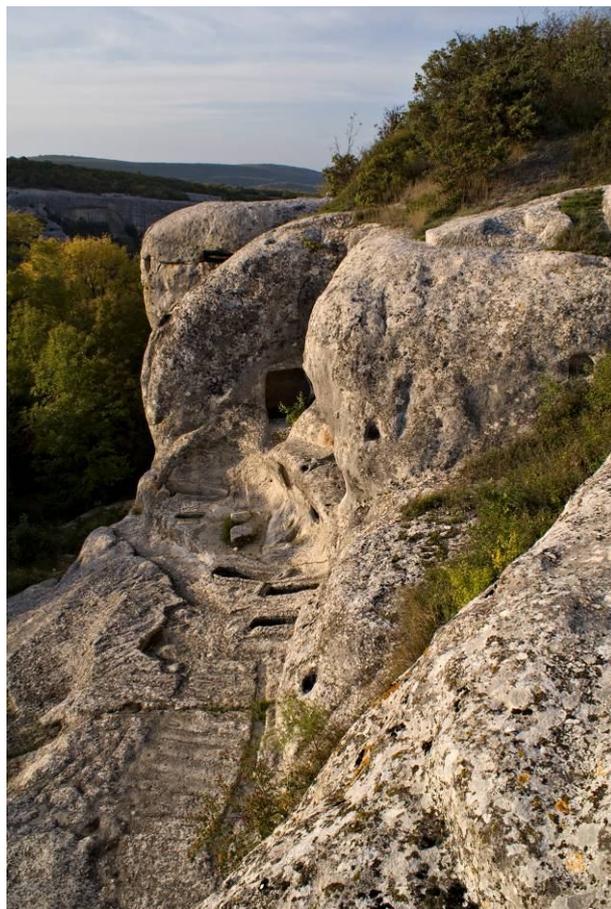
Рис.3. «Башенный каземат» на повороте подъёмной дороги (фото автора)

**Рис. 4. Храм на верхней площадке «башенного каземата».
Вид с востока (фото автора)**

Рис. 5. Храм на верхней площадке «башенного каземата». Вид с запада (фото автора)

Рис. 6. Взаимное расположение «башенного каземата» и третьего марша подъездной дороги (фото автора)

Рис. 7. «Постели» боевой стены на скальном выступе над подъездной дорогой, заслоняющем «башенный каземат» (фото автора)

Рис. 8. «Постели» боевой стены над подъездной дорогой (фото автора)

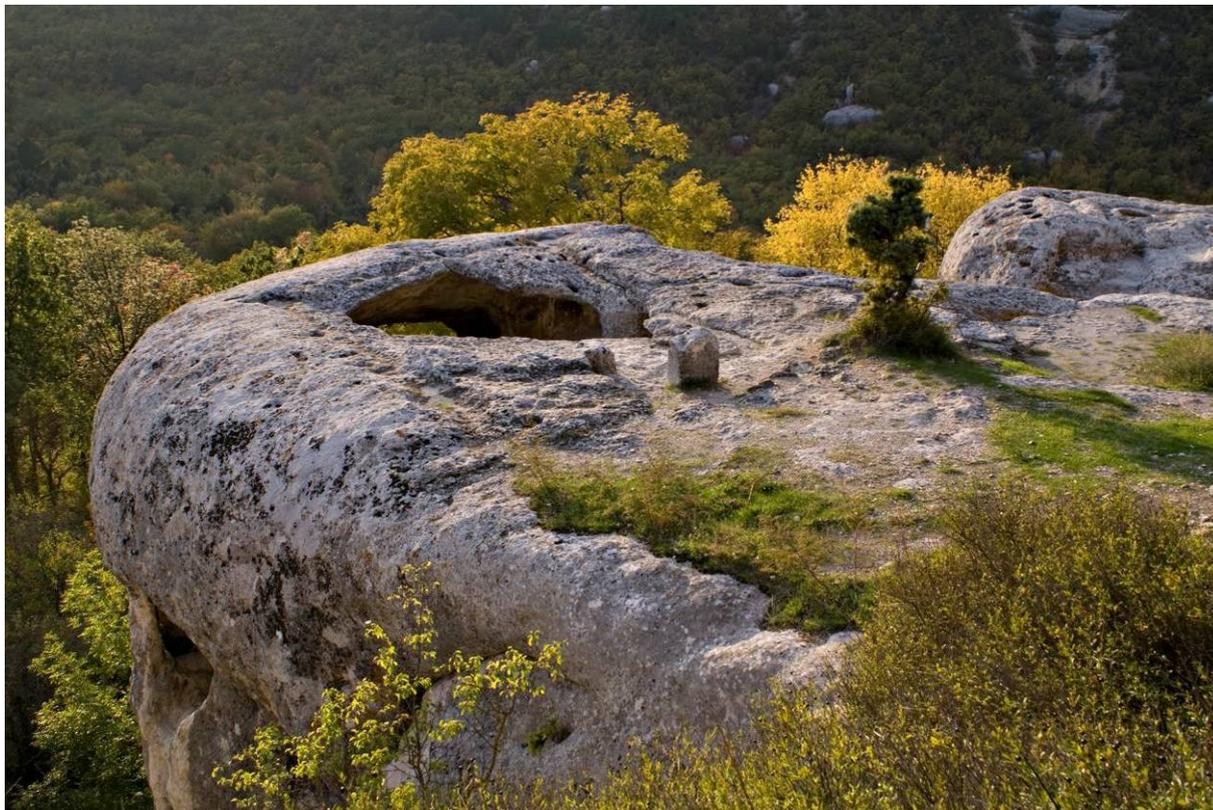

Рис. 9. Подрубки на верхней площадке «башенного каземата» (фото автора)

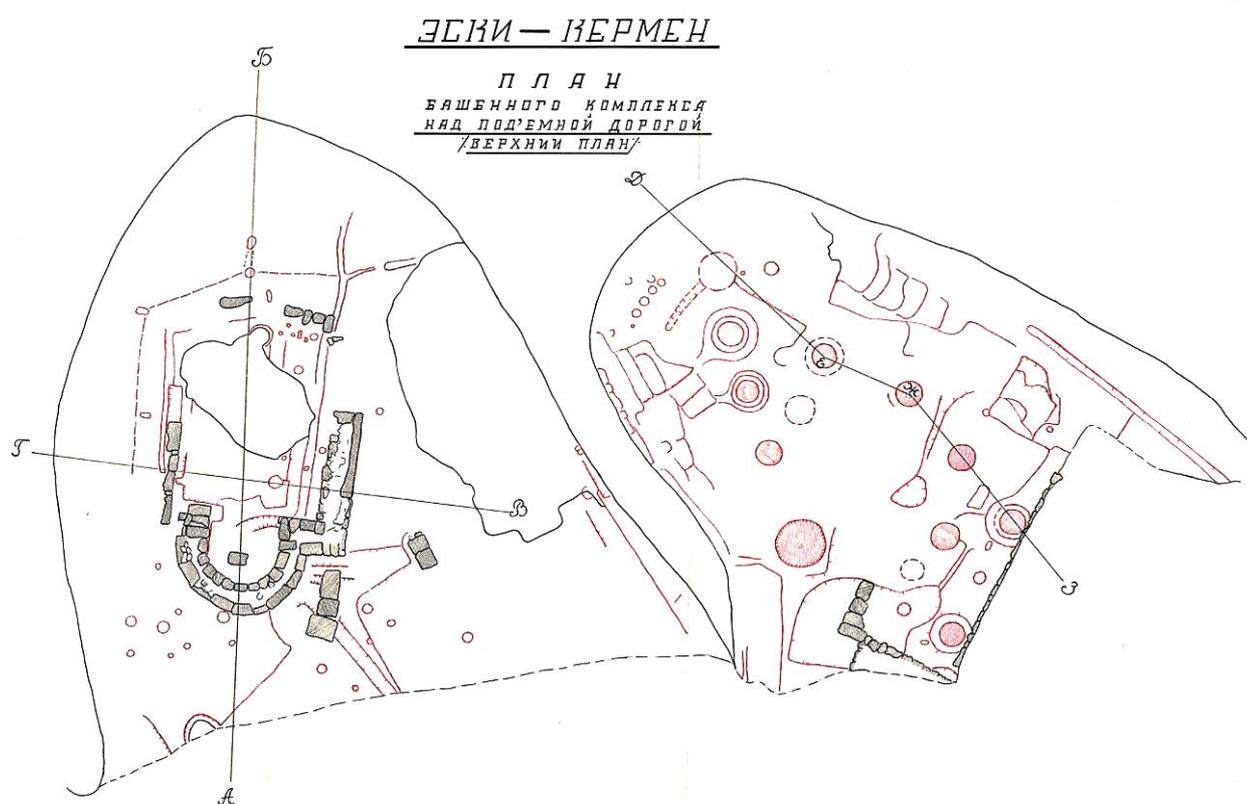
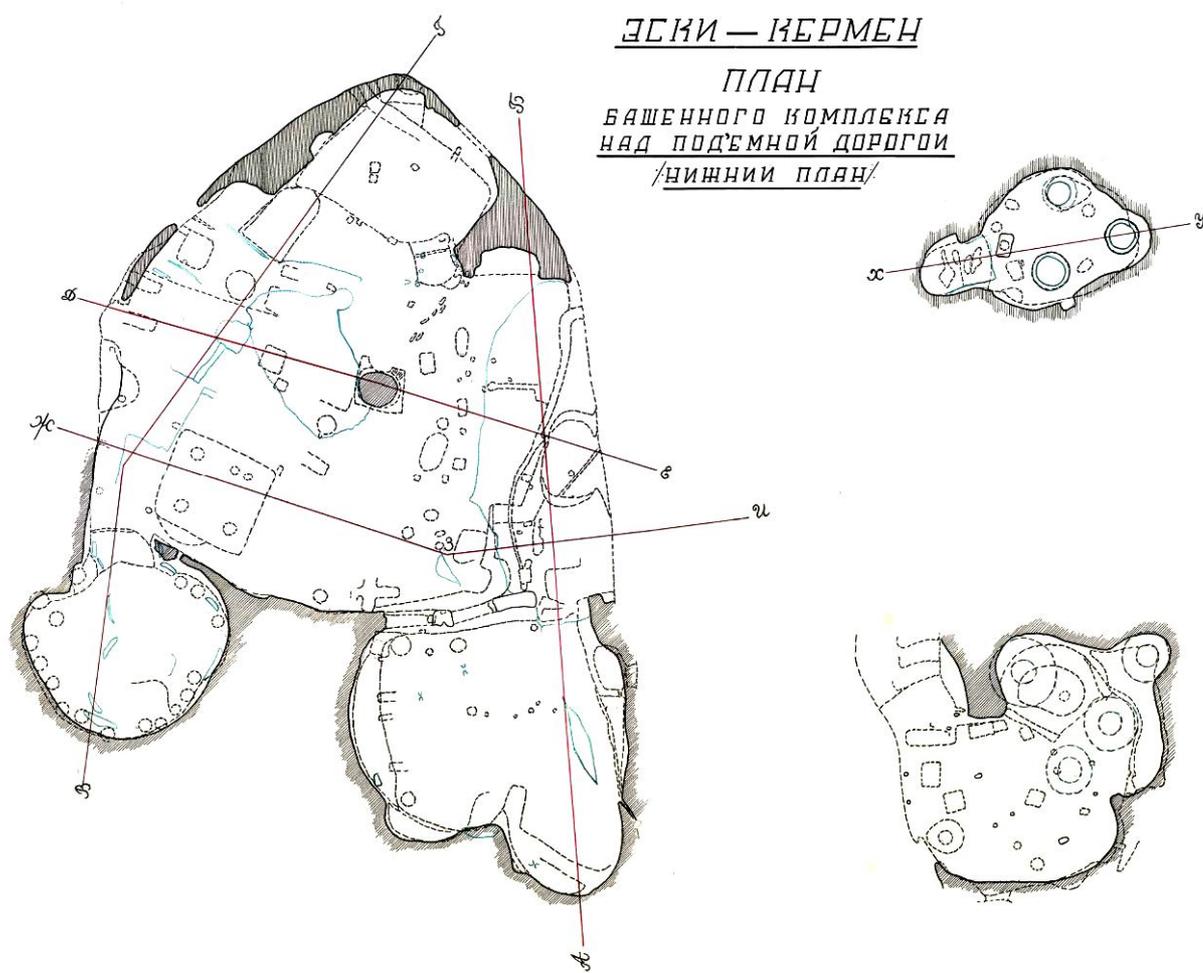

Рис. 10. Комплекс «башенного каземата».
«Верхний план» (план верхней площадки) [4, л. 26]

Рис. 11. Комплекс «башенного каземата».
«Нижний план» (план пещерных сооружений) [4, л. 25]

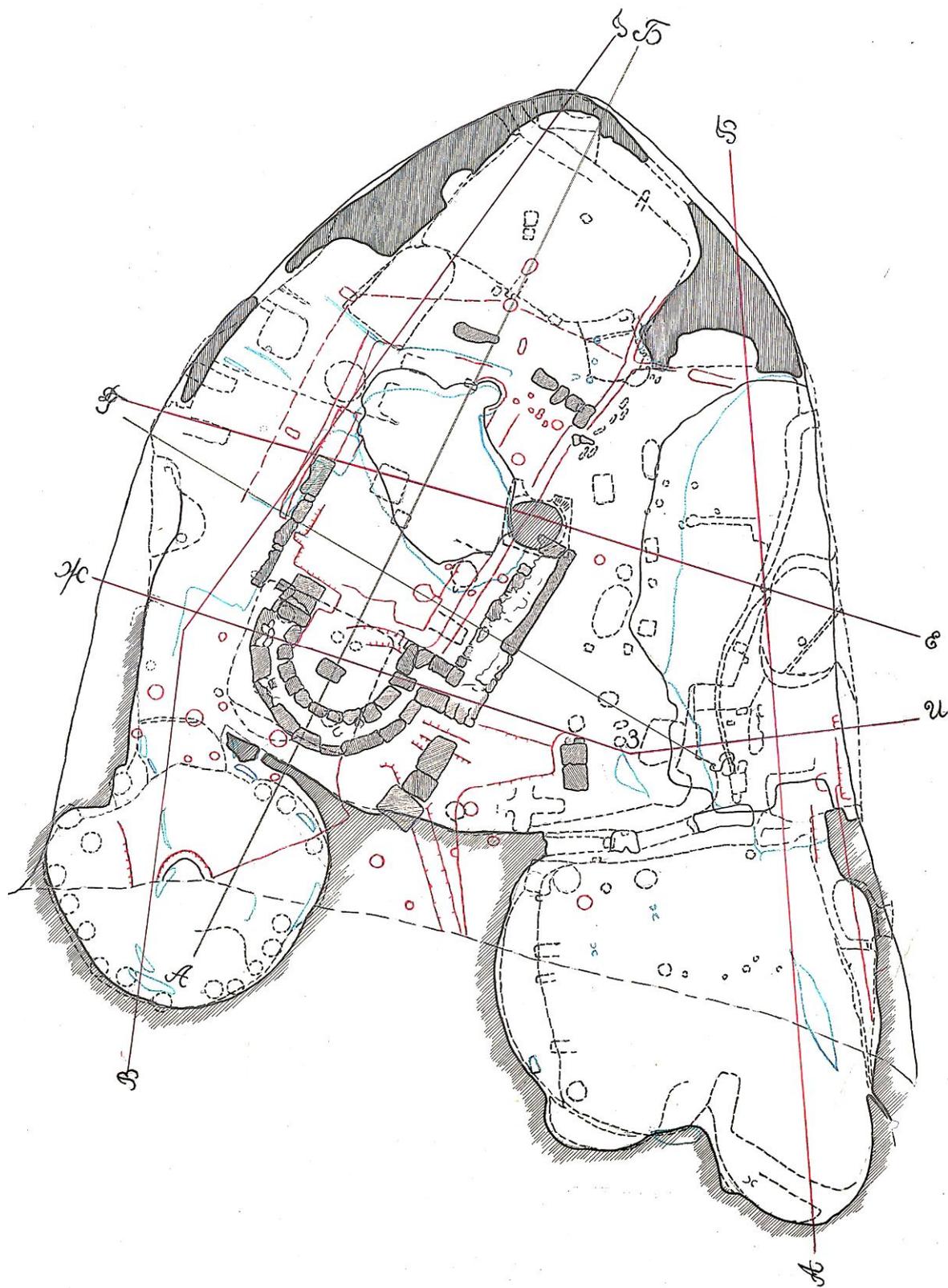
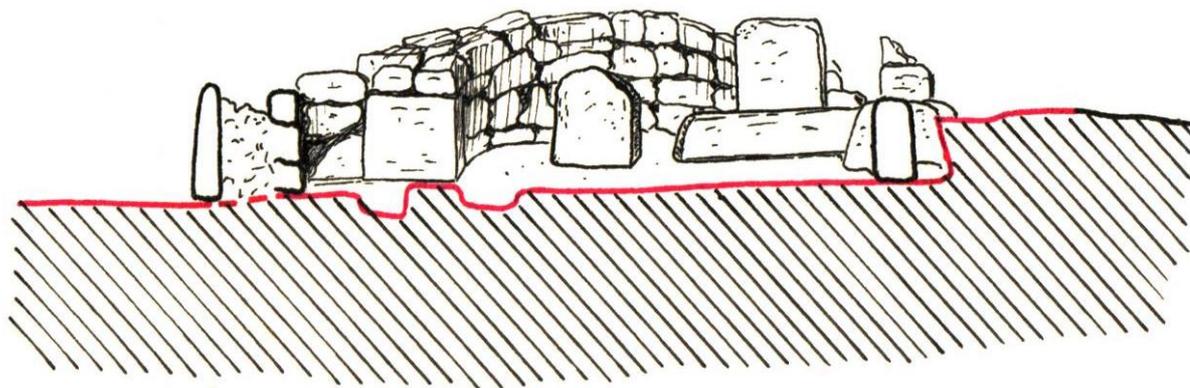

Рис.12. «Башенный каземат» с наложением наземных и подземных сооружений

РАЗРЕЗ ПО ЛИНИИ

И-К

ВИД С ЗАПАДА

Рис.13. Комплекс «башенного каземата».
Храм на верхней площадке по материалам ЭКЭ [4, л. 1]

РАЗРЕЗ ПО ЛИНИИ Ж-З

ВИД С ЗАПАДА

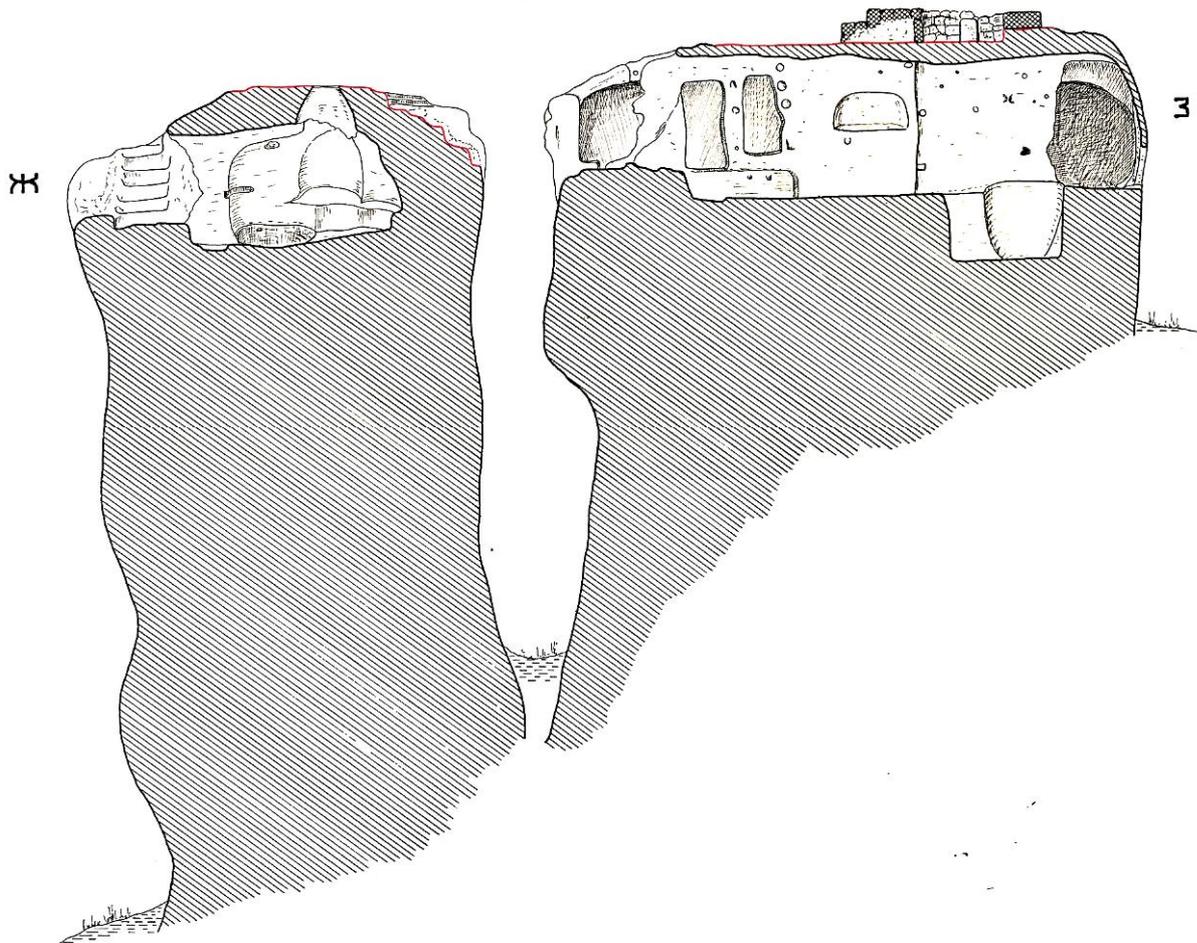
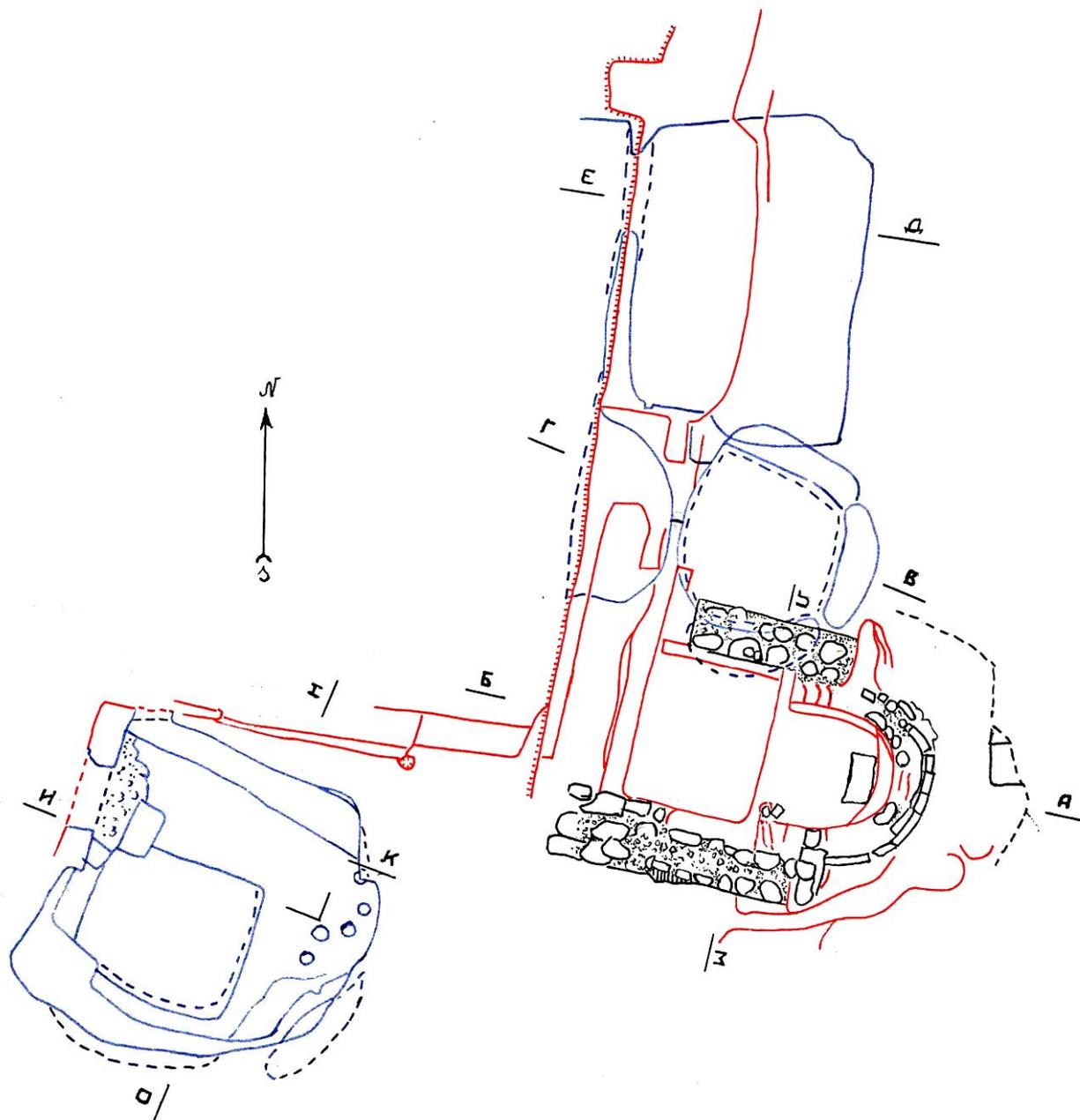

Рис.14. Комплекс «башенного каземата». Разрез [4, л. 1]

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ОЧЕРТАНИЯ НИЖЕ ПОВЕРХНОСТИ

ОЧЕРТАНИЯ ВЕРХНЕЙ ТЕРАССЫ

ВЪРУБКИ В СКАЛЕ

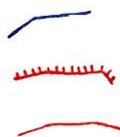
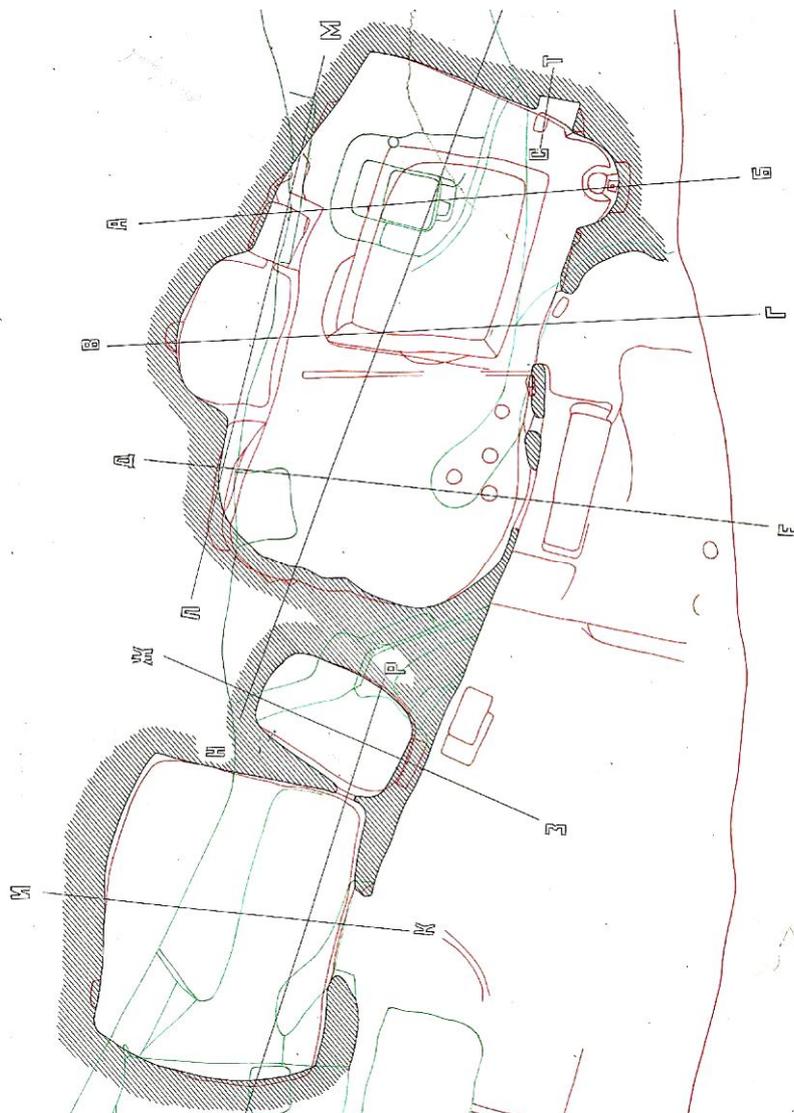

Рис.15. «Ритуальный комплекс» у западной стены городища Эски-Кермен.
План по материалам Эски-Керменской экспедиции [5, л. 1]

Рис.16. План комплекса храма «Успения» по материалам Эски-Керменской Экспедиции [3, л. 19]

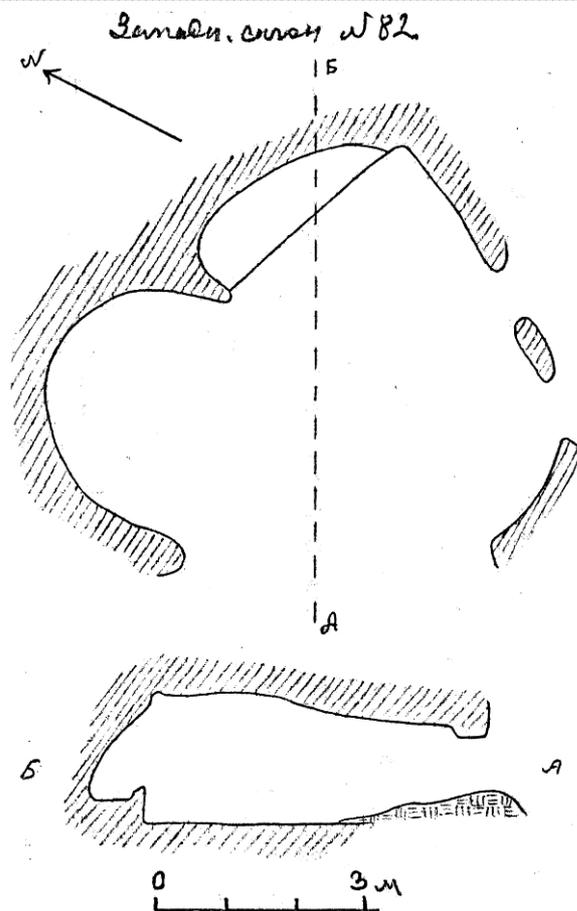
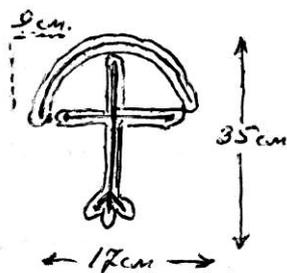

Рис. 17. «Пещера № 82». План и разрез по материалам СМК (из архива Е.В.Веймарна) [8, л. 69]

Рис. 18. «Пещера № 82». Интерьер (фото автора)

а)

б)

**Рис. 19. Слева - крест на южной стене «пещеры № 82»,
современное состояние (фото автора);
справа - рисунки крестов, выполненные Е.В.Веймарном:**

а) - крест на южной стене «пещеры №82» [8, л.69],

б) – крест на архитектурном фрагменте, найденном на западном склоне у «келейки» [7, л. 6]

**Рис. 20. «Башенный каземат» над подъездной дорогой (пещера № 86).
Интерьер (фото автора)**

Рис. 21. Пещера на северном склоне Тепе-Кермена (трапезная?) около «храма с ризницей» (фото автора)

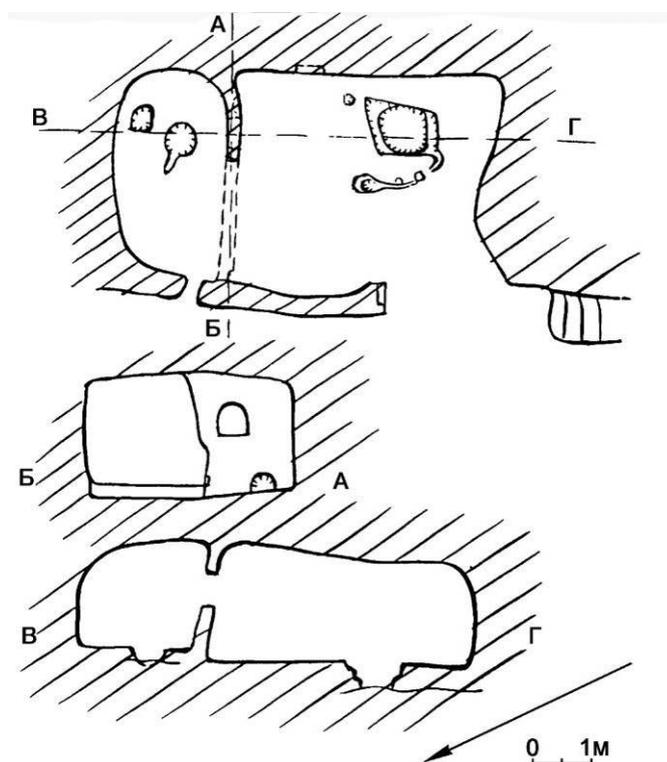

Рис. 22. Пещера на северном склоне Тепе-Кермена около «храма с ризницей». План и разрез по А.Ю. Виноградову и Н.Е. Гайдукову [10, с. 18]

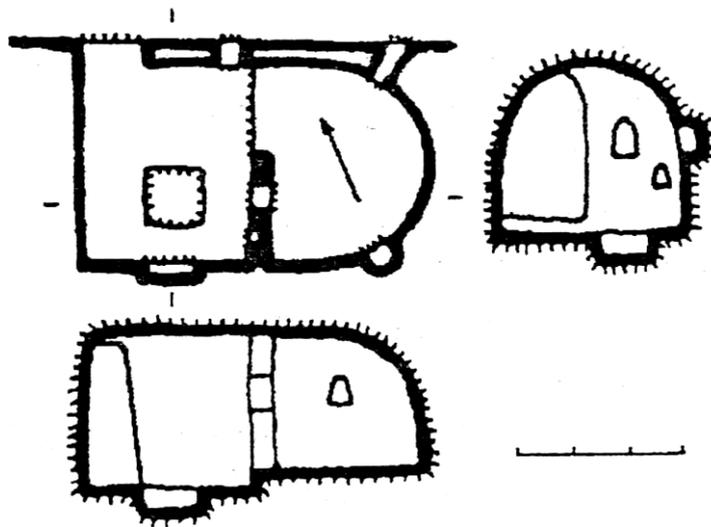

Рис. 23. Пещера на северном склоне Тепе-Кермена около «храма с ризницей». План и разрез по Т.А. Бобровскому [6, с. 264]

К ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКИ VI-VII ВЕКОВ: ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ

ЧОРЕФ М.М.

Институт гуманитарных наук
Тюменского государственного университета

Не секрет, что средневековые печати являются ценнейшим историческим источником. Ведь сам факт их обнаружения свидетельствует о наличии и характере контактов между регионами адресатов и корреспондентов. Однако не только в этом заключается ценность этих источников информации. По ним можно проследить «живую» историю средневековых государств. Во многом благодаря печатям мы узнаем о судьбах конкретных людей, об их взглядах, убеждениях и идеалах. Особо интересны византийские печати. Эволюция принципов их оформления как нельзя лучше характеризует сложные социальные процессы, происходившие в этом государстве за более чем тысячелетнюю историю его существования.

Однако работать с ними совсем не просто. Чрезвычайное обилие и разнообразие сфрагистического материала порождает закономерные сложности при его атрибуции. Ведь при определении печатей мало выявить аналогии, чтобы по ним установить период, в котором они могли бы использоваться. Нужно верно истолковать каждый элемент их оформления. Но, мало того, со временем приходится вновь и вновь возвращаться к давно уже изданным печатям – необходимо учитывать ранее неизвестные обстоятельства. Именно этим мы и планируем заняться в настоящий момент.

Речь в статье пойдет о двух однотипных моливдовулах. Первый из них был найден в Херсонесе в 2006 г, а второй – близ Мангупа в 2007 г. [1, с. 79–81]. Печати были изучены и изданы видным крымским сфрагистом Н.А. Алексеенко. В своей обстоятельной публикации ученый привел их доскональное описание. По его словам, на аверсе печатей было оттиснуто изображение Богоматери Никопеи с восьмиконечными звездами над плечами. На реверсе Н.А. Алексеенко различил монограмму, по его словам – « ϞϞ »¹ (рис. 1.1) [1, с. 80]. Иных текстовых элементов оформления моливдовулов ученый не заметил. Он справедливо заключил, что выявленная аббревиатура является самой информативной деталью их композиции. Н.А. Алексеенко уделил ее дешифровке львиную долю своего внимания [1, с. 81–85]. Первым делом он привел историю прочтения этой монограммы. По данным уважаемого сфрагиста, Ф. Грирсон, В. Хан и М.А. Метклиф дешифровывали ее как « πόλις Χερσώνος »² [1, с. 81, прим. 8]. На основании этого Н.А. Алексеенко выдвинул гипотезу о херсонском происхождении изученных им печатей. В качестве косвенного доказательства он привел свой вывод о неизвестности подобной монограммы за пределами Таврики³ [1, с. 81].

Далее он попытался истолковать сам факт появления аббревиатуры « ϞϞ » на заинтересовавших его печатях. Сославшись на авторитет В. Хана, он заключил, что замена изо-

¹ Т.к. изображения печатей в этой публикации совершенно неразборчивы – на них ничего не видно [1, с. 89, рис. 1.2], то нам не остается ничего другого, кроме как учитывать только рисунок монограммы (рис. 1.1), приведенный самим исследователем [1, с. 89, рис. 3].

² На самом деле Ф. Грирсон видел в ней « πόλις Χερσώνος » [14, р. 23] или « ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΠΟΛΙΣ » [14, р. 73]. В. Хан также не разделяет точку зрения Н.А. Алексеенко. Изначально он прочитал в монограмме « ϞϞ » слово « Χερσώνος » [16, р. 414], а сравнительно недавно согласился на практически общепринятое « πόλις Χερσώνος » [17, S. 79]. К слову, великий австрийский ученый в своих работах старается избегать использования греческих текстов. Так, в MIB он вовсе не приводит прочтения монограммы « ϞϞ », констатируя только факт ее использования монетным двором Херсона [15, S. 76], а в последней известной нам работе приводит ее англоязычную транскрипцию [17, S. 79].

³ Наши соображения по этому поводу см. ниже.

бражения императора и его имени монограммой с названием города является «демонстрацией автономии»¹ [1, с. 81].

Однако при принятии этого тезиса возникают определенные трудности. Дело в том, что в Византии печати городов были большой редкостью. Ведь, как правило, на буллах размещали имена владельцев, сопровождаемых наименованиями их должностей или придворных званий, а также упоминания о принадлежности государственным учреждениям. Причем исключения из этого правила столь редки, что, собственно, не столько противоречат, сколько подтверждают его². Учитывая это обстоятельство, Н.А. Алексеенко предложил иное прочтение аббревиатуры «ϞϞ». Он предположил, что ее следует дешифровать как «πατήρ τῆς πόλεως» [1, с. 84]. А моливдовулы с нею, по мнению ученого, могли быть приписаны одному из патеров полиса³ Херсона, управлявших рядом ромейских городов во второй половине V–X вв. [1, с. 84–85, 87; 2, с. 70–71]. Сами же печати сфрагист датировал правлением Юстиниана I Великого (527–565) [1, с. 85–86].

Считаем своим долгом заметить, что выдвинутая Н.А. Алексеенко гипотеза куда более перспективна, чем практически общепринятое прочтение «πόλις Χερσῶνος». Ведь она может объяснить сам факт появления печатей с монограммой «ϞϞ». Но мы все же вынуждены от нее отказаться. Дело в том, что, как уже было доказано ранее, в этой хорошо известной на монетах аббревиатуре нет никакой возможности разобрать «πατήρ τῆς πόλεως» [4, с. 225–228]. Напомним, что в ней определенно нет «Υ». А гипотетическое «Α» возникло в результате случайного наложения «Ρ» и «Χ» и не должно учитываться при дешифровке. И, собственно, ее нельзя прочесть по-иному кроме как «πόλις Χερσῶνος». Но, если все же принять эту практически общепринятую точку зрения, то мы окажемся в тупике. Ведь, как уже было выяснено ранее, печати византийских городов настолько редки, что сам факт обнаружения одной из них, да еще и приписываемой таврическому городу, кардинально изменит наши представления о ситуации в регионе. Т.е., если действительно существует хоть одна булла с аббревиатурой «ϞϞ», то нам не остается ничего иного, кроме как принять без каких бы то ни было иных доказательств гипотезу об автономии Херсона в составе Византийской империи. И это с учетом того, что существование одноименного дуката в Таврике практически доказано [6, с. 126–140]. Попытаемся разрешить это противоречие.

Для этого обратимся к собранному нами иллюстративному материалу. Начнем со свинцовой печати⁴, изображение которой приведено на рис. 1.2. На ее аверсе отгиснута⁵ хорошо известная invocative тетраграмма «ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΗΘΕΙ» («Θεότοκε βοήθει») – «Богородица, помоги»⁶. Вокруг монограммы просматриваются одиночные символы. Правее расположены «Н» и «В», левее «С» и «N», а ниже «W». У нас есть все основания ви-

¹ Мы вынуждены заметить, что В. Хан об этом не писал [16, р. 414]. Напомним, что в его статье «The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times – a Survey» речь шла о таврических монетах Юстиниана I Великого, на которых есть и изображение императора, а также его имя и титулы. И ученый, естественно, акцентировал на этом внимание читателя. В качестве иллюстрации приводим изображение херсонского пентауммия этого правителя с монограммой «ϞϞ» на реверсе (рис. 1.9).

² Правда, нам известны описания печатей «Populum Aradiorum», хранящихся в British Museum [11, р. 8, № 17475–17480]. По мнению В. де Грей Бирча, их следует датировать VII–VIII вв. Похоже, в данном случае мы имеем дело с возрождением античной традиции. Ведь моливдовулы римских городов хорошо известны [10, р. 14–15, № 64–68]. В качестве иллюстрации мы приводим изображение буллы столицы империи [6, рис. 2.7]. Полагаем, что обычай привешивать к документам печати городов сохранялся до утери ими последних признаков автономии и мог возобновиться в период катаклизмов. Основываясь на наработках В. де Грей Бирча, полагаем, что власти г. Арада могли использовать свою печать в период арабо-византийских или гражданских войн 655–661 и 680–692 гг., периодически дестабилизировавших ситуацию в регионе. К тому же периоду можно приурочить и появление в обращении т.н. арабо-византийских медных монет с наименованиями двенадцати сирийских городов-эмитентов [13, р. 130–140]. Однако умиротворение Халифата привело как к сворачиванию их чекана, так и к прекращению использования печатей автономных городов.

³ Ученый справедливо предположил, что, с учетом этого обстоятельства, ее можно приписать Петру или Павлу [1, с. 85]. Мы считаем это обстоятельство очень важным и вернемся к его анализу в свое время.

⁴ Информация о ней была найдена на сайте VCOINS.COM [19]. Ее размеры – 2,6 на 1,9 см. Вес – 13,84 г.

⁵ Монограмма передана довольно хорошо, только «O», а также левая вертикальная и горизонтальная составляющие «H» стерлись или вовсе не были отгиснуты.

⁶ Тип 1 по Лорану [12, S. 194].

деть в их комбинации имя владельца печати и указание на его должность. Составлять же из них слова следует, перебирая буквы построчно слева направо. Такая методика позволяет установить владельца печати¹, изображенной на рис. 1.3. Без особого труда составляем из символов, разбросанных по полю ее аверса вполне ожидаемое «IUC[T]INOUS» («Ἰουστ[τ]ίνου») – «Юс[т]ина». Однако дешифровать таким же образом буквосочетание «НСВNW», оттиснутое на лицевой стороне моливдовула, изображенного на рис. 1.2, вряд ли удастся. Возможно, что в нем следует видеть не только аббревиатуру имени, но и упоминание о должности. Но вполне возможно, что непрочитанный текст является продолжением инвокативной формулы. В любом случае, нам не остается ничего другого, как прервать процесс его дешифровки в ожидании лучшего экземпляра.

Тем более что это на данный момент это не является первоочередной задачей. Как помним, нас интересуют не тетраграммы, а блоковые монограммы. Обратим внимание на реверс изучаемого нами моливдовула. В его нижней части виден движущийся влево орел с развернутой вправо головой и с поднятыми крыльями. Как правило, таких птиц оттискивали на ранневизантийских моливдовулах, датируемых периодом с VI по рубеж VIII вв. [3, с. 90]. Выше орла размещена блоковая монограмма. Основными элементами этой аббревиатуры являются «Π» и «Χ». В левой нижней ее части видна «Ω». Правой составляющей лигатуры является «Ε». Действительно, составленную из них лигатуру вполне можно принять за «Ξ». Правда, все же заметны некоторые отличия. Начнем с того, что в ее верхнем правом углу определенно просматривается «Ρ», а в «Ξ», как мы помним, она расположена в левой верхней части. В ней же под центральной «Χ» видна «Α» с ломанной средней гастой, которая в лигатуре «πόλις Χερσώνιος» отсутствует. Правда, на блоковых монограммах других, причем, как будто бы однотипных печатей² (рис. 1.4), последней буквы вроде бы нет. Зато на них видны все те же буквы: образующая «Π», центральная «Χ» и «Ρ», различимая в верхней правой части. Полагаем, что наличие этих признаков дает нам право сочетать изучаемые монограммы в одну группу. Однако мы не можем быть совершенно уверены в том, что иных составляющих у нее не было. Дело в том, что значительная часть штампа реверса, на котором, собственно, и была вырезана монограмма, не оставила оттиска на печати – ее пластины оказались недостаточно велики. Так что, даже учитывая этот экземпляр, мы не можем уверенно атрибутировать аббревиатуру на реверсе этих печатей как «Ξ».

Выявленное обстоятельство заставляет нас отказаться от скороспелых выводов и внимательнее изучить эту лигатуру. Займемся поиском печати лучшей сохранности с подобными блоковыми монограммами.

К счастью, их довольно много. И найти хорошие изображения свинцовых печатей не составляет труда. На рис. 1.5 приведена фотография одной из них³. На обеих ее сторонах хорошо видны уже описанные нами орлы с поднятыми крыльями, развернутые влево, держащие в лапах оливковые ветви. Над ними размещены монограммы. На аверсе видна уже хорошо известная нам крестовидная аббревиатура «Θεότοκε βοήθει». На реверсе моливдовула различима увенчанная крестом лигатура «Ξ», состоящая из шести символов. Основным ее элементом является «Π», центральным «Χ», гасты которого образуют верхнюю часть крупной угловатой «Α». К правой вертикальной составляющей «Π» примыкают «Ρ» и «Ε», а к левой – «Ω». Вполне возможно, сочетание вертикальных линий «Π» и наклонных гаст «Χ» образует «Μ». Причем любая из продольных частей первой из них может трактоваться как «Ι». А пересечение нисходящей линии «Χ» с вертикальными составляющими «Π» должны, вроде бы, образовывать символ «Ν». Однако эти допущения нельзя признать перспективными. Ведь, по уже установленным правилам дешифровки

¹ Эта печать стала предметом дискуссии сфрагистов, зарегистрированных на сайте WWW.FORUMANCIENTCOINS.COM [20]. Ее размеры – 2,4 см, а вес – 16 г. Печать была датирована VIII в.

² Продается на сайте WWW.ANCIENTTOUCH.COM [21]. На ее аверсе просматривается изображение мужчины – святого, левее которого просматривается крест. К сожалению, продавцы указали только максимальный размер этой печати – 1,6 см.

³ Булла была продана в 2005 г. акционерным домом «H.D. Rauch GmbH». Ее изображение было получено нами на сайте WWW.ACSEARCH.INFO [22].

блоковых монограмм [4, с. 225–228], читать их нужно с основных букв, на базе которых они, собственно, и строились. Следовательно, ни одна из производных литер вроде «М», «I» или «N» не могла быть первым символом аббревиатуры. Да и образовать из них слово довольно трудно. Правда, они вместе с «П» входят в состав имени Ποιμήν– «Пи́мен». Но как, в таком случае, быть с отсутствующей буквой «О»? Следовательно, гипотетические «М», «I» и «N» вряд ли входят в состав нашей монограммы. Зато очевидно, что пересечение левой вертикальной и горизонтальной составляющих «П» образует «Т».

Перейдем к восстановлению зашифрованной фразы. Используя предложенную нами ранее методику, получаем набор букв: «П», «Е», «Т», «Р», «Е» и «Ω», из которых складываем «ΠΕΤΡΩ ΕΠΑΡΧΩ» («Πέτρω ἐπάρχω») – «Петру епарху». С учетом раннее проведенной дешифровки аббревиатуры аверса получаем: «Θεότοκε βοήθει Πέτρω ἐπάρχω» – «Богородица, помоги Петру епарху». Полагаем, что этот Петр был епархом Города, т.е. Константинополя.

Перейдем к выяснению обстоятельств биографии епарха Петра. Для этого обратимся к фундаментальной «The Prosopography of the Later Roman Empire». Во второй части ее третьего тома приведены сведения обо всех известных на момент ее составления исторических лицах, живших в 527–641 гг. Из текста «Prosopography» мы узнаем, что один из четырех епархов Петров, живших в тот период и, к слову, управлявший Константинополем [18, р. 1006, 1012], использовал печати с такой же монограммой имени и названия должности [18, р. 1008, Petrus 46, Monogram 278]. Следовательно, у нас есть все основания приписать наш моливдовул именно ему.

Правда, мы все же не рискуем быть столь категоричными. Дело в том, что нам известна печать¹ (рис. 1.6) с текстом, а не с тетраграммой на аверсе, но с весьма схожей по конструкции с монограммой «Πέτρω ἐπάρχω» на реверсе. На первый взгляд отличие заметно только в положении креста над «П». Он, как видим, наклонный. Да и буква «Х» несколько поднята вверх. Похоже, что штампы для них изготовили разные мастера. Первый был настоящим профессионалом, а второй смог только довольно грубо скопировать его работу. Полагаем, что работали они не одновременно. Второй штамп мог появиться значительно позже изготовления первого. Очевидно и то, что описанные печати не могли принадлежать одному и тому же епарху Петру. Ведь сам факт столь длительного нахождения на столь высокой должности одного и того же лица нехарактерен для ранней Византии.

Убеждает нас в правоте этого вывода сам факт существования моливдовула², фотографию которого приводим на рис. 1.7. На его аверсе оттиснут довольно изящный орел с поднятыми крыльями. Правда, в отличие от ранее описанных, он развернут влево, а голова его смотрит вправо. Над ним видна великолепно исполненная тетраграмма «Θεότοκε βοήθει». Однако на реверсе, вместо вполне ожидаемой монограммы, размещен четко презанный четырехстрочный текст:

+NIKO	–	Νικο	–	Нико
ΛΑΩΑ		λάω ᾶ		лая а
ΠΟΕΠΑ		πὸ ἐπά		по эпа
ΡΧΩΝ		ρχων		рха

Судя по наличию орла, печать можно датировать все тем же периодом – VI – второй половиной VII вв. Следовательно, мы имеем право обратиться к исследованиям по ранне-византийской просопографии. В том же «The Prosopography of the Later Roman Empire» есть сведения только об одном апо епархе Николае [18, р. 946, Nicolaus 4]. Похоже, что нашу печать можно приписать ему. Правда, на известном Дж. Р. Мэртиндейлу экземпляре надпись разбита на строки следующим образом: «+NIK/ΟΛΑΩΑ/ΠΟΕΠΑ/ΡΧΩΝ». Но

¹ Изображение этой буллы доступно на сайте VCOINS.COM [23]. Ее размер – 2,1 см, вес – 13,88 г.

² Сведения о ней приведены на сайте WWW.ACSEARCH.INFO [24]. Нам известен только ее вес. Он составил 15,62 г.

сходство в оформлении их лицевых сторон не позволяет нам выделять этот, к слову, отнюдь не первостепенный факт в кардинально важный признак. Полагаем, что нашу печать могли оттиснуть второй парой матриц, изготовленных по заказу одного и того же бывшего епарха.

Итак, мы рассмотрели небольшую группу печатей второй половины VI–VII вв. В ходе исследования мы не только удостоверились в перспективности нашей методики дешифровки блоковых монограмм. Нам удалось прочесть аббревиатуры, весьма схожие по конструкции с « Ⲭⲉ », в которых мы разобрали « Ⲡⲉⲧⲣⲱ ⲉⲡⲁⲣⲭⲱ ». Правда, в состав лигатуры « ⲠⲟⲓⲗⲓⲤ ⲬⲉⲣⲱⲱⲛⲟⲤ » входит « Ⲑ », а литера « ⲁ » под « Ⲭ », безусловно, отсутствует. Однако, плохо сохранившийся оттиск лигатуры « Ⲡⲉⲧⲣⲱ ⲉⲡⲁⲣⲭⲱ » вполне можно принять за « ⲠⲟⲓⲗⲓⲤ ⲬⲉⲣⲱⲱⲛⲟⲤ ». Полагаем, что именно это и произошло при изучении моливдовулов с гипотетическим « Ⲭⲉ » на реверсе. В таком случае, у нас появляется возможность объяснить их появление не довольно спорной автономией Херсона при Юстиниане I Великом, а контактами епарха Петра с местными правителями, что, заметим, вполне допустимо.

Но вот что еще интересно. На рис. 1.8 приведена фотография позднееримской печати¹ довольно ранней конструкции – конусовидной, односторонней, с массивной нашлапкой для подвешивания. На ее аверсе хорошо видна блоковая монограмма. Заметно, что в состав входят и « ⲁ », « ⲉ », « ⲗ », « Ⲑ », « ⲣ » и « Ⲯ ». Зато в ней нет « Ⲡ ». С учетом этого мы дешифруем ее как « ⲠⲁⲮⲘⲐⲐⲮ ⲉⲡⲁⲣ[Ⲭ]ⲐⲮ » « ⲠⲁⲮⲘⲐⲐⲮ ⲉⲡⲁⲣ[Ⲭ]ⲐⲮ » – «*Павла епарха*». Судя по технологии изготовления печати, этот чиновник жил значительно раньше. По мнению Р. Фрейнда, такие печати перестали изготавливать в IV в. [12, S. 35]. Однако созданная к его времени² монограмма имени « ⲠⲁⲮⲘⲐⲐⲮ » использовалась значительно позже. По крайней мере, она встречается на буллах VI–VII вв. [18, p. 1566, Monogram 256]. Очевидно, что единожды разработанная методика структурирования аббревиатур длительное время не менялась.

Но в таком случае, у нас появляется возможность объяснить сходство « Ⲭⲉ » и « Ⲭⲉ ». Полагаем, что позднейшая монограмма фразы « ⲠⲟⲓⲗⲓⲤ ⲬⲉⲣⲱⲱⲛⲟⲤ » была образована по ранней схеме, активно использовавшейся в ранней Византии для конструирования аббревиатур « Ⲡⲉⲧⲣⲱ ⲉⲡⲁⲣⲭⲱ ».

Кроме того, у нас есть все основания полагать, что в состав одной из модификаций аббревиатур « ⲠⲁⲮⲘⲐⲐⲮ ⲉⲡⲁⲣⲭⲱ » или « Ⲡⲉⲧⲣⲱ ⲉⲡⲁⲣⲭⲱ » могли входить как « ⲁ », « Ⲑ » и « Ⲯ », так и « Ⲡ ». И именно в ней, при несоблюдении методики дешифровки, можно было разобрать « Ⲡⲁⲧⲏⲣ ⲧⲏⲤ ⲠⲟⲗⲉⲱⲤ ».

Хотя заметим, что проследить логику Н.А. Алексеенко по этому вопросу довольно трудно. В частности, невозможно проследить ход его мыслей при выделении составляющих изученной им монограммы, на что, собственно, мы уже обращали внимание ранее [4, 225–228]. Однако, судя по тому, что ученый обнаружил в ней « Ⲯ », но не нашел четко выраженного « ⲁ » [1, с. 85], мы рискнем сделать вывод, что он исследовал не тривиальную « Ⲭⲉ », а довольно плохо выбитые или не сохранившиеся в полной мере оттиски одной из разновидностей « Ⲭⲉ ».

Подчеркнем, что мы настаиваем на выделении изучаемых печатей в новую разновидность. Дело в том, что на известных нам моливдовулах епархов Петров не встречается изображения Богоматери Никопеи. Однако даже это обстоятельство не позволяет нам уверенно отнести их к новому, пока еще не известному корреспонденту. Полагаем, что этот вопрос требует дополнительного изучения.

Рискнем только заявить, что наличие на аверсе этих печатей изображений Богоматери Никопеи не лишает нас возможности датировать их именно по монограмме « Ⲭⲉ ». Полагаем, что моливдовулы с ними были оттиснуты в VI–VII вв.

¹ Информация о ней была получена нами на сайте WWW.ARMINIUS-NUMISMATICS.COM [25]. Ее размеры 1,7 на 1,6 см, вес – 6,24 г.

² Собственно, она активно использовалась уже в эпоху эллинизма. Мы уже анализировали подобные монограммы в «*Calamitas virtutis occasio*», или к истории последних лет царствования Фарнака II» [5, с. 44–59].

Итак, мы попытались объяснить обнаружение печатей с блоковой монограммой « ϞϚ », внешне схожей с « ϞϚ ». Если мы правы, то Н.А. Алексеенко издал не бывалые моливдовулы автономного полиса Херсона, а всего лишь новую разновидность печатей одного из эпархов Петров, управлявших Константинополем в VI–VII вв. Сам факт их обнаружения свидетельствует об активных контактах между местными и столичными властями и, безусловно, не может быть истолкован как свидетельство особого статуса Херсона или какого-либо иного поселения Таврики в тот период.

Кроме того, из факта обнаружения печатей эпарха Константинополя в округе Мангупа следует, что на нем или вблизи его в VI–VII вв. находился довольно важный торговый центр, экономически связанный со столицей. Полагаем, что именно этим обстоятельством стоит объяснять изобилие находок ранневизантийской меди в горной части Юго-Западного Крыма и, в частности, на Мангупе [7, с. 290, 293, 294, № 5, 28–36; 8, с. 409, № 8–13; 9, с. 274, № 4–6].

Источники и литература.

1. Алексеенко Н.А. Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // АДСВ: Издательство Уральского университета. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 79–89.
2. Алексеенко Н.А. Патер Полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4–6 ноября 2004 г.). Харьков: НМЦ «МД», 2004. 128 с.
3. Степанова Е.В. Печати с латинскими надписями V–VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. 171 с.
4. Чореф М.М. «Ad fontes», или к прочтению монограммы ϞϚ // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 27–29 января 2011 г. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 225–228.
5. Чореф М.М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // НВБелГУ. Белгород: Издательство Белгородского университета, 2012. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». № 7 (126). Выпуск 22.
6. Чореф М.М. Монетное дело византийской Таврики во второй половине VI – начале VII вв., или к атрибуции монет с обозначениями номиналов «М», «Н», «К» и «Д» // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V(II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. Севастополь, 2013. С. 126–140.
7. Чореф М.М. Описание монет из городской застройки в районе церкви св. Константина (случайные находки, дерновый слой, I горизонт застройки) – ст. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки // МАИЭТ. Симферополь: 2007. Вып. XIII. С. 290–298.
8. Чореф М.М. Описание монет из раскопок городской застройки в районе церкви Св. Константина (II горизонт застройки) – в ст. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 408–410.
9. Чореф М.М. Описание монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина – ст. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв). МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 274.
10. Dissard P. Collection Récamier. Catalogue des Plombs Antiques (Sceaux, Tessères, Monnaies et Objets Divers). Paris: Rollin et Feuillant, 1906. 328 p + Pl. VIII.
11. de Gray Birch W. Catalogue of seals in the Department of manuscripts in the British museum. London: British museum, 1898. Vol. V. 1089 p.
12. Feind R. Byzantinische Siegelkunde: Eine Einführung in die Sigillographie von Byzanz. Regenstauf: H. Gietl Verlag & Publikationsservice GmbH, 2010. 212 S.
13. Foss C. Arab-Byzantine Coins: An Introduction, with a Catalogue of the Dumbarton Oaks Collection (Dumbarton Oaks Byzantine Collection Publications). Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2008. 189 p.
14. Grierson P. Byzantine Coins. London: University of California Press, 1982. 411 p. + 95 pl.
15. Hahn W. MIB. Von Anastasius I. bis Justinianus I (491–565). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. Band. I.
16. Hahn W. The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times – A Survey // NC. 1978. September. V. 86. № 9. P. 414–415.
17. Hahn W. Zur Münzprägung des frühbyzantinischen Reiches. Anastasius I. bis Phocas und Heraclius-Revolution, 491–610. Wien: Money trend Verlag Gesellschaft m.b.H, 2005. S. 222.

18. Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume III. AD 527—641. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
19. Peter, eparchos. Byzantine lead seal. С. 550-650. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.vcoins.com/ancient/gertboersema/store/viewitem.asp?idProduct=4512>
20. Lead Seal / Bulla / Token #4 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.forumancientcoins.com/board/index.php?topic=76929.0>
21. Byzantine Lead Seals [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ancienttouch.com/byzantine%20lead%20seals.htm>
22. Byzantinische Siegel [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.acsearch.info/search.html?search=siegel&view_mode=1&sort=&c=&a=&l=#17
23. Johannes, eparchos or apo eparchon. Byzantine lead seal (bulla) 6th-7th century AD [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.vcoins.com/ancient/gertboersema/store/viewitem.asp?idProduct=3791>
24. Byzantinische Siegel [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.acsearch.info/search.html?search=BLEISIEGEL&view_mode=1&sort=&c=&a=&l=#3
25. 450-600 AD., Roman Lead Seal, Paulos, Eparchos [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.arminius-numismatics.com/coppermine1414/cpg1414/displayimage.php?album=search&cat=0&pos=60>

Сокращения.

АДСВ - Античная древность и средние века
 МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
 NC - Numismatic Circular

Рис 1. К вопросу об атрибуции двух моливдовулов из Юго-Западного Крыма

1 – прорись монограммы реверса моливдовулов (по Н.А. Алексеенко [1, рис. 3]); 2, 4 – печати со схожими монограммами на оборотных сторонах (по [19; 21]); 3 – аверс моливдовула с легендой «Θεότοκε βοήθει Ἰουστίνου» (по [20]); 5, 6 – печати епархов Петров (по [22; 23]); 7 – моливдовул апо епарха Николая (по [24]); 8 – печать епарха Павла, жившего в IV в. (по [25]); 9 – херсонская монета Юстиниана I Великого с аббревиатурой «ϞϞ» на реверсе.

**МОНЕТНОЕ ДЕЛО ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI – НАЧАЛЕ VII ВВ.,
ИЛИ К АТРИБУЦИИ МОНЕТ С ОБОЗНАЧЕНИЯМИ НОМИНАЛОВ
«М», «Н», «К» И «Δ»¹**

ЧОРЕФ М.М.

**Институт гуманитарных наук
Тюменского государственного университета**

Уже не первое столетие изучаются древности раннесредневекового Крыма. В процессе их исследования археологи, архитекторы, искусствоведы и эпиграфисты находят применение своим знаниям. В стороне остаются только нумизматы. К сожалению, современное состояние этой вспомогательной исторической дисциплины позволяет только определить время выпуска той или иной монеты. Установить ее возможный период обращения все еще проблематично. Мы не ставим перед собой задачу разрешить эту проблему. Считаем достаточным всего лишь установить время эмиссии и период обращения небольшой группы таврических монет с изображениями четы правителей на аверсе² и мужской фигуры и обозначениями номинала «М», «Н», «К» или «Δ» на реверсе (Рис. 1, 1–16), т.н. «трехфигурных»³.

Нас привлекает в них то, что они встречаются как на древних поселениях, в частности, на территории культовых комплексов, так и в их округе – в склепах одновременных некрополей⁴. К примеру, по монете заинтересовавшей нас группы К.К. Косцюшко-Валюжинич датировал базилику Уварова⁵ [10, с. 80–81]. За годы исследования их находили в Херсоне практически повсеместно [2, с. 269, № 109, 135; 3, с. 120; 6, с. 28, 32, № 87; 7, с. 64, 66, 72, 73, № 14, 55, 200, 229, 243; 8, с. 61; 16, с. 57, 64; 21, с. 47, 50]. Встречаются они и в закрытых комплексах. «Трехфигурные» монеты нашли в цистернах № 56 и 92 Портового района Херсона [10, с. 31; 19, с. 46, 50; 20, с. 76]. Примечательно, что выпадение одной из них в засыпь первой из этих емкостей связывают с началом возведения Уваровской базилики [21, с. 50]. Бронзу этой группы нашли при раскопках некрополя Суук-Су [11, с. 33, № 203; 14, с. 47, склеп 77]. Их находят и в Восточном Крыму. По данным В.А. Сидоренко, в 2003 г. в округе Керчи был найден клад, содержащий такие монеты [23, с. 377–378]. Известны находки «трехфигурных» бронз и за пределами Крыма. Таврический фоллис Маврикия Тиверия (582–602) был найден в с. Волосском Днепропетровской обл. (Украина) [12, с. 172, № 28 (505); 30, с. 92, № 60].

Как видим, «трехфигурные» монеты имели широкий ареал хождения. Они активно использовались жителями раннесредневековой Таврики и контактирующими с ними вар-

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного автором «Ломоносовских чтениях» в Филиале МГУ в городе Севастополе в 2010 г. [36, с. 139–143].

² Как известно, на территории Крымского полуострова встречаются также весьма схоже оформленные монеты Константа II (641–668). Правда, на их аверсе не выбивали изображения василиссы. На лицевой стороне этих бронз оттискивали фигуры автократора и его соправителя, будущего Константина IV Погоната (668–685). Да и обозначения номинала на них отсутствуют [37, с. 48–50]. Эти обстоятельства не позволяют отнести их в одну группу с заинтересовавшими нас монетами.

³ Вслед за А.Л. Пономаревым, мы сочли нужным использовать перефразированную русскоязычную кальку с византийского *триκέφαλα* – «с тремя головами» [15, с. 471–472]. Так называли монеты, на которых были оттиснуты изображения трех фигур.

⁴ Мы их выбрали отнюдь не случайно. Дело в том, что в раннесредневековых слоях таврических городищ и в склепах одновременных некрополей, как правило, встречаются только позднеантичные монеты, период хождения которых, как мы уже писали, установить довольно трудно. Очевидно только то, что они обращались еще при Ираклии I. Обстоятельства, позволившие им сохранить роль платежных средств, были рассмотрены нами в [34, с. 118–119; 38, с. 140–148; 39, с. 326–331].

⁵ В окрестностях этого храма были найдены многочисленные херсоно-византийские «трехфигурные» монеты [4, с. 146, 166, 189, № 10, 35, 67; 10, с. 31; 22, с. 50].

варскими племенами. Следовательно, бронзы этой группы являются важным историческим источником, а результаты их изучения позволят уточнить датировку раннесредневековых археологических слоев и, в частности, культовых сооружений Херсона, на территории которых они встречаются довольно часто.

Первым делом приведем краткую историю исследования «трехфигурных» бронз. Их изучают уже более трех столетий. Как мы уже писали, еще Ш. дю Фресне дю Канж издал одну из бронз этой группы [42, р. 104–105] (рис. 1, I). Правда, исследователь отнес свою монету к константинопольским выпускам Маврикия Тиверия [42, р. 104–105]. Действительно, имя и титул правителя отчетливо читались на ее аверсе, а место обнаружения – Стамбул – позволило, по мнению ученого, определить эмиссионный центр. Однако обилие находок монет подобного типа в Крыму дало возможность пересмотреть первоначальную точку зрения. Г.К.Э. фон Кёлер и Б.В. Кёне относили эти бронзы к выпускам византийского Херсона. Однако и они датировали их правлением последнего императора династии Юстиниана I Великого (527–565). Ученые трактовали мужскую и женскую фигуры на их аверсе как изображения Маврикия Тиверия (582–602) и его жены Константины. Их не смутил даже тот факт, что легенда D[ominus] N[oster] MAVRIC[ius] P[er]P[etuu]s AVG[ustus] – «Господин Наш Маврикий вечный Август» в разных сокращениях известна на аверсе лишь части монет этой разновидности (рис. 1, I, 4–8). На аверсе большинства вариаций бронз этой группы размещали надписи «ХЕРСΩΝΟC», «ХЕРСΩΝΟC», «ХЕРСΩΝΟ», «ХЕРСΩΝΟΧ», «ХЕРСΩΝΟΧ», «ХΕΝΟΧ», «ХΕΡСΩΝ», «ΧΗΡСΩΝ», в которых, безусловно, следует видеть вариации написания ординарного и вполне ожидаемого «Χερσῶνιос» – «Херсон»¹ (рис. 1, 2–3, 9–13). Куда больше споров вызвала атрибуция мужской фигуры на реверсе. Так, если Г.К.Э. фон Кёлер предполагал, что она являлась изображением Феодосия – сына Маврикия Тиверия [46, S. 17, № 3–4, Pl. II, 14, 15], то Б.В. Кёне считал, что на херсонских монетах выбивали образ почитаемого в городе святого, с его точки зрения – св. Евгения [9, с. 164–167, № 1–11. Табл. VI, 4–7; 47, S. 152–154, № 1–11, Taf. VI, 4–7]. Прийти к единой точке зрения не удалось – слишком мало было известно «трехфигурных» бронз.

Ситуация изменилась во второй половине XIX в. В ходе археологических раскопок было выявлено множество разновидностей монет этой группы. Их изучение позволило выработать новые гипотезы. Так, В.А. Анохин предположил, что первыми поступили в обращение крупнейшие бронзы с грамотно переданной легендой «Χερσῶνιос» на аверсе, а также с обозначениями номинала «М» и «К», а позже с «Н» и «Δ» на реверсе (рис. 1, 2, 3, 9, 10). Ученый выделил их в две эмиссии Юстина II Младшего (565–578). Он же предположил, что в Херсоне могли выпускать аналогично оформленные монеты и при Тиверии II Константине (578–582). В.А. Анохин считает, что лишь при Маврикии Тиверии в городе выпускали именные «трехфигурные» бронзы [1, с. 99–102]. А после гибели этого императора, по мнению ученого, эмиссия монет этой группы навсегда прекратилась [1, с. 102].

Саму идею выделения серий вышеперечисленных правителей поддерживает и И.В. Соколова [26, с. 25]. Правда, она допускает, что позднейшие разновидности «трехфигурных» монет, т.е. с нетрадиционными написаниями названия города², могли быть выпущены при Фоке (602–610) [26, с. 26].

Споры вызвали только предположения по атрибуции изображений реверса. Если В.А. Анохин считает, что фигура мужчины могла быть образом почитаемого святого или соправителя, то И.В. Соколова, предполагает, что она представляет собой ординарный повтор фигуры императора, помещенной на аверсе [1, с. 101; 26, с. 22–23].

Новый этап в изучении монет этой группы начался с выходом в свет фундаментальной работы В.А. Сидоренко [23, с. 355–392]. В ней исследователь попытался обосновать свое видение вопроса о месте и обстоятельствах выпуска части разновидностей этих бронз. Судя по собранным им статистическим данным, такие монеты выпускали не только в Херсоне, но и на Боспоре. Ученый высказал свои соображения и по поводу атрибуции

¹ Наше объяснение появления в легенде «лишнего» символа «Χ» в конце легенды аверса будет приведено ниже.

² Т.е. не с ординарным «ΧΕΡСΩΝΟC» или со вполне допустимым «ΧΕΡСΩΝΟC».

мужского изображения на реверсе. Он, вслед за Б.В. Кёне, предположил, что на оборотной стороне монет могли поместить образ святого, предположительно, св. Юстиниана [23, с. 364]. К сожалению, В.А. Сидоренко не стал обосновывать эту гипотезу. В своем каталоге боспорских «трехфигурных» монет конца VI – начала VII вв. он только осторожно именуется это изображение «фигурой императора» или «фигурой императора в нимбе» [23, с. 377–378].

Итак, к настоящему времени убедительная теория атрибуции мужской фигуры на реверсе «трехфигурных» монет так и не была выработана. Следовательно, рано говорить и об их датировке. С целью приблизить разрешение этой проблемы, предлагаем нашу атрибуцию мужской фигуры оборотной стороны.

Начнем с анализа облачения. Заметим, что мужчина на реверсе отнюдь не всегда одет так же, как император на аверсе. На монетах с «М» и «К» на оборотной стороне (рис. 1,2,3) хорошо видно, что на нем не хитон и императорская порфира, а архаизированный доспех римского воина: кираса и кожаная юбка, на его плечи накинут военный плащ. На именных же бронзах Маврикия Тиверия (рис. 1,4–8) мужчина одет уже так же, как и император. Их фигуры завернуты в плащи, из-под которых выступает только правая рука. На монетах, приведенных на рис. 1,9–13 император облачен в хитон и порфиру, а мужчина на реверсе все так же закутан в воинский плащ. Весьма интересны и фоллисы¹ Ираклия I (610–641) и Ираклия II Константина (641). На их аверсе и реверсе изображены мужчины в доспехах и в воинских плащах (рис. 1,14–16).

Перейдем к анализу символов власти. У императоров, изображенных на аверсе, в правой руке хорошо видна держава. Фигуры мужчин, оттиснутых на реверсе, держат посохи, увенчанные крестом (рис. 1,1,5–8,12,13) или хризмой (рис. 1,2–4,9–11). Заметим, что такие же предметы держат в руках ангелы, выбитые на реверсе ранневизантийских солидов [43, Pl. 2,15–26,32,34–35, 3,37,39,40,42–46]. Зато четко прослеживается закономерность: если у изображения императора есть нимб над головой, то он заметен и у мужчины на реверсе. Кроме того, у всех хорошо видны диадемы.

Попытаемся обобщить и проанализировать выявленные обстоятельства. Мужчина, изображенный на реверсе рассматриваемых бронз, безусловно, является императором, причем, судя по атрибутам, причисленным к лику святых. Нам известно, что только два византийских правителя в раннем средневековье были удостоены такой чести: Гай (Луций или Марк (?)) Флавий Валерий Аврелий Константин (Константин I Великий) (306–337) и Юстиниан I Великий. Однако первого из них начали почитать в Романии только с IX в., а второго причислили к лику святых уже вскоре после смерти. По крайней мере, первые жития св. Юстиниана датируют последней четвертью VI в. [22, с. 143, 360]. Появление образа этого императора на монетах его ближайших преемников кажется естественным.

Таким образом, мужчина, изображенный на реверсе заинтересовавших нас монет, не мог быть соправителем какого-либо августа конца VI – начала VII вв. Очевидно, что не следует приурочивать их выпуски к переменам на византийском престоле, вызванным приобщением к власти потомков Юстиниана I Великого. Мы также уверены, что на аверсе этих монет не обязательно изображали те императорские четы, у которых были соправители.

Не менее интересно и развитие образа императрицы. На монетах с «М» и «К» на реверсе она держит в руках скипетр с крестовидным навершием. Следовательно, императрица была регентом государства. Предполагаем, что на этих монетах изображали Софию – жену Юстина II Младшего. На именных бронзах Маврикия Тиверия этот символ власти

¹ К настоящему времени Ф. Грирсоном, В. Ханом и В.А. Сидоренко было выделено всего две пары штемпелей (рис. 1,14,15), которыми были отчеканены все известные им херсонские фоллисы Ираклия I [23, с. 369, рис. 2; 44, Pl. XXII,311]. Что, вроде бы, давало основание считать, что эмиссия таврических «трехфигурных» монет этого правителя была незначительной. Но недавно нам удалось выявить неизданную херсонскую монету Ираклия I, выбитую третьей парой штемпелей (рис. 1,16). Ее изображение и описание были обнаружены нами на сайте CoinsArchiv.com. Монета была продана компанией «Classical Numismatic Group» на электронном аукционе № 279 16 мая 2012 г. [51]. Заметно, что ее штемпели были выполнены с большим мастерством: фигуры правителей переданы довольно изящно, буквы легенд прорезаны куда тоньше и, следовательно, разборчивей. Правда, прически василевсов весьма сильно стилизованы – до однообразности, да и «P» на хризме и на посохе св. Юстиниана передана довольно угловато. Но, в данном случае, это не самое важное – сам факт обнаружения монеты, выбитой третьей парой штемпелей, говорит о масштабности эмиссии.

был заменен посохом. Нужно отметить, что такой же жезл держит в руках св. Юстиниан на реверсе. Очевидно, что модификация не могла быть случайной. Предполагаем, что изображения на монетах императрицы были родственницами святого. Их появление на херсонских бронзах можно объяснить стремлением легитимировать режим.

Попытаемся выявить причину появления двухфигурной композиции на аверсе монет заинтересовавшей нас группы. Сразу же заметим, что не стоит видеть в ней только ординарное изображение Юстина II Младшего и Софии. Ведь аналогичным образом были оформлены бронзы Тиверия II Константина и Анастасии, Маврикия Тиверия и Константины, а также Фоки (602–610) и Леонтии (рис. 1, 17–19). Нет у нас и оснований считать, что эти монеты представляли собой т.н. «анонимные серии»¹, выпускавшиеся в смутной первой половине VII в. военными и гражданскими правителями ряда пограничных провинций². Правда, стоит учесть примитивность технологии изготовления ряда разновидностей изучаемых таврических бронз (рис. 1, 10–13), свойственной всем этим выпускам. Но, заметим, «трехфигурные» монеты не являются подражаниями выпускам средиземноморских монетных дворов. Они не несут на себе и их эмиссионные символы. Следовательно, у нас есть все основания считать их местными, оригинально оформленными платежными средствами. В таком случае, нам не остается ничего другого, кроме как попытаться объяснить появление на них уже не фигур, а обозначений достоинства и надписей. Ведь без установления этого обстоятельства мы не имеем права включить «трехфигурные» монеты в круг определенно атрибутируемых исторических источников.

Прежде всего, попытаемся найти объяснение замене упоминаний об императорах указанием на место монетной эмиссии. Безусловно, у нас есть возможность объяснить модификации легенд изменением ситуации на полуострове. Напомним, что при Юстине II Младшем Херсоном стал управлять дукс³ [14, с. 56–59; 19, с. 94; 27, с. 176, 178; 28, с. 320–361]. В таком случае получается, что первая серия монет – со стандартными для ранней Византии обозначениями номинала «М» и «К» (рис. 1, 2, 3) но без имени императора и с «Χερσώνιος» на аверсе, должна быть приурочена к образованию дуката. С большой долей вероятности ее можно объяснить и привилегиями, дарованными в тот период Херсону. Эту точку зрения разделяет и В.А. Сидоренко [23, с. 363]. По логике исследователя, ее выпуск является свидетельством ослабления византийского влияния в регионе, наблюдавшегося в период варварского нашествия. В таком случае, ее можно датировать концом 570-х гг.

Но вот в чем сложность. В ранней Византии дуксы являлись воинскими командирами, зачастую выполнявшими функции гражданских правителей провинций [32, с. 66–67]. Сам факт учреждения дуката говорит о том, что контроль империи над Херсоном и южной частью Таврики в тот период не только сохранился, но даже усилился. Очевидно и то, что в таком случае у нас нет оснований ожидать дарования жителям Таврики каких-либо привилегий, выразившихся в праве на эмиссии собственных монет без упоминаний об императорах – такие факты нам не известны. Их, правда, освободили от части налогов. Так, Юстин II Младший уменьшил на четверть размеры морской повинности. Речь идет о безвозмездной поставке военных судов [32, с. 73]. И это вполне ожидаемо – теперь жители Таврики должны были участвовать в защите своего края⁴.

В любом случае, учреждение дукатов должно было и приводило к прекращению неподконтрольных центру полисных эмиссий. Получается, что модификация легенды аверса «трехфигурных» бронз не могла быть вызвана ослаблением имперского контроля в Таврике. Попытаемся найти иное объяснение этому явлению.

¹ Наши соображения по поводу «анонимности» этих монет будут приведены ниже.

² Такие монеты принято называть «Moneta Militaris Imitativa» (ММИ). В. Хан первым ввел этот термин в научный оборот. Он использовал их для именовании неординарных выпусков Юстина II Младшего [45, S. 49–51]. ММИ являются предметом детального научного изучения. Как правило, их находят в тех приграничных зонах империи, положение в которых длительное время оставалось напряженным. ММИ локальных разновидностей находят на Балканах [49, p. 161–166, tab. 1; 50, p. 129–258], на Востоке [48] и в Италии [53, p. 88]. Полагаем, что ММИ использовали для финансирования армий, участвовавших в приграничных конфликтах. Следовательно, обнаружение такого рода выпусков в Таврике также вполне ожидаемо.

³ Допустимые написания *dux* и *δοῦξ*.

⁴ Полагаем, что жители приграничных дукатов находились на положении позднейших акритов.

Начнем с того, что наличие на аверсе изучаемых нами монет узнаваемых фигур императоров и членов их семей не дает нам оснований считать их анонимными. Учтем и то, что легенды с именами и титулами правителей отнюдь не всегда обрамляли их изображения. На рис. 2,1–2,4–5 приведены фотографии римских императорских печатей I–V вв. и аксессуаров для их хранения. Ни на одной из них бесспорно узнаваемые фигуры императоров не сочетались с текстами с их же именами и титулами¹.

Этот обычай сохранился и в Византии. Обратим внимание на фотографию анепиграфного моливдовула Ираклия I (рис. 2,9). Заметно, что его лицевая сторона оформлена в том же стиле, что и аверс солида этого же правителя (рис. 2,10). Следовательно, мы имеем дело с традицией. При наличии на монете или печати безусловно узнаваемых изображений правителей какие бы то ни было текстовые упоминания о них, как правило, не требовались.

Но, в таком случае, у нас есть все основания отказаться от надуманной атрибуции таврических «трехфигурных» бронз как анонимных [24, с. 29–30] и признать их очевидную принадлежность к официальному имперскому чекану. Но что тогда может значить легенда «Χερσῶνος»? Займемся поиском ответа и на этот вопрос.

Первым делом попытаемся найти аналогии. Действительно, в VII в. в ряде пограничных византийских провинций в обращение поступила медная монета с весьма неординарным для центральных районов империи дизайном. На них оттискивали монограммы, не являвшихся сокращениями наименований городов, имен императоров или ответственных за эмиссию чиновников (рис. 3). Их было немного. Насколько нам известно, в конце VI–VIII вв. работало всего четыре таких монетных двора. На деньгах их чекана оттискивали аббревиатуры «SECILIA» [43, р. 72], «KVΠPOV» («KVΠ», «KVΠP») (рис. 3,1) [43, р. 73, 121], «SCL» («SC») [43, р. 133–138, 167] (рис. 3,2,3), «S» (рис. 3,4) [43, р. 129] и «CIKL» (рис. 3,5,6) [29, с. 76–84]. Первую из них стали проставлять на сицилийских декануммиях при Маврикии Тиверии [43, р. 72]. Аббревиатура «KVΠPOV» появилась на крупной меди консулов Ираклиев времен восстания против Фоки [43, р. 73, 121]. Монограмма «SCL» изначально была одним из элементов надчеканки, проставлявшейся на фоллисах при Ираклии I. Ее выбивали вместе с портретом императора и его монограммой «Ϝ». Причем, что интересно, подобные контрамарки оттискивали даже на монетах самого Ираклия I². Позже она стала меткой денежного двора византийской Сицилии (рис. 3,2). Однобуквенная монограмма «S» была эмблемой эмиссионного центра, работавшего в Сардинии при Юстиниане II (685–695, 705–711) и его ближайших преемниках [43, р. 129]. Обозначение «CIKL» появилось значительно позже. Его проставляли на бронзах, выбитых в период иконоборчества. По мнению Е.В. Степановой, оно служило меткой денежного центра фе-мы Сикелии [29, с. 76–84], включавшей в свой состав Сицилию и Калабрию.

Что же объединяет эти факты? Все эти метки проставляли на византийских деньгах областного чекана. Так, Кипр стал отдельной провинцией еще при Юстиниане I Великом [54, р. 567]. Сардиния и Сицилия при нем же вошли в состав империи и были выделены в отдельные административные единицы [54, р. 1842, 1891]. Само положение делало их опорными пунктами империи в Средиземноморье. Так что не стоит удивляться тому факту, что в них выпускали собственные деньги. В любом случае, сам факт эмиссии не на городских, а на областных византийских монетных дворах уже давно установлен.

Однако мы пока еще не проанализировали все очевидные факты. Все еще остался не рассмотренным вопрос о технологии производства «трехфигурных» монет. Часть их – самые ранние, были выбиты на специально изготовленных кружках (рис. 1,2,3). Мы относим их к первой эмиссии. Однако при Маврикии Тиверии ситуация изменилась. Если фоллис, изображенный на рис. 1,4 отчеканен на прежнем уровне, то иные монеты этого же

¹ Конечно, на ряде печатей эта информация все же присутствует. Но сам факт существования анепиграфных булл свидетельствует о верности наших умозаключений.

² В ближайшее время выйдет наша статья «Надчеканки на монетах Ираклидов как исторический источник». Чтобы излишне не утомлять нашего читателя изложением ее материала заметим только, что эти контрамарки проставлялись не из финансовых или политических соображений. С их помощью легализировалось обращение монеты в отдельных регионах империи.

номинала (рис. 1,5,6) были выбиты на небрежно выполненных заготовках, причем, заметим, даже с неокругленными краями. Столь же неаккуратно были отчеканены гемифоллисы Маврикия Тиверия (рис. 1,7,8) – заготовки для них на скорую руку вырезали из листа меди. Монеты этого императора мы выделяем во вторую серию.

Некоторое улучшение ситуации наблюдалось после смерти Маврикия Тиверия. На рис. 1,9 приведена фотография фоллиса третьей серии. Его изображения и надписи довольно четки и аккуратны. Однако прочие бронзы этой серии были выбиты крайне небрежно. Их выпускали по неординарной для Византии технологии. Похоже, что заготовки для них, в лучшем случае, вырезали из листа, или, что наблюдается куда чаще, попросту вырубали или даже выламывали из покрытой оттисками полосы металла (рис. 1,10–13). Примечательно и то, что их площадь, как правило, превышала размеры штемпелей.

Однако даже эти обстоятельства не дают нам оснований для выделения таврических бронз, изображенных на рис. 1,10–13 в отдельную серию. И дело даже не в том, что на них выбиты однотипные изображения и на них проставлены обозначения номиналов тогдашней таврической системы. Эти монеты примечательны тем, что на них отсутствуют упоминания о правящем императоре, а легенды изобилуют грубейшими ошибками. Да и изображения четырех правителей на их аверсе столь архаичны, что у нас не остается сомнений, что они не являются ординарными изображениями Фоки и Леонтии. Полагаем, что и эти бронзы можно отнести к третьей серии.

При Ираклии I ситуация изменилась. В обращение поступили фоллисы с изящно исполненными изображениями самого императора и его соправителя Ираклия II Константина на аверсе и св. Юстиниана на реверсе (рис. 1,14–16). Их отчеканили на специально подготовленных кружках, соответствующих по размерам штемпелям. Это была последняя – четвертая эмиссия «трехфигурных» монет изучаемой нами группы.

Попытаемся проанализировать выявленные факты. Получается, что при чеканке «трехфигурных» монет использовали две разные технологии. Ведь в одной и той же денежной мастерской не стали бы аккуратно вырезать и, одновременно, выламывать заготовки из листа металла. Очевидно, что так не могли поступать ни на одном монетном дворе. Учтем и очевидные различия в стилях их оформления. Полагаем, что аккуратно отчеканенные монеты были выпущены на издавна работающем денежном дворе, а небрежно выбитые бронзы чеканили в походных условиях. Но в таком случае получается, что первые могли быть выпущены в Херсоне, а вторые – в мобильных мастерских, причем вероятнее всего – в Восточной Таврике¹. Скорее всего, последними финансировали военные расходы и выплачивали жалование частям, дислоцированным в этой части полуострова.

Но вернемся к легенде «Χερσῶνος». Мы находим сам факт ее появления на монетах как херсонской, так и восточнокрымской чеканки весьма важным. С учетом наработок наших предшественников, у нас есть все основания предполагать, что она не могла являться обозначением только одного монетного двора. Вернее всего, «Χερσῶνος» представляли эмиссионные центры одноименной области. А так как со времен Юстина II Младшего ею управлял дукс, то у нас есть полное право считать ее отдельной провинцией – дукатом². А конечные символы легенды аверса, в таком случае, могли быть своеобразными *control letters* – метками целевых эмиссий. Напомним, что подобные обозначения были выделены на позднейшем византийском золоте [33, с. 336–340].

Но, в таком случае, мы обязаны сделать исторические выводы. Сам факт локальной денежной эмиссии в дукате Херсон позволяет не только отказаться от гипотез об особом положении его городов, но и по-новому взглянуть на политическую ситуацию в Причерноморском регионе в конце VI – начале VII вв. Полагаем, что тюркская опасность привела к возникновению дуката – довольно типичного для ранней Византии образования. Он являлся прообразом позднейшей фемы. Судя по монетному материалу, его власти смогли наладить эмиссию разменных бронз регионального образца. Полагаем, что слово «Χερσῶνος» на них служило официальной меткой одноименного дуката. Так что не стоит

¹ Мы основываемся на статистике, собранной В.А. Сидоренко [23, с. 355–392].

² Полагаем, что именно этого довода не хватало Н.И. Храпунову, чтобы прийти к выводу об учреждении дуката в Таврике [32, с. 69–70].

удивляться тому обстоятельству, что впоследствии обозначения «SCL» и «CIKL» представлялись на монетах чекана позднейших фемных эмиссионных центров.

Перейдем к критике и анализу наших выводов. Конечно, гипотетическое ослабление связей Херсона с метрополией теоретически могло подвинуть таврических эмитентов перейти к привычному для местных жителей денежному счету. Но этому не мешал и легальный выпуск региональной монеты дуката Херсон. В любом случае, основой новой системы стал пентануммий¹. При Маврикии Тиверии влияние империи в Причерноморье могло возрасти, в результате чего в обращение могли поступить монеты таврического чекана с именем правителя, но с принятыми в регионе обозначениями номинала (рис. 1,4–8). Мы объясняем изменение легенды аверса модификацией системы управления империей, проведенной Маврикием Тиверием в интересах своей семьи. Полагаем, что он лишил дуку Херсона и Боспора ряда полномочий в интересах фиска. После гибели императора местные власти дуката могли самочинно вернуться к эмиссии гипотетических анонимных монет² (рис. 1,9–13). У нас есть все основания датировать их правлением Фоки³. Причем, что интересно, таврические власти были настолько нелояльны новому императору, что отказались размещать на аверсах «трехфигурных» бронз изображения Фоки и его супруги. Ведь, как правило, этого императора на монетах изображали в диадеме, увенчанной крестом [44, Pl. I–VII] (рис. 1,19). Но этот культовый символ появился на таврических фоллисах херсонского чекана только при Ираклии I⁴ (рис. 1,14–16). Фрондирование властей дуката проявилось и в сохранении на реверсе «трехфигурных» монет безусловно узнаваемой фигуры св. Юстиниана. Она исчезла с таврических бронз только при Ираклии I. Одновременно прекратилась и чеканка бронз, что, как нам кажется, убедительно свидетельствует о ликвидации дуката Херсон.

Надеемся, что предложенное нами истолкование композиции «трехфигурных» монет, равно как и объяснение появления легенды «*Χερσῶνιος*» более логично и, к слову, плодотворно, чем допущения о возможности анонимной эмиссии ряда разновидностей разновременных «трехфигурных» бронз с четко неатрибутируемыми изображениями правителей. Надеемся, что наша гипотеза будет благосклонно воспринята научным сообществом.

Выявленный нами фактор позволяет установить период обращения «трехфигурных» монет. Они ходили и в первые годы правления Ираклия I. Ведь только при нем их стали изымать из обращения и перечеканивать. Это, безусловно, стоит увязывать с очередной модификацией легенды аверса – на ней вместо «*Χερσῶνιος*» вновь появился текст с именами и титулами императоров.

Считаем своим долгом заметить, что ранее мы поддерживали точку зрения В.А. Сидоренко, полагающего, что переделка «трехфигурных» монет наблюдалась при Константе II [23, с. 376]. Однако вновь выявленные обстоятельства заставили нас от нее отказаться. Рассмотрим две, как нам кажется, крайне интересные монеты⁵, изображения которых при-

¹ Как уже было сказано выше, византийская монета в то время не являлась основным платежным средством. Денежное обращение региона было насыщено позднейшими боспорскими статерами, которых оценивали в пять нуммов [38, с. 144–145]. Поздняя медь Боспора ходила в Таврике еще во второй трети VII в. [34, с. 126, прим. 14].

² Сама их эмиссия, как нам кажется, убедительно свидетельствует об активизации сепаратистских настроений на полуострове в тот период.

³ Однако В.А. Сидоренко, судя по последней публикации [24, с. 30], и сейчас склонен датировать эмиссию монет этой группы правлением Ираклия I. Причем в данном случае ученый основывается не на результатах иконографического анализа изображений императорской четы, чего, как нам кажется, следовало бы ожидать, а на статистике находок бронз этих разновидностей и на трактовке надчеканок, встречающихся на этих бронзах. В свою очередь заметим, что сам факт обнаружения подобных монет в погребениях Суук-Су, датированных первой половиной VII в., отнюдь не свидетельствует о выпуске при Ираклии I. Ведь, как уже было установлено, сами «трехфигурные» монеты и подражания им обращались на протяжении всего VII в. К сожалению, ученого не смутило ни то обстоятельство, что уже в первые годы правления Ираклия I в Таврике были выпущены именные фоллисы, оформленные в новом ключе, ни сам факт наличия на большей части подтипов этой группы надчеканок этого императора, что, с нашей точки зрения, говорит только о том, что эти монеты ходили до проведения очередной денежной реформы времен его правления.

⁴ Считаем своим долгом заметить, что выявленное обстоятельство как нельзя лучше обосновывает нашу гипотезу о возможности отнести эмиссию анонимных боспорских монет этого вида к смутным временам правления Фоки.

⁵ Их изображения находятся на сайте «BYZANTION.RU» [52].

ведены на рис. 4. Хорошо видно, что они перечеканены. Причем если первая из них была выбита при Маврикии Тиверии поверх ординарного фоллиса столичного производства¹ (рис. 4,1,2), то вторая была перечеканена в первые годы правления Ираклия I в Никомедии из анонимного херсонского «трехфигурника» высшего номинала Тиверия Константина² (рис. 1,9; 4,3,4). И это, безусловно, требует объяснения.

Полагаем, что первая перечеканка могла проводиться с целью пополнения регионального обращения местными же платежными средствами. Похоже, что привозные монеты в тот период на полуострове не обращались. Этот факт свидетельствует о кардинальности изменений, произошедших в сфере денежного обращения Тавриды в период обращения «трехфигурников». Полагаем, что они стали основным и, можно сказать, единственным платежным средством на полуострове. Причем ранее выпущенные ординарные византийские медные монеты стали сырьем для их чеканки.

Перейдем теперь к контрамаркированной монете Ираклия I (рис. 4,3,4). Сам факт ее перечекана в Никомедии говорит не только об ограниченности ареала обращения «трехфигурников». Похоже, что за пределами Таврики они не являлись законным платежным средством. Причем сам факт перечеканки в «трехфигурник» и обратно преследовал финансовые цели. Очевидно, что с ее помощью власти византийских провинций ограничивали приток привозной монеты в свои регионы.

Но мы находим для этого и идеологические причины. Дело в том, что у Ираклия I были веские основания прекратить выпуск и перечеканить региональные таврические монеты с изображением св. Юстиниана на реверсе. Одной из них и, вернее всего, самой важной, было развитие культа самого императора, не нуждавшегося более в легитимации своего режима с помощью пропаганды авторитета одного из своих предшественников. Пусть даже и императора-основателя еще недавно правившей династии. Полагаем, что именно это обстоятельство могло подвигнуть Ираклия I прекратить эмиссию «трехфигурных» фоллисов.

Также возможно, что вытеснение из обращения «трехфигурных» таврических выпусков следует увязывать и с прослеженной нами заменой «Χερσῶνος» на ординарную для ранней Византии легенду с именами и титулами императоров. Причиной тому могла быть реорганизация административной системы. Полагаем, что Ираклий I, не опасавшийся вторжения тюрок, ликвидировал дукат Херсон.

Причем, что интересно, он решился на этот шаг уже в первые годы правления. Ведь только этим можно объяснить прекращение выпуска бронз с легендой «Χερσῶνος» на аверсе и поступление в обращение фоллисов с именами и титулами императоров на лицевой стороне.

Однако, если крупнейшие номиналы таврических бронз со св. Юстинианом на реверсе при Ираклии I и Константе II выпали из обращения, то однотипные им гемифоллисы конца VI – начала VII вв. не только остались в ходу, но и послужили образцами для многочисленных серий таврических литых подражаний, эмиссия которых проходила еще при Вардане Филиппике³ (711–713) [34, с. 120; 40, с. 165; 41, с. 254, рис. 1,2]. И это, оче-

¹ Что, как мы уже понимаем, не удивительно – в дукате Херсон использовалась региональная разменная монета.

² Подобные монеты выпускались в первые три года его правления [44, р. 315–317].

³ Речь идет о литых «трехфигурных» гемифоллисах с «В» на аверсе. Мы искренне рады тому, что наша атрибуция удостоилась научного признания [31, с. 189, рис. 2]. Однако сравнительно недавно В.А. Сидоренко в своем докладе «Литые херсоно-византийские монеты IX–XII вв.», сделанном им на «IV Международном Византийском семинаре ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис», высказал соображение, что при Вардане Филиппике (711–713) в Херсоне лили бронзы с «В» на аверсе и с восьмиконечным крестом на реверсе [25, с. 40, рис. 1,37,38]. Мы же в свою очередь заметим, что эти монеты, являвшиеся, к слову, фоллисами, обоснованно принято относить к ранним эмиссиям Василия I Македонянина (867–886). Полагаем, что смелое предположение уважаемого крымского нумизмата было выдвинуто после выхода в свет нашей статьи о Чамну-Бурунском кладе [35, с. 157–172], в которой мы аргументировано опровергли его атрибуцию подобных монет. Дело в том, что первоначально В.А. Сидоренко видел в них гипотетические «дионуммусы» Льва III (717–741) [5, с. 132]. Он основывался на видении обозначения номинала в монограмме «В» на аверсе и на весьма неординарной дешифровке легенды реверса. По мнению исследователя, ее следовало читать как «[ΛΕ]ΟΝΚΑ[Ι]ΚΟ[Ν]ΣΤΑΝ[ΤΙΝΟΣ]» ([Λέ]ον κα[ι] Κο[ν]στα[ν]τῖνος) – «Леон и Константин». Заметим, что союз «ка» в легендах византийских монет не известен. После того, как нам удалось подправить его прочте-

видно, требует объяснений. К счастью, они напрашиваются сами собой. Дело в том, что Ираклиды не выпускали в Таврике монет столь мелкого номинала¹. Сам факт прекращения чеканки «трехфигурных» фоллисов прежних типов подтверждает наше предположение об отказе от устаревшей идеологии легитимации власти – Ираклиды создавали собственный культ².

Подведем предварительные итоги. У нас есть все основания считать, что «трехфигурные» монеты с изображением св. Юстиниана на реверсе выпускались, по крайней мере, в двух эмиссионных центрах Таврики: в Херсоне, где действовал стационарный монетный двор, и в восточной части полуострова в мобильный мастерской. Херсонские разновидности «трехфигурных» бронз (рис. 1,2,3) появились в обращении при Юстине II Младшем. Их эмиссия продолжалась и при Тиверии II Константине. При Маврикии Тиверии в Херсоне приступили к выпуску именных монет (рис. 1,4,5). Отличительным признаком этих бронз является наличие посоха с крестом в руках св. Юстиниана. Одновременно заработал мобильный монетный двор, обслуживающий нужды армии, размещенной в Восточной Таврике. Фоллисы и гемифоллисы его эмиссии приведены на рис. 1,6–8. Они выделяются из общей массы «трехфигурных» монет небрежностью чекана и значительным упрощенным изображением. Примечательно и то, что на реверсе этих бронз оттискивали изображение св. Юстиниана с посохом, увенчанным хризмой в правой руке.

У нас есть все основания полагать, что эти бронзы в Юго-Западный Крым не поступали. При Фоке эмиссия именных «трехфигурных» монет со св. Юстинианом в Херсоне прекратилась. Однако в Восточной Таврике в начале VII в. продолжали выпускать деградированные таврические фоллисы и гемифоллисы с обозначениями места эмиссии «Χερσῶνος» в разных начертаниях. Эти монеты выпускали по несвойственной Византии технологии. Складывается впечатление, что заготовки для них, в лучшем случае, вырезали из листа, или, что наблюдается чаще, попросту выламывали или вырубали уже готовые монеты из покрытой оттисками полосы металла (рис. 1,10–13). Эмиссия «трехфигурных» бронз со св. Юстинианом на реверсе закончилась при Ираклии I. Полагаем, что этот факт стоит увязывать с ликвидацией дуката.

Но вернемся теперь к предмету нашего исследования. Как видим, в нижних слоях базилик Херсона и в засыпанных при их строительстве цистернах встречаются ранние, т.е. выпущенные при наследниках Юстиниана I Великого, «трехфигурные» монеты таврического чекана с изображением святого покровителя этой династии на реверсе. Они могли ходить еще при Ираклии I. Следовательно, у нас есть право датировать возведение этих культовых комплексов правлением этого василевса. Во всяком случае, при Константе II фоллисы с обозначением номинала «Н» выпали из обращения. Таким образом, у нас есть основания полагать, что Уваровская базилика была возведена в первой половине VII в. Заметим, что наши выводы не противоречат утверждению А.И. Романчук [17, с. 449]. Считаем, что монеты с изображениями св. Юстиниана целесообразно учитывать при датировании культовых сооружений.

Итак, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы не только атрибутировали мужскую фигуру, размещенную на реверсе «трехфигурных монет», вынесли на научное обсуждение нашу гипотезу о периоде и обстоятельстве их поступления в обращение, но и попытались объяснить замену стандартной легенды, содержащей имена и титулы императоров на неординарную «Χερσῶνος». Считаем, что изученные нами таврические бронзы представляли собой не просто одну из многих эмиссий денег чрезвычайных обстоятельств, выпускавшихся во второй половине VI – начале VII вв. во многих провинци-

ние, разобрав куда более логичное и уместное «ΒΑΣΙΛΕΙΟΥΣΤΑΝΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΣ» («Βασ[ι]λει[ο]ς [Λέ]ων Κοσταν[τίνος]») – «Василий Лев Константин», В.А. Сидоренко решил вовсе проигнорировать этот спорный текст и вынести на научное обсуждение свое новое видение на атрибуцию этой монеты.

¹ Как помним, при Ираклии I прошла масштабная деноминация. Были переоценены все обращавшиеся на полуострове монеты номиналом до гемифоллиса включительно. Путем надчеканивания их стоимость была поднята до двадцати нуммов [34, с. 118–119]. При Константе II в Таврике выпускали только фоллисы [37, с. 48–50].

² Полагаем, что Ираклиды не случайно они приняли титул «βασιλεύς».

ях империи, а легальный выпуск денег для дуката Херсон. Их с полным основанием можно считать византийской монетой регионального таврического образца.

Источники и литература.

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). Киев, 1977. 176 с. + 32 табл.
2. Белова Л.Н. Монеты из раскопок квартала XV–XVIII // МИА. 1953. № 34. С. 255–278.
3. Белова Л.Н., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940) // МИА. 1953. № 34. С. 109–159.
4. Белова-Кудь Л.Н. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908–12 гг. // ХСб. Севастополь, 1930. Вып. III. С. 142–215.
5. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ: Вопросы социального и политического развития. 1988. Вып. 24. С. 120–135.
6. Гилевич А.М. Монеты из раскопок Портового квартала Херсонеса в 1965–1966 гг. // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 28–38.
7. Гилевич А.М. Монеты из раскопок Портового района Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. СС. 62–80.
8. Гилевич А.М. Нумизматическое собрание музея // СХм. Симферополь, 1960. Вып. I. С. 57–62.
9. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. СПб., 1848. 283 с.
10. Косцюшко-Валожинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК, 1902. Вып. 4. С. 51–119.
11. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. М., 1962. Вып. Е4-4. 59 с + 13 карт + 21 рис.
12. Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. Т. XXVI. 1965. С. 166–189.
13. Латышев В.В. Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 56–59.
14. Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. 66 с.
15. Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. 2-е изд. М., 2012. 672 с.
16. Романчук А.И., Белова Л.Н. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. 1987. Вып. 23. С. 52–68.
17. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Истории. Проблемы. В 2 ч. Ч. 2. Византийский период. Екатеринбург, 2007. 664 с.
18. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Монография: В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008. 545 с.
19. Романчук А.И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 42–55.
20. Романчук А.И. Некоторые итоги работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и реалии. 1980. Вып. 17. С. 71–85.
21. Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 9. С. 45–56.
22. Сергей, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. II. – Святой Восток. 1057 с.
23. Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 355–392.
24. Сидоренко В.А. Монетное дело средневекового Херсона V–VII вв. н.э. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений III Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05 – 05.06.2011). Севастополь, 2011. С. 25–30.
25. Сидоренко В.А. Литые херсоно-византийские монеты IX–XII вв. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений IV Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05 – 05.06.2012). Севастополь, 2012. С. 37–43.
26. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. 176 с. + 11 сх. + 20 табл.
27. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1. 677 с.
28. Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. 2004. Вып. 5. С. 320–361.
29. Степанова Е.В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистики и нумизматических памятников // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 76–84.
30. Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеантичное и византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992. 128 с.
31. Ступко М.В., Туровский Е.Я. Литые монеты средневекового Херсона // STRATUM Plus. 2010. № 6. С. 187–200.
32. Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона (конец IV–XI вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Всемирная история. Институт востоковедения имени А.Крымского Национальной академии наук Украины. Киев, 2009. 224 с.
33. Чореф М.М. К вопросу о возможности эмиссии золота в византийском Херсоне // МАИАСК. Севастополь-Тюмень. Вып. III. С. 327–358. [Электронный ресурс] // Сайт «Филиал МГУ в г. Севастополе». Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&public=maiask11&sub=public>
34. Чореф М.М. К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I. С. 117–130. [Электронный ресурс] // Сайт «Филиал МГУ в г. Севастополе». Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf>

35. Чореф М.М. К атрибуции Чамну-Бурунского клада // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7–8 февраля 2012 года). Часть I. История идей и история общества. Отечественная история / Отв. ред. А.В. Коричко, В.Н. Ерохин, Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2012. С. 157–172.
36. Чореф М.М. К истории монетного дела византийской Таврики в конце VI – в начале VII вв. Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузицина, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева. Севастополь, 2010. С. 139–143.
37. Чореф М.М. «Exegi monumentum», или следы культуры Ираклидов из Северного Причерноморья // VI Международная конференция по Церковной археологии «Херсонес – город святого Климента». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2011. С. 48–50.
38. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в V в. // 10 лет после миллениума. Новое в гуманитарном знании (история, политика, когнитивные практики). К 65-летию Института истории и политических наук ТюмГУ: Сборник материалов конференции. Тюмень, 2010. Ч. I. 140–148.
39. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 332–339.
40. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византистов. М., 2008. С. 161–165.
41. Чореф М.М. Монетное дело Херсона первой половины VIII в. // ВВ. 2010. Т. 69 (95). С. 248–255.
42. Du Fresne du Cange C. Hystoria Bizantina duplici commentario illustrata prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum Nomismatibus, & aliquot Iconibus; Præterea Familias Dalmaticas & Turcicas complectitur: Alter descriptionem urbus Constantinopolitanae, qualis extitit sub Imperatoribus Christianis. Paris, 1680. 372 p.
43. Grierson P. Byzantine Coins. London, 1982. 411 p. + 95 pl.
44. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1968. Vol. II. P. I.– Phocas and Heraclius, 602–641. 383 p. + 32 pl.
45. Hahn W. MIB. Von Justinus II. bis Phocas (565–610). Wien, 1975. Band. II. 146 S. + 40 Taf. + 22 Tab.
46. Köhler H.K.E. Description des médailles de Chersonesus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. Theil II. Band II. S. 86–114.
47. Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. St. Petersburg, 1848. 255 s.
48. Lampinen P. Moneta Militaris Imitativa and Byzantine Military Operations in the West // BSC. 1991. [Электронный ресурс] // Сайт «Byzantine Studies Association of North America». Режим доступа: http://www.bsana.net/conference/archives/1991/abstracts_1991.html
49. Mirnik I. Skupni nalaz bizantskog brončanog novca 6. stoljeća iz Kaštel Starog // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. IX (1975). P. 161–166 + Tab. 1
50. Mirnik I., Šemrov A. Byzantine coins in the Zagreb Archaeological Museum Numismatic Collection. Anastasius I. (A. D. 497–518) – Anastasius II (A. D. 713–715) // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, 1998. Vol. 30–31. No.1. Srpanj. P. 129–258.
51. Electronic Auction 279. Classical Numismatic Group [Электронный ресурс] // Сайт «COINARCHIVES.COM». Режим доступа: <http://www.coinarchives.com/a/lotviewer.php?LotID=508262&AucID=910&Lot=666&Val=a984c1103e014fe54b9523fa76b3db67>
52. Overstruck, или перчеканка монет в Византии VI–XI веков [Электронный ресурс] // Сайт «BYZANTION.RU». Режим доступа: <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=14&topic=23&start=2>
53. Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Byzantine coins and their values. London, 1987. p. 526.
54. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan. Oxford, 1991. p. 2232.

Сокращения.

АДСВ -	Античная древность и средние века, Свердловск; Екатеринбург
БИ -	Боспорские исследования, Керчь
ВВ -	Византийский временник
ИАК -	Известия Императорской Археологической комиссии
МАИАСК -	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма, Севастополь; Тюмень
МАИЭТ -	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь
МИА -	Материалы по истории и археологии СССР, М.; Л
САИ -	Свод археологических источников, М.
СХм. -	Сообщения Херсонесского музея, Симферополь
ХСб. -	Херсонесский сборник, Севастополь
BSC -	Byzantine Studies Conference, Brookline (Massachusetts)

Рис. 1. Таврические бронзы VI–VII вв. и их возможные прототипы

2,3 – херсонские бронзы первой эмиссии; 1,4–8 – именные бронзы Маврикия Тиверия (вторая эмиссия); 9–13 – анонимные фоллисы и гемифоллисы таврического чекана времен Фоки (третья эмиссия); 14–16 – фоллисы Ираклия и Ираклия Константина (четвертая эмиссия); 17–19 – гемифоллисы и фоллис Тиверия II Константина, Маврикия Тиверия и Фоки.

Рис. 2. К вопросу об анонимности «трехфигурных» монет

1 – коробочка для печати с изображением Тита Флавия Веспасиана (Тита); печать с портретом Фаустины Младшей; 3 – глиняная печать частного лица, I–II вв. н.э.; 4 – императорская печать времен первой тетрархии; 5, 6 – императорские печати конца IV–V вв.; 7 – печать г. Рима, I–II вв. н.э.; 8 – печать кандидата Prass(?)’а, IV–V вв.; 9, 10 – «анонимные» печать (9) и солид (10) Ираклия I и его соправителей.

Рис. 3. Монеты с эмиссионными метками византийских провинций

1 – фоллис чекана Кипра времен восстания против Фоки; 2 – надчеканка «SCL» на фоллисе Юстиниана I Великого; 3 – сицилийский фоллис Константа II с эмиссионным символом «SCL» на реверсе; 4 – гемифоллис времен второго правления Юстиниана II сицилийского чекана; 5,6 – медные монеты Константина V (741–775) (5) и Льва IV Хазара (775–780) (6) с меткой «SICL» на реверсе.

Рис. 4. Таврические монеты со следами перечеканок

1,2 – «трехфигурник» третьей серии, выбитый на константинопольском фоллисе VI – начала VII в.: натуральная величина (*1*) и увеличенное изображение (*2*); *3,4* – никомедийский фоллис Ираклия I, перечеканенный из таврического «трехфигурного» фоллиса третьей эмиссии: натуральная величина (*3*) и увеличенное изображение (*4*).

СВЕДЕНИЯ О ДЕНЕЖНОМ ДЕЛЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В РАБОТЕ Н.Э. КЛЕЕМАНА

ЯКУШЕЧКИН А.В.

Исследователь

Уже не первое столетие изучается денежное дело государств средневекового Крыма. Однако до сих пор исследователи обращали внимание разве что на вопросы датирования находимых монет. Насколько нам известно, еще ни разу ученые не акцентировали внимание на сопоставлении данных письменных источников с реальным нумизматическим материалом. С целью исправить это упущение, мы считаем необходимым начать изучение монетного дела Крымского ханства *ab aeterno*, а для этого обратимся к работам ученых путешественников, посетивших Крымское ханство. В этой статье мы попытаемся проанализировать сведения, содержащиеся в труде Н.Э. Клеемана.

Мы собираемся анализировать очень важный источник по истории монетного дела Крымского ханства – «Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию також в земли буджатских и нагайских татар». В связи с неточностями, обнаруженными мною в русскоязычном издании [1, с. 247-250], привожу исследуемые фрагменты в собственном переводе с французского [2, р. 243-246]. При переводе сверялся с немецким изданием [3, s. 273-275]. Далее, в скобках (или в сносках) даю текст французского издания.

«Виды монет, чеканенные в Турции, следующие».¹

1	Куруши + Пары		Пары	Акче	Рублей ²	Копеек
	2	3	4	5	6	7
Дукат турецкий ³ , секин, алтун, сермакуб, стоит в турецких деньгах. (« <i>Le ducat Turc, le sequin, l'altun ainsi que le sermakub⁴, vaut arg. de Turquie</i> »)	2	30	110	330	1	65
Такие же, двойные. (« <i>Les mêmes doubles</i> »)	5	20	220	660	3	30
½ Алтуна, или ½ сермакуба. (« <i>½ altun ou ½ sermakub</i> »)	1	15	55	165	0	82
1 Фантук. (<i>1 fantuck⁵</i>)	3	35	155	465	2	32½
В настоящее время все золотое монеты Турции и иностранные дукаты подорожали на 10 пар. (« <i>Actuellement toutes les monnoies Turques d'or, & les ducats étrangers ont augmenté de 10 paras</i> »)						

¹ «*Toutes les especes de monnoies qui ont cours en Turquie font les suivantes*».

² Перевод номиналов в таблицах и далее в скобках в рубли и копейки дан по русскому изданию [1, с. 247–250].

³ Другое название этой монеты – султани.

⁴ Очевидно, что под термином «*sermakub*» надо понимать номинал зер-и махбуб (*Zeri mahbub, Zer-i mahbub*).

⁵ Правильное название номинала – финдик (*findik*).

1	2	3	4	5	6	7
Пиастр, или талер со львом ¹ , который обыкновенно называют Груш, стоящий 1 флорин и 7½ крейцера венских (составляет турецких денег) (« <i>Piastre ou écu au lion que l'on nomme communément grusch valant fl i 7½ cr. argent courant de Vienne, vaut argent de Turquie</i> »)	0	0	40	120	0	60
½пиастра, тарим груш ² . (« <i>½ piastre, tarim grusch</i> »)	0	0	20	60	0	30
¼ Пиастра, онлык. (« <i>¼ piastre, onluk</i> »)	0	0	10	30	0	15
1 Альтмышлык, состоящий из 60 пара. (« <i>1 altmisch ou une pièce de 60 paras</i> »)	1	20	60	180	0	90
½ Альтмышлыка, называемого Золота старая. (½ altmisch dite solota vieille.)	0	0	30	90	0	45
1 Золота новая. (1 solota neuve.)	0	0	26 ⅔	80	--- ³	---
¼ Альтмышлык, называемый онбешлык. (¼ Altmisch, nommée onbaschlık.)	0	0	15	45	0	22 ½

Иностранные деньги, и их курсы в Турции.

(«*Especies étrangères, & leur valeur en argent de Turquie*»)

	Куруши + Пары		Пары	Акче	Рублей	Копеек
Дукат Венеции, Голландии и Германии. (« <i>Le ducat de Venise, d'Hollande & d'Allemagne</i> »)	3	28	148	444	2	22
Талер ⁴ , чеканенный обыкновенно в Империи или в Саксонии. (« <i>L'écu frappé ordinairement au coin d'Empire ou de Saxe</i> »)	2	0	80	240	1	20
Талер Рагузы ⁵ , по стоимости равный Альтмышлыку. (« <i>L'écu de Raguse est de la même valeur que l'altmisch Turquie</i> »)	1	20	60	180	0	90
Гульден ⁶ Вены или Саксонии. (« <i>Le florin de Vienne ou de Saxe</i> »)	1	0	40	120	0	90 ⁷
Венский полугульден. (« <i>Le demi florin même monnaie</i> »)	0	0	20	60	–	–

¹ В русском издании [1] данный номинал «талер со львом» назван «ефимок со львом»

² В русском издании [1] – «Ярымь грушь»

³ Этот номинал в русском переводе упущен.

⁴ В немецком издании эта монета так и называется «Thaler». Далее будет показано, что речь идет о так называемом конвенционном талере.

⁵ В русском издании – «ефимок рагузский»

⁶ Заменял «флорин» на более употребительное в русском языке «гульден». так, кстати, и в немецком издании. Далее будет показано, что речь идет о половине конвенционного талера.

⁷ Очевидно, что в этом месте в русском издании опечатка. Должно быть шестьдесят копеек.

Малые монеты Турции¹.

Монета в пять пара ² (бешлык) ³	–	7½ копейки,
Пара, состоящая из трех акче ⁴	–	1½ копейки,
Акче, состоящее из 4 мангыров ⁵	–	½ копейки.

Монеты, которые обращаются в Татарии, следующие:⁶

Беяз бешлык, белый пятак ⁷	–	6¼ копейки ⁸ ,
Кара бешлык, черный пятак ⁹	–	1¼ копейки.

Беяз бешлык состоит из серебра и равняется пяти кара бешлыкам или двадцати татарским акче¹⁰.

Кара бешлык состоит из меди с малым количеством серебра и равняется 5 акче¹¹.

Татарский пиастр – это фиктивная монета, которая также называется груш, или чуриг, и равняется 20 кара бешлыкам, или 100 акче¹² (25 копеек).

Татарское акче также является фиктивной монетой, которая служит только для расчетов¹³.

Турецкий пиастр стоил, когда я был в Татарии, 7½ грушей или чуригов, или 30 rups, или 150 бешлыков, или 750 акче¹⁴ (60 копеек).

Татарский алтун равер 22½ груша, или 450 бешлыков, или 2250 акче¹⁵ (1 рубль 65 коп.). Эта золотая монета редка, и чеканилась при немногих ханах¹⁶. Алтун, или сермакуб¹⁷ турецкий имеет (в Крыму – А.Я.) ту же цену¹⁸.

¹ «Petite monnaie Turque».

² В русском издании очевидная неточность – «осьмая доля пяти парь».

³ «Pièces de 5 paras (baschlick)».

⁴ «Le para a trois aspres».

⁵ «L'aspre achtse a 4 mankers». В этом месте я заменил слово «mankers» на мангыр – медную османскую монету. В русском издании Клеемана это вообще упущено, написано просто – «акче». Что же касается французского издания, то, как мне кажется, переводчик просто перенес этот термин из немецкого оригинала – «asper, (achse) hat 4. Manker» [3, S. 274]. Курс мангыра постоянно изменялся по отношению к серебряным монетам.

⁶ «Les monnaies de Tartarie font les suivantes».

⁷ «Beas baschlick, cinq blancs».

⁸ В русском издании стоимость бияз бешлыка в копейках дана с опечаткой. К сожалению, в доступном мне издании, это место смазано. Видно только, что стоит одна дробь, причем без целой части. Если учесть, что беяз бешлык равен пяти кара бешлыкам, должно быть $1\frac{1}{4} * 5 = 6\frac{1}{4}$ копейки.

⁹ «Kara baschlick, cinq noirs».

¹⁰ «Le beas baschlick qui est d'argent, est de cinq kara baschlick ou de 20 achtzes Tartares». В этом месте – явная ошибка. Если исходить из того, что бияз бешлык равен пяти кара бешлыкам (хотя это неправильно – на самом деле новый бешлык равнялся 6 старым, дореформенным), то в одном бияз бешлыке было $5 * 5 = 25$ акче.

¹¹ «Le kara baschlick qui est de cuivre mêlé d'une petite partie d'argent a 5 achtzes, ou huitiemes» Не совсем понятно во французском издании, что такое «ou huitiemes» (буквальный перевод «или восьми»). В немецком издании этого нет.

¹² «La piastre Tartare est une monnaie fictive, on la nomme grufch ou tfchurig & est toujours de 20 kara balchlicks ou 100 achtzes».

¹³ «L'achtze Tartare est aussi une monnaie fictive & qui n'existe que dans les comptes».

¹⁴ «La piastre Turque valoit pendant que j'étois en Tartarie 7½ gruschs ou tschurigs, ou 30 rups ou 150 baschlicks ou 750 achtzes». Неясно, что подразумевается под «rups». В немецком издании это место выглядит так: «...oder 30. Rup, (Würfe)...». В русском издании: «...или 30 руб.». Но легко доказать, что 30 российских рублей не могли равняться турецкому пиастру. Да и сами авторы русского перевода далее, пишут, что турецкий пиастр равняется 60 российским копейкам.

¹⁵ «L'althumb Tartare a 22½ gruschs, ou 450 baschlicks ou 2250 achtzes». Еще одна ошибка автора. Такой монеты, как алтун, в Крымском ханстве не было. Это «калька» с монетной системы османов.

¹⁶ «Cette monnaie d'or est rare, n'ayant été frappée que sous un petit nombre de chans».

¹⁷ См. прим. 6.

¹⁸ «L'althumb ou sermakub Turc est de la même valeur».

Во время моего пребывания турецкие номиналы имели ту же ценность, что и аналогичные татарские¹. Эта ценность не является постоянной; иногда хан ее внезапно повышает, в другой раз он ее снижает, согласно тому, насколько выгодно это ему, не заботясь о том, выгодно ли это, или нет, для торговли и коммерции².

Когда возникает необходимость в исчислении крупных сумм, то в Турции и Татарии применяют слово «кессе» (мешок)³. Один «мешок» в Турции равен 500 пиастрам, или 562 флорина 30 крейцеров венских⁴ (российских – 300 рублей).

Один кошелек в Татарии равен 500 чюрюгам (грушам), или 66 пиастров 13¼ турецких пара, 74 флорина, 27½ крейцеров⁵ (российских – 39 рублей 60 копеек).

К сожалению, в рамках этой работы, я не могу дать развернутый анализ сведений Н.Э. Клеемана о монетном деле Крымского ханства и Османской империи. Оставляю это для будущего. Пока лишь хочу отметить, что работа Н.Э. Клеемана страдает явными анахронизмами и неточностями.

Так, например, среди монет Крыма называется несуществующая золотая монета, ошибка в пересчете количества акче в кара бешлык⁶.

Еще одна некорректность в тексте – упоминание двух номиналов Крымского ханства: кара- и безз бешлыков. На мой взгляд, Н.Э. Клееман не разобрался в сути происходящего в монетном деле Крымского ханства того времени. Ведь Крым Гирай произвел монетную реформу, введя в обращение новые монеты, которые, по своему курсу были дороже более ранних в 6 раз. Кроме того, народ назвал дореформенные монеты «кара», черные, подчеркивая малое содержание серебра в них. Но при этом это название «кара», на мой взгляд, не противопоставлялось новым, «беззам», а было введено как противоположность более качественным бешлыкам предыдущих ханов. Более того, мы имеем отличное свидетельство того, что в Крымском ханстве для новой монеты применялся термин «новый ханский сим» [4, с. 43]. По аналогии можно предположить, что и монеты, выпущенные после реформы Крым Гирия также называли «новые», а не «безз».

Н.Э. Клееман пишет в своей работе: «*Турецкий пиастр стоил, когда я был в Татарии, 7½ грушей или чуригов*», но, как мы знаем из работы Ш.-К. де Пейссонеля, такое соотношение номиналов было лишь при Арслане Гирее, и уже при Крым Гирее курс крымского, дореформенного куруша по отношению к османскому подрос до 6 к 1. Далее произошла реформа Крым Гирия, в результате которой новый крымский куруш стал равен османскому. И самое интересное, что об этом тоже есть упоминание у Клеемана: «Во время моего пребывания турецкие номиналы имели ту же ценность, что и аналогичные татарские».

Есть еще ряд анахронизмов и в описании системы османских номиналов. Так, перечисляя стоимость и соотношения золотых монет, автор далее пишет, о том, что «*В настоящее время все золотые монеты Турции и иностранные дукаты подорожали...*».

В качестве предварительного анализа текста Клеемана можно сделать некоторые вычисления, которые могут приблизительно оценить хронологию. Обратим для этого внимание на стоимость дукатов Венеции, приводимую Н.Э. Клееманом: 2 куруша 30 пара. Сравнивая с данными о стоимости дуката в Османской империи из [5, табл. 10.1], мы ви-

¹ «Pendant mon séjour, les especes Turques avoient la même valeur que les especes Tartares de semblable dénomination».

² «Cette valeur n'est pas toujours la même ; quelquefois le chan la fait hausser tout d'un coup, d'autres fois il la baisse selon que cela convient à ses intérêts, sans s'embarrasser si cela est nuisible ou profitable au commerce & aux assaires».

³ «Lorsqu'il est question en Turquie & en Tartarie, de sommes considérables, on parle de kesers (bourses)».

⁴ «Une bourse Turque vaut 500 piastres ou 562 fl. 30 cr. argent courant de Vienne».

⁵ «Une bourse Tartare vaut 500 tschurigs, gruschs, ou 66 piastres 13¼ paras Turques, 74 fl. 27½ cr. argent courant de Vienne».

⁶ Она есть во всех изданиях: в немецком, французском и русском.

дим, что эти сведения можно отнести лишь к началу 40 годов XVIII века, что приблизительно на 25 лет раньше времени путешествия Н.Э. Клеемана.

С другой стороны, из данных Н.Э. Клеемана, а точнее, из указанных им стоимостей для талера (240 османских акче) и гульдена (240 османских акче) видно, что талер = 2 гульденам. Т.е. речь идет так называемых конвекционных талерах¹. Они были введены в сентябре 1753 г. в результате заключения конвенции между Австрией и Баварией. При этом было утверждено, что один конвекционный талер = 2 гульденам [6, с. 139].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Н.Э. Клееман, приводя данные о монетных системах Османской империи и Крымского ханства, пользовался не собственными заметками и данными, собранными им за время своего путешествия, а черпал сведения из различных источников, не всегда критически к ним относясь².

Таким образом, работа Клеемана в этой части требует еще тщательного анализа и проверки. И для такой работы есть все предпосылки. Надо рассчитать все взаимоотношения османских и иностранных валют, которые приводит Клееман с точки зрения содержания в них благородного металла, а также сравнения с курсами валют, взятыми из других источников. Возможно, тогда удастся выяснить, источниками какого периода пользовался Н.Э. Клееман. И, в зависимости от результата подобного анализа текста, мы, возможно, сможем корректно применять и то множество данных, которые приведены в этой замечательной и интересной работе.

Источники и литература.

1. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию також в земли буджатских и нагайских татар. СПб, 1783.
2. Kleeman N.E. Voyage de Vienne à Belgrade et à Kilianova, dans des Tartares Budziacs et Nogais dans la Crimée, et de Kaffa à Constantinople, an travers de la mer Noire; avec le retour à Vienne, par Trieste. Fait dans les années 1768, 1769 et 1770: Trad. de l'all. Neuchatel, 1780.
3. Kleeman N.E. Reisen von Vien über Belgrade bis Kilia nova, durch die Batchiack-Tartarey über Cavschan, Bender, durch die Nogeu-Tartarey in die Crim. Nebat einem Anharge von den besondern Merkwürdigkeiten der crimmiesheu Tartarey. Auf. 1., 2. Leipzig, 1773.
4. Биарсланов, М.-Б. Выписи из Кадыаскерского сакка (книги) 1017-1022 г. Хиджры (1608/9-1613 г.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления // ИТУАК. 1889. Вып. 8.
5. Pamuk Ş. A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambdridge, 2000.
6. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата: Пер. с нем. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1993.

Сокращения.

ИТУАК - Известия Таврической ученой архивной комиссии

¹ Нем. Konventionstaler.

² Учитывая косвенные данные, можно предположить, что, возможно, Клееман был знаком с данными Пейссонеля. Но это только мое предположение на основании данных о монетном деле. Для выводов требуется более детальный анализ и сравнение работ обоих авторов.

V

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОИНСКИЕ ТРАКТАТЫ X ВЕКА ОБ ОБОРОНЕ ГОРОДОВ: ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

ХАПАЕВ В.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

X век в военной истории Византии характеризуется как период «военного возрождения» [34, с. 477]. Возрождение Византии как ведущей военной державы христианского мира выразилось не только во впечатляющих победах, одержанных в середине X столетия над арабами, а на рубеже X-XI вв. над болгарами, но и в подлинном расцвете военной науки, ознаменованном в начале столетия созданием «Тактики» Льва VI [32], и продолжавшимся до конца этого века.

После длительного перерыва в развитии военно-теоретической мысли, продлившегося с VII по IX вв., когда воинские трактаты появлялись нечасто, в X веке их было написано не просто множество, но они носили подлинно новаторский характер. И если «Тактика» Льва VI представляет собой по сути переработанный с учетом опыта прошедших трех столетий «Стратегикон» Маврикия [32, с. 22 и сл.], и носит «универсальный» характер, давая наставления практически по всем вопросам военного дела, то написанные в середине – второй половине X в. трактаты, посвященные специальным темам, являются в полном смысле слова авторскими, ибо освещают тактику и стратегию ведения современной на то время войны на конкретных театрах и против конкретного противника. К таким произведениям относятся знаменитые «Praecepta militaria» («Военные предписания») императора Никифора Фоки [36; 34, с. 512-530], «De velitatione bellica» («О боевом сопровождении») [37; 34 с. 479-500], «De Castrametatione» (Об устройстве лагеря) [38; 48; 34 с. 501-511] и «Тактика» Никифора Урана [49; 34, с. 530-544].

Несмотря на то, что большинство этих трактатов (за исключением первого из упомянутых) было создано после смерти Никифора Фоки, специалисты достаточно единодушны в том, что их авторами являются сподвижники и члены близкого круга императоро-полководца [34, с. 477; 13, р. 178; 38, с. 243 и сл.]. Большинство этих трудов посвящены наступательным действиям: на Востоке против мусульман, на Западе против болгар и народов, живущих к северу от них («Военные предписания», «Об устройстве лагеря» и «Тактика»). Даже «оборонительный» по своей концепции трактат «О боевом сопровождении», описывает принципы активной (даже агрессивной) обороны восточной границы от арабских вторжений [34, с. 481 и сл.; 37, с. 109-118].

Во всех вышеперечисленных источниках, в основном, речь идет о полевых сражениях (от мелких стычек до генеральных баталий), значительно меньше уделяется внимания осаде городов, и еще меньше – их обороне. Лев VI посвятил одну небольшую главу своего трактата (XV) и осадным, и оборонительным действиям византийского стратега [32, с. 232-244]. Автор сочинения «О боевом сопровождении» посвятил правилам обороны кастронов главу XXI «Об осаде крепостей» [37, с. 212-216]. Создатель труда «Об устройстве лагеря» уделяет внимание осадным действиям византийской армии: от организации осады до штурма вражеской крепости, и посвящает этому вопросу главы XXI – XXVII [38, с. 370-383].

Тот факт, что в воинских трактатах X в. основное внимание уделяется действиям полевой армии, возможно, объясняется тем, что византийцы во второй половине столетия действительно вели успешные освободительные войны на своих утраченных территориях, и города часто доставались им результатом побед, одержанных в полевом сражении, а не после изнурительной осады [23, с. 208].

Однако нельзя сказать, что в X в. города самих византийцев редко попадали в осаду. Арабы и болгары тоже стремились к активной обороне против усиливающейся империи и предпочитали вести войну на ее территории. Поэтому, города Италии, Македонии, Стримона, Фракии, фем Греции, восточной и южной Анатолии оказывались в осаде регулярно [23, с. 188-205]. Особенно болезненным стал внезапный захват Фессалоники (второго по значению и численности населения ромейского города) в 904 году арабами во главе с ренегатом Львом Триполитанским [21, с. 159-185]. Киевские князья тоже приносили империи неприятные «сюрпризы», атакуя Константинополь с моря в 907 и 941 годах, воюя против империи в союзе с болгарам в 970-971 годах и, наконец, осадив и взяв после долгого противостояния столицу византийского анклава в Таврике город Херсон в 987-988 годах [31, стлб. 29-32; 44-45; 69-72; 109-116].

Поэтому, вполне логично, что в «багаже» воинских наставлений, которыми пользовались византийские стратеги, были не только краткие инструкции по обороне городов, включенные в другие трактаты, но и специальные сочинения на эту тему.

Несмотря на то, что эти источники хорошо известны с XVII в. и неоднократно публиковались на европейских языках, в отечественной историографии они пока не востребованы. По крайней мере, автору настоящей статьи не удалось встретить ни одного упоминания этих сочинений в трудах отечественных историков.

Речь идет о трактате, получившем условное латинское наименование «*De obsidione toleranda*» [54, р. 139] и краткой неозаглавленной инструкции, которой не было присвоено латинское наименование (впервые она опубликована во французском переводе А. Дэнном) [6, р. 124-127], а потому, стала известна под французским «именем» «*Mémoire inédit sur la défense des places*» («Неизданная памятка об обороне городов»). Несмотря на то, что А. Дэн считал оба вышеупомянутых текста «выписками» из одного, более раннего, более полного, но несохранившегося источника, который он условно назвал «*Antipolioreticum*» («Антиполиоркетика») [7, р. 349-350, 366-367], несомненно, что и трактат «Как выдерживать осаду», и «Памятка об обороне городов» в X в. были актуальными воинскими наставлениями, определявшими действия стратегов в условиях осады. Это объясняется тем, что рукописи, в которых обнаружены данные тексты, относятся ко второй половине X – началу XI вв. (подробнее об этом см. ниже во вступительной статье Д. Салливана). Более того, упоминание в обоих источниках новой для X в. военной техники и приспособлений, а в трактате «Как выдерживать осаду» – исторических событий X столетия (в первую очередь, взятия Фессалоники в 904 г.), не оставляет сомнений, что составлены эти наставления были именно в X в., в период «военного возрождения», независимо от того, какая полемологическая традиция была востребована при их написании. Поэтому, они являются несомненным источником по военной истории Византии X в., а учитывая датировку рукописей, в которых они содержатся, в первую очередь – его второй половины. Учитывая, что трактат «Как выдерживать осаду» и «Памятка...» представляют собой не только тесно связанные, но и взаимодополняющие тексты, имеет смысл и публиковать, и изучать их в комплексе, что и было сделано американским исследователем Д. Салливаном при подготовке их новейшей публикации, перевод которой на русский язык впервые предлагается вниманию читателя.

Первое упоминание на русском языке о трактате «Как выдерживать осаду» и «Памятке об обороне городов» содержится в вышедшем в 2010 г. переводе монографии американского исследователя Э. Люттвака [34, с. 447-454]. Отсутствие этих источников в отечественном историографическом поле представляется большим упущением, т.к. во-первых, это обедняет наши знания о столь значительном явлении в мировой военной истории, как «византийское военное возрождение» X века. Во-вторых, «обретение» византийских трактатов X века об обороне городов позволяет получить большой объем новой информации о таком знаковом явлении отечественной истории, как «Корсунский поход» князя Владимира 987-988 годов, ставший отправной точкой Крещения Руси.

Известно, что большинство древнерусских источников, сообщающих об осаде византийского Херсона князем Владимиром, содержат фразу «и борахуса крѣпко изъ гра^д» [31, стлб. 109]. Однако смысловое наполнение этой фразы оставалось неизвестным, т.к. мы не имели в своем распоряжении источника, позволяющего реконструировать стратегию и тактику этой борьбы, а значит, сам ход военного противостояния в период русско-византийской войны 987-988 гг., традиционно именуемой «Корсунским походом».

Введение в научный оборот полных текстов трактата «Как выдерживать осаду» и «Памятки об обороне городов» в русском переводе позволяет открыть научную дискуссию на эту тему, причем, опирающуюся не на домыслы, а на надежные византийские документальные первоисточники, современные изучаемым событиям. Первый такой опыт был предпринят мною в статье «Византийские воинские трактаты X века как источник по истории русско-византийской войны 987-988 годов» [46].

Учитывая, что трактат «Как выдерживать осаду» был написан, видимо, вскоре после захвата Фессалоники в 904 г. (об этом см. ниже в переводе вступительной статьи Д. Салливана), он позволяет также по-новому взглянуть на загадочную фразу «они вышли из земли наподобие червей», содержащуюся в так называемом «Документе Шехтера», повествующем о хазаро-византийской войне 20-40-х гг. X в., более известной как «Поход Песаха», в той его части, где идет речь об осаде Песахом Херсона [42, с. 1548].

Предлагаемый ниже вниманию читателя перевод «Памятки об обороне городов» и трактата «Как выдерживать осаду» выполнен по новейшему их изданию, осуществленному Д. Салливаном в 2003 году [54]. Вступительная статья Д. Салливана к этой публикации также приводится ниже. Она содержит глубокий и всесторонний источниковедческий анализ публикуемых текстов.

Отмечу лишь, что публикатор, на мой взгляд, не уделил во введении должного внимания обширным парафразам античных источников, повествующим о знаменитых осадах, которыми изобилует трактат «Как выдерживать осаду». Полагаю, что Э. Люттвак прав, когда считает их не случайными, бессистемными и бездумными заимствованиями, а хорошо продуманным психологическим ходом, призванным ободрить и успокоить осажденных, в первую очередь – самого стратига, руководящего обороной [34, с. 452].

Внимательное наблюдение за тем, как анонимный автор «Как выдерживать осаду» препарировал и редактировал тексты Полибия, Арриана, Иосифа Флавия и других античных авторов, позволяет предположить, что свой метод цитирования (точнее, пересказа близко к тексту) древних источников он разработал до того, как начал писать трактат. Приведу несколько наблюдений, сделанных мною в ходе работы над переводом.

1. В первой части трактата¹, условно названной мною «Как готовиться к обороне», лишь дважды приведены краткие цитаты из сочинений древних авторов. Указания здесь четкие и конкретные, требующие неукоснительного выполнения и правильной последовательности действий, осуществляемых быстро и с максимальным напряжением сил. Фактически это – воинское наставление в чистом виде, какие существуют и в современных армиях. Особенно четко это проявляется в тесно связанной с трактатом «Об обороне городов» «Памятке...». На этом этапе отвлечение на посторонние темы губительно, а потому, недопустимо.

¹ Д. Салливан условно делит трактат на части несколько иначе, выделяя императивную начальную часть, где содержатся конкретные указания на необходимые действия стратига, и две части, состоящие из обширных цитат источников. Первая из них посвящена описанию методов открытого противостояния осаждающих и осажденных, а другая – тайным операциям (см. раздел «Структура» вводной статьи Д. Салливана). При этом рубрикации текста в соответствии с выделенными им разделами Д. Салливан делать не стал. В предлагаемом мною переводе текст поделен на 5 разделов, которым даны указанные здесь условные наименования.

2. Во второй части, получившей название «Как противодействовать осаждающим» и освещающей методы активной обороны, количество исторических примеров также невелико. Причем, есть как позитивные, так и негативные, приводимые в назидание. Цитаты здесь коротки и явно рассчитаны на то, что «адресат» трактата – стратег осажденного города – знаком с упоминаемыми историческими событиями и персонажами, и в состоянии «с полуслова» понять назидательные послы, которые ему адресованы.

3. Третья часть «Как противостоять штурму», описывающая методы обороны города, плотно окруженного и подвергающегося приступу, впервые включает обширные парафразы, почерпнутые у Иосифа Флавия и Полибия о мужестве воинов, до последнего оборонявших Иотапату в ходе Иудейской войны 66-73 гг. н.э., и о доблести защитников Амбракии, противостоявших римлянам в 189 г. до н.э. Именно в этой части текста четко проявляется авторский замысел: на той стадии осады, когда шансы на спасение минимальны, а арсенал средств противодействия обороняющихся непрерывно уменьшается, пробудить в стратегии то, что невозможно прописать в воинских уставах – нестигаемую доблесть и смекалку.

Александр Македонский на колеснице.
Византийский мраморный барельеф
пер. пол. X в. Стамбул. Археологический музей.
Фото автора

4. Четвертая часть «Как противостоять осадным машинам» посвящена ситуации, кажущейся почти безнадежной – когда противник полностью окружил город, прервал его связь с внешним миром, союзников вне города нет, сил для организации полевого сражения тоже, а неприятелю удалось обрушить оборонительные стены. Автор и здесь призывает не отчаиваться. Однако, поскольку обязательных наставлений в этой ситуации он может дать совсем немного, то переходит к подробному описанию наиболее ожесточенных и кровавых осад: римлянами Амбракии и Сиракуз, Александром Македонским – Тира и Газы и, наконец, Титом Иерусалима. Здесь перед Анонимом встает сложная редакторская задача. Все эти осады, согласно приводимым им источникам, закончились падением городов, уничтожением или порабощением их защитников.

Поэтому, он вынужден оставлять истории каждой из этих осад неоконченными, завершая их стандартным тезисом о том, что даже после падения стен защитники продолжали сражаться.

И, поскольку это выглядит слабым утешением, он, обращаясь к стратегу напрямую (р. 229 публикации Д. Салливана), заявляет, что враги, с которыми приходится сталкиваться нынешним византийским полководцам, гораздо малочисленнее, менее умелы, упорны и изобретательны, чем древние. Поэтому, справиться с ними удастся без труда. Аноним стремится донести до читателя мысль: если обороняющиеся в древних городах не падали духом даже против таких упорных завоевателей, как Тит или Александр, то современному стратегу стыдно смалодушничать против гораздо более слабых, менее упорных и изобретательных врагов.

5. Заключительный раздел трактата «Как противодействовать тайным операциям врага» является предостережением стратегу от самонадеянности на случай, если тому покажется, что он разгадал все замыслы врага, и впадет в беспечность. В качестве «вакцины» от столь опасного самоуспокоения Аноним приводит рассказы о том, как Александр хитростью и упорством взял две совершенно неприступные скалы в Согдиане, когда предводители осажденных проявили высокомерие и беспечность, за что и поплатились.

Особый упор в различных частях трактата Аноним делает на изобретательность. Его любимым героем является Архимед, которого он упоминает в первой, второй и четвертой частях трактата и безмерно восхищается его находчивостью во время осады Сиракуз римлянами в 212 г. до н.э.

Таким образом, трактат «Как выдерживать осаду» представляет собой, хотя и поспешно написанное (в этой оценке соглашусь с Э. Люттваком [34, с. 452]), но внутренне цельное воинское наставление, обращенное к человеку, чей психологический образ и образовательный уровень автору близок и понятен. Поэтому, полагаю верным предположение Д. Салливана о том, что автор сам был крупным военачальником [54, р. 143, note 21].

Соответственно, трактат позволяет составить обобщенный психологический портрет византийского стратига X века: человека глубоко образованного, разбирающегося как в военном деле, так и в военной истории, доблестного и мужественного, готового сражаться до конца и управлять людьми в психологически тяжелейшей из возможных на войне ситуаций – в условиях осады города превосходящими силами неприятеля.

* * *

Система ссылок в публикуемом ниже переводе приведена в соответствие с правилами настоящего сборника.

Текст перевода набран черным цветом шрифтом Bookman Old Stile.

Подстрочные примечания Д. Салливана публикуются стандартным черным шрифтом. В скобках указан номер примечания в публикации Д. Салливана (например: note 25), без указания страницы, т.к. примечания в [54] имеют сквозную нумерацию, а номер страницы, на которой опубликовано данное примечание, указан мною в основном тексте перевода.

Номера страниц публикации Д. Салливана набраны красным цветом шрифтом Bookman Old Stile перед началом текста этой страницы. Например: (р. 250:).

Сделанные мною примечания к тексту вводной статьи Д. Салливана, источников и комментарии к подстрочным примечаниям американского переводчика набраны стандартным синим шрифтом.

В тексте перевода использованы следующие условные обозначения:

Между крестиками † † помещены сильно поврежденные в рукописях части текста трактата «Как выдерживать осаду», при чтении которых возникали трудности у Хильды ван ден Берг – публикатора критического издания этого источника, выполненного на языке оригинала на основе наилучших из сохранившихся рукописей [3]. Репринт этой публикации использован Д. Салливаном при выполнении перевода и воспроизведен им «as is» параллельно с английским переводом. В списке условных обозначений публикации Д. Салливана знаки † † отмечены как означающие «insula corrupta videntur».

В угловых скобках < > указаны фрагменты текстов источников, поврежденные или утраченные в рукописях и восстановленные при их публикации Хильдой Ван ден Берг (в трактате «Как выдерживать осаду») и А. Дэном в «Памятке». В списке условных обозначений публикации Д. Салливана знаки < > отмечены как означающие «insula praeter codicum fidem sunt addita».

В квадратные скобки [ ] помещены слова, добавленные в текст Д. Салливаном при выполнении им литературного английского перевода.

В фигурные скобки { } помещены слова, добавленные мною при выполнении русского перевода для более ясной передачи современному читателю мысли авторов источников.

Таким образом, редакторская работа над текстами первоисточников, выполненная Х. в.д. Берг, Д. Салливаном и мною полностью видна.

Греческий текст трактата «Как выдерживать осаду» в настоящей публикации не воспроизводится. При необходимости см.: [54, р. 150-262 (четные страницы)]. Русский перевод этого источника выполнен с английского и выверен по греческому тексту.

Греческий текст «Памятки об обороне городов» Д. Салливаном не опубликован. Поэтому, перевод выполнялся с английского языка.

В заключение выражаю глубокую признательность участникам Интернет-форума «Византийская держава» и лично М.М. Чорефу за неоценимую помощь в приобретении экземпляра книги «Byzantine authors: literary activities and preoccupations. Texts and Translations dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides», в которой опубликованы переведенные мною тексты.

Источники и историография (ссылки на которые даны Д. Салливаном)

1. Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander, with an English translation by members of the Illinois Greek Club. New York: Harvard University Press, 1923. P. 342-526.
2. Arrian / with an English translation by P.A. Brunt. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1976-1983. 2 v.
3. Berg H. van den. Anonymus de Obsidione Toleranda. Leiden: E. J. Brill, 1947. 112 p.
4. Caillemer E. Compilation anonyme sur la défense des places fortes // Albert de Rochas d'Aiglun. Traité de fortification d'attaque et de défense des places. Paris: Ch. Tanera, 1872. P. 199-253.
5. Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton: Princeton University Press, 1986. 451 p.
6. Dain A. Mémoire inédit sur la défense des places // Revue des Études Grecques. T. 53. Juillet-décembre 1940. P. 123-136.
7. Dain A. Les stratégistes byzantins // Travaux et Mémoires. T. II. Paris: de Boccard, 1967. P. 317-392.
8. Garlan Y., Recherches de poliorcétique grecque. Paris, 1974. 423 p.
9. Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Ioannis Scylitzae; [rec. I. Thurn]. Berlin; N. Y., 1973. 580 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, vol. 5).
10. Josephus, The Jewish War with an English translation. Cambridge, Mass, 1927-28.
11. Lawrence A.W. Greek Aims in Fortification. Oxford: Clarendon Press – New York: Oxford University Press, 1979. XVIII, 483 p.
12. Martin T.H. Recherches sur la vie et les ouvrages d'Héron d'Alexandrie, disciple de Ctésibius, et sur tous les ouvrages mathématiques grecs, conservés ou perdus, publiés ou inédits, qui ont été attribués à un auteur nommé Héron. Paris: Imprimerie impériale, 1854. 488 p.
13. McGeer E. The Land Legislation of the Macedonian Emperors. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2000. 146 p.
14. Polybius: Histories / transl. by W.R. Paton. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1922-27.
15. Thévenot M., Boivin J., Hire de la Ph. Veterum mathematicorum Athenaei, Bitonis, Apollodori, Heronis, Philonis, et aliorum opera, graece et latine, pleraque nunc primum edita. Parisiis: Typographia regia, 1693. XVI, 365, [9] p., illus., diagrs.
16. Wallbank F.V. A Historical Commentary on Polybius. Oxford: Oxford University Press, 1967. 2388 p.
17. Whitehead D. Aeneas the Tactician: How to Survive under Siege. Oxford: Clarendon Press, 1990. 214 p.

Источники и историография (использованные при подготовке настоящей публикации)

18. Анна Комнина. Алексиада / пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. 701 с.
19. Аноним Византийский. Инструкции по полиоркетике / пер. М.Н. Страхова [Электронный ресурс] // Военно-исторический портал античности и средних веков «Xlegio». Режим доступа: <http://xlegio.ru/sources/greek-besiegers/anonymus-byzantinus>
20. Арриан. Поход Александра / пер. с древнегреческого М.Е. Сергеевко. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 382 с.
21. Две византийские хроники. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1957. С. 159-185.
22. Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск: ИД «Беларусь», 1991. 454 с.
23. История Византии : в 3 т. / [отв. ред. С.Д. Сказкин]. Т. 2. М. : Наука, 1967. 472 с.
24. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / отв. ред. А.А. Вигасин. М.: Изд-во МГУ, 1993. 464 с.
25. Кекавмен. Советы и рассказы. СПб.: Алетейя, 2003.
26. Константин Багрянородный. О церемониях. Книга II, глава 15; [пер. и комментарий Н. Е. Новикова] // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 318-363.
27. Константин Багрянородный. Об управлении империей; [ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцева]. М. : Наука, 1989. 496 с.
28. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах / Пер. и коммент. Н.Н. Трухиной. М.: изд-во МГУ, 1992. 208 с.
29. Кучма В.В. NOMOS STRATIOTIKOS (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. С. 243 - 258.
30. Кучма В.В. Византийские военные трактаты VI-X вв. как исторический источник // Византийский временник. М.: Наука, 1979. Т. 40. С. 55-56.
31. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926-1928. Т. 1. Изд. 2-е. 579 стлб.
32. Лев VI Мудрый. Тактика Льва. / Пер. и комм. В. В. Кучмы. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с. (Византийская библиотека. Источники).
33. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. М.: Универ. Тип., 1884. 370 с.
34. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 664 с.
35. Маврикий. Тактика и стратегия // Военное искусство античности. М: Эксмо, СПб: TERRA FANTASTICA, 2005. С. 519-564.

36. Никифор II Фока. Стратегика / пер. со среднегреч. и комм. А.К. Нефедкина. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
37. О боевом сопровождении // Два византийских военных трактата конца X в. / подг. изд. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2002. С. 3-230.
38. Об устройстве лагеря // Два византийским военных трактата конца X в. / подг. изд. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2002. С. 233-390.
39. Полибий. Всеобщая история. Т. 1. М.: АСТ, 2004. 766 с.
40. Полибий. Всеобщая история. Т. 2. М.: АСТ, 2004. 766 с.
41. Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
42. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. [Отв. ред. Г. Ю. Ивакин]. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
43. Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. II. М.: Наука, 1991. 528 с.
44. Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III. М.: Наука, 1993. 768 с.
45. Фукидид. История. М.: Наука, 1981. 544 с.
46. Хапаев В.В. Византийские воинские трактаты X века как источник по истории русско-византийской войны 987-988 годов // VI Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. Севастополь: Гит-Пак, 2012. С. 131-140.
47. Эней Тактик. О перенесении осады // Военное искусство античности. М: Эксмо, СПб: TERRA FANTASTICA, 2005. С. 38-106.
48. Campaign organization and Tactics // Three Byzantine Military Treatises / [publ. G.T. Dennis]. Washington DC: Dumbarton Oaks, 1985. P. 241-327.
49. Dain. A. La "Tactique" de Nicephore Ouranus. Paris: Le Belles Lettres, 1937.
50. Dio's Roman history / Eng. transl. by E. Cary. v. V. London: W. Heinemann ltd. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1955. 526 p.
51. Diodori Siculi. Bibliothecae Historicae. T. IV. Lipsiae: Sumptibus Ottonis Holtze, 1879. 443 p.
52. John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History 811-1057 / transl. by John Wortley. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 492 p.
53. McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection 1995. xx+405p. (Dumbarton Oaks Studies Series 33).
54. Sullivan D.F. A Byzantine instructional manual on siege defense: The De Obsidione Toleranda. Introduction, English translation and annotations // Byzantine authors: literary activities and preoccupations. Texts and Translations dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides [ed. by J.W. Nesbitt]. London-Boston : Brill, 2003. P. 139-263.

**ВИЗАНТИЙСКОЕ УЧЕБНОЕ РУКОВОДСТВО
ПО ЗАЩИТЕ ОТ ОСАДЫ «DE OBSIDIONE TOLERANDA».
ВВЕДЕНИЕ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ**

ДЭНИС Ф. САЛЛИВАН

ДАТИРОВКА И АВТОРСТВО

Византийский воинский трактат, известный под латинским названием «*De obsidione toleranda*», представляет собой учебное пособие, содержащее правила и исторические прецеденты, и предназначенное для крупного военачальника, возглавляющего осажденный город. Он был впервые опубликован Мельхиседеком Тевено (Melchisédech Thévenot) и Ф. де ла Хиром (Ph. de La Hire) в 1693 г. [15, р. 317-330] по плохо сохранившимся рукописям²; эта редакция была переведена на французский Э. Калемером [4, р. 199-253]. Текст был заново полностью реконструирован более чем через 250 лет после Тевено по наилучшим из сохранившихся рукописей Хильдой ван ден Берг (Hilda van den Berg) [3]. Ее текст воспроизведен в настоящей публикации с аннотированным английским переводом.

Terminus ante quem создания трактата, как отметила Х. в.д. Берг в своем введении, определяется его включением в две рукописи – Vaticanus graecus 1164 и Barberinianus 276, первая из которых датируется началом XI в. или, возможно, концом X в., а вторая – началом XI в. Упоминания в тексте определенных событий определяют *terminus post quem* его создания началом X в. Анонимный автор упоминает хиросифоны (χειροσίφωνον) – устройства, указание на которые содержится в трактате Льва VI (886-912) «Тактика» (XIX:57) [32, с. 303]³ как новейшее византийское изобретение; он также применяет термин «лайса» (λαῖσα), использование которых в качестве защитных экранов при осаде Эрик Мак Гир (Eric McGeer) относит к X в. [13, р. 129-140]. Анонимный автор упоминает осаду арабами (р. 140:) Фессалоники, почти наверняка относящуюся к 904 г. и, поскольку он никак ее не комментирует, она, вероятно, была еще памятна, т.е. близка ко времени написания трактата. Следуя точке зрения Т. Мартина [12, р. 327-328], Х. в.д. Берг также правдоподобно датирует упоминаемый в трактате захват Китроса «жесточайшими болгарами» периодом между 913 и 924 гг. [3, р. 3], когда они часто вторгались на византийскую территорию; характеристика, данная автором трактата болгарам, предполагает наличие у него свежего и, возможно, личного опыта. Таким образом, датировка составления трактата первой половиной X в. является вероятной.

Однако, ситуация осложняется тем фактом, что анонимный автор X в., по-видимому, привлекает утраченный источник, который А. Дэн называет «*Антиполиоркетикой*» (*Antipolioreticum*) [7, р. 349-350, 366-367]. А. Дэн опубликовал, вероятно, неизвестный Х. в.д. Берг, краткий неозаглавленный текст, найденный в рукописи Ambrosianus B-119-Sup. (Gr. 139), который он назвал «*Неизданная памятка об обороне городов*» (*Mémoire inédit sur la défense des places*) [6, р. 124-127] и датировал его составление второй половиной X в. Он состоит из коротких выдержек, имеющих близкие параллели в последовательности изложения с трактатом «*De obsidione toleranda*», но с отличиями, которые привели А. Дэна к заключению, что эти два текста, независимо друг от друга, восходят к одному утраченному источнику. Я привожу английский

² Х. в.д.Берг 34 раза дает к данной публикации следующий комментарий: "e codicibus deterioribus"; Альбер де Роша д'Эгло (Rochas d'Aiglun) (1872) – 200 комментариев: "Le texte tel que l'ont publié Thévenot et Lahire est extrêmement incorrect" (текст, опубликованный Тевено и де ла Хиром, совершенно неверен (фр.)) (note 4).

³ Лев VI в «Тактике» пишет, что хиросифоны изобрел лично он: «*Эти сифоны, именуемые ручными, изобретены недавно нашим императорским величеством. Они мечут искусственный огонь в лицо врагам*» [32, с. 303].

перевод «Памятки» в качестве приложения к настоящему Введению; параграфы 11, 12, 13, 16, 23 и 26 содержат сведения, отсутствующие в «*De obsidione toleranda*». Опираясь на два существующих текста, А. Дэн предположил, что утраченный источник состоял из двух частей – изложения различных способов защиты от осады и ряда исторических примеров о знаменитых осадах. Он датировал «Антиполиоркетику» в широком временном диапазоне между Феодосием II (408-450 гг.) или его ближайшими преемниками и Константином VII (913-959 гг.) [7, p. 350]. Можно добавить, что «*De obsidione toleranda*» содержит заметку о персидской осаде Кесарии в 611 г. Если она присутствовала и в «Антиполиоркетике», учитывая дату 611 г. и уникальную информацию об осаде, которую содержит эта заметка (о том, что персы вошли в город через подземный ход под стенами), можно считать вероятным, хотя и небесспорным, отнесение *terminus post quem* создания этого текста к началу VII в.

Однако это утверждение делает сомнительной датировку многих сообщений «*De obsidione toleranda*». А. Дэн прокомментировал это так: автор X в. не перефразировал старый текст, а добавлял к нему собственные ремарки; некоторые из них ясны, как упомянутые выше, другие – нет. Традиционный характер таких текстов и неразрывность излагаемых в них наступательных и оборонительных приемов в ходе осады еще более усложняют идентификацию (p. 141:) специфической практики и нововведений X века. Таким образом, в отсутствие доказанной датировки источника X веком на основе характерных данных, читатель может считать данный вопрос открытым⁴.

СОСТОЯНИЕ ТЕКСТА

Х. в.д. Берг редактировала текст по трем рукописям: Vaticanus graecus 1164 (V), Barberinianus 276 (P) и Escorialensis Y-III-11 (E). Во введении она отметила, что они согласуются между собой и являются источниками для всех других сохранившихся копий, и рассматривала V и P как независимые друг от друга, а E считала копией с V, а потому, использовала E только со второй трети, поскольку в V имеются утраты листов (начиная с 92:1⁵). В рукописях присутствуют многочисленные лакуны, и Х. в.д. Берг часто восполняет текст из параллельных источников или логически из контекста. Ее вставки в текст, присутствующие в нашем переводе, помещены в угловые скобки (< >) с указанием источника. За двумя исключениями, помеченными литерами DS (Дэннис Салливан), все восполнения и исправления взяты из ее научного аппарата или приложений⁶. Благодаря любезности Отца Джорджа Денниса, я имел возможность изучить манускрипты V и P на микроплёнке, и пришел к выводу, что опубликованная редакция выполнена очень тщательно. Х. в.д. Берг также поместила в публикации огромный реестр византийских и античных источников и параллельных пассажей; я обращаю внимание читателя на источники, только если они не включены в ее исчерпывающий список. Там, где текст представляет собой фактически дословную выдержку из более раннего источника, он набран курсивом⁷. Я воспользовался переводом Арриана, выполненным П.А. Брантом (P. A. Brunt) [2]⁸; Иосифа Флавия, выполненного Дж. Тэккереем (H. St. J. Thackeray) [10]⁹; Полибия, выполненного У.Р. Пэйтоном (W. R. Paton) [14]¹⁰,

⁴ Д. Салливан полагает открытым вопрос о дате создания гипотетической (и гипотетически утраченной) «Антиполиоркетики», а не трактата «Как выдерживать осаду» и «Памятки об обороне городов», которые достаточно уверенно датируются X веком.

⁵ Параграф 92 см. на P. 182 (по нумерации страниц публикации Д. Салливана).

⁶ В русском переводе опущены ссылки на филологические указания Х. в.д. Берг, касающиеся чтения греческого текста, однако, сохранены указания на фрагменты текста, гипотетические реконструированные ею. Все угловые скобки в тексте сохранены.

⁷ В русском переводе указания на источники набранного курсивом текста см. в примечаниях. Фрагменты античных трактатов выверены по изданным русским переводам, однако, не следуют им буквально, а воспроизводят редакцию автора трактата «Как выдерживать осаду».

⁸ Русский перевод выверен по изданию: [20].

⁹ Русский перевод выверен по изданию: [22].

¹⁰ Русский перевод выверен по изданию: [39; 40].

хотя я, в основном, старался делать более буквальный перевод, с учетом особенностей текста «*De obsidione toleranda*».

СТРУКТУРА

Трактат написан для «стратига» (στρατιγός), к которому автор в двух случаях непосредственно обращается с призывом «о стратиг» (45:14 и 98:14)¹¹; в греческом названии текста присутствуют слова «Как стратиг... должен выдерживать осаду...». В других двух случаях конкретно указывается, что стратиг должен предпринять (р. 142:) (54:10, 55:6)¹², использование этого термина отмечается в 10 случаях и в «Памятке», показывая, что данные обращения использовались в «Антиполиоркетике». Текст не сфокусирован на одном городе, а рассматривает различные варианты: наличие или отсутствие островов для снабжения продовольствием, специфические потребности приморских городов, наличие или отсутствие местности, пригодной для устройства засад на противника, городов с тоннелями под стенами и без них и т.д. Есть два упоминания болгар: захват ими Китроса, отмеченный выше, и одна из техник вражеских засад («как это обычно делают болгары» (62:17))¹³, указывающая на особую озабоченность анонимного автора (далее Анонима – В.Х.) ситуацией на Балканах.

А. Дэн охарактеризовал структуру трактата как «к несчастью, неопределенную» (*malheureusement vague*) [7, р. 359]. Думаю, что эта оценка чрезмерно пессимистична: пусть трактат и не разделен четко, в нем присутствует несколько основных разделов. Автор начинает с ободряющей рекомендации не сдаваться под угрозой осады, ибо враг – всего лишь человек и подвержен различным трудностям. Затем он обращается к неотложным задачам: во-первых, в изобилии ли продовольственные запасы или наблюдается дефицит; затем касается возможной эвакуации населения, организации ремесленников и важности изобретательности; вновь возвращается к теме организации припасов и дает рекомендации о заготовке различных материалов и сырья; беспокоится о водоснабжении. Затем рассматривает вопросы фортификации: ремонт и надстройку стен, обеспечение безопасности подземных ходов, устройство бойниц в стенах, выкапывание рвов, защиту их частоколами и заполнение водой; защиту «брахиолиона» (не что вроде оборонительного мола), если город находится у моря; наведение мостов поверх рвов, размещение рогаток, шаров с шипами (триболов) и сигнальных колокольчиков. Затем он рассматривает «кадровые» вопросы: надзор за караулами, смертную казнь для дезертиров, тренировки в обращении с оружием, организацию воинских подразделений и командования ими, тренировки в отражении учебных атак. Затем он описывает действия в преддверии надвигающегося прибытия и последующего присутствия неприятеля: обеспечение безопасности мелкого и крупного рогатого скота или, если необходимо, его забой на мясо; уничтожение ненужных животных, истощающих запасы; жатву на окружающих город полях; увод из окрестностей скота и людей; устройство засад на противника, если он движется в беспорядке; отравление рек, озер и сосудов с вином; координацию засад с дружественными силами как внутри города, так и вне его, тщательное определение времени таких засад с использованием четких сигналов, чтобы дать возможность дружественным силам отступить в город, не пустив в него врага; поджоги вражеских осадных машин; проведение генеральных сражений и нападение на родину врага; нападение на вражеских фуражиров, сражение посменно, когда так поступает враг; обеспечение защиты от таранов и осадных (р. 143:) укрытий; использование плетенок, новых стен и рвов для защиты разрушенных участков стен. В двух заключительных разделах доминируют обширные исторические иллюстрации. В

¹¹ Д. Салливан в предисловии ошибочно указал местоположение призывов «о, стратиг» в тексте. На самом деле они расположены в (3:14 и 359:14) (р. 151, 257). Все остальные ссылки на параграфы и строки репринта публикации Х. в.д. Берг, сделанные Д. Салливаном в его вводной статье, также ошибочны. В настоящей публикации исправляю этот недочет.

¹² На самом деле (57:10, 60:6) (р. 169, 171).

¹³ На самом деле (102:17) (р. 185).

первом из них автор рекомендует контрмеры против открытых операций врага, советуя проявлять изобретательность и приводя в пример Архимеда, затем добавляет успокоительные комментарии о слабости современных автору противников, не способных сделать то, что совершил Александр в Тире и Газе или Тит в Иерусалиме. Второй посвящен тайным операциям: рассказывается о захвате Александром скал Согдианы и Хориена. Посреди последнего из этих рассказов текст резко обрывается.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ

Указания в трактате, в основном, представлены в форме «дóлжно»¹⁴ (δεῖ или χρῆ), сопровождаемом инфинитивом или инфинитивом с δεῖ или χρῆ в эллипсах¹⁵. В некоторых случаях они сопровождаются объяснением, начинающимся с «дабы» (ἵνα) или «для» (γὺρ). Другой важной функцией трактата является цитирование исторических примеров для подкрепления рекомендаций. В первой части они обычно кратки и служат для усиления совета позитивным или негативным примером. Например, требование (50:11-13)¹⁶ наращивать высоту стен даже под обстрелом противника подкрепляется упоминанием Иосифа Флавия, который поступал так в Йотапате. Предложение обезопасить каждый подземный ход под стенами (50:14)¹⁷ сопровождается тремя примерами негативных последствий пренебрежения этим. По крайней мере, в одном случае примеры используются, чтобы показать слабость предыдущей рекомендации. В (65:3)¹⁸, вслед за предложением атаковать собственную территорию врага, чтобы понудить его к снятию осады, автор продолжает: «*А впоследствии это разрушало многое*». В качестве примера (с дополнительными историческими параллелями) приведен отказ Ганнибала атаковать Рим, чтобы попытаться снять осаду Капуи. В двух случаях примерам специально дается логическое объяснение. В (84:10-17)¹⁹ автор отмечает в качестве ободрения, что никакие современные вражеские силы не в состоянии вести осады так, как Александр в Тире и Газе или Тит в Иерусалиме, сопровождая данный тезис пространными цитатами об этих осадах. В (98:4ff)²⁰ он отмечает, что использует примеры, чтобы показать, что осажденные могут противостоять даже самым искусным врагам, и что современные неприятели слабее тех, что были в прошлом. Затем, обосновывая необходимость принятия мер предосторожности против (p. 144:) тайных операций врага, он подробно приводит способ неожиданного захвата Александром скал Согдианы и Хориены.²¹

СВЯЗЬ С ДРУГИМИ ВОИНСКИМИ ТРАКТАТАМИ

Трактат является традиционным дидактическим воинским наставлением, восходящим к трактату Энея Тактика (IV в. до н.э.) «О перенесении осады» [47]. И хотя этот трактат, несмотря на традиционное название, затрагивает значительно больше тем, чем «перенесение осады», он дает конкретные рекомендации по защите стен и ворот, обращению с зажигательными устройствами, выявлению и уничтожению подкопов и т.д., часто, в подтверждение, сопровождая их историческими примерами.²² Сборник автора III в. до

¹⁴ Варианты перевода: «необходимо» («it is necessary»), или «следует». Однако полагаю, слово «дóлжно» стилистически лучше передает императивность указания автора.

¹⁵ Поскольку они адресованы крупному военачальнику, как было указано выше, можно предположить, что автор также был крупным военачальником, либо прибегал к помощи полководца или императора (note 21).

¹⁶ На самом деле (29-31:13) (p. 161).

¹⁷ На самом деле (32:15) (p. 161).

¹⁸ На самом деле (115:14) (p. 189).

¹⁹ На самом деле (242-244:17) (p. 229).

²⁰ На самом деле (357-361:22) (p. 257).

²¹ О возможном источнике описаний осад, присутствующих в «Антиполиоркетике», в более ранней компиляции исторических выдержек см. [7, p. 349]; противоположную точку зрения см. в: [3, p. 21-22] (note 22).

²² См.: [17]. По его оценке [17, p. 38], исторические примеры составляют 1/3 трактата Энея Тактика (note 23).

н.э. Филона Византийского «Свод механики» (Μηχανικὴ σύνταξις)²³ включает раздел «Полиоркетика» (Πολιορκητικά) с детальными инструкциями о строительстве городских оборонительных сооружений и советами по подготовке к оборонительным действиям в условиях осады; некоторые из них сходны с рекомендациями «*De obsidione toleranda*» (например, списки припасов, рекомендация рыть три оборонительных рва и т.д.). «Стратегикон» Маврикия конца VI в. (X:3) [35] дает краткие, но детальные инструкции по защите от осады, которые, в основном, повторяются с некоторыми дополнениями в «Тактике» Льва VI (XVI:46-66) [32, с. 240-244]. Некоторые из них обнаруживают параллели в «*De obsidione toleranda*», например, забота о поставках припасов на предполагаемое время осады, эвакуация бесполезных для обороны осажденного города людей в случае недостатка припасов, вывешивание тяжелых циновок над стенами для защиты от камней, выпускаемых вражескими осадными машинами, использование тюфяков и мешков, наполненных сорной травой или песком для защиты от таранов и т.д. Созданный в X в., т.е. примерно в то же время, что и «*De obsidione toleranda*», анонимный трактат «*Sylloge tacticorum*»²⁴, в главе 53 («Что должен делать стратиг, оказавшись в осаде») частично копирующей «Тактику» Льва VI, включает схожие рекомендации относительно продовольственных запасов, эвакуации мирного населения, деления войска на подразделения, сражения посменно, вывешивания тяжелых циновок на стенах, использования мешков с сорной травой или песком против таранов, использования хиросифонов (χεῖροσίφωνα), рытья контрминных тоннелей против саперов противника с использованием огня и дыма в (р. 145:) глиняных кувшинах и т.д. Глава 21 «Об осаде крепостей» трактата «О боевом сопровождении» (*De velitatione bellica*) [37, с. 212-216], наставляет стратига запастись продовольствием на 4 месяца или более, убедиться в наличии воды в цистернах, осуществлять согласованные ночные атаки, уничтожить за пределами города всё, что может быть полезным для врага, и использовать обманные маневры для доставки продовольствия в осажденный город. При этом отмечается, что данная тема детальнее изложена в более ранних трактатах по тактике и стратегии. Но в то же время каждый из семи вышеупомянутых трактатов, по-видимому, содержит уникальные элементы; в «*De obsidione toleranda*» таковым является использование человеческих экскрементов против осадных укрытий, использование наполненных бобами мешков для поглощения ударов тарана, и т.д. Точное соотношение «общих мест» и уникальных элементов в трактате еще ждет научного изучения.

²³ Текст трактата Филона Византийского с французским переводом см. в: [8]; перевод отдельных частей трактата на английский язык см. в: [11, р. 89-99] (note 24). На русский язык сочинение этого автора не переводилось.

²⁴ В отечественной историографии пока не устоялось русскоязычное название данного трактата. Поэтому, привожу его в традиционном латинском варианте. Раньше его называли «Неизданной тактикой Льва» и приписывали брату Льва VI Александру. См.: [30, с. 55-56].

**ПАМЯТКА «ОБ ОБОРОНЕ ГОРОДОВ»
(ВИЗАНТИЙСКОЕ ВОИНСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ X ВЕКА) [6, Р. 145-149]**

«Неизданная памятка об обороне городов» (*Mémorandum inédit sur la défense des places*), опубликованная А. Дэном [6, р. 124-127]. В этом кратком тексте практически каждый пункт начинается с «ὄτι» – предположительно, сокращения от «Γιγνώσκων ὄτι» («знай, что...»), часто встречающегося в трактатах «Об управлении империей» [27] и «О церемониях...» [26] Константина Багрянородного и, как правило, использующегося для примечаний или перехода к следующей теме. Эта формула также встречается в «оглавлении» и заголовках глав в «*Sylloge tacticorum*» и так называемом «*Στρατηγικὰ παραγγέλματα*». В угловых скобках даны прибавления в текст, сделанные А. Дэном, в квадратных скобках – прибавления, сделанные мною для ясности (Д. Салливан).

1. [Знай], <что должно> особенно в этой ситуации уповать на невидимую силу Господа.
2. [Знай], что должно остановить [обычную] торговлю пшеницей и другим продовольствием во время осады, т.к., согласно общему порядку, обладающие им должны его распродать по умеренной цене, оставив себе лишь то, что необходимо на это время.
(р. 146:)
3. [Знай], что стратигу должно своевременно обучить рабочих, полезных для осажденного города: механиков, прислугу осадных машин, строителей, оружейников, канатчиков и других <и> поддержать их обещанием оплаты и пробудить в них боевой дух.
4. [Знай], что должно подготовить хироманганы²⁵ и камнеметы с направляющими балками, <способные> бросать тяжелые камни с оборонительных стен.
5. [Знай], что должно заготовить множество стрел и прорезать в них борозды, чтобы они застревали в [теле] противника.
6. [Знай], что в присутствии противника ничто не мешает увеличивать высоту [оборонительной] стены в течение ночи и устраивать лайсы²⁶ (λαϊσάς), чтобы задерживать метательные снаряды противника.
7. [Знай], что должно отыскать все подземные ходы и обезопасить их, ибо многие города из-за этого были захвачены.
8. [Знай], что должно установить множество стрелометов²⁷, чтобы с их помощью держать противника на расстоянии. Также должно копать рвы и делать их глубокими.
9. [Знай], что если город приморский, <должно> привязать мачты больших кораблей к большим бревнам и прикрепить их к оборонительной стене, и посредством этого воспрепятствовать кораблям [противника] приближаться к ней.

²⁵ Хироманган – ручной камнемет, который мог стрелять не только камнями, но и небольшими сосудами с «греческим огнем» (note 34).

²⁶ Лайса – деревянный защитный экран или навес (note 48).

²⁷ англ. bow ballista.

10. [Знай], что должно развесить колокольчики на стенах, дабы если стражники проявят нерадивость, [их звон] предупредил о тайной атаке врага.

11. [Знай], что ночью часовые должны располагаться близко [один от другого], чтобы пробуждать друг друга звуками труб²⁸.

12. [Знай], что должно закрыть таверны, чтобы войска из-за пьянства не были ослаблены во время битвы.

(р. 147:)

13. [Знай], что стратиг должен приказать, чтобы никто не покинул свой участок стены во время войны, испугавшись поспешных слухов, доходящих из другой части города, которые распускают некоторые трусы или предатели.

14. [Знай], что стратигу должно в этой ситуации покарать дезертира.

15. [Знай], что стратигу должно тренировать лучников, метателей дротиков и других специалистов, чтобы они были готовы исполнить свой долг, когда в них возникнет нужда.

16. [Знай], что на каждом участке стены должны находиться архонты, и должно рассредоточить повсюду лучшие войска, особенно когда ожидается атака.

17. [Знай], что стратигу должно обходить стену с доблестными воинами и оказывать помощь на опасном участке.

18. [Знай], что на оборонительных стенах должно сложить большие камни и тяжелые жерди, зазубренные на конце, чтобы воины могли отражать наступающие [осадные] машины.

19. [Знай], что должно обучать [воинов] контролировать страхи, приходящие ночью, как будто {рядом} находится враг, для этого их нужно тренировать в учебных атаках, чтобы они не впади в замешательство во время реальных [атак].

20. [Знай], что необходимо использовать звук колоколов в качестве команды войскам «к оружию».

21. [Знай], что стратигу должно, распределяя свои силы, также совершать внезапные вылазки против врага. Необходимо, однако, опасаться вражеских засад и хитростей.

22. [Знай], что должно надежно охранять {городские} ворота и сообщать воинам пароль, который они могут использовать при возвращении {из вылазок}, дабы быть узванными у ворот. Так как необходимо избежать опасности, что враг проникнет {в город} вместе с нашими войсками, преследуя их.

(р. 148:)

23. [Знай], что в {крепостных} воротах должно иметь скрытую железную створку, поднятую вертикально, и опустить ее верти-

---

²⁸ Указания автора «Памятки», отсутствующие в трактате «Как выдерживать осаду», набраны более крупным шрифтом.

кально вниз в случае атаки врагов; и когда она внезапно опустится, то может их убить.

24. [Знай], что должно приказать отправляющимся на вылазку не захватывать трофеи до тех пор, пока враг не будет побежден.

25. [Знай], что на случай выдвигения вражеских {осадных} машин, стратигу должно подготовить множество факелов, смолы, тросов, хвороста, и разделить войска: часть – для битвы, часть – для сжигания машин.

26. [Знай], что должно заблаговременно заготовить воду в больших ёмкостях вдоль всей стены, но особенно там, где ожидаются вражеские {осадные} машины; т.к., используя огонь, враг может уничтожить балки оборонительных стен.

27. [Знай], что должно приказать войскам не падать духом от криков врага.

28. [Знай], что должно приказать [войскам], попавшим под массированный обстрел, прикрываться своими щитами и отступить, пока [вражеские] <колчаны> не опустеют, и ринуться первыми против их поднимающихся [штурмовых] лестниц, чтобы держать их с их устройствами на расстоянии.

29. [Знай], что должно запереть женщин в их домах и не позволять им рыданиями ослаблять дух сражающихся.

30. [Знай], что когда враг делает под стеной подкоп, а стратиг не будет осведомлен о местоположении минной галереи, ему должно расположить на непрерывной прямой линии бронзовые тарелки (пусть они будут тонкими как горшки или подобные им вещи) на большой протяженности, прикладывая к ним ухо и слушать. Они будут отражать звуки [земляных работ, производимых] снаружи. И поэтому необходимо копать прямо напротив {обнаруженного подкопа} и разместить людей с топорами, чтобы они сразились внутри {подкопа}, когда встретятся там {с врагом}. Необходимо, однако, также рыть большую {контр}минную галерею, когда ведется подкоп, дабы если враги ворвутся толпой, их можно было перебить.

(р. 149:)

31. Говорят, что Архимед, когда были осаждены Сиракузы, среди прочего, разработал следующее: измерив стены изнутри от основания до высоты человеческого роста, он заполнил [этот уровень] отверстиями размером с ладонь на внешней стороне. Разместив там лучников и стреляя сквозь них, он сделал атаки противника бесполезными.

32. [Знай], что стратигу необходимо беспокоиться не только об угрожаемых участках {оборонительной стены}, но также охранять позиции, на которых он не опасается врага, возможно, благодаря прочности этого места. Ведь многие города были взяты с неожиданных позиций, ибо их безопасность длительное время не обеспечивалась стратигом, например, Сарды, {взятые} Антиохом, и Согдианская скала, {захваченная} Александром.

Университет Мэриленда.
Колледж Парк.

КАК ВЫДЕРЖИВАТЬ ОСАДУ («DE OBSIDIONE TOLERANDA»)

(р. 151:)²⁹ Как стратиг осажденного города должен противостоять осаде, и какими способами он должен защищаться.

[Знай], что [стратигу] попавшего в осаду {города} нет нужды сдаваться, даже если осада окажется затяжной. Поскольку вражеские силы могут не найти взаимопонимания друг с другом или в землях врага произойдет нечто, что отвлечет его внимание на собственных враждебных соседей. <Можно надеяться, что> приключится нехватка пшеницы, а для больших сил, долгое время находящихся на одном месте, условия окажутся пагубными, или даже что предводитель войска всегда может потерпеть сколько-то неудач, так как он – человек и подвержен различным случайностям.

КАК ГОТОВИТЬСЯ К ОБОРОНЕ

Поэтому, с Божьей {помощью}, когда тебе, о стратиг, сообщит о продвижении врага кто-либо из дезертиров или шпионов, необходимо в тот же день, если возможно, прежде всего прочего, заготовить достаточно провизии для длительной осады, возможно, (р. 153:) шестимесячной или годичной, не только для воинов, но и для небоеспособных по возрасту, если местность является изобильной и враг не явился в конце года,³⁰ чтобы сжечь поля, как это принято у тех, кто намеревается предпринять осаду.

Если предметов первой необходимости недостает и земля в округе не изобилует фруктами, и поблизости нет островов, которые могут облегчить нехватку {продовольствия}, или такие острова есть, но ожидается, что враг будет контролировать море и препятствовать перевозкам, должно учесть вместе с торговцами и богачами пшеницу и ячмень и все виды бобовых, хранящиеся [у них] на складах³¹ и сложить их в {государственных} амбарах, и доверить их распределение епископу города и некоторым другим добрым горожанам, дабы каждый остающийся {в городе} человек получил в {свое} распоряжение съестных припасов на месяц, согласно указу, который необходимо обнародовать и сделать объявление, что жители, не имеющие продовольствия более чем на 30 дней, должны зарегистрироваться; затем ободрить население, как положено в опасности, чтобы одна часть жителей могла охотно выбрать переселение для спасения, полезное не только для нее, но и для {остающихся в городе} защитников отечества; затем удалить из города и направить в иное место небоеспособных, а именно: стариков, больных, детей, женщин, нищих и тех, кто бесполезен для осажденных; так остающиеся в осаде будут в безопасности, и [покидающие (р. 155:) город] избегнут вреда, дабы, когда враг станет нажимать, ты не был принужден уступить их врагу, как сделал царь Ахей³². Но из тех, кто беден, но способен приносить пользу обществу своим трудом, а именно – оружейников,

²⁹ Отсюда и далее четные страницы в публикации Д. Салливана (Р. 150-262) занимает репринт греческого текста источника, опубликованного Хильдой ван ден Берг.

³⁰ Т.е. в конце августа по византийскому сентябрьскому календарю (note 6).

³¹ Возможно, что после осады стоимость конфискованного у частных лиц продовольствия компенсировалась государством (note 8).

³² Ахей – царь Лидии (220-214 гг. до н.э.). Был осажден в своей столице Сардах Селевкидом Антиохом III. Город сдался после двухлетней осады, а Ахей был схвачен и казнен (Полибий (VII:18; VIII:22-23) [39, с. 506, 527]). Информации о том, что Ахею во время осады пришлось передать врагу небоеспособное население, дошедшие до наших дней античные источники не содержат (note 12).

механиков, прислугу осадных машин, врачей, медников, седельщиков, изготовителей уздечек, сапожников, портных, канатчиков, верхолазов, изготовителей весел, строителей, матросов, конопатчиков, архитекторов, пильщиков камня, астрономов, способных различать движение вод и ветров³³ – возьми лучших из них, способных помочь [тебе] и, более того, организуй и поддержи их, ибо оружейникам, возможно, предстоит день и ночь изготавливать щиты, стрелы, мечи, шлемы, кроме бронзовщиков в пунктах {выдачи?} стрел, копий и дротиков, и железных крюков для притягивания [осадных] приспособлений противника³⁴. Обстоятельства потребуют и иных вещей, и трактат разъяснит их. Поскольку изобретательность врага разнообразна и многогранна (многолетний опыт свидетельствует, что каждый день и час придумываются подходящие способы {осады} и {осадные} машины), необходимы (р. 157:) более разнообразные и благоразумные оборонительные мероприятия. И механики † должны делать свою работу †, а именно {изготавливать} тетрары³⁵, магганики³⁶ и так называемые элакаты³⁷ и хироманганы³⁸ и, более того, камнеметы с направляющими балками, которые могут бросать со стен вперед тяжелые камни. И портные должны изготавливать накидки и толстые шерстяные шапки вместо шлемов, если в них есть необходимость, и гребцы [должны обеспечивать] годность кораблей к морским сражениям. И строители: их навыки необходимы даже больше, так как они будут восстанавливать участки стены, разрушенные ударами таранов, или даже станут строить одни {стены} взамен других. А также рыбаки, если в них есть нужда.

Но даже если город или земли в округе изобильны плодами, и есть возможность предвидеть вторжение врага и запастись необходимым, не отменяй вышеозначенных мероприятий, но удали из города любого {кто будет этому препятствовать}, дабы твои друзья не беспокоились. А если есть государственные финансовые резервы, возьми их и закупи не только пшеницу, ячмень, вино и бобы, и сыр, и мясо, и масло, и пшено, но также железо и бронзу и оружие, и жидкую и твердую смолу, и природную серу, и канаты, и лён, и коноплю, и сосновые факелы (р. 159:), шерсть, хлопок³⁹, парусину, фураж, сено. Если деньги из государственных запасов недоступны, но есть богатые люди, реквизируй {деньги} у них и потрать; если продукты, предназначенные для воинов, не будут использованы, продай их и верни реквизированные деньги. Ибо государственные запасы понадобятся для поддержки воинов жалованием и продовольствием. То же касается железа и других категорий {припасов}. Также прикажи всем запасти дрова на полгода или даже на год; и потребуй от каждого письменных обязательств на сей счет, ибо если у кого-то возникнет преждевременная нехватка {топлива}, тот должен быть казнен. Также позаботься о больших запасах воды и наполнении цистерн и всех емкостей и также снабди ею людей; то же касается и пшеницы, если ее недостает. Запаси также необходимое для про-

³³ Под «астрономами, способными различать движения вод и ветров», возможно, подразумеваются метеорологи.

³⁴ Подобные «железные крюки» (ἡ χεῖρ σιδῆα) неоднократно упоминает Фукидид (4:25:4; 7:62:3; 7:65:1) [45, с. 173, 339-340, 340-341]. Например, в описании морских сражений между сиракузянами и афинянами в ходе Пелопоннесской войны он сообщает о том, что сиракузяне притянули железным крюком афинский корабль и овладели им (note 30).

³⁵ Тетрар – камнеметательная машина (требушет).

³⁶ Значение термина «магганика» остается невыясненным.

³⁷ Элакат – стреломет или камнемет.

³⁸ Хироманган – ручной камнемет, стреляющий также небольшими сосудами с греческим огнем.

³⁹ В X в. хлопок использовался византийцами для изготовления байковых пуловеров, которые надевали, видимо, под доспехи и пехотинцы, и катафракты (note 40).

изводства оружия (а именно: щитов, менавлией⁴⁰, стрел): (р. 161:) доски и стволы молодых деревьев, и кизилловые деревья, если таковые имеются, и что еще необходимо, чтобы каждый копейщик имел 10 риктарий⁴¹ на каждый день, лучники – по 50 стрел, а копьеносец, сражающийся врукопашную – 5 копий. Сделай зарубки на стрелах⁴², чтобы враг не мог использовать их против нас. Собирай также хворост и ветви вербы или мирта для изготовления лайс⁴³, полезных для защиты людей, стоящих у осадных машин.

Затем почини стены и расположи [на них] {камнеметательные} машины и, если необходимо, увеличь их высоту. Так как часто, во время вражеской осады, полезно сделать стены выше, как поступил Иосиф. Когда Веспасиан окружил Йотапату, Иосиф, возведя барьеры из плетня, значительно увеличил высоту стен⁴⁴.

Отыщи и обезопась подземные ходы, т.к. по ним многие осажденные города перешли в руки врага. Поскольку Великая Кесария⁴⁵, как говорят, была захвачена по подземному ходу. Ибо когда персы уже были истощены долгой осадой и начинали сворачивать лагерь, из города к персам по подземному ходу выбежал щенок, и некоторые из них погнались за ним, когда он побежал обратно в тот же тоннель, и так он стал средством разрушения города. Кроме того, Неаполь в Италии, говорят, был взят по подземным ходам⁴⁶. И еще говорят, что сиракузяне оказались на грани предательства из-за подземных ходов: изменники с их помощью сообщили (р. 163:) римлянам о положении в городе⁴⁷.

Устрой также множество бойниц, чтобы можно было невидимо разить из-за них, а также, если они попытаются поднять штурмовые лестницы до возведения осадного вала, их можно будет ранить и отбросить с помощью копий. Таким образом премудрый Архимед достиг еще больших успехов в борьбе с врагом, когда оснастил стену бойницами † и невидимо ранил <и сбрасывал> осаждающих прямо вниз на твердую землю через них, задействовав размещенных там мужчин †.

Кроме того, в дополнение к этим действиям также выкапывай рвы и делай их шире 50 локтей⁴⁸, если того требует местность, одинаковой ширины и глубины. Если возможно, <выкопай их> два или три и наполни их водой на воинский манер. На каждом из берегов построй частоколы и, наконец, внешнее укрепление, чтобы предотвратить возможность легкого приближения врага к стене. Ибо если ров делают большой глубины, врагу будет трудно засыпать его. Делай это особенно в том случае, если никакой помощи от союзников не ожидается, а врагов ожидается много, и город или крепость не <имеют> кавалерии, способной воевать против пехоты.

Но если [город] полностью или частично окружен морем, † необходимо побеспокоиться о брахиолионе⁴⁹ <и море рядом с ним>, даже если [море]

⁴⁰ Менавлия – тяжелое колющее копье (note 43).

⁴¹ Риктарий – дротик.

⁴² Стрелы с зарубками ломаются при ударе и не могут быть использованы повторно (note 47).

⁴³ Лайса – защитный плетеный экран.

⁴⁴ Плетеные экраны Иосиф Флавий использовал, чтобы прикрыть от обстрела строителей, увеличивавших высоту стен (note 50).

⁴⁵ Имеется в виду взятие персами Кесарии Каппадокийской в 611 г. (Феофан. Хронография 299:31 [33, с. 224/242]) (note 52).

⁴⁶ Имеется в виду взятие Неаполя Велисарием в 536 г. (Прокопий Кесарийский. Война с готами. (I:9-10) [41, с. 104-108]) (note 55).

⁴⁷ Видимо, имеется в виду осада Сиракуз Клавдием Марцеллом во II Пунической войне (note 56).

⁴⁸ Римский локоть равен примерно 45 см. Соответственно, ширина рва должна была превышать 22,5 метра.

⁴⁹ Брахиолион (τὸ βραχίολιον или βραχιάλιον) – буквально «браслет». Видимо, имеется в виду короткая стена в море, защищающая подход к берегам в местах соединения приморских и сухопутных стен (note 64).

достигает большой глубины, найти балки и (р. 165:) корабельные мачты и, связав их на концах, уложить горизонтально от брахиолиона до открытого моря, чтобы если [враги] задумают подплыть <с кораблей к городу> на лошадях, то натыкаясь на эти препятствия, они будут тонуть †...⁵⁰ и приготовить крытые корабли⁵¹. А на приморской части стены днем и ночью выставляй множество лучников и копьёметателей и пращников, дабы они могли защищаться от вражеских атак...⁵² † когда Китрос⁵³ был таким образом взят; ибо когда один из жителей был изгнан из города, и проник оттуда (со стороны моря? – В.Х.), самые дикие из болгар, без труда подплыв с той стороны, пробрались в † {город} и полностью вырезали всех.

Построй также из прочного дуба мосты надо рвами, способные выдержать вес кавалерии, шириной, соответствующей длине, дабы всякий раз, когда ночью или даже днем воины пойдут в вылазку на врага, {мосты} не разрушались и не становились еще одной причиной опасности для {наших} людей; это – то, что претерпели жители До<...>полиса⁵⁴, когда мост был раздавлен, некоторые из их друзей, падая, <в итоге утонули>, другие, избежав {падения} в ров, попали в руки врага и повергли в отчаяние остальных граждан, которые, в результате, потеряли надежду на спасение. Поскольку Ганнибал, будучи (р. 167:) осажден римлянами, решил выйти из Карфагена, *заполнив ров корзинами, набитыми соломой, и спокойно увел свои силы незамеченными*, этот прием также можно использовать вместо моста. Но стоит задуматься о мостах, дабы не тратить солому попусту.

Кроме того, в дополнение подготовь перед рвами рогатки и сделай так, чтобы наши люди о них знали, а от врага они были скрыты. Разбросай вокруг также триболы⁵⁵, связанные веревками, чтобы их можно было легко убрать перед нападением на врага.

Также развесь колокольчики с внешней стороны оборонительной стены, чтобы если (р. 169:) когда-нибудь [враг] попытается скрытно атаковать и не будет замечен часовыми, по небрежности, или даже вследствие преда-

⁵⁰ В этом месте источника – утрата текста.

⁵¹ τὸ πλοῖον κατάφρακτον. Этот термин упоминает Фукидид (1:10.4) [45, с. 9]. Л. Кассон в труде «Ships and Seamanship in the Ancient World» [5] считает, что этим термином обозначались корабли с крытыми палубами, с бортов защищенными кожаными щитами. Он полагал также, что Полибий называл так любой корабль, по размеру больший, чем триера. Возможно, что упоминаемая в названии этого типа кораблей палуба предназначалась для установки боевых машин. Корабли со схожим названием – катаφράκτων νηῶν упоминает Константин Багрянородный (21:53) (note 67). На русский язык термин переведен как «оборудованные для боя суда» [27, с. 77].

⁵² В этом месте источника – утрата текста.

⁵³ Византийский Китрос это – античная Пидна, главный порт Македонии на западном берегу Фермейского залива Эгейского моря (см. Кекавмен (260:10) в: [25]). Т. Мартин [12] обоснованно предположил, что неизвестное из других источников взятие Китроса произошло в правление Константина VII (912-959 гг.), вероятнее всего, между 913 и 924 годами, в период особенно частых набегов болгар на фемы Македония, Стримон и Фессалоника. Потому, это событие было свежо в памяти автора «De Obsidione Toleranda» (note 68).

⁵⁴ Расшифровать название этого города не представляется возможным (note 70).

⁵⁵ ὁ τρί βολος. Триболы или «чеснок», как средство против кавалерии и пехоты, описан Прокопием в «Войне с готами» III:24:16-18 (note 75). Обычно он представляет собой шар с четырьмя острыми шипами, один из которых выступает вперед. Но Прокопий описывает его иначе: «Эти триболы были следующего вида. Соединив края четырех остроконечных кольев, по возможности одинаковой длины, их со всех сторон делают в виде прямоугольного треугольника и разбрасывают повсюду по земле. Таким образом, три кола очень крепко лежат на земле, а один, поднимаясь кверху, является помехой и для людей, и для коней. Если кто-либо покатит такой трибол, то кол, торчащий кверху, ложится на землю, а другой, вместо него поднявшись кверху, мешая двигаться» [41, с. 325]. Лев VI в «Тактике» (V:5) дает триболам другое описание: «триболы... представляют собой прочные гвозди, связанные в пучки» [32, с. 132]. Публикатор этого источника В.В. Кучма в примечании описывает триболы как «металлические шарики с шипами, предназначенные для поражения ног людей и лошадей; шипы были распределены по сфере трибола таким образом, что при любом его расположении по крайней мере хотя бы один шип обязательно торчал вверх» [32, с. 125 прим. 1] (там же см. историографию термина).

тельства, а также из-за темноты, звон [колокольчиков] оповестил о нападении врага. Поскольку не бывало еще, чтобы все стражники сговорились об измене, а в сон они впадали одновременно и не раз, и особенно если планируются патрули и встречные патрули, один – в первую стражу ночи, другой – во вторую, третий – в третью.

А сам стратиг должен лично следить за часовыми в праздники, а если возможно, то каждую ночь, дабы никакая небрежность караульных не осталась незамеченной. Ибо Сиракузы ни за что не могли бы быть захвачены, учитывая гениальную мудрость Архимеда; {но} римляне искали случая, и когда сиракузяне отмечали праздник, *перебежчик сообщил им о том, что всё население города в течение трех дней отмечает праздник Жертвоприношения и ест мало пищи, поскольку она была в недостатке, но пьет вино в (р. 171:) больших количествах. [Римляне] быстро собрали две лестницы и взяли башни под контроль. Ибо те, кто охранял башни, все еще пили по случаю праздника, остальные, пьяные, давно спали, вот римляне и убили их, оставшись незамеченными.*

И стратиг должен привести всех к присяге, что если кто-то попытается покинуть ряды {обороняющихся}, не будучи раненым или по какой-то иной разумной причине, он должен быть казнен по закону о дезертирстве, установленному древними⁵⁶, которые приговаривали дезертира к смертной казни и, потому, завоевали весь мир. Ибо если воины будут сильно бояться такого наказания, они никогда не выберут столь бесславную смерть, когда у них будет возможность оставить детям и потомкам славу, а не спасать свою жизнь, покидая поле боя. Ибо тот, кто показал спину врагу, едва ли может избежать смерти, а тот, кто доблестно сражается, и себя спасет, и снискает славу благородного и мужественного {человека}.

Тщательно всё это обдумав, необходимо натренировать каждого на {выполнение} любой задачи – быстрой стрельбы из лука в (р. 173:) в римской или персидской манере (чтобы если стрелять нужно быстро, стрела посылалась с силой, необходимой и достаточной для кавалерии)⁵⁷; и стрельбы на точность; и метания так называемых риктарий⁵⁸; и ручного метания камней во врага; и искусному применению как пращей, так и стрелометов⁵⁹; и защиты себя щитом или расчетливой защиты себя и кого-нибудь еще; стрельбы из тетрарий⁶⁰, магганик и лекат⁶¹.

⁵⁶ Д. Салливан в качестве «древнего закона» ссылается на Дигесты Юстиниана (vol. 2 № 49.16:3-4) (note 78). Однако аналогичная норма существует в более позднем (и более актуальном для автора «Как выдерживать осаду») «Воинском законе» (п. 7, 12, 20, 22, 23, 32), созданном не ранее VIII в. [29, с.244, 247-249]. Удивительно, почему Аноним ссылается на древний закон, а не на действовавшую в его время норму «Тактики» Льва VI (VIII:6-7). Пункт 6 Установления VIII представляет собой санкцию, обращенную непосредственно к осажденным: «Если кто-либо, кому вверена охрана города или кастропа, сдаст его или вопреки распоряжению архонта уйдет оттуда, то ему грозит высшая мера наказания» [32, с. 162]. Актуален для осажденных и п. 7 того же Установления: «Если кто-либо будет изобличен в намерении предаться врагам, ему грозит высшая мера наказания. Подлежит наказанию не только он сам, но и его сообщник, поскольку тот, зная об этом, не донес архонту» [32, с. 162].

⁵⁷ Римляне для натягивания тетивы использовали большой и указательный, а персы – три других пальца (note 79, 80). См.: Стратегикон Маврикия (I:1.5-8) [35, с. 565-566]. Чередование «манер стрельбы» позволяло давать отдых попеременно большому и указательному пальцам, затем среднему, безымянному и мизинцу, что повышало скорость, силу выстрела и точность попадания.

⁵⁸ Риктария – метательное копьё.

⁵⁹ ἡ τοξβολίστρα. Лев VI в «Тактике» (VI:27) [32, с. 140] указывает, что стреломет может перевозиться в фургоне (note 82).

⁶⁰ Значение термина «тетрария», как и «магганика», пока остается неустановленным.

⁶¹ ἡ λέκάτη (буквально – «шест» или «прялка») – вероятно, один из видов метательных орудий (note 84).

И назначь † архонтов в каждую тагму † по образцу хилиархов⁶², если нет нужды в хилиархе для защиты крепости; и поручи каждой тагме свою часть работы, а командующий войском должен отобрать храбрых солдат пропорционально их числу по периметру города, дабы с ними он мог оказать помощь в любом атакованном [месте] всякий раз, когда услышит крик. Собери и сосредоточь на стенах черные камни⁶³, как большие, так и малые, и бревна, и много тяжелых дубовых столбов, (р. 175:) заостренных на концах, чтобы когда их необходимо будет бросать, они привели к как можно большим жертвам и разрывали не только щиты, но и лайсы⁶⁴.

† Приучай их также к причинам приходящих ночью страхов, таких как кажущееся восхождение врага на оборонительные стены †, для этого их нужно обучать в учебных атаках, чтобы они не впадали в замешательство в реальных условиях. Раздели их на лохи⁶⁵ и, построив пехоту и кавалерию, [устраивай] продолжительные вылазки пехоты <и кавалерии и наставляй их> о действиях <и> сигналах при каждом маневре, и [умении] быстро вооружиться по сигналу и легко возвращаться назад по [сигналу к] отступлению.

Когда враг ожидается в ближайшее время, а крепость имеет сильную позицию и труднодоступна, приведи {в город} весь мелкий и крупный скот вместе с достаточными силами, и сруби деревья и размести их горизонтально, чтобы затруднить подход противника⁶⁶, если враг не имеет значительных пехотных или конных сил; ибо в этом случае не стоит доверять {внешним} укреплениям. Но если поблизости есть острова и действия врага там не ожидаются, отвези его (скот – В.Х.) туда. Если же нет, отправь его в другое место или, если враг нажимает и рвется к городу, чтобы захватить, разреши хозяевам забить его, засолить и продать [мясо] тем, кто в нем нуждается.

(р. 177:) Уничтожь вьючных животных: и лошадей, и мулов, и всё, что не является необходимым для войска, если ожидается долгая и непрерывная осада, и враг сторожит территорию вокруг крепости с помощью частоколов и рвов, † чтобы предотвратить прорыв извне каких-либо сил, намеревающихся обратить противника в бегство или спасти попавших в беду, или доставить извне предметы первой необходимости †; ибо перед воротами зачастую практически непрерывно, день и ночь, посменно дежурят многочисленные вооруженные группы⁶⁷, противостоящие атакам {осажденных} или даже строящие {осадные} башни. Ибо даже если {в городе} есть союзные силы: кони и люди – они становятся разрушительными факторами для осажденных городов, съедая гораздо больше провизии, <чем сами их жители>. Когда римляне осаждали Тарент, Бомилькар⁶⁸, карфагенский пол-

⁶² ὁ χιλίαρχης. Этот термин, видимо, использован как эквивалент терминов «друнгарий» или «таксиарх» (note 86). В античном македонском войске хилиарх – тысячник. Друнгарий в византийском войске – командир 1/3 турмы; таксиарх (по Кекавмену) – также тысячник, командир 500 оплитов, 200 копейщиков и 300 стрелков.

⁶³ Римляне покрывали камни для катапульт копотью, чтобы их было труднее увидеть противнику и уклониться от них (note 87).

⁶⁴ Лайса – деревянный защитный экран или навес (note 48). Подобное вышеописанному применению византийцами бревен и бросаемых руками камней упоминает Скилица (463:83-87, 463:92-97) [52, p. 432] в описании отражения осады сельджуками Манцикерта около 1050 г. В результате были разрушены и опрокинуты плетеные защитные навесы осаждающих, что сделало беззащитными тех, кто под ними скрывался (note 89).

⁶⁵ Лох – подразделение численностью в 100-500 воинов во главе с лохагом.

⁶⁶ Аналогичные засеки против византийцев использовали болгары (note 94).

⁶⁷ «Вооруженные группы» – иносказательный перевод использованного в оригинальном тексте применительно к предполагаемому противнику чисто греческого термина λόχοι.

⁶⁸ Полибий, у которого Аноним черпал эти сведения, или его переписчик, ошибся и (как явствует из контекста), речь идет о карфагенском полководце Гамилькаре Барке, который в 272 г. до н.э. пришел с флотом на помощь осажденному римлянами Таренту, принадлежавшему тогда эпирскому царю Пиру. В результате противостояния город сдался римлянам, а карфагеняне ушли ни с чем (подробнее см.: Полибий (IX:9.11) [39, с. 549]).

ководец, <прибыл> с очень большими силами для оказания помощи и, будучи не в состоянии чем-либо помочь осажденным, т.к. римляне обезопасили свой лагерь, он растратил свои припасы раньше, чем выполнил это {свое намерение}. Он был вынужден прийти, в первую очередь, {откликаясь} на просьбу выполнить великий {союзнический} долг, а потом ему пришлось отплатить прочь по просьбе осажденных.

(р. 179:) Также необходимо сжечь поля, даже если они не готовы к жатве, и забрать всё полезное на два или три дня пути {от города}, не только домашний скот, но и людей, чтобы таким образом обескуражить врага, создав ему трудности с добычей продовольствия.

КАК ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ ОСАЖДАЮЩИМ

Узнав от разведчиков о диспозиции неприятеля, если известно, что он движется в самоуверенном беспорядке, устрой засаду и причини ему ущерб.

Необходимо также отравить реки или озера или местные источники и любой сосуд с вином {с помощью} так называемого <...>⁶⁹, чтобы если враги не умрут немедленно, часть из них, возможно, заболела бы, а со временем и умерла жалкой смертью. Следует отравить реки выше по течению от {вражеского} лагеря, в обеденный час, когда тела врагов, измученных трудом, терзает жажда, † и вода, которую они пьют, полностью уничтожит их †.

Если в окрестностях есть подходящие места для безопасного {укрытия} пехоты и кавалерии, которые могут нанести вред врагу и не позволить ему безнаказанно вести осаду, <организууй там засаду>, особенно если откуда-то ожидаются союзники, сделай это своей величайшей заботой. Ибо когда у нас имеются силы (р. 181:) за пределами {города}, [врагу] будет непросто доставлять продовольствие без {охраны его} значительными силами. А если <они задействуют эти силы, наши войска> смогут с большим успехом захватывать [их] лошадей и людей. И они не смогут продолжать осаду так, как им кажется наилучшим, подобно тому, как Ганнибал действовал против римлян. Ибо когда [римляне] осаждали Акрагас⁷⁰, получив подкрепления из Карфагена, он <...>⁷¹ и предметов первой необходимости в лагерь римлян. И получилось, что осаждающие оказались осаждены.

† Предводитель войска должен определить ночь и день <для атаки> и сообщить его предводителю войск, находящимся вне города в горах, и в это [время] атаковать врага †. Притворись, что атакующие намерены отправиться в другое место с иной целью, и заранее займи дороги с самыми осторожными бойцами, чтобы никто не мог сообщить врагу о {твоих} планах. Но после того, как достигнешь {вражеского осадного} лагеря и окружишь его, необходимо оставить врагу пространство, через которое легко бежать, иначе, полностью окруженный и отчаявшись спастись, он окажет смертельное сопротивление. В этих [ситуациях] полезно использовать метателей дротиков, лучников и пращников.

(р. 183:) Кроме того, при [таких] атаках на врага, необходимо назначить их день и час заранее и направить из крепости специальные силы эс-

⁶⁹ В источнике удалось прочитать только три последние буквы названия отравляющего вещества - ...μοο. Идентифицировать его не представляется возможным (note 107). Э. Люттвак высказал предположение, что речь идет об отравляющем веществе псевдоаконитине C₃₆H₄₉NO₁₂, добывавшемся из ядовитого аконитового растения, которые во множестве видов произрастают в Средиземноморье [34, с. 449].

⁷⁰ Акрагас или Аграгант (Ἀκράγας) – современный город Агридженто на Сицилии. В данном эпизоде описываются события, происходившие в ходе II Пунической войны (218-202 гг. до н.э.).

⁷¹ Здесь – утрата текста. Возможно, следуя информации Полибия, утрачены слова «он прервал доставку продовольствия» (note 114).

корта⁷², чтобы враг не догадался об этих [атаках, не] вырыл траншеи в земле и, спрятав в них войска, не опередил нас в засаде и не ранил наших людей⁷³. Ибо часто, когда или связного захватят, или лазутчика перекупят, или кто-то предаст, план проваливается, не достигнув цели. И потому, необходимо при помощи факела [подать сигнал] находящимся вне крепости {об} имени посланца, как изложено нами в трактате «О световых сигналах»⁷⁴. Итак, с Богом, начинай операцию: в обеденное время, либо после обеда, либо когда враг ужинает или спит в безлунную ночь. Именно поэтому мы указали назначить время, чтобы {организуя} засаду, нам самим в засаду не попасть, прибыв слишком поздно по сравнению с назначенным часом, поскольку многие силы были таким образом уничтожены, так как они приходили слишком поздно или слишком рано по сравнению с согласованным временем дня или ночи, как {случилось с} Амбракиотами⁷⁵. Ибо когда Никандр⁷⁶, находившийся вне крепости (р. 185:), послал 500 конников в город, они прорвались туда, сломав недостроенный частокол римлян <...>. Он указал им согласованный день <наступления на врага> и {сообщил}, что и сам разделит с ними опасность. Но, хотя они совершили энергичную вылазку из города и боролись смело, их попытка потерпела неудачу, то ли потому что Никандр прибыл с опозданием, то ли потому что боялся опасности, то ли потому что иначе представлял себе задачи, для которых был нанят⁷⁷.

Когда войска выступают на врага по подземным ходам или тоннелям, {ведущим} из крепости, если они есть в городе – как сделали иудеи, когда таким способом неожиданно появились среди римлян и, благодаря внезапности, отразили их – необходимо проверить, не готовит ли враг засады в потайных местах, вырыв траншеи и спрятав в них войска, дезинформируя [нас, будто] на этом участке нет сил противника, подобно тому, как это обычно делают болгары. Нельзя оставлять в небрежении стены и потайное место {вылазки}, оставляя стражу в одиночестве, но именно там поставить бдительных и осторожных стражников, а на воротах разместить лучников, пращников, метателей дротиков и копейщиков, и сообщить всем сигнал⁷⁸, чтобы если наших людей при возвращении {из вылазки} будут преследовать, [стражники] опознали своих товарищей с помощью сигнала и, распознав врага, не дали неприятелю войти {в город} вместе с нашими товарищами. Ибо многие города именно по этой причине <попадали> в руки вра-

⁷² τὸ φοῦλλκον. Использование этого термина в X в. говорит о существовании в это время специальных пехотных или кавалерийских подразделений, предназначенных для защиты групп фуражиров или диверсантов (note 118).

⁷³ Описанное здесь было обычной практикой болгар в их противостоянии с византийцами. Об этом см. ниже (note 118).

⁷⁴ Трудно сказать, идет ли речь о системе сигналов, придуманной автором «De Obsidione Toleranda», или о позаимствованной из более ранних наставлений. О световых сигналах писали, в частности, Полибий (X:43-47) [39, с. 614-619], Эней Тактик (XVI) [47, с. 59] и др. (note 119).

⁷⁵ Амбракия (совр. Арга) – древнегреческий полис, коринфская колония в Эпире на берегу р. Арафтос. Амбракийцы участвовали в Пелопоннесской войне на стороне Спарты и были разбиты афинянами в 426 г. до н.э. (см. статью «Амбракия» в Википедии). Впоследствии город был резиденцией эпирского царя Пирра и, потому, подвергся нападению римлян. Здесь и далее в трактате описываются события осады Амбракии римлянами летом 189 г. до н.э. и попыток этолийского полководца Никандра деблокировать город (note 122). Об этих событиях пишет Тит Ливий (38:3-5) [44, с. 269-271].

⁷⁶ Далее (до конца выделенного курсивом текста) Аноним пересказывает текст Полибия (XXI:27.7) [40, с. 222].

⁷⁷ Тит Ливий (38:6.10) пишет об этом так: «... этолийский претор то ли побоялся вступить в бой, то ли счел более важным оказать помощь недавно возвратившимся в союз амфилохийцам, которые тем временем подверглись жестокому натиску войск Филиппова сына Персея, посланного вернуть македонянам Долопию и Амфилохию» [44, с. 271-272].

⁷⁸ Видимо, имеется в виду пароль.

га, как случилось, в том числе, и с Фивами⁷⁹. Когда их осаждал Александр, фиванцы совершили вылазку, мужественно (р. 187:) атаковали македонян в направлении {отрядов} Пердикки и Койноса, активно преследуя их и ломая свои ряды, Александр появился со своими слаженными силами, и рассеял их без труда, так как они уже устали и были измучены напряжением. И македоняне, преследуя бегущих фиванцев, проникли внутрь стен и захватили город. Будучи уверенными в надежности своей передовой стражи, немногие [фиванцы] следили за стенами и, в результате, они по неосторожности отдали врагу быструю победу.

Отдай приказ воинам, идущим в атаку на врага, и назначь наказание {за его неисполнение}, дабы никто не бросился грабить и мародерствовать, пока враг не будет полностью побежден, чтобы его поражение они ненароком не превратили в победу, как сделали карфагеняне в Акрагасе. Потому что, будучи осаждены римлянами, {они} увидели, что римляне заняты поисками продовольствия, выйдя {из города} и (р. 189:) легко обратив их в беспорядочное бегство, они бросились грабить содержимое лагеря, но когда [римляне], оставленные там, оказали сильное сопротивление, они были разбиты, потеряли много людей, и с меньшим бесстрашием [думали] о будущих атаках и, в то же время, сделали римлян более осторожными при фуражировках.

Если враг строит {осадные} машины, подготовь заранее смоляные факелы и тросы, и смолу, и ручные сифоны⁸⁰, и раздели войска на большее количество частей и направь одних сражаться, а других сжигать машины.

И если будет на то воля Всевышнего, дух неприятеля окажется сломлен, и он откажется захватить город, а защитники города воспрянут и станут более храбрыми.

Когда враги давят и никоим образом не снимают осаду, если мы можем собрать значительные силы, [следует] противодействовать и провести решающее сражение, при этом не оставляя нетронутой вражескую территорию. Поскольку полезно одновременно делать и то, и другое, разрушая территорию врага и, таким образом, зачастую снимая осады и {в любом случае} не давая им продолжать осаду так, как они хотят. Поскольку они либо станут беспокоиться о своей [родной] земле, и свернут {осадный} лагерь со всей своей армией, или разделят свои силы и станут неэффективными во всех отношениях. Ибо если эти стратагемы успешны, они повергаются в великое отчаяние как неприятеля, так и (р. 191:) особенно его остающихся на родине {соплеменников}, которые думают, что их войска на вражеской территории побеждены. А впоследствии это разрушало многое, как, например, {случилось} с карфагенским полководцем Ганнибалом, который разорил территорию римлян, но оказался не в состоянии не только прорвать осаду, но даже разрушить город. Ибо когда римляне осаждали город Капую, находившийся в зависимости от них, и укрепили свой лагерь и территорию вокруг него частоколом и рвом, чтобы никакая сила не могла {к ним} пробраться, [Ганнибал] атаковал частокол врага, сражался два или три дня, и был отброшен; оставив огни, сигнализируя находящимся внутри о своих планах⁸¹, чтобы они в отчаянии не сдали город, и ночью ушел на Рим. Хотя он разорил и покорил {эту} землю, но потерпел неудачу, ибо случилось так, что в это время силы, [недавно] укомплектованные, вошли в

⁷⁹ Имеется в виду осада Фив Александром Македонским в 335 г. до н.э. (см.: Арриан. Поход Александра (1:8) [20, с. 55-56]).

⁸⁰ τὸ χερσίσφονον. «Хиросифоны» упоминаются в «Тактике» Льва VI (XIX:57) [32, с. 303]. Вероятно, это был переносной вариант стационарной трубы и насоса для выбрасывания огненной струи, но возможно также, что это был зажигательный снаряд, бросаемый вручную (note 131).

⁸¹ Ганнибал сообщил о своих планах через гонца (γραμματοφόρος). См. Полибий (IX:5.1) [39, с. 545] (note 133).

Рим⁸² и, забрав добычу, Ганнибал вернулся восвояси. Поскольку римляне упорствовали в осаде и капуанцы оказались в отчаянном положении, с тех пор как они лишились помощи, Капуя была взята и перешла под [римский] контроль.

Более того, когда Эпаминонд Фиванский достиг Тегеи⁸³ (р. 193:) со своими союзниками и увидел, что лакедемоняне и их союзники достигли Мантиней в полной силе, намереваясь привлечь фиванцев к битве, приказали своим людям поужинать в это время и, поскольку наступала ночь, он вывел свои силы, как будто стремился заранее занять выгодную позицию для битвы. Создав такую иллюзию у большинства наблюдателей, сам он двинулся на Спарту и внезапно проник в город около третьего часа и, найдя его без защитников, пробился к агоре и взял под контроль выходящую к реке часть города. Но в Мантинее ночью ускользнул дезертир и сообщил царю Агесилаю о случившемся, и когда [спартанцы] прибыли на помощь как раз во время захвата {их} города, [Эпаминонд] отказался от своих намерений. Дав своим силам позавтракать и восстановиться после напряженных усилий, он поспешил обратно по той же дороге, рассудив, что Мантинее также оставлена без защитников, как и было на самом деле. Поэтому, увещевая фиванцев и {двигаясь} скорым маршем всю ночь, около полудня он достиг Мантиней, в которой совершенно не было защитников. Но, в то же время, афиняне, которые были готовы принять участие в битве против фиванцев, прибыли на помощь лакедемонянам, согласно союзному {договору между ними}. И как только прибыла головная колонна фиванцев, внезапно появились афиняне, как будто {заранее} было запланировано одновременно появиться на холме над Мантинеей. Когда (р. 195:) оставшиеся жители Мантиней увидели это, они лишь преисполнились отваги взойти на стену и отразить нападение фиванцев. <Поэтому, историки вполне обоснованно порицают вышеупомянутые события, говоря, что> командующий сделал всё, что был должен, и Эпаминонд в этом превзошел своих врагов, но был <побежден> фортуной⁸⁴, так же, как и Ганнибал⁸⁵.

Также и Публий, римский полководец, и Доримах, стратиг этолийцев, прибыли лично, когда Филипп осаждал город эгинцев⁸⁶ и обезвредили как его позиции напротив [городских] стен, так и лагерь на внешней стороне сорвом и валом: Публий при помощи флота, а Доримах – с пехотными и кавалерийскими силами. Когда они напали на укрепленный лагерь и были отбиты, поскольку Филипп сражался более энергично, эгинцы отчаялись и сдались Филиппу. Ибо люди Доримаха были не в состоянии лишить Филиппа продовольствия, так как он получал его по морю.⁸⁷

Но если ситуация сложится так, что противник продолжает осаду и нет возможности ни дать ему генеральное сражение, но атаковать ночью, так как он хорошо обезопасил себя, необходимо не пренебрегать теми [из (р. 197:) врагов], которые заняты фуражировкой, и <совершать против них вылазки> и, непрерывно атакуя, сделать их беспомощными, что на самом деле является важнейшим.

⁸² Один легион был только что сформирован, а другой находился в стадии формирования. См.: Полибий (IX:6.7) [39, с. 546].

⁸³ Тегея – древнегреческий город в Аркадии на Пелопоннесе.

⁸⁴ Данный эпизод почерпнут Анонимом у Полибия (IX:8.2-3).

⁸⁵ О битве при Мантинее в 362 г. до н.э. см.: [28, с. 134-136]. Сравнение маршей Эпаминонда на Мантинее и Ганнибала на Рим и их последствий см. в: [16, р. 127-130] (note 135).

⁸⁶ Речь идет о событиях I Этолийской войны 211-209 гг. до н.э., когда римляне выступали союзниками Этолийского союза в борьбе против Македонии, которой правил Филипп V (238-179 гг. до н.э.).

⁸⁷ Данный абзац представляет собой сокращенное и искаженное изложение текста Полибия (IX:42) (note 137).

КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ ШТУРМУ

Если нет помощи от союзников извне, и враг длительное время эффективно задействует {осадные} машины посменно, и невозможно атаковать его ни днем, ни ночью, то ли потому что осажденные слабы, то ли враг обезопасил себя, как было сказано выше, тогда, насколько возможно, предводитель осажденных должен всех своих бойцов задействовать посменно, дабы они могли активнее сражаться, если и не все, то хотя бы те, кто несет на себе основную тяжесть битвы, † чтобы отдохнув духом и телом, <они сражались с большей охотой и, таким образом, также> придавали больше отваги уставшим товарищам. † Ибо часто, согласно полководческому искусству, враг устанавливает <...>⁸⁸ на одном участке {стены}, а лестницы – на другом [и] заставляет тех, кто находится на том участке, где они устанавливают лестницы, выдерживать большой натиск, и {поэтому} необходимо менять войска местами.

И если случится – а я молюсь об обратном – что рвы засыпаны и они подводят к этому месту тараны, строят осадный вал – ибо нет ничего, что может противостоять натиску (р. 199:) тарана – обращайся разумно с силой {осадных} машин, как поступал не только Иосиф {Флавий}⁸⁹, но и другие древние. Он приказал, чтобы мешки наполнили отрубями, но отрубями мокрыми, чтобы их нельзя было легко поджечь снизу, и опустили в то место, где видели постоянно бьющий таран †, чтобы предотвратить атаку, смягчая удары, и обезопасить <стену>. † А другие <наполняют> мешки мокрыми бобами, а [некоторые] опускают абордажные крюки, иные – канаты, чтобы остановить бревно [тарана]. И всегда бросай тяжелые камни. Но если они изготавливают также *резаки на шестах для отрезания мешков*, необходимо применить эффективный огонь⁹⁰, чтобы держать {осадную} машину на расстоянии, как делали люди Иосифа (р. 201:), так как у них не было сифонов⁹¹ и жидкого огня. Поэтому они тайно прошли через *трое* <ворот>⁹² и предали машины огню. Говорят также, что Элезар поднял тяжелый камень, бросил его на таран и сломал верхнюю часть машины и, прыгнув вниз, схватил ее в толпе врагов, поднял на стену и был сражен пятью стрелами⁹³. И действительно, поскольку римляне били по стенам из 160 катапульт, выпускали тучи стрел из множества стрелометов⁹⁴ и град камней из машин, оборонительные стены рушились, а углы башен крошились. И столь велика <была сила летящих камней>, что одному человеку в ту ночь ударом камня оторвало голову, а его череп отлетел,

⁸⁸ Лакуна в тексте, вероятно, содержащая слово *μηχανός* (осадные машины). Посвященная этому стратагема содержится в «Тактике» Льва VI (XV:19) [32, с. 235-236], в которой говорится об использовании лестниц там, где защитники оставляют отдельные участки незащищенными, чтобы противостоять в других местах осадным машинам. См. также: Онасандр (XLII:4) (note 140). Лев VI, в отличие от Анонима, пишет об этом приеме применительно к осаде, а не к обороне города, и советует стратегию, ведущему осаду, применять его как весьма эффективный.

⁸⁹ Эту рекомендацию дал не Иосиф Флавий, а Афиной Механик (I в. до н.э.), советовавший использовать в этих целях сено, пропитанное уксусом (18:1-7). Те же рекомендации повторил в XII в. Герон Византийский (он же Герон Младший или Аноним Византийский) в трактате «Инструкции по полиоркетике» (39:31-34) (note 141). Труд этого автора в переводе М.Н. Страхова доступен на сайте xlegio.ru. См. также: [34, с. 442-447].

⁹⁰ По мнению Д. Салливана (note 145), слово *ἐνεργός*, переведенное в тексте как «эффективный» (effective), уместнее перевести как «современный» (actual) или «реально существующий» (real), т.к. в X веке вводились новые способы применения заградительного огня.

⁹¹ Имеются в виду сифоны для греческого огня (см. note 131).

⁹² См. этот сюжет в «Иудейской войне» Иосифа Флавия (III:7.20) [22, с. 234] (note 149). Русский перевод «Иудейской войны», выполненный Я.Л. Чертком, см. на сайте: www.bibliotekar.ru.

⁹³ См. Иосиф Флавий (III:7.21) [22, с. 235].

⁹⁴ Слово «*δὸξυβέλων*» (стрелометы) буквально переводится как «быстрые стрелки» (note 150).

будто {выпущенный из} пращи, на три стадия⁹⁵; на рассвете женщину, выходящую из дома, ударило в живот и (р. 203:) отбросило ее плод на пол стадия. Но когда стена была проломлена и открылся путь {осадным} орудиям, [защитники] с оружием в руках заградили ее. А Веспасиан спешил свою лучшую кавалерию и <...>⁹⁶, чтобы отбросить их и облегчить путь штурмующим. Когда воины взяли свои копья, луки и другое стрелковое оружие наизготовку, Иосиф и здесь показал себя настоящим полководцем: разместил своих лучших людей на разрушенных участках стены и сам разделил опасность с первыми из них, а пожилых и утомленных расположил на уцелевших участках. Он приказал воинам защитить уши от боевого клича легионов, чтобы не боялись, спрятаться за щитами от потока стрел, и отступить потихоньку, пока лучники не опустошат свои колчаны; а когда [римляне] наведут мостки, чтобы первыми взойти на них, нейтрализовать эти (р. 205:) их приспособления. Он запер женщин в домах, чтобы они своим плачем не угнетали дух его людей, так как, увидев, что город окружен тройным кольцом и враг, вооруженный мечами – на разрушенных стенах, <и> в горах над городом засверкало оружие, и арабские лучники подняли свои луки, они испустили что-то вроде последнего вопля о своем пленении. Когда был дан сигнал, трубачи всех легионов одновременно затрубили в рога, и войско подняло ужасный крик, и принялось повсюду стрелять из луков, так что померк свет. [Иудеи] защитили свои уши от криков, а тела от стрел <и когда римляне навели {штурмовые} устройства, они избежали на них первыми>. Поскольку они вступали в бой с поднимавшимся [врагом], то являли множество примеров силы духа. А римляне ободряли друг друга и, сомкнув щиты над собой, создавая так называемую «черепашу»⁹⁷, они превратились в нерушимую стену и как бы в единое существо, (р. 207:) всей фалангой оттеснили иудеев назад и были готовы взобраться на стену. Иосиф приказал лить кипящее масло на сомкнутые щиты и рассеять построение, вынудив римлян скатываться со стены в ужасных мучениях, вследствие чего Веспасиан был вынужден подготовить три {осадные} башни 50 футов высотой, полностью покрытых железом, а потому, прочных и огнеупорных. Он расположил их на осадных валах и разместил на них метателей дротиков и лучников <и> зажигательную артиллерию и сильнейших пращников. Они были невидимы благодаря высоте и брустверам башни и стреляли по людям на стенах, которые были видны. [Защитникам] было нелегко избежать стрел, летящих им в головы, не то что отражать невидимого [врага] и, видя высокие башни недоступными ручным снарядам и окружающее их огнеупорное железо, они исчезли со стены и устроили внезапную вылазку против нападавших⁹⁸.

Также и этолийцы, осажденные Марком, консулом Рима⁹⁹, храбро ответили на штурм осадных машин (р. 209:) и таранов. Ибо [Марк], обезопасив свой лагерь, выдвинул три {осадных} машины по ровной местности возле Пиррея¹⁰⁰ на некотором расстоянии одну от другой, но параллельно

⁹⁵ Римский стадий равен 185 м. 3 стадия = 555 м.

⁹⁶ Лакуна в тексте предположительно заполняется так: «поставил ее против стоящих в проломе» (note 153).

⁹⁷ Эта фраза отсутствует у Иосифа Флавия и, видимо, была почерпнута Анонимом из «Римской истории» Диона Кассия (49:30) [50, р. 400-403] (note 155).

⁹⁸ См. об этом эпизоде: Иосиф Флавий. Иудейская война (III:7.30) [22, с. 239-240].

⁹⁹ По мнению Х. в.д. Берг, данный эпизод представляет собой вольный пересказ сообщения Полибия во «Всеобщей истории» (XXI:27.1) [40, с. 222] (note 156). Речь идет об осаде Амбракии в 189 г. до н.э. О ней также повествует Тит Ливий в «Истории Рима от основания города» (XXXVIII:5) [44, с. 271-272]. Данный источник доступен в переводе А.И. Солопова на сайте www.xlegio.ru.

¹⁰⁰ Пиррей – возможно, бывший дворец царя Пирра (см.: [44, с. 691, прим. 12]).

{друг другу}, четвертую – у храма Асклепия, а пятую у акрополя. Поскольку наступление активно велось во всех этих местах, осажденные были напуганы тем, что должно было произойти. Когда тараны решительно ударили по стенам, а шесты с серпами обрушивали зубцы, осажденные попытались противостоять им, сбрасывая свинцовые грузы, камни и дубовые бревна с помощью выступающих {за линию стены} балок и, цепляя серпы железными крючьями, втягивали их на стену, так что когда шест обрушивался на зубец, его цепляли крючьями. Они также совершали вылазки и отважно сражались, порой атакуя на спящих у {осадных} машин, а иногда среди бела дня <выступали против> дневной стражи, и так они замедляли осаду.

Но если противник использует лайсы¹⁰¹ для засыпания рвов, как поступали многие древние, следует выливать на них человеческие испражнения и {таким образом} отбросить назад; испражнения полезно выливать на любую {осадную} машину, {и} даже на сомкнутые щиты <...>¹⁰²

КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ ОСАДНЫМ МАШИНАМ

(р. 211:) Но если стены будут серьезно повреждены ударами таранов и рухнут, следует не отчаиваться сразу, а завесить {пролом} тяжелыми щитовками, чтобы прикрыться от летящих снарядов и возводить другую стену и копать ров. Ибо многие города даже после падения стен устояли перед врагом, как, например, Амбракия¹⁰³. Ибо поскольку римляне долго таранили стены, часть <из них> постоянно <обрушивалась>.

Однако они не могли проникнуть в город через бреши, поскольку этолийцы возводили внутри контрвалы и храбро сражались на разрушенных куртинах. Потеряв, таким образом, надежду взять город силой, они прибегли к подкопу. Но и от этого устройства они были отброшены, так как осажденные проявили большую военную проницательность, как становится ясно из трактата {Полибия}, и были осведомлены об их плане. Римляне уже там защитили среднюю из трех машин, тщательно покрыв ее плетеньями (р. 213:) щитами, и построили перед ней крытую галерею параллельно стене {длиной} около двух плетров¹⁰⁴. Начиная от этой галереи, они долго рыли, день и ночь, посменно. И так много дней они выносили из подкопа землю скрытно от осажденных. Но когда куча вынесенной земли стала большой и видимой осажденным, их предводители начали энергично рыть траншею внутри параллельно самой стене и галерее перед башнями. Когда она стала достаточно глубокой, они разложили вдоль одной стороны траншеи рядом со стеной непрерывной линией очень тонко изготовленные бронзовые тарелки, вроде лекан¹⁰⁵ и подобных им вещей и, идя вдоль траншеи рядом с ними, слушали звуки, {исходящие} от осаждающих. Когда они отметили место, где некоторые тарелки отражали звуки, доходившие извне, они начали рыть другой подкоп под стеной под прямым углом к существующему, чтобы наткнуться на противника и противостоять {ему}. Вскоре так и вышло, поскольку римляне не только достигли стены под землей, но и подрыли значительную часть стены с обеих сто-

¹⁰¹ Здесь Аноним, видимо, использует термин X в. «лайса» в значении «черепашка», т.е. защитный экран из сомкнутых щитов (note 159).

¹⁰² Далее – лакуна в тексте примерно в 4-4,5 строки (note 161).

¹⁰³ См. прим. 75 настоящей публикации. Осада Амбракии описывается ниже по Полибию (XXI:27-28) [40, с. 222-224].

¹⁰⁴ Примерно 60 метров. Византийский плетр составлял от 29,81 до 35,77 м., а древнегреческий – 31 метр.

¹⁰⁵ Лекана – древнегреческий сосуд, представляющий собой плоскую чашу с двумя горизонтальными ручками по бокам.

рон подкопа. Они встретились и поначалу сражались под землей на копьях. Но когда они не достигли таким образом многого, ибо стороны держали перед собой щиты и плетенки, кто-то предложил осажденным, разместив перед собой большой глиняный горшок, достаточно широкий, чтобы поместился в подкопе, проделать в его нижней части отверстие и, просунув {в него} железную трубку одинаковой с сосудом длины, заполнить горшок (р. 215:) хорошими перьями и слегка подпалить их через отверстие в сосуде. Затем, поместив на горловину [сосуда] железную крышку с множеством отверстий, они должны были внести его осторожно в подкоп, направив отверстием в сторону врага. Приблизившись к противнику, они должны были полностью закупорить [пространство вокруг] горшка, оставив два отверстия, по одному с каждой стороны, через которые они могли просунуть пики и не давать противнику приблизиться к горшку. Затем им следовало взять меха, подобные тем, что используют медники, и подсоединить их к железной трубе, находящейся там среди перьев и, сильно раздувая огонь в горловине, постепенно выдвигать трубу, пока перья не загорятся. Когда всё, что я описал, было сделано, результатом стало огромное количество дыма, особенно едкого из-за свойств перьев, и весь он пошел во вражеский подкоп, так что римляне сильно пострадали, ибо не могли ни остановить дым в своем подкопе, ни противостоять {ему}¹⁰⁶.

И посему необходимо, используя такие встречные военные хитрости, отбросить противника и оставаться невозмутимым в трудных обстоятельствах, и не отчаиваться, даже если стены будут серьезно поколеблены или даже разрушены, (р. 217:) но и не впадать в самонадеянность, даже если ты расстроишь одну-две или даже различные уловки врага. Ибо он не лишен изобретательности. Ибо {его} [изобретения] многочисленны и неисчислимы, некоторые используются явно [и] открыто, другие – тайно, подобно тем, что {происходят} из-за лени или предательства наших людей, кои особенно необходимо предупредить и предотвратить согласно методу, который будет изложен [ниже], но сначала необходимо поговорить об открытых уловках.

Итак, если город окружен морем с одной или более сторон и ожидается, что враг установит {осадные} машины и лестницы на судах, как это действительно случилось в Фессалонике¹⁰⁷ и множестве других [городов], захваченных агарянами, необходимо принять против этого ответные меры, следуя мудрости Архимеда. Ибо если успешно использовать {даже} часть вещей, придуманных этим человеком, враг будет вынужден бежать ни с чем, потеряв множество своих людей, так как сила врага уступает мудрости Архимеда, и никто из нынешних не достигает его уровня, даже если некоторые из них действительно умны. Ибо когда римляне осаждали Сиракузы, командующим был Аппий¹⁰⁸, и силой пехоты возле <Гексапил¹⁰⁹ и с

¹⁰⁶ Схожие рекомендации даёт т.н. Герон Византийский в «Инструкциях по полиоркетике» (11:27-29) (см.: xlegio.ru), а Анна Комнина в «Алексиаде» (XIII:3) [18, с. 345-346] описала использование контрподкопа и дыма для изгнания противника, но не упомянула бронзовых тарелок для обнаружения вражеской мины (note 171).

¹⁰⁷ Речь идет о взятии Фессалоники арабским («агарянским») пиратом Львом Триполитанским в 904 г. Подробно об этом см.: Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники [21, с. 159-185]. Данный источник доступен на сайтах www.vostlit.narod.ru и www.agios.org.ua.

¹⁰⁸ Х. в.д. Берг отмечает, что Аноним ошибается, называя руководителем осады Сиракуз Аппия Клавдия Пульхера, т.к. на самом деле им был Марк Клавдий Марцелл (note 175). Об осаде Сиракуз см.: Тит Ливий. «История Рима от основания города» (XXIV.4 – XXV.31) [43, с. 151-217]. Там же – подробные комментарии к упомянутым ниже топонимам. Аноним далее излагает события осады Сиракуз по Полибию (VIII:3.3 – VIII:9) [39, с. 509-514].

¹⁰⁹ Гексапил (Шестивратие) – северные или северо-восточные ворота Сиракуз со стороны Леонтийской дороги.

флотом> у так называемого Скитского портика в Ахрадине¹¹⁰, где стена находится прямо у берега моря, они окружили [город] и приготовили (р. 219:) плетеные щиты, метательные снаряды и другие припасы для осады, намереваясь опередить врага в приготовлениях на пять дней, {но} не учли способностей Архимеда, не предполагая, что в некоторых случаях дух одного человека действеннее любых больших чисел. Однако они познали истинность этих слов на практике. Хотя {этот} город силен тем, что {его} стена опоясывает возвышающиеся скалы с нависающими краями, которые, за исключением некоторых мест, неприступны даже без защитников, вышеупомянутый человек развернул в городе интенсивные приготовления, в том числе – подготовку к атакам с моря, так что защитникам не нужно было реагировать мгновенно, но они могли ответить на любой ход неприятеля. Однако Аппий решил, с плетеными щитами и лестницами, выступить против участка стены, прилегающей к Гексапилу с востока.

Марк подступил к Ахрадине с моря на 60 пентерах¹¹¹, полных людей с луками, пращами и дротиками, предназначенными для поражения защитников стен. Также у него было восемь пентер, с которых были частично сняты вёсла: на одних по правому борту, на других – по левому. Они были соединены попарно с той стороны, где не было вёсел, и с помощью вёсел на внешних сторонах, они подвели к (р. 221:) стене так называемые самбуки¹¹². Сущность конструкции вышеуказанных приспособлений такова. Изготавливаются лестницы четырех футов ширины и длиной, соответствующей высоте стены, когда будут подняты на [должном] расстоянии, огражденные со всех сторон и закрытые высоким защитным парапетом. Затем они укладываются горизонтально на соприкасающихся бортах избранных кораблей, далеко выступая за {их} носы. На верхушках мачт крепятся блоки для веревок, и когда они приводятся в действие, люди стоящие на корме, тросами, прикрепленными к верхней части лестниц, поднимают их с помощью блоков, в то время как остальные, [стоя] на носу, поддерживают [их] подпорками, следя за безопасностью подъема устройства. Затем, используя вёсла на обоих внешних бортах кораблей, их подводят к берегу и пытаются приставить вышеописанные устройства к стене. На верхушке лестницы есть помост, защищенный с трех сторон плетеными щитами, на котором стоят 4 человека и противостоят врагу, сражаясь с теми, кто со стен пытается помешать установке самбуки. Когда она установлена и находится выше уровня стены, эти люди снимают плетеные щиты со всех сторон и взбираются на стены или (р. 223:) башни, а остальные следуют за ними по самбуке; лестница же стоит спокойно на двух кораблях благодаря канатам. Конструкция получила это название, потому что, когда она поднята, лестница и судно вместе напоминают по форме «самбуку»¹¹³.

Итак, после выполнения этих мероприятий, [римляне] намеревались подойти к башням. Но вышеупомянутый человек, подготовивший устройства, способные метать снаряды на любые расстояния, повреждал подплывающие корабли на больших расстояниях своими более крупными и мощными камнеметами и катапультами, чтобы ввергнуть их в большие

¹¹⁰ Ахрадина – центральный район Сиракуз на о. Сицилия, бывший изначально их предместьем. Там находилось множество статусных строений, в том числе Скитский портик.

¹¹¹ Пентера – корабль с пятью рядами вёсел.

¹¹² Самбуку описывает также т.н. «Герон Византийский» в «Инструкциях по полиоркетике» (53:1-54:12, рис. 23-24) (note 178). (см.: www.xlegio.ru).

¹¹³ Самбука или самбика (σαμβύκη) – древнегреческий музыкальный инструмент с четырьмя струнами, похожий на треугольную арфу.

трудности; и как только эти устройства {начинали} стрелять слишком высоко, он использовал соразмерно меньшие экземпляры, чтобы поражать цель и в этот момент и, наконец, привел {врагов} в такое замешательство, что полностью остановил их наступление по морю, пока Марк не разозлился настолько, что был вынужден подводить свои корабли {к берегу} ночью втайне. Но когда они были близко к земле в «мертвой зоне»¹¹⁴ [Архимед] приготовил другое приспособление для нападения на людей, сражающихся с кораблями. Он плотно утыкал стену отверстиями на высоте человеческого роста и шириной с наружной стороны примерно с ладонь. Расставив у них лучников и небольшие стреломёты с внутренней стороны стены и стреляя через них, он сделал морской десант бессмысленным. Таким образом, он не только сделал противника неэффективным, был ли он на расстоянии или близко, но и нанес ему большие потери. И когда они стали поднимать (р. 225:) самбуки, его (Архимеда – В.Х.) устройства были наготове вдоль всей стены, невидимые с другой стороны, {они} поднимались при необходимости над стеной, их балки выдвигались далеко за стены; некоторые из них несли камни не менее 10 талантов весом¹¹⁵, а другие – большие свинцовые грузы. Затем, всякий раз, когда приближалась самбука, балки разворачивались на шарнирах в нужную {сторону}, и машины выпускали камни по самбуке. В результате уничтожалось не только само устройство, но и корабль, и те, кто на нем находился, подвергались величайшей опасности. Были также машины, направляемые против людей, продвигавшихся под защитой плетеных щитов и, потому, защищенных от повреждения снарядами, выпускаемыми сквозь стену. Эти машины, с одной стороны, стреляли камнями, достаточно большими, чтобы заставить штурмующих бежать с носа {корабля}, и одновременно опускали abordажные крючья, прикрепленные к цепи, с помощью которых человек, управлявший балкой, захватывал [корабль] за нос; затем он отпускал нижний конец машины с внутренней стороны стены. И когда он таким образом поднимал нос корабля и тот стоял на корме, основание машины фиксировалось неподвижно, а abordажный крюк и цепь, с помощью спускового механизма, резко выпадали из машины. Когда это происходило, некоторые суда ложились на бок, некоторые опрокидывались, а большинство, когда их (р. 227:) носы, таким образом, падали с высоты, погружались в воду и наполнялись морской водой и хаосом. Марк был в отчаянии от того, что столкнулся с Архимедом и, видя, как осажденные отбивают его приступы, какой причиняют ему ущерб и как насмеваются, он был раздосадован, но все же, размышляя о своих действиях, говорил: «Архимед использует мои корабли, чтобы черпать морскую воду как вино, а мои самбуки швыряет вниз и изгоняет с позором как незваных гостей». Такой была осада с моря.

Аппий испытывал такие же трудности и отказался от своих намерений. Ибо его люди даже на расстоянии {от стен} погибали, пораженные камнеметами и катапультами; запас артиллерии был устрашающим как по количеству, так <и по силе>, чего и следовало ожидать, ибо Гиерон¹¹⁶ предоставил средства, а Архимед разработал и построил устройства. А когда они все же оказывались вблизи города, на них непрерывно нападали через отверстия в стене, о которых я упоминал ранее, и их наступление отбивалось; а если они атаквали под прикрытием плетеных щитов

¹¹⁴ ἐντὸς βέλους – имеется в виду пространство, недоступное для попадания метательной артиллерии из-за близости к месту ее расположения.

¹¹⁵ Т.е. около 250 килограммов.

¹¹⁶ Гиерон II – царь Сиракуз в 270-215 гг. до н.э.

тов, их уничтожали камнями и бревнами, летевшими им на головы. [Осаждающие] были также бессильны перед вышеупомянутыми крючьями, подвешенными к машинам, которые поднимали людей, в полном <вооружении> и затем швыряли их вниз. В конце концов Аппий отступил в свой лагерь и созвал совет трибунов, на котором было единогласно решено испытать любые надежные средства, за исключением взятия Сиракуз приступом. Так постепенно и сделали, ибо (р. 229:) осаждая город в течение восьми месяцев и ни одной другой военной хитростью не пренебрегая, они больше ни разу не пытались взять город приступом. [Римляне], будучи сильны на море и на суше, захватили бы город сразу, если бы кто-нибудь убрал из Сиракуз одного старика, но пока он там был, они не решались атаковать.

Но если ты, как предводитель осажденных, хорошо оснастил несколько † механизмов †, как сказано выше, ты легко победишь врага. Ибо предводители чужих народов в наше время несравнимы с древними: по духу, изобретательности, силам им далеко до них. Ибо то, что Александр, царь Македонии придумывал для осады Тира и Газы, а Тит для осады Иерусалима, и другие для других городов, как станет понятно, когда мы начнем, кто сегодня будет способен придумать и предпринять такие усилия?

Ибо Тир был почти что островом и повсюду окружен высокими стенами, и в это время персы, которые управляли этим городом, господствовали на море, а сами тирийцы владели множеством кораблей¹¹⁷. Тем не менее, [Александр] решил построить дамбу от материка до города. Местность там представляет собой мелководный пролив; а море в сторону материка состоит из мелей и ила; но возле самого города, в (р. 231:) самой глубокой части переправы, глубина около трех морских сажен¹¹⁸. Но там было множество камней и дерева, вбитого поверх камней, и колья были без труда закреплены в иле, а сам ил скреплял между собой камни. Македоняне были вполне готовы к работе, в том числе и Александр, который лично присутствовал, объясняя и поощряя работников словами, более того, вдохновляя наградами тех, кто выполнял какую-либо работу особенно хорошо. Пока строительство дамбы шло возле материка, работа продвигалась без труда, поскольку засыпаемая глубина была небольшой и никто {осаждающим} не препятствовал. Но когда дошли до более глубокой воды и приблизились к самому городу, под огонь с высоких стен, <они оказались в большой беде, поскольку эти люди были специально снаряжены для работы, а не для сражения>. А тирийцы, подплывая к дамбе на своих триерах то с одной стороны, то с другой, поскольку они действительно всё еще господствовали на море, во многих местах затрудняли возведение дамбы македонянами. А македоняне разместили две башни на верхушке дамбы, которая уже <далеко> продвинулась в море, и орудия на башнях. Они были покрыты шкурами и кожами так, чтобы их нельзя было поразить стрелами со стены, и строители также получили защиту от стрел; в то же время, тирийцев, которые подплывали и пытались навредить строителям дамбы, можно было с высокой вероятностью без труда отбросить стрельбой с башен.

Однако тирийцы приняли следующие контрмеры: они наполнили корабль для перевозки лошадей сухими ветками и другим горючим (р. 233:) материалом, закрепили две мачты на носу, и построили вокруг заграждения, вытянутые как можно дальше, чтобы в них поместилось как можно

¹¹⁷ Аноним излагает историю осады Тира Александром Македонским, следуя тексту трактата Арриана Флавия «Поход Александра» (II:18.3 – II:23.6) [20, с. 95-100].

¹¹⁸ Морская сажень равна 6 футам или 182 см. 3 морские сажени ≈ 5,5 м.

больше стружки и факелов, и в дополнение они налили сверху дёгтя и что-то еще, чтобы разжечь большой пожар. Затем они установили двойные нок-реи¹¹⁹ на обеих мачтах и с них свесили котлы со всем, что, будучи вылитым или выброшенным, разжигает сильное пламя; и загрузили корму балластом, чтобы нос задрался вверх, так как корабль был придавлен книзу на корме. Затем они выждали ветра, дующего в сторону дамбы и, привязав судно канатами, буксировали его сзади при помощи триер. Когда оно уже подходило к дамбе и башням, они воспламенили вещество и со всей силы потащили триерами и разбили корабль об оконечность мола. Люди с корабля, который уже горел, уплыли без труда. Тем временем пожар перекинулся на башни, и нок-реи, сломавшись, вылили в огонь то, что было приготовлено для разжигания пламени. Люди в триерах отдали якоря близ дамбы и посылали стрелы по башням, так что они стали небезопасными для каждого, кто приближался к ним со средствами для тушения пожара. В этот момент, когда башни были уже поглощены {огнем}, [тирийцы] массово ринулись из города на небольших лодках и, высаживаясь в разных частях дамбы, без труда сносили ограждение, установленное перед нею; они сожгли все устройства, которые не были (р. 235:) охвачены огнем с корабля. Однако Александр приказал своим людям строить более широкий мол, начиная от материка, чтобы {он мог} нести больше башен, а механикам он велел построить дополнительные устройства. Когда они были готовы, он лично вместе с гипаспистами¹²⁰ и агрианами¹²¹ отправился в Сидон, чтобы там собрать все свои триеры, так как осада представлялась более трудной, пока тириане господствовали на море.

Тем временем Герострат, царь Арада, и Энил, {царь} Библа, узнав, что Александр удерживает их города, покинули Автофрадата¹²² и его корабли и прибыли к Александру со своим флотом, и с ними прибыли сидонские триеры, так что около 80 финикийских кораблей присоединилось к нему. В то же время туда прибыли триеры <с Родоса>, девять, в дополнение к сторожевым кораблям их государства, <и> три с Соли и Маллоса¹²³, и десять из Ликии, и пятидесятивесельный корабль из Македонии. Его капитаном {был} Проэт, сын Андроника. Немного позже цари Кипра также высадились в Сидоне примерно со 120 кораблями после того, как узнали о поражении Дария при Иссе и были напуганы тем обстоятельством, что Александр контролирует всю Финикию. Всем им Александр дал прощение за их прежние действия, поскольку они, казалось, присоединились к персидскому флоту, скорее, по необходимости, нежели добровольно.

(р. 237:) Пока строились его {осадные} орудия, а корабли оснащались <для> нападения и проведения морского сражения, Александр тем временем с частью кавалерийских <отрядов>, гипаспистами, агрианами и лучниками, отправился в Аравию к горе, именуемой Антиливан¹²⁴. Он взял здесь силой несколько мест, некоторые принудил к сдаче, и через 10 дней

¹¹⁹ Имеется в виду рея, которая устанавливается наверху мачты.

¹²⁰ Гипасписты («щитоносцы») – элитное подразделение македонской армии времен Филиппа II и Александра.

¹²¹ Агрианы – фракийско-македонское племя, проживавшее на северо-востоке Балкан на берегах реки Стримон. В армии Александра служили лучниками (см. Реальный словарь классических древностей / ред. Й. Геффкен, Э. Цибарт. – СПб., 1914).

¹²² Автофрадат – полководец Дария III.

¹²³ Соли и Маллос – города в Киликии на юго-восточном побережье Малой Азии.

¹²⁴ На самом деле горный хребет Антиливан находится не в Аравии, а в Ливане и отделяет эту страну от Сирийского плато.

вернулся в Сидон, и обнаружил, что Клеандр, сын Полемократа¹²⁵ прибыл с Пелопоннеса, и с ним около четырех тысяч греческих наемников.

Когда его флот был сформирован, он посадил на палубы множество гипаспистов, необходимых в битве (ибо полагал, что помимо морского сражения может дойти до прорыва сквозь вражеский строй, который не обходится без рукопашной схватки) и, подняв якоря, отплыл из Сидона в Тир в составе корабельного строя; он был на правом фланге, со стороны открытого моря, с ним были цари Кипра и все финикияне, за исключением Пниагора; он с Кратером командовал левым флангом строя¹²⁶. Тиряне вначале решили сражаться на море, если Александр атакует их с моря. Но затем, увидев множество кораблей, далеко превзошедших их ожидания (ибо они еще не знали, что кипрские и все финикийские корабли были с Александром) и, поскольку нападение к тому же осуществлялось организованным строем, так как, не доходя до города, корабли Александра встали на якорь, чтобы увидеть, смогут ли они выманить тирян на морское сражение, и затем, поскольку [тиряне] не выходили, они двинулись строем {вперед}, изо всех сил налегая на вёсла; тиряне, наблюдавшие <это>, уклонились от битвы; но множеством триер (р. 239:) плотно заблокировали доступ к устьям своих бухт и охраняли их так, чтобы вражеский флот не мог бросить якорь ни <в> одной из гаваней.

Однако, Александр, когда тиряне не вышли, двинулся к городу; он отказался прорываться в гавань со стороны Сидона из-за узости {ее} устья, а также видя, что вход заблокирован множеством триер носом {к выходу}; но финикияне атаковали три триеры, которые стояли на якоре далеко в устье, и налетели на них носом и потопили их; люди, {находившиеся} на кораблях, без труда уплыли; тогда флот Александра встал на якорь недалеко от вновь построенной дамбы вдоль берега, там, где была защита от ветра. На следующий день Александр приказал киприотам на их кораблях, под командованием Андромаха¹²⁷, блокировать флот в бухте, обращенной в сторону Сидона, а финикиянам делать то же самое на другой стороне дамбы, со стороны Египта, где находилась его палатка.

К этому времени множество механиков собралось с Кипра и со всей Финикии, и было собрано большое количество механизмов. Когда всё было готово, они выдвинули устройства вдоль вновь построенного мола, а также с кораблей, стоявших на якоре неподалеку от стены там и тут, и теперь начавших атаковать стену.

Тиряне установили деревянные башни на стенах напротив дамбы, чтобы сражаться с них, и если {осадные} устройства продвигались вперед на каком-либо другом участке, они защищались {с помощью} метательных снарядов, а сами осыпали корабли огненными стрелами, так что македоняне боялись приближаться к стенам. Стены, стоявшие напротив дамбы, были около 150 футов¹²⁸ высотой и соответствующей толщины, (р. 241:) построены из массивных камней на связующем растворе. Даже здесь македонским кораблям для перевозки кавалерии и триерам, с которых били по стенам машины, было нелегко из-за многочисленных камней, брошенных в море {и} препятствовавших подходу. Александр решил вытаскивать эти камни из моря, но эта работа продвигалась с трудом, так

¹²⁵ Клеандр сын Полемократа – командир лучников Александра. Об этом эпизоде см. также: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского (IV:3.11) [24, с. 53].

¹²⁶ Кратер – сподвижник и полководец Александра, впоследствии – один из диадохов; Пниагор – один из царей Кипра, союзник Александра.

¹²⁷ Андромах – гетайр Александра. Командовал наемной конницей. Погиб в бою со скифами в 329 г. до н.э.

¹²⁸ 150 футов – около 46 м., учитывая, что ионический фут равен 0,308 м.

как производилась с кораблей, а не с суши; более того, тиряне защитили свои корабли щитами по бортам¹²⁹ и действовали против якорей триер, перерубая якорные канаты {и} делая для вражеских кораблей невозможным встать на якорь поблизости. Но Александр добавил таким же образом бортовые щиты ряду тридцативесельных кораблей и расположил их крест-накрест перед якорями, чтобы так отразить атаку [тирских] кораблей. [Но] даже при этом ныряльщики, двигаясь под водой, резали канаты. Тогда македоняне использовали цепи в качестве якорных канатов и опустили их так, чтобы ныряльщики больше не могли ничего добиться. Затем они обвязали петли вокруг камней и вытягивали их с насыпи из моря и затем, поднимая их с помощью механизмов, перебрасывали в глубокие воды, где они больше не торчали и не причиняли вреда. Итак, когда они расчистили подходы к стене, корабли без труда подошли к ним на близкое расстояние.

Тиряне, в полном смятении, решили атаковать кипрские суда, блокировавшие бухту со стороны Сидона. (р. 243:) Они надолго закрыли выход из бухты парусами, чтобы оснащения триер не было видно, и около полудня, когда [греческие] моряки рассредоточились по неотложным делам, а Александр убыл с эскадры на другую сторону города в свою палатку, они снарядили три пентеры и соответствующее количество тетрер¹³⁰, и семь триер с наиболее опытными экипажами и, чтобы сражаться с палуб, наилучшим образом вооруженных и наиболее бравых морских пехотинцев. Сначала они выступили в едином строю, гребя осторожно и скользя веслами без команд келевстов¹³¹, а когда они повернули к киприотам и их должны были увидеть, тогда с громкими криками, подбадривая друг друга и быстро гребя, они двинулись вперед.

В тот день случилось так, что Александр уединился в своей палатке, но не отдыхал там, как он обычно делал, и вскоре возвратился на корабли. Тиряне, напав неожиданно на {стоявшие} на якорю корабли, обнаружили некоторые полностью пустыми, а другие – с трудом укомплектованными теми, кто там оказался, услышав шум нападения; в первой атаке они потопили пентеру Пнитагора, а также {корабли} Андрохла, {царя} Аматауса¹³² и Пасикрата {царя} Куриона¹³³; остальные они оттянули к берегу и разбили.

Однако, Александр, узнав о вылазке тирских триер, (р. 245:) приказал большинству своих кораблей встать на якорь в устье бухты, когда каждый {из них} будет укомплектован, чтобы другие тирские корабли не могли выйти; затем он лично взял свои пентеры и около пяти триер, с самыми резвыми экипажами, и поплыл вокруг города против выдвигающихся тирян. Люди на стенах, видя подплывающего врага и Александра на борту, <закричали своим морякам, чтобы поворачивали>, но так как их <не> слышали из-за криков тех, кто участвовал в бою, они использовали другие сигналы, чтобы призвать их к отступлению. [Тиряне в море], слишком поздно заметив атаку кораблей Александра, развернулись и бросились назад в бухту. Некоторым тирским кораблям удалось вовремя спастись, но корабли Александра атаковали большинство из них и привели в негод-

¹²⁹ ναῦς καταφραζαντες. В английском переводе – side screens.

¹³⁰ Тетрера – древнегреческий боевой корабль с четырьмя рядами весел.

¹³¹ Келевсты (κελευστων) – начальники гребцов. На английский язык Д. Салливан перевел этот термин как boatswains (боцманы).

¹³² Аматаус – античный и средневековый город на Кипре близ современной Ларнаки. Основан в XII-XI вв. до н.э. К концу XII в. н.э. прекратил существование.

¹³³ Курион – античный город на Кипре близ современного Лимасола. Основан в XII в. до н.э., razoren арабами в VII в.н.э., после чего был покинут жителями.

ность, а пентера и тетрера были захвачены в самом устье бухты. Это не стало большим поражением для морских пехотинцев, ибо они, как только увидели, что их корабли захвачены, без труда уплыли вглубь бухты.

Когда тиряне не могли больше ожидать помощи от своих кораблей, македоняне задействовали против стен механизмы. На самом деле, когда они были установлены вдоль дамбы, они не сделали ничего достойного упоминания, учитывая мощь стены; но на обращенную к Сидону сторону города они (македоняне – В.Х.) подвели часть своих оснащенных механизмами кораблей. А поскольку они здесь не преуспели, Александр повернул на юг – к стене, обращенной к Египту, испытывая ее на прочность со всех сторон. Здесь стена была впервые поколеблена, частично сломана и разрушена, и вслед за этим Александр совершил пробную (р. 247:) атаку, так далеко, как позволяли мостки, заброшенные на разрушенные участки стены: однако, тиряне отбили македонян без труда.

После этого, на третий день, выждав для успокоения и побуждая своих военачальников к действию, [Александр] задействовал {осадные} механизмы на кораблях против города. Сперва он разрушил значительный участок стены. А когда обрушение стало достаточно широким, он приказал кораблям, несущим {осадные} механизмы, отойти; он направил два других, несущих мостки, которые он намеревался навести {там}, где стена была обрушена. На одном из кораблей были гипасписты во главе с Адметом; отряд Кена, именуемый «пешие друзья»¹³⁴, – на другом. Сам он намеревался вместе с гипаспистами подняться, где возможно, на стену. Он приказал части своих триер двигаться вдоль обеих бухт, чтобы увидеть, есть ли возможность, {пока} тиряне отвлечены его войсками, прорваться внутрь. Другим, несшим на палубах снаряды для {осадных} орудий или лучников, он приказал плыть вдоль стены и высаживаться где возможно (и{ли} вставить на якорь в ряд, пока будет невозможно высадиться), чтобы тиряне оказались под огнем со всех сторон и утратили решимость среди опасностей.

Когда корабли Александра приблизились к городу и с них навели мостки на стену, гипасписты решительно взобрались по ним на стену; тогда Адмет явил свое мужество, и Александр последовал за ними, играя важную роль в деле (р. 249:) и подмечая у других каждый смелый поступок в условиях опасности. И первой была захвачена {та} часть стены, где находился сам Александр; тиряне были отброшены с нее без труда, как только македоняне вступили на твердь с очень тонких {мостков}. Адмет, первым взошедший на стену и побуждавший своих людей взбираться, был сражен копьем и погиб; следом за ним Александр овладел стеной вместе со своими гетайрами¹³⁵. Но даже после того, как стена была взята, тиряне не сдавались, а продолжали держаться.

А взятие города Газы стоило ему не меньшего труда¹³⁶. Ибо евнух по имени Бат, который управлял этим городом, не присоединился к Александру, но приведя арабских наёмников и какое-то время закупая зерно в количестве, достаточном для длительной осады, будучи уверенным, что это место никогда не будет взято силой, решил не допустить Александра в город.

¹³⁴ «Пешие друзья» (ἄσθητέροι) – элитное подразделение македонской пехоты (note 220).

¹³⁵ Аноним прерывает рассказ о взятии Тира в том месте, где начинается повествование о захвате города и карах, наложенных на его жителей. Вместо продолжения рассказа Арриана, Аноним добавляет от себя жизнеутверждающую фразу о том, что тиряне продолжали держаться даже после падения стены.

¹³⁶ Опустив неуместные в трактате «Как выдерживать осаду» ужасы, происходившие при падении Тира, Аноним возобновляет пересказ трактата Арриана (II:25.4 – II:27.7) [20, с. 101-103], чтобы изложить историю осады Александром Газы.

Газа находится примерно в 20 стадиях¹³⁷ от моря, путь к ней идет по глубокому песку, а {в} море напротив города – сплошные мели. Город Газа был большим, и построен на высокой насыпи, с мощной стеной, возведенной вокруг нее. Это было последнее населенное место в начале пустыни на пути из Финикии в Египет.

Когда Александр прибыл к городу, он в первый день разбил лагерь там, где стена казалась ему наиболее удобной для штурма, и он приказал собрать осадные механизмы. Однако механики выразили мнение, что стену будет сложно взять силой из-за (р. 251:) высоты холма. Но Александр решил, что чем это труднее, тем необходимее взять его, ибо достижение этого своей неожиданностью сильно напугает врага, тогда как невзятие его станет для него (Александра – В.Х.) позором, когда об этом сообщат грекам и Дарию. Он решил возвести вал вокруг города и так подвести {осадные} механизмы на том же уровне с [нового] вала. Он построил этот вал, в основном, против южной стены города, которую легче было захватить. И когда македоняне решили, что они построили вал подходящей высоты, они расположили на нем {осадные} орудия и подвели их к стене Газы. Тем временем, когда Александр совершал жертвоприношение, увенчанный венками, и собирался освятить первую жертву в соответствии с обрядом, хищная птица, пролетавшая над алтарем, обронила ему на голову камень, который она держала обеими лапами. Александр спросил прорицателя Аристандра, что означает это знамение, и тот ответил: «О, царь! Ты возьмешь город, но сегодня ты должен позаботиться о себе».

Услышав это, Александр держался некоторое время вне досягаемости {вражеских снарядов} возле орудий; но когда из города совершили большую вылазку и арабы попытались поджечь {осадные} орудия и стреляли со своей господствующей позиции по македонянам, которые защищались снизу, и даже обрушивали вниз [ново]построенный вал, Александр то ли намеренно ослушался провидца, то ли, вовлеченный в схватку, забыл о пророчестве, но, увлеченный своими гипаспистами, пришел на помощь македонянам там, где их наиболее жестоко теснили. Он предотвратил их позорное бегство с вала, но сам был сражен из катапульты, через щит и доспехи, в плечо. Но, осознав правоту Аристандра относительно ранения, он возрадовался, ибо решил, что действительно возьмет город согласно [предсказанию] Аристандра.

Его рану было трудно вылечить, но прибыли по (р. 253:) морю орудия, с помощью которых он взял Тир. Он повелел возвести вал вокруг всего города, шириной в два стадия¹³⁸, высотой в 250 футов¹³⁹. Затем, как только были построены и подняты на вал его орудия, была обстреляна значительная часть стены, там и тут были прорыты подкопы, {из которых} тайно выносили землю, пока стена не поддалась во многих местах, обрушиваясь в пустоты, в то время как македоняне контролировали большую территорию, оттесняя защитников передовой с башен своими снарядами; тем не менее, жители города, хотя многие были убиты и ранены, выдержали три штурма. Но в четвертый Александр послал македонские фаланги со всех сторон <и> в одном месте обрушил подрытую стену, в другом повалил большую {ее} часть там, где били его орудия, так что было несложно штурмовать с лестницами обрушенные участки. Итак, лестницы приставили к стене, и тогда началось большое соревнование среди македонян в утверждении своей

¹³⁷ Около 3,5 км.

¹³⁸ Более 250 метров.

¹³⁹ Более 75 метров.

доблести, кто первым взойдет на стену; первым вошел Неоптолем, один из гетайров из рода Эакидов. После него, отряд за отрядом, восходили со своими командирами. Как только часть македонян проникла за стену, они взламывали ворота за воротами, кто на какие натыкался, и так впустили всё войско. Жители Газы, хотя их город был уже захвачен врагом, тем не менее, сплотились [и] продолжали сражаться.¹⁴⁰

Император Тит, заключив, что непросто с его армией окружить город¹⁴¹ <из-за> труднопроходимой местности и большого размера [города], решил окружить всё (р. 255:) наружным и внутренним валами¹⁴². Начав с Ассирийского стана, где находился его лагерь, он провел вал до нижней [части] Нового города [и] оттуда через Кедрон до Елеонской горы; затем, повернув на юг, он окружил гору до скалы под названием «Голубятня», вместе с прилегающим холмом, находящимся над Силоамской долиной; отсюда, повернув на запад, он повел его вниз к долине Источника, затем он поднял его к усыпальнице первосвященника Ханана и, пересекши гору, где находился лагерь Помпея, повернул к Клемакореону¹⁴³, и проследовал к деревне, именуемой «Гороховый дом», а затем, охватив памятник Ироду, он соединил его на восточной стороне своего лагеря, откуда начал. Итак, вал был 39 стадиев длиной¹⁴⁴, а с внешней его стороны было построено 30 фортов, сумма окружностей которых составляла 10 стадиев¹⁴⁵. Всё было построено за 3 дня. Быстро окружив город и разместив войска в фортах, [Тит] лично совершил обход во время первой стражи ночи; вторую стражу он доверил Александру¹⁴⁶; за третью командиры легионов тянули жребий¹⁴⁷. Лишив, таким образом, евреев надежды спастись, они возобновили земляные работы, хотя древесину теперь раздобыть было трудно. Ибо [деревья] вокруг внутреннего города были срублены для предыдущих (р. 257:) работ, и воинам пришлось собирать бревна с расстояния в 90 стадий¹⁴⁸. Они возвели четыре вала только напротив Антонии, на четырех участках, и гораздо больше прежних.

КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ ТАЙНЫМ ОПЕРАЦИЯМ ВРАГА

И [примеры] такого рода, и столь выразительные, я описал в деталях, желая показать в сравнении, как это было, отвагу и славное мужество врагов в те времена, и как они, благодаря усердию, преуспевали в любом опасном и сомнительном предприятии, но, тем не менее, осажденные ими держались до конца. Но с тех пор, как я говорил, чужеземцы, вооружившиеся против нас,

¹⁴⁰ Как и в эпизоде со взятием Тира, Аноним опускает печальный финал взятия Газы, обрывая текст Арриана посреди фразы. Далее Арриан пишет (II:27.7) : «... и погибли все, сражаясь каждый на том месте, где он был поставлен. Детей и женицин Александр обратил в рабство. Город он заселил окрестными жителями, он стал для него на военное время крепостью» [20, с. 103].

¹⁴¹ Имеется в виду осада Иерусалима римлянами в 70 г. н.э. в ходе Иудейской войны. Аноним пересказывает ее по Иосифу Флавию (V:7.3 – V:12.4) [22, с. 348-370] со значительными пропусками тех частей текста, где говорится о внутриеврейском противостоянии и бедствиях осажденных жителей Иерусалима.

¹⁴² Наружный (циркумвальный) вал предназначался для обороны осадного лагеря римлян от нападения извне, а внутренний – для осадных действий.

¹⁴³ Аноним или его источник, видимо, некорректно передал словосочетание Иосифа Флавия «κλίμα βορείον» («север») как имя собственное (note 229).

¹⁴⁴ Около 7 км.

¹⁴⁵ Около 1,8 км.

¹⁴⁶ Имеется в виду начальник штаба Тита Тиберий Юлий Александр.

¹⁴⁷ Здесь Аноним вновь опускает фрагмент текста Иосифа Флавия (V.12.3-4) [22, с. 369-370], повествующий о страданиях и гибели от голода жителей Иерусалима, чтобы вернуться к рассказу с того места, где речь вновь идет об осадных действиях римлян (V.12.4) [22, с. 369-370].

¹⁴⁸ Около 16 км.

{стали} гораздо посредственнее, † и неприятели не воюют против наших городов такой большой численностью <и так тщательно готовясь>, что <осажденному стратигу необходимо иметь крупные силы>, а также готовить машины против очень больших операций, я имею в виду 100 против 60 магганик или даже 20 таранов; † но против не более чем 10 магганик и двух или, возможно, даже одного тарана, тебе не составит труда, о стратиг, <действуя энергично> и призывая неодолимую силу Господню, сокрушить их, не пренебрегая тем, что написано здесь. Ибо всякий раз, когда им не удается захватить город в открытом бою, у них есть всяческая необходимость обратиться к тайным операциям, которые требуют большой осторожности и величайшей изобретательности и † находчивости <...>¹⁴⁹ †. Ибо враг будет прилагать усилия не только в местах, против которых они легко могут разработать планы, но даже более того, в местах, которые трудно захватить, среди которых мы находим Сарды, захваченные царем Антиохом, и так называемую скалу Согдиана, захваченную Александром.

Ибо Александр, воюя против Дария и Оксиарта, царя Бактрии¹⁵⁰, подступил в самом начале весны к вышеупомянутой скале, на которой, как говорили, множество (р. 259:) согдийцев искало убежища. Жена Оксиарта Бактрийского и его дочери <тоже, говорят, спасались на этой скале>, Оксиарт, поскольку он отпал от Александра, разместился в этом месте в целях безопасности, ошибочно полагая, что оно неприступно. Ибо если бы оно было взято, вполне вероятно, что согдийцы, готовые восстать, останутся беззащитными. Но когда они (македоняне – В.Х.) приблизились к скале, Александр осознал, что она – отвесная со всех сторон {и} недоступна штурму, и что варвары запасли там провизии для долгой осады. Глубокий снег, лежавший на земле, затруднял македонянам подходы и, в то же время, в изобилии обеспечивал варваров водой. Тем не менее, [Александр] решил штурмовать это место. Ибо дерзкие заявления варваров добавили Александру страстного честолюбия. Когда {им} было предложено согласиться на условия, которые он выдвинул на основе того, что им разрешат невредимыми разойтись по домам, если они сдадут это место, они саркастически посоветовали Александру на своем родном языке поискать воинов с крыльями, чтобы {те} захватили для него гору, ибо другим людям это не под силу. Тогда Александр объявил, что первый, кто одолеет высоту, получит в награду 10 талантов, а второй – вторую [награду], также – третий и четвертый, а последний взбравшийся получит в награду 300 дариков¹⁵¹. Это заявление еще более подстегнуло уже рвавшихся в бой македонян.

Таким образом, когда были собраны те, кто имел опыт лазания по скалам в ходе осад, числом около 300, и приготовлены небольшие железные колья, которыми крепились [к земле] их палатки, чтобы закреплять их в снегу там, где он превратился в лед, а также в любом непокрытом снегом месте и, привязав колья к крепким льняным веревкам, они вступили ночью на ту часть скалы, которая была почти отвесной и менее всего охранялась. Они закрепили часть этих кольев в земле, там, где она была видна, другие – в снегу, где была {хотя бы} <минимальная> вероятность пройти, и (р. 261:), каждый на своем месте, втянули себя на скалу. Около 30 из них погибли при подъеме, так что их тела не были найдены для погребения, так как они там и тут падали в снег. Однако остальные к рассвету влезли, захватив вершину горы, и замахали льняными флагами в {сторону} македонского лагеря, как велел Александр. Затем он послал

¹⁴⁹ Возможно, здесь пропущены слова «в ответ на необходимость» (πρὸς τὰς χρείας) (note 240).

¹⁵⁰ Далее Аноним пересказывает текст трактата Арриана «Поход Александра» (IV:18.4-IV:20.4) [20, с. 149-151].

¹⁵¹ Дарик – персидская золотая монета более 8 граммов весом (Большая Российская энциклопедия. Т. 8.).

глашатая и приказал ему кричать в {направлении} передовой линии варваров, чтобы они больше не медлили, а сдавались, ибо он действительно нашел людей с крыльями, и вершина горы – в их руках; в то же время он указал на воинов на горе.

Варвары были изумлены неожиданным зрелищем и, решив, что захватившие высоту гораздо более многочисленны и лучше вооружены, они сдались – так они были напуганы видом этой кучки македонян.

Можно привести <другой пример> – так называемой скалы Хориена как чрезвычайно сильной позиции¹⁵². Она была отвесной со всех сторон, путь на ее вершину вел один, и к тому же узкий и едва проходимый, так как он был проложен без учета характера местности, и потому, был труден даже если никто не оказывал сопротивления, и при движении по одиночке. Скалу также окружало глубокое ущелье, так что всякий, кто собирался подвести армию к скале, сначала должен был засыпать большую часть ущелья, чтобы начинать штурм с ровного места.

Но Александр всё равно взялся за это дело, ибо полагал, что любое место доступно ему и может быть захвачено, до такой степени дерзости и удачливости он дошел. Итак, он нарубил сосен (ибо вокруг горы росло много высоких сосен) и изготовил (р. 263:) из них множество лестниц, чтобы войско могло спуститься по ним в ущелье, ибо иначе сойти туда было невозможно. Днем Александр лично руководил {выполнением} задачи, задействовав для работы половину своей армии. Ночью по очереди работали его телохранители: Пердикка, Леоннат и Птолемей сын Лага, с остальной частью армии, разделенной на три части и предназначенной для ночной работы. За день они продвигались не более чем на 20 локтей¹⁵³, ночью немного меньше, несмотря на то, что задействовано было всё войско; столь трудна была эта местность и так тяжела была работа. Спустившись в ущелье, они закрепляли колья в месте ущелья с самым быстрым течением¹⁵⁴, на таком расстоянии один от другого, чтобы их силы было достаточно для поддержания того, что будет положено поверх них. Затем они намеревались уложить поверх кольев плетенки из веток, наподобие моста и, связав их вместе, насыпать поверх них землю, чтобы путь армии к скале стал ровным.

Вначале варвары с презрением отнеслись к этому предпрятию как к совершенно бесполезному, но когда {македонские} стрелы стали уже долетать до скалы, в то время как сами они были бессильны сверху помешать македонянам (ибо те изготовили щиты против снарядов, чтобы не вредимо работать под ними), Хориен, изумленный происходящим, отправил к Александру глашатая с мольбой послать к нему Оксиарта.

¹⁵² Далее Аноним возвращается к пересказу трактата Арриана (IV:21.2 – IV:21.6) [20, с. 151-152].

¹⁵³ Локоть (в древней Греции) = 46,3 см. 20 локтей – 9,2 м.

¹⁵⁴ Видимо, имеется в виду самое узкое место ущелья.

VI

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

**ВЛИЯНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ТАВРИКЕ
НА КЕРАМИЧЕСКИЙ ЭКСПОРТ В ДОНО-ДОНЕЦКУЮ ЛЕСОСТЕПЬ
В VIII-X ВВ. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Суханов Е.В.

**Национальный исследовательский университет
«Белгородский государственный университет»**

Салтово-маяцкая культура Крыма является объектом глубоких исследований примерно с середины XX столетия. Раскопки ее археологических памятников осуществлялись В.П. Бабенчиковым [4], И.А. Барановым [5], А.В. Гадло [8], Д.Л. Талисом [24], А.Л. Якобсоном [27] и другими исследователями. В последние годы множество теоретических разработок в области крымской медиевистики было осуществлено А.И. Айбабиным [2], Ю.М. Могаричевым [14], В.В. Майко [13], В.Е. Наumenко [15], С.А. Плетневой [19], А.В. Сазановым [15], С.Б. Сорочаном [23].

Примечательной особенностью сегодняшнего состояния археологической изученности Таврики является наличие в научном сообществе диаметрально противоположных мнений относительно некоторых краеугольных вопросов истории данного региона в VIII-X вв. Наиболее активно дискутируются такие вопросы, как выделение крымской археологической культуры рассматриваемого периода в один из локальных вариантов салтово-маяцкой культуры, правомерность применения к крымской материальной культуре VIII-X вв. термина «провинциально-византийская культура», статус и характер хазарского присутствия в Таврике, причины гибели салтовской культуры Крыма.

За горячими дискуссиями вышеназванных и других исследователей, посвященными, несомненно, знаковым и определяющим событиям средневековой истории региона, уходят в тень те проблемы, обращение к которым целесообразно в контексте продолжающегося изучения салтово-маяцких древностей. Такое положение дел, безусловно, неоправданно. Одной из подобных проблем являются торговые контакты крымской Таврики в VIII-IX вв., прежде всего, в Доно-Донецком направлении, с носителями лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Актуальность исследований указанного вектора торговых связей обусловлена слабой изученностью, а также рядом следующих обстоятельств.

Во-первых, основными носителями лесостепного варианта салтовской культуры, как известно, были аланские, а также тюрко-болгарские кочевые и полукочевые племена, памятники которых широко представлены в Юго-Восточном Крыму и на территории Керченского полуострова [13, с. 155]. Образование масштабной государственной культуры территориальной протяженностью от верховий Дона и Северского Донца до Причерноморья и Прикаспия, не могло не повлечь за собой тесных культурных и торговых контактов между ее носителями, особенно на начальном этапе её существования.

Во-вторых, еще в 70-е гг. XX века А.Л. Якобсон отметил, что Таврика, а именно юго-восточная ее часть, заселенная праболгарами, в VIII-IX вв. переживала значительный хозяйственно-экономический подъём, вызванный генезисом производительных сил в крае, основным компонентом которого был рост гончарного производства [27, с. 29]. Выводы А.Л. Якобсона не потеряли своей правомерности и на сегодняшний день: на территории Крыма известно 35 гончарных центров по производству амфорной тары, 18 из которых подвергались раскопкам, что говорит об активном занятии местного, греко-византийского населения Крыма, виноделием и виноторговлей, т.е. промыслами, занятие которыми, как справедливо заметил А.А. Тортика, осуществлялось в регионе около 1500 лет без потери преемственности [25, с. 286].

В-третьих, обращаясь к вопросам керамического экспорта в доно-донецкую лесостепь позволяет значительный объем накопленного на сегодняшний день материала с памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, нуждающегося в определенных типологических и хронологических определениях.

В предлагаемом исследовании мы постараемся проследить влияние этнополитических процессов, происходивших на территории Таврики в рассматриваемый период, на характер, структуру и хронологию керамического экспорта в доно-донецкую лесостепь. Фактическое содержание этих процессов детально рассматривалось в монографии А.И. Айбабина [1], а также в некоторых публикациях В.Е. Науменко [15], В.В. Майко [12; 13], В.Н. Зинько, Л.Ю. Пономарева [9].

Крымский керамический экспорт в рассматриваемый период представлен изделиями двух групп: столовой и тарной посуды. Столовая посуда, в свою очередь, представлена кувшинами крымско-византийских типов, среди которых наиболее многочисленны кувшины-ойнохоя (в том числе, т.н. ойнохоя баклинского типа) и кувшины с растробовидным горлом. Такие сосуды широко представлены в материалах как поселенческих памятников, так и некрополей Крыма. Самая большая коллекция этой посуды происходит из археологических комплексов Скалистинского могильника, материалы которого опубликованы А.И. Айбабиным и В.Е. Веймарном [1]. Говорить об экспорте этой посуды мы можем благодаря сосудам, полученным при раскопках некоторых салтовских памятников верхнего течения Северского Донца.

Динамика распространения кувшинов крымского облика на памятниках доно-донецкой лесостепи выглядит следующим образом. Самая массовая коллекция этой посуды на территории Доно-Донецкой лесостепи происходит с салтовских могильников Верхнего Подонцовья: Красная Горка и Червоная Гусаровка. Единичные находки таких кувшинов известны по погребальным комплексам Нейталовского [16, рис. 2.1], Дмитриевского [18, рис. 75, 154] и Ржевского могильников [22, рис. 33-9]. В Поосколье известен один кувшин-ойнохоя с Волоконовского болгарского могильника [17, рис. 6.5], вне территории распространения салтовской культуры такие сосуды известны по Лысогорскому и Белогорскому могильникам, расположенным в долине р. Воронеж [7, рис. 16,4; 23.13]. Как видно из вышеизложенного, подавляющая часть керамического импорта столовой посуды происходит из погребальных комплексов могильников Верхнего Подонцовья, причем почти все они (кроме Дмитриевского), судя по погребальному обряду, не связаны с аланским этническим компонентом. Как известно, ямные погребения салтовской культуры, совершенные по обряду трупоположения, традиционно соотносятся с праболгарами [6, с. 329]. В.С. Аксенов и В.К. Михеев объясняют наличие большого количества крымской посуды в погребальных комплексах могильников Красная Горка и Червоная Гусаровка периодическими миграциями оставившего их населения [3, с. 349]. К.И. Красильников считает такое объяснение недостаточно убедительным, аргументируя свою позицию слабой распространенностью крымской столовой посуды в Степном Подонцо-

вье, куда она должна была в таком случае проникать в гораздо больших объемах [11, с. 69]. С.А. Плетнева в данном вопросе склонялась к точке зрения о том, что крымская столовая посуда приобреталась в Таврике непосредственными покупателями и транспортировалась на салтовские поселения степи и лесостепи [18, с. 144].

Последнюю из изложенных гипотез едва ли можно рассматривать как наиболее вероятную, так как, даже учитывая значительную мобильность и подвижность групп праболгарского населения, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни, подобные путешествия на значительные расстояния из лесостепного Подонцовья в Таврику были бы весьма затруднительны. Намного реалистичнее и логичнее выглядит концепция В.С. Аксенова и В.К. Михеева, однако в их интерпретации действительно имеется слабое место: она не объясняет, почему же периодически мигрирующие из Таврики группы праболгарского населения, имевшие прочные традиции использования столовой крымской посуды, не оседали, главным образом, на более приближенных к Крыму степных просторах Приазовья и Среднего Подонцовья, а продвигались гораздо севернее, в район верхнего течения Северского Донца. Как нам представляется, для попытки решения обозначенного выше вопроса, не лишним будет обратиться к этническим процессам, происходившим в Таврике в салтовский и несколько предшествующий ему периоды.

Несмотря на имеющиеся в научной среде разногласия относительно времени начала проникновения в Крым тюркоязычного населения¹, бесспорным остается факт их сосуществования в Таврике с местным греко-византийским населением. Так называемая византинизация материальной культуры праболгар, в первую очередь, проявилась в появлении в грунтовых могильниках Крыма кувшинов-ойнохой, которые, по наблюдениям И.А. Баранова, вытеснили в VIII в. столовые кувшины салтовского облика [5, с. 121]. Как уже было отмечено, самая многочисленная коллекция кувшинов крымского облика происходит из погребальных комплексов Скалистинского могильника, который находится в юго-западной части Крыма, неподалеку от которого, судя по всему, и находился один из главных центров их производства. Несмотря на то, что в историографии нет единой точки зрения относительно локализации центров производства ойнохой, приведенная выше позиция выглядит наиболее рациональной. Юго-запад Таврики был наиболее подвержен византийскому влиянию, а единственный достоверный пример производственного брака данных сосудов выявлен на Баклинском городище, находящемся в 6 км. от Скалистинского могильника. Однако не подвергается сомнению факт производства кувшинов-ойнохой и в других частях Таврики, так как они встречаются повсеместно на памятниках салтовской культуры Крыма. Показательным примером, иллюстрирующим вышесказанное, является ойнохой из постройки поселения Героевка-3, находящегося на Керченском полуострове. Своей формой сосуд напоминает ойнохой баклинского типа, но состав формовочной массы, включавшей в себя отошители в виде морской ракушки, кварцевого песка и шамота, а также грубый врезной орнамент, характерный в салтовское время для болгарских традиций декорирования сосудов, который заменил обычный для баклинских ойнохой орнамент, выполненный ангобом, указывают на то, что рассматриваемый кувшин был изготовлен местными гончарами [20, с. 218].

Вытеснение в некрополях ойнохойми сосудов собственно салтовского облика, а также попытки праболгарскими гончарами перенять форму кувшинов ввиду ее популярности, говорят о достаточно мощном воздействии греко-византийского населения на быт и производственные традиции тюрков, происходившем в 1-й пол. VIII в. Как видно из вышеизложенного, тесное хозяйственно-бытовое взаимодействие могло обуславливать появление и утверждение прочных традиций использования столовой посуды крымско-византийского облика у некоторых групп тюркоязычного населения. По всей видимости, подобному процессу на протяжении определенного периода времени были подвержены группы населения, оставившие впоследствии в доно-донецкой лесостепи могильники с крупнейшими на сегодняшний день кол-

---

¹На сегодняшний день можно выделить три точки зрения, относительно начала проникновения тюрков в Крым. Согласно двум из них, этот процесс начинается в конце VII века с активного вторжения хазар, третья точка зрения, которая высказана в ряде последних работ Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова, отрицает появление тюрков в Таврике в VII в., так как оно не фиксируется археологически. Проникновение салтовцев-праболгар, согласно их теории, начинается лишь в середине VIII века.

лекциями кувшинов крымского облика. При этом достаточно близкое расположение друг к другу могильников Красная Горка и Червоная Гусаровка, по нашему мнению, говорит о том, что миграция осуществлялась крупным анклавом, включающим в себя несколько племенных объединений, т.е. обычай использования крымской столовой посуды был привнесен в доно-донецкую лесостепь относительно одновременно. Датирующие вещи из погребальных комплексов Красной Горки и Червоной Гусаровки, обнаруженные вместе с сосудами крымских типов, находят свои аналогии в материалах крымских некрополей, датирующихся 2-й половиной VIII– началом IX вв. Особую схожесть в погребальном обряде могильника Червоная Гусаровка, выраженную в форме и ориентировке грунтовых ям, имеют могильники на холме Тепсень и Кордон-Оба, расположенные в юго-восточном Крыму, этнокультурная принадлежность которых в историографии определяется как праболгарская [3, с. 350]. Кроме того, исследователями отмечается досалтовский период в существовании городища Тепсень, что может свидетельствовать об осязаемом византийском влиянии на хозяйственный уклад праболгар и в собственно салтовский период, что наглядно проявилось в начавшейся примерно с сер. VIII в. христианизации местного населения [12]. Сопоставляя изложенные выше факты, привлекательным выглядит определение территории юго-восточной Таврики исходным пунктом миграции групп праболгар, имевших тесные контакты с греко-византийским местным населением и, как следствие, прочные традиции использования столовой посуды крымско-византийского облика, отправившейся в последующем в верховья Северского Донца. Проникновение кувшинов крымско-византийских типов в других местах доно-донецкой лесостепи в таком случае можно объяснить не иначе как результатами хозяйственно-культурного обмена, происходившего в лесостепном Подонье в рассматриваемый период. Однако, в конце VIII – начале IX вв. они начинают уступать место в захоронениях салтовским столовым сосудам, что демонстрируют, в том числе, материалы могильника Червоная Гусаровка [3, с. 351-352], а в местном гончарстве постепенно утверждаются подражания сосудам крымского облика, что в определенной степени, является отголосками византийского влияния на салтовцев.

Несколько иной выглядит ситуация с Волоконовским древнеболгарским могильником, появление которого связывают с переселенцами из степного Поосколья или Подонья, комплексы которого содержат два сосуда крымского облика. Здесь мы имеем дело с поздним памятником, появление которого определяют приблизительно концом IX века, а время функционирования – сроком не более чем 40-60 лет. Это говорит о том, что население, его оставившее, не имело тесных контактов с праболгарами Верхнего Подонцовья. Очевидно, что появление крымских кувшинов у населения, оставившего могильник, произошло в период, предшествующий его миграции в лесостепное Поосколье.

Продолжая рассматривать проблему возможности этнополитических влияний в Таврике на керамический экспорт, мы не можем обойти стороной такую категорию находок, как амфорная тара, которая производилась в салтовское время во многих гончарных центрах юго-западного, южного и юго-восточного Крыма. Эта посуда неоднократно рассматривалась в научной литературе, существует множество локальных и региональных классификаций данной тары [5; 12; 27], за которой в историографии в последнее время закрепилась атрибуция амфор “причерноморского” типа. Проникновение в Доно-Донецкую лесостепь причерноморских амфор имело несколько иную специфику, так как эти сосуды, являясь торговой тарой, служили емкостью для транспортировки товара, пользовавшегося стабильным спросом, которым являлось производившееся в Таврике греко-византийским населением вино. Подтверждением того, что амфорная тара, по большей мере, использовалась для транспортировки именно этого вида товара, служит граффити на стенке одной из амфор с могильника у с. Маяки, которое было успешно переведено С.Г. Кляшторным. Надпись отнесена исследователем к восточно-европейской разновидности рунического письма, переведена как: “*X (ед). всего, (сюда) X (мер) входит. Белое сухое вино*” [10]. Появление в юго-восточной части Таврики тюрков-праболгар выступило катализатором установления достаточно прочных торговых связей с доно-донецкой лесостепью, в осуществлении которых немалая роль, по всей видимости, принадлежала Боспору и Керченскому проливу – черноморской морской артерии, которая открыла выход на Доно-Донецкий речной путь, известный еще с античности. Таким образом, если столовая посуда крымско-византийских типов проникла в лесостепь вместе с населением,

имевшим прочные традиции ее использования, то появление амфор имело явно торговый характер. При этом, достаточно дискуссионным является вопрос о механизмах этого проникновения. Весьма логичным выглядит мнение А.А. Тортика, который не сомневается в осуществлении торговли речным доно-донецким путем, основными контрагентами в которой выступали искусенные в этом промысле евреи из фанагорийской Таматархи и византийские греки [25, с. 286]. Однако, автор сам же отмечает, что в древности Северский Донец был еще менее полноводной рекой [25, с. 288], чем в современности, вследствие чего судам, следовавшим в Верхнее Подонцовье, приходилось преодолевать волоком по несколько отмелей. С другой стороны, нельзя исключать возможности осуществления известной в рассматриваемую эпоху налаженной караванной торговли, в пользу которой, однако, может говорить лишь тот факт, что с VIII века в амфорном производстве Крыма наблюдается тенденция отказа от остродонных форм, преобладавших в V-VII вв., и замена их круглодонными сосудами. Это могло быть обусловлено изменениями в способах транспортировки амфор на большие расстояния. Тем не менее, эти трансформации формы сосудов можно объяснить с утилитарной точки зрения: даже по прибытии в крупные салтовские города Доно-Донецкой лесостепи речным путем, амфорам предстояло вместе с непосредственным покупателем преодолевать определенные расстояния от торгового пункта до поселения своего покупателя посуху.

Трансформация системы хазаро-византийских отношений, происходившая в Таврике в 30-е гг. IX века, позволяет поднять вопрос о ее влиянии на хронологию керамического экспорта в Доно-Донецкую лесостепь. Изменения этнополитической картины, которая сложилась в середине VIII века (опять же, подчеркнем дискуссионность вопроса об их сущности и статусе хазарского присутствия в Крыму), связана с утверждением Херсонской фемы, которая в последующем стала центром черноморской торговли. Вопрос о влиянии данного события на изменение объемов экспорта крымского вина в Доно-Донецкую лесостепь не подвергался прежде специальным исследованиям, однако, в историографии существуют несколько точек зрения относительно более глобального вопроса – влияния этнических движений в степях Подонья и Приазовья на экономические связи с Крымом в IX веке. Так, по мнению К.К. Цукермана, приближение к середине 30-х гг. IX века венгров с северо-востока к причерноморским землям, затрудняло связи хазар с Крымским полуостровом [26, с. 678]. Это обстоятельство, в свою очередь, не могло не сказаться на снижении объемов экспорта. А по мнению А.А. Тортика, вплоть до появления на Дону печенегов в конце IX века, не было никаких препятствий для осуществления налаженной виноторговли посредством доно-донецкого речного пути [25, с. 285].

Наша позиция в этом вопросе опирается, во-первых, на имеющийся нумизматический материал с салтовских памятников доно-донецкой лесостепи. Рассматривать арабские дирхемы с Верхнего Салтова, относящиеся по большей части к последней трети VIII века, в качестве прямого доказательства попадания причерноморских амфор с вином именно в этот отрезок времени, мы можем с достаточной степенью условности. Однако, появление в лесостепи нескольких закрытых комплексов с нумизматическим материалом [21, с. 8;16], относящимся к указанному периоду, позволяет говорить о последней трети VIII – начале IX вв. как о периоде наибольшей внешнеторговой активности данной территории. Во-вторых, утверждение Херсонской фемы, как известно, вело к значительному усилению политического и экономического влияния Византии на Крымском полуострове. Очевидно, что это обстоятельство, в свою очередь, вело к переориентации экономически активного населения Таврики в торговой сфере, главным образом, на Византийскую империю и прилегающие территории. Археологически это подтверждается появлением с конца IX века в Херсонесе импортных сфероёмкостных и грушевидных амфор [27, с. 73; 83]. В свою очередь, контрагенты, прежде участвовавшие в виноторговле с кочевыми и полукочевыми племенами салтовской лесостепи, по всей видимости, также переориентировали свои интересы на более выгодную и экономически привлекательную византийскую сторону. Такая трансформация системы приоритетов во внешнеторговой политике, безусловно, не могла не способствовать сначала значительному сокращению в 30-40-е гг. IX в. объёмов поставок вина в Доно-Донецкую лесостепь, а в дальнейшем – полному их прекращению. Однако отметим, что проследить археологически процесс затухания виноторговли довольно сложно и теоретически она могла осуществляться вплоть до конца IX

века, т.е. появления в донских степях печенегов [25, с. 285]. Ввиду вышесказанного, более точное определение верхней границы периода осуществления экспорта вина во многом зависит от накопления материала и является, на наш взгляд, задачей отдельного исследования.

Таким образом, движения этнического и политического характера, которые мы склонны объединять в определение “этнополитические процессы”, ввиду их видимой взаимосвязи, оказали существенное влияние на керамический экспорт в доно-донецкую лесостепь. В заключение тезисно отметим основные выводы, сделанные в ходе исследования.

1. Структура керамического экспорта Таврики в доно-донецкую лесостепь была неоднородна, со временем она претерпевала изменения, а попадание крымской посуды было следствием как торговых отношений, так и миграций определенных групп населения.

2. Хозяйственно-бытовое взаимодействие заселившихся в VIII в. на территорию Крыма тюрко-болгар с обитавшим здесь ранее греко-византийским населением, сыграло решающую роль в появлении в доно-донецкой лесостепи столовой посуды крымско-византийских типов. В свою очередь, традиция ее использования была занесена в лесостепь относительно единовременно, посредством миграции нескольких крупных племенных групп тюрков-праболгар из юго-восточной Таврики в верховья долины р. Северский Донец.

3. Сложившаяся в Таврике к середине VIII в. достаточно спокойная этнополитическая ситуация стимулировала развитие прочных торговых связей с доно-донецкой лесостепью, период интенсивности которых продлился до начала трансформации хазаро-византийских отношений в Крыму, т.е. до 30-х гг. IX в.

4. Создание Херсонской фемы оказало негативное влияние на торговые контакты с доно-донецкой лесостепью, привело к сокращению объемов экспорта вина уже в конце I-й пол. IX в., переориентации экономически и торгово активного населения Крыма на византийский рынок. В дальнейшем этот процесс трансформировался в полное прекращение торговых контактов, в том числе, по причине появления в степях Подонья и Приазовья новых кочевников, затруднявших торговые контакты. Неясными остаются лишь точные хронологические рамки указанного выше процесса, а также его динамика: предшествовало ли прекращению импорта амфорной тары первоначальное сокращение его объемов, либо это было относительно скоротечным явлением.

5. 1-я половина X в., как период, относящийся к существованию салтово-маяцкой культуры, явно выпадает из хронологии торговых контактов Таврики и Доно-Донецкой лесостепи.

Источники и литература.

1. Айбабин А.И., Веймарн Е.В. Скалистинский могильник. К., 1993. 204 с.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
3. Аксенов В.С. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 344-352.
4. Бабенчиков В. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
5. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. 168 с.
6. Винников А.З., Сарапулкин В.А. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры лесостепного Поосколья // Проблемы на прабългарската история и култура, София, 2007. С. 313-332.
7. Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984. 192 с.
8. Гадло А.В. К истории восточной Таврики в VIII-X вв. // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 130-145.
9. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 186-200.
10. Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА. 1979. № 1. С. 270-274.
11. Красильников К.И. Население Степного Подонцовья в хазарское время // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника “Дивногорье”. Вып. 1. Воронеж, 2009. С. 52-82.
12. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004, 316 с.
13. Майко В.В. Территориальные группы праболгарских памятников Таврики VII-первой половины X вв. // Проблеми на прабългарската история и култура, София, 2007. С. 151-166.
14. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. ПИФК. 2002. № 12. С. 469 – 509.
15. Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. 2002 № 12. С. 544-568.
16. Пархоменко О.В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII-X ст. // Археологія, 1983, № 43. С. 134-151.

17. Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА, № 3, 1976. С. 279-298.
18. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Изд-во «Наука», 1989. 286 с.
19. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., 1999. 352 с.
20. Пономарев Л.Ю. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья (Материалы IV Боспорских чтений). Керчь, 2003. С. 217-221.
21. Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках могильников салтово-маяцкой культуры в Шебекинском районе Белгородской области в 2004 году. // Архив кабинета археологии НИУ «БелГУ». Белгород, 2005.
22. Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках грунтового могильника салтово-маяцкой культуры у с. Ржевка Шебекинского района Белгородской области в 2006 году. // Архив кабинета археологии НИУ «БелГУ». Белгород, 2007.
23. Сорочан С.Б. Византия и Хазария в Таврике: господство или condominium // ПИФК. 2002. № 12. С. 44-70.
24. Талис Д.Л. Некоторые проблемы исследования раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. 1961. Т. XIX. С. 240-259.
25. Тортика А.А. Доно-Донецкий речной путь, лесостепное Придонецье и византийская Таврика в VIII – X вв.: характер и направления торговых связей // Боспорские чтения. 2006. № 7. С. 282 – 286.
26. Цукерман К.К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 г. // МАИЭТ. 1998, т. VI. С. 663-688.
27. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 163 с.

Сокращения.

АДСВ –	Античная древность и средние века
ВВ –	Византийский временник
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
ПИФК –	Проблемы истории, филологии, культуры
СА –	Советская археология

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

†Кузищин

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
(01.11.1930-28.02.2013)

Доктор исторических наук, профессор, заслуженный профессор МГУ, советник декана исторического факультета МГУ, заведующий кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, профессор кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, академик Российской Академии гуманитарных наук, лауреат Ломоносовской премии. Инициатор проведения Лазаревских чтений

* * *

АРУТЮНЯН

Лариса Владимировна

Кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной подготовки Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета

ДНЕПРОВСКИЙ

Николай Викторович

Выпускающий редактор издательства «Невская лавра» (г. Санкт-Петербург)

КРАСНИКОВА

Екатерина Александровна

Аспирант кафедры российской и всеобщей истории Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет»

ЛЕЙБЕНСОН

Юлия Тарасовна

Аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им.В.И.Вернадского

НОВИКОВА

Ольга Владимировна

Преподаватель Южноукраинского национального педагогического университета (УКП в г. Севастополе)

ПРОХОРОВА

Татьяна Александровна

Аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им.В.И.Вернадского

РЕПИНА

Екатерина Васильевна

Аспирант кафедры российской и всеобщей истории Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет»

УШАКОВ

Сергей Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник отдела античной археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины

ФОМИН

Михаил Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и социальных наук Харьковского торгово-экономического института Киевского национального торгово-экономического университета.

ХАПАЕВ

Вадим Вадимович

Кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

ЧОРЕФ

Михаил Михайлович

Соискатель Тюменского государственного университета

ЯКУШЕЧКИН

Александр Валентинович

Исследователь (г. Симферополь)

* * *

СУХАНОВ

Евгений Владимирович

Студент IV курса исторического факультета Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет»

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Древняя и средневековая история Причерноморья» на X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2012 года / под общей редакцией **В.И. Кузицина**.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

С.В. УШАКОВ, В.В. ХАПАЕВ

КОРРЕКТОР:

Е.В. СТРУКОВА

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 25.03.2013 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 24,25 п.л., уч. изд. л. 12,25.
Распространяется через сеть Интернет**

